

ФЕЛЬДМАРШАЛЫ
ГИТЛЕРА
И ИХ БИТВЫ

ФЕЛЬДМАРШАЛЫ ГИТЛЕРА И ИХ БИТВЫ

Сэмюел Митчем

МИР В ВОЙНАХ

ФЕЛЬДМАРШАЛЫ
ГИТЛЕРА
И ИХ БИТВЫ

Сэмюел Митчем

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1998

УДК 943. 0 (093)

ББК 63.3 (4Г)

М66

Серия основана в 1998 году

Перевод с английского

И. Соколова гл. 1–4

А. Бушуева, Т. Бушуевой гл. 5–13,

С. Минкина гл. 14–20

Научный редактор *А. Борозняк*

Художник *А. А. Шуплецов*

Митчем С.

М 66 Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. /Пер. с англ.
И. Соколова, А. Бушуева, Т. Бушуевой, С. Минкина;
Худож. А. Шуплецов. – Смоленск: «Русич», 1998. –
576 с.- («Мир в войнах»).

ISBN 5–88590–866–4

ISBN 0–8128–8542–2

Кто такой Федор фон Бок? Какую роль в становлении гитлеровской военной машины играли Вильгельм фон Лееб, Вильгельм Кейтель и другие высшие командующие фашистской армии? На эти и многие другие вопросы дает ответ эта книга, в которой собраны жизнеописания 25 фельдмаршалов «третьего рейха». На суд читателей представляется уникальное исследование человеческой природы тех, кто развязал самую кровавую войну в истории человечества.

УДК 943.0(093)

ISBN 5–88590–866–4

ББК 63.3(4Г)

ISBN 0–8129–8542–2

"Hutler's Field Marshals and Their Battles"

© by Samuel W. Mitcham, Jr., 1990

© И. Соколов, А. Бушуев, Т. Бушуева, С. Минкин,
перевод, 1997

© Составление, разработка серии. «Русич», 1998

© А. А. Шуплецов, оформление, 1998

Ф Е Л Ъ Д М А Р Ш А Л Ы Г И Т Л Е Р А И И Х Б И Т В Ы

ВЕРНЕР ФОН БЛОМБЕРГ
ВАЛЬТЕР ФОН БРАУХИЧ
ЭВАЛЬД ФОН КЛЕЙСТ
ВАЛЬТЕР ФОН РЕЙХЕНАУ
РИТТЕР ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ЛЕЕБ
ФЕДОР ФОН БОК
ВИЛЬГЕЛЬМ КЕЙТЕЛЬ
ЭРВИН РОММЕЛЬ
ЗИГМУНД ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИСТ
БАРОН МАКСИМИЛИАН ФОН ВЕЙХС
ФРИДРИХ ПАУЛЮС
ЭРИХ ФОН МАНШТЕЙН
ГЕОРГ ФОН КЮХЛЕР
ЭРНСТ БУШ
ГЕРД ФОН РУНДШТЕДТ
ГЮНТЕР ФОН КЛЮГЕ
ВАЛЬТЕР МОДЕЛЬ
ЭРВИН ФОН ВИЦЛЕБЕН
ФЕРДИНАНД ШЕРНЕР
МАРШАЛЫ ЛЮФТВАФФЕ:
Герман Геринг, Эрхард Мильх,
Альберт Кессельринг, Гуго Шперль,
барон Вольфрам фон Рихтгофен
и Риттер Роберт фон Грайм

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМ ДОБРЫМ ДРУЗЬЯМ
ДОКТОРУ ДЖОНУ ЛЬДИСУ
И ДОКТОРУ ЛОРРЕЙН НАРТФИЛД.

ВЫРАЖЕНИЕ

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Мне бы хотелось поблагодарить моего университетского наставника доктора Чарльза С. Айкена из университета штата Теннесси за помощь, которую он оказывал на протяжении всей моей карьеры. Я хотел бы также выразить свою благодарность сотрудникам Национального архива в Вашингтоне, округ Колумбия, и департамента истории воздушного Университета ВВС на базе Максвелл, штат Алабама, за их помощь в подготовке этой книги. Особого упоминания в этой связи заслуживают и мои друзья Фридрих фон Штауффенберг и доктор Роз Мак Кеон-Айс.

Искренняя благодарность выражается Пауле Леминг, профессору иностранных языков Гендерсоновского университета в г. Аркадельфия, штат Арканзас, за ценную помощь при вычитке рукописи. Я хочу также поблагодарить доктора Сиднея Р. Джаммера из Университета штата Теннесси за его помощь и советы.

Я совершил бы несправедливость, не поблагодарив своих родителей мистера и миссис Уэйн Митчем и братьев Стива и Марка за все, что они сделали для меня за многие годы. Я хочу поблагодарить доктора Чарльза Данна и Джо Т. Кларка из Гендерсоновского университета и отдела научных исследований того же университета за поддержку, оказанную мне при отыскании необходимых документальных источников. Спа-

сibo также доктору Энн Смит и мисс Донне Паундз за чтение корректуры этой рукописи.

И наконец, но не в последнюю очередь, я хочу поблагодарить сотрудников библиотеки Хью, которые помогали мне в моих исследованиях, особенно много-страдальную миссис Барбару Робертс, которая весьма терпеливо относилась к моим непрерывным запросам межбиблиотечному абонементу.

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже долгое время я не могу избавиться от чувства, что в истории второй мировой войны существует пробел. Нигде ни на английском, ни на немецком языках не было издано подробного исследования жизненного пути и кампаний девятнадцати фельдмаршалов германской армии, прослуживших в ней в этом чине с 1933 по 1945 год, то есть фельдмаршалов нацистской эры. Эта книга имеет своей целью заполнить вышеуказанный пробел.

Когда в 1933 году Адольф Гитлер пришел к власти, чин фельдмаршала был высшим в германской армии и считался заветной целью каждого немецкого солдата. В то время ни один из фельдмаршалов не находился на действительной службе более десяти лет. Бывший баварский ефрейтор изменил все в корне, начиная с 1935 года. В течение следующих десяти лет он присвоил чин фельдмаршала двадцати пяти высшим офицерам (девятнадцати армейским и шести авиационным). Двадцать три из них удостоились этого звания после капитуляции Франции в июне 1940 года.

Фельдмаршалы составляли элиту нацистской Германии. Имея за своей спиной многовековые традиции прусского милитаризма, они внушали почтение, уважение и страх — самые авторитетные воины самой могущественной армии мира в 1940 году. Фельдмаршалы и их иногда даже более талантливые подчиненные одер-

жали ряд впечатляющих побед. Польша сопротивлялась один месяц, Дания продержалась несколько часов, Норвегия (за исключением Нарвика) была завоевана очень быстро, так же как и Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Франция, Югославия и Греция. Следует добавить, что и британской армии пришлось дважды поспешно оставлять европейский континент. Захвачены были Украина, Белоруссия, Донбасс, Литва, Латвия и Эстония. Германские войска застряли лишь в шестидесяти милях от Александрии и в непосредственной видимости самого Кремля.

В конечном счете, все распалось. Из девятнадцати фельдмаршалов к концу войны на действительной службе оставалось всего лишь два. С одним случился инфаркт на Восточном фронте, и он умер несколько дней спустя; другой погиб вместе с семьей, разорванный в клочья бомбами британской авиации. Не меньше трех совершили самоубийства: двое по причине своего соучастия в заговоре с целью свержения Гитлера, а один потому, что его армия была окружена, и ему пришлось выбирать между пленом и смертью. Один (Фридрих Паулюс) уже выбрал капитуляцию, а другого раздели догола и повесили на рояльной струне за участие в покушении на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года. Остальные же десять были бесславно уволены в отставку.

А затем начались процессы над военными преступниками. Одного фельдмаршала казнили, а четверо других скончались в тюрьме. Остальные получили различные сроки тюремного заключения, от трех лет и выше. Не судили лишь одного, Максимилиана фон Вейкса, который был освобожден в 1947 году из-за плохого состояния здоровья.

Гитлеровские фельдмаршалы во многом отличались друг от друга. Все они были профессиональными солдатами, которые в первой мировой войне служили кайзеру, а во второй — фюреру.

Двенадцать из девятнадцати имели к своим фами-

лиям аристократическую приставку «фон», а семнадцать вышли из стен генерального штаба. На этом сходство кончается. Их происхождение разнится настолько, насколько это можно представить. Отец и дед Эрвина Роммеля были школьными учителями. Отец Паулюса владел книжным магазином. Вильгельм Кейтель родился в семье земледельца. Отец Фердинанда Шернера был офицером полиции, а Вальтер Модель вырос в бедности. Вальтер фон Браухич, Эвальд фон Клейст, Вальтер фон Рейхенау, Федор фон Бок и Герд фон Рундштедт были потомками прусских генералов, а у Эриха фон Манштейна генералами были как отец, так и отчим. Отец Зигмунда Вильгельма Листа был врачом-психиатром в Вюртемберге, а фон Вейхс принадлежал к антальской знати. До войны трое (Вильгельм фон Лееб, Роммель, Модель) держали в руках писательское перо, а Роммель, будущий «лис пустыни», получал довольно солидные суммы в качестве авторских гонораров. Два фельдмаршала написали книги после войны — фон Манштейн будучи уже в отставке, а Кейтель в тюремной камере, ожидая исполнения смертного приговора. Вернер фон Бломберг также не удержался от искушения попробовать свои силы на писательском поприще и написал автобиографию, однако настолько коряво, что ни один издатель не решился ее опубликовать.

Девять будущих фельдмаршалов начинали свою военную карьеру в пехоте, шесть в артиллерии, два в кавалерии, один служил сапером в баварской армии, и еще один получил свой первый лейтенантский чин в альпийском подразделении (так назывались горные стрелки). Ни один не был произведен в офицеры, служа в танковых войсках, которых как отдельного вида сухопутных войск до середины 30-х годов вообще не существовало, однако позднее четверо из них командовали танковыми армиями. Самым старшим по возрасту был фон Рундштедт, родившийся 2 декабря 1875 года.

Он уже был лейтенантом, когда в Мюнхене в квартале, где проживали семьи с достатком ниже среднего, еще только родился самый молодой из будущих фельдмаршалов.

Значительно разнились между собой эти офицеры как личности и по своим политическим взглядам. Фон Рундштедт был ленив от природы, а Роммель отличался неутомимой трудоспособностью. Модель же был похож на обнаженный электрический провод (человек — ди-намо-машина). Барон фон Вейхс отличался глубокой религиозностью, так же как и риттер* фон Лееб. Зато Шернер и фон Рейхенау отдавали приказы о казнях, не задумываясь, лишь бы имелся хоть малейший предлог. Некоторые, такие как Кейтель, были искренне преданы фюреру и идеалам нацизма, а другие, такие как Лееб, находились в оппозиции к режиму с самого начала, а один (Эрвин фон Вицлебен) замышлял убийство Адольфа Гитлера. Некоторых можно было назвать нацистами, другие нацистов презирали. Но большинство просто не поддерживали нацизм, не являясь в то же время его активными противниками в отличие от антифашистов. На фон Клейста можно наклеить ярлык монархиста, в то время как Рейхенау был явным приспособленцем. Другие со временем меняли свои взгляды. Например, Кейтель из аполитичного бюрократа в мундире превратился в активного сторонника Гитлера, а Роммель, наоборот, из сочувствующего нацистам вырос в антифашистского заговорщика. Большая часть остальных находилась где-то посередине.

Отличаясь по своим политическим взглядам, фельдмаршалы еще больше отличались в вопросах морали. Фон Браухич держал на своем ночном столике Библию, однако развелся с женой, чтобы жениться на любовнице. Фон Клейст был примерным семьянином, а Ром-

* Риттер — дворянское звание в германской империи (здесь и далее примечания редактора).

мель, что называется, находился под каблуком у жены, которая изводила его мелочными придирками. Модель сотрудничал с СС в проведении «эвакуации» советского гражданского населения (в особенности евреев), а Георг фон Кюхлер категорически отказался помогать зондер-командам СС в Польше и России и делал все возможное для облегчения страданий советских граждан. Эрвин Роммель, отличавшийся независимостью мышления, передавал итальянцам евреев и попавших в плен британских солдат, вместо того чтобы казнить их, и тем самым нарушал приказ фюрера, который не допускал никаких двусмысленных толкований. Эвальд фон Клейст шел еще дальше. Он вызвал старших чинов оккупационной администрации и СС в свой штаб, устроил им разнос и предупредил, что не потерпит в зоне своего командования никаких массовых расправ.

Отдельные фельдмаршалы обладали довольно гибкими понятиями в области морали. Фон Браухич фактически принимал от Гитлера взятки и по его просьбе увольнял своих соратников. Фон Манштейн в 1934 году в официальном выступлении резко отозвался об антиеврейском законодательстве, но в конце 1941 года выпустил приказы, обосновывавшие необходимость «строгого, но справедливого отмщения недочеловекам — евреям»¹. И он был не единственным, кто «перекра-сился».

Если уж взгляды фельдмаршалов на политику и мораль всегда вызывали дискуссию, то вопрос об их профессиональных способностях породил еще более ожесточенные споры. Как правило, историки сходятся на том (хотя и здесь нет полного единодушия), что Манштейн обладал полководческим гением высшего калибра. Лучшим в сфере тактики в течение десятилетий считался Эрвин Роммель, хотя за последние годы и здесь наметилась ревизия уже устоявшихся оценок. Фон Бломберг, оказавшийся отличным организатором, так и не получил шанса испытать свой полководческий

дар в бою, и то же самое можно сказать об Эрвине фон Вицлебене. Занимаясь исследованием данной проблемы, я пришел к одному вполне определенному выводу: в целом гитлеровские фельдмаршалы представляли собой плеяду на удивление посредственных военных деятелей. А уж гениями науки побеждать их и подавно не назовешь. Паулюс, попавший в плен в Сталинграде, был явным неудачником, каким оказался затем и Эрнст Буш, чья группа армий была фактически уничтожена летом 1944 года в районе Витебска и Минска. Еще большим неудачником оказался Вильгельм Кейтель, возглавивший верховное командование вооруженных сил (ОКВ)* и являвшийся всего лишь послушной марионеткой Адольфа Гитлера. Раболопно выполняя волю последнего, он способствовал многим поражениям. Что касается других, то их не так просто разнести по определенным категориям. У Федора фон Бока блестящие успехи сочетались с провалами. Барон фон Вейхс неплохо справлялся с поставленными задачами, но до определенного уровня. Командование большой группой армий на Восточном фронте оказалось ему не по плечу, хотя позднее он неплохо проявил себя на Балканах. Зигмунд Вильгельм Лист был отличным командующим пехотными армиями, но во Франции в 1940 году столкнулся с трудностями, когда пришлось использовать бронетанковые соединения. Тем не менее, я считаю, что его явно недооценивают. То же самое относится и к Эвальду фон Клейсту, прусскому кавалеристу, чьи идеи могли принести победу на Востоке, если бы у Гитлера хватило проницательности прислушаться к ним. С другой стороны, Гюнтер фон Клюге на посту главнокомандующего группой армий проявил себя весьма посредственно, принимая ближе к сердцу свои собственные интересы, а не нужды своих подчиненных. Его склонность выискивать козлов отпущения дорого

* Кейтель в 1938-1945 гг. был начальником штаба ОКВ.

обошлось вермахту, лишенному услуг таких генерал-полковников, как Гейнц Гудериан и Адольф Штраус, а также некоторых других.

На Востоке Георг фон Кюхлер неплохо зарекомендовал себя, руководя оборонительными сражениями, так же как и Фердинанд Шернер. Последний, однако, отличался жестокостью, в то время как фон Кюхлер щадил жизни своих солдат и сравнительно гуманно относился к советскому населению в полосе действий своих войск. Свой гнев он направлял на партизан. Шернер же за малейшую провинность приказывал казнить любого офицера, не достигшего генеральского чина.

Еще одним полководцем с противоречивым послужным списком был Вальтер Модель, получивший чин фельдмаршала в числе последних. Сделав отличную карьеру на Востоке, он добился совершенно противоположных результатов на Западе (за исключением Арнема*). Хотя вопрос остается спорным, смог бы кто-нибудь другой на его месте достичь лучшего до сражения в Рурском котле. Здесь Модель, который к тому времени впал в депрессию, опустил и запил, а одно время даже помышлял о самоубийстве, провел худшую битву в своей, в общем-то, великолепной карьере. Пожалуй, из германских генералов, жизни и кампании которых было бы наиболее полезно изучить во всех подробностях, Вальтер Модель заслуживает самого пристального внимания, хотя к этому имени я тут же добавил бы Листа, Ганса Эбербаха и Германа Гота.

Риттер Вильгельм фон Лееб был тем фельдмаршалом, чьи таланты неверно использовались в ходе второй мировой войны. Эксперт по организации обороны, он в 1939 и 1940 годах держался в тени. К его помощи

* Арнем — нидерландский город в нижнем течении Рейна, где в сентябре 1944 г. потерпели частичную неудачу английские и американские войска.

прибегли, когда понадобилось вести маневренную войну на огромных пространствах Советского Союза в 1941 году. Результаты оказались не очень внушительными. Все же принято считать, что в 1941 году Лееб, не помешай ему в этом Гитлер, смог бы захватить Ленинград и привести кампанию 1941 года в северной части России к успешному завершению. Чего он добился бы на Западном фронте (или в Италии) в 1944 и 1945 годах или в оборонительных сражениях в Советском Союзе с 1943 года, остается предметом чисто теоретических изысканий, хотя лично я полагаю, что он мог бы неплохо показать себя.

Герд фон Рундштедт является тем фельдмаршалом, роль которого некоторые историки имеют склонность преувеличивать. Хотя в Польше в 1939 году и в России в 1941 году он действовал успешно, все же его никак нельзя отнести к полководцам первой величины. Недопонимание им тактики современного маневренного боя в 1940 году привело к тому, что он посоветовал Гитлеру остановить танки перед Дюнкерком, и тот слишком охотно ухватился за этот совет. В результате британским экспедиционным силам удалось эвакуироваться. Однако после войны фон Рундштедт в резких выражениях критиковал диктатора за этот шаг. Разумеется, первоочередная ответственность за данную ошибку лежит на плечах Гитлера, но он должен разделить ее и с другими. В этом случае он прислушался к своим генералам, особенно к Рундштедту, и результаты оказались плачевными.

В ретроспективе кажется ясным, что Рундштедт был одним из тех генералов, которые, отмахиваясь от новинок в военном деле, варились в собственном соку. «Из всех германских генералов фельдмаршал фон Рундштедт был наименее осведомленным в вопросах бронетанковых войск», — заявил на допросе в 1947 году генерал танковых войск барон Лео Гейр фон Швеппенбург, командующий танковой группой «Запад». «Он

был пехотинцем последнего поколения. Он и его штаб были кабинетными стратегами, которые не любили грязь, шум и танки. Насколько мне известно, фельдмаршал фон Рундштедт ни разу не соизволил забраться и посидеть в танке хотя бы несколько минут. Не поймите меня превратно, однако, — добавил фон Швеппенбург. — Я питаю глубочайшее уважение к фон Рундштедту, но для этой войны он был слишком стар».²

За время пребывания на посту главнокомандующего войсками Западного фронта с 15 марта 1942 года по 2 июля 1944 года и с 5 сентября 1944 года по 9 марта 1945 года Рундштедт, на мой взгляд, халатно относился к своим обязанностям и попросту бездельничал. Планирование и повседневное руководство операциями передоверялось им своим подчиненным. Так, сражения в Нормандии и на Курской дуге проходили соответственно под руководством фельдмаршалов Роммеля и Моделя, а план захвата Франции явился плодом неистощимого ума Эриха фон Манштейна. Рундштедту везло, особенно в начале войны, на талантливых подчиненных, в числе которых были фон Манштейн, Гудериан, фон Клейст, Роммель, Герман Гот, Лист и Георг-Ганс Рейнгардт.

В списке тех, кого Гитлер произвел в фельдмаршалы, не хватает некоторых видных имен. Так, например, генерал-полковник Иоганесс Бласковиц командовал армиями и группами армий в течение всей войны, но так и не получил маршальского жезла, потому что Адольф Гитлер его недолюбливал. Бласковиц покончил жизнь самоубийством, бросившись вниз головой с балкона 2 февраля 1948 года в Нюрнберге, где он был подсудимым.

Если Бласковиц был самым старшим по возрасту кандидатом на чин фельдмаршала, так и не дождавшимся его, то самым знаменитым являлся Гейнц Гудериан, которого считали «отцом» блицкрига. Однако в декабре 1941 года его освободили от должности ко-

мандующего 2-й танковой армией. Этим Гудериан был обязан проискам давнего врага, Гюнтера фон Клюге. Из резерва на действительную службу Гудериана вернули в 1943 году, но он никогда не занимал должность, соответствующую чину фельдмаршала, если не считать поста исполняющего обязанности начальника генерального штаба сухопутных войск, который он занимал с 21 июля 1944 года по 28 марта 1945 года. Однако к тому времени, когда Гудериан занял эту должность, она уже не имела прежнего веса и престижа. Предыдущие начальники штаба (Людвиг Бек, 1933—1938 годы; Франк Гальдер, 1938—1942 годы, и Курт Цейцлер, 1942—1944 годы) имели куда больше оснований претендовать на маршалский жезл, чем Гудериан, ведь они не были просто исполняющими обязанности начальника штаба. Но и из этой троицы никто не стал фельдмаршалом, а Гудериан выпутался из трудного положения лучше, чем кто-либо из них. Всего лишь за четыре недели до падения Берлина его отправили на неопределенный срок в отпуск по болезни, а затем он сдался союзникам. Цейцлер был с позором уволен из армии, Бека заставили застрелиться ночью 20 июля 1944 года из-за соучастия в покушении на Гитлера, а Гальдер оказался в концлагере. Преемник Гудериана, генерал от инфантерии Ханс Кребс, совершил самоубийство в Берлине 1 мая 1945 года, чтобы избежать пленения советскими войсками.

В феврале 1943 года после падения Сталинграда Гитлер поклялся, что отныне в этой войне не будет присваивать звания фельдмаршала. Позднее были сделаны исключения, но только четыре: барон Вольфрам фон Рихтгофен и Вальтер Модель стали фельдмаршалами в 1944 году, Фердинанд Шернер 5 апреля 1945 года, риттер Роберт фон Грайм 25 апреля 1945 года — всего лишь за пять дней до того, как Гитлер застрелился в своем берлинском бункере. Показателен тот факт, что двое из этих новых фельдмаршалов (фон Рихтгофен и

фон Грайм) были генералами люфтваффе, и все четверо были нацистами или, во всяком случае, явно симпатизировали им. Из-за новой политики Гитлера, который раньше не скупился раздавать фельдмаршальские жезлы, а теперь впал в другую крайность, многие талантливые полководцы, отлично проявлявшие себя на посту главнокомандующих группами армий, после февраля 1943 года так и не получили заслуженного повышения в чине. В их числе Готтхард Хейнрици, Георг-Ганс Рейнгардт, Герман Бальк, Генрих фон Фитингоф (Шеель) и доктор Лотар Рендулич, в отношении которого имеются некоторые сомнения.

К этому списку «не состоявшихся» я бы добавил еще два имени: генерал-полковника риттера Ойгена фон Шоберта и Ганса Валентина Хубе. Оба они командовали армиями, и обоих ценил Гитлер. 21 апреля 1944 года кандидатура Хубе рассматривалась на предмет назначения его главнокомандующим группой армий, но он погиб в авиакатастрофе близ Бертехсгадена³.

Риттер фон Шоберт так же погиб в России 12 сентября 1941 года в результате авиационной катастрофы.

Я сожалею о том, что в этой книге не удалось дать подробнее характеристики фельдмаршалов люфтваффе, однако для этого понадобился бы отдельный том. Ведь дело касается иного рода войск со своей сложной спецификой. Однако я счел возможным в главе 20 кратко описать карьеры шести фельдмаршалов люфтваффе.

АРКАДЕЛЬФИЯ, АРКАНЗАС.
ИЮЛЬ 1989 Г.

КАРТА

I

1 — Старая Русса

1- Люксембург

ГЛАВА I

ВЕРНЕР ФОН

БЛОМБЕРГ

Воскресенье, 29 января 1933 года. Атмосфера напряженности окутала Германию, подобно облаку отравляющего газа. Города все еще хранили следы последней избирательной кампании; на их улицах все чаще раздавались звуки сапог марширующих нацистов, да и сами улицы многих городов в разных частях страны скорее напоминали поля сражений. Так оно и было в действительности. В стычках и беспорядках, которыми сопровождалась предвыборная кампания, в одной лишь Восточной Пруссии погибло более ста пятидесяти человек, и исход борьбы все еще не был ясен, тем не менее, многим показалось, что фортуна отвернулась от Адольфа Гитлера и его скандальной партии национал-социалистов, рвавшихся к власти. Окончательные результаты голосования еще предстояло подвести, но уже было очевидно, что несостоявшийся австрийский художник с усиками под Чарли Чаплина потерпел серьезное поражение.

Сохраняя за собой звание самой большой по числу мест фракции в рейхстаге*, нацисты в то же время потеряли 34 мандата. Их покинули два миллиона избирателей. Их закоренелые враги, коммунисты, наоборот, получили 11 дополнительных мест, а электорат Нацио-

* Выборы в рейхстаг состоялись 6 ноября 1932 года.

нальной партии*, поддерживавшей правительство, увеличился почти на один миллион человек. Нацисты контролировали 196 мест, а их противники — 349. За последние месяцы позиции НСДАП пошатнулись, но хуже всего было то, что партия находилась на грани финансового банкротства. Гитлер часами бегал по своему номеру в берлинском отеле и грозился совершить самоубийство, если партию постигнет столь печальный конец¹.

Нацистская партия была не единственной политической силой в Германии, которой угрожал крах в тот судьбоносный день: в Берлине умирала Веймарская республика. Канцлер Курт фон Шлейхер, мастер закулисных сделок, отчаянно пытался продлить ей жизнь, несмотря на отсутствие широкой поддержки со стороны населения и оппозицию 90 процентов депутатов рейхстага. До сих пор ему удавалось держаться на своем высоком посту благодаря интригам; теперь же престарелый президент республики фельдмаршал Пауль фон Гинденбург покинул его. Герой первой мировой войны уже рассматривал кандидатуры преемников Шлейхера, у которого остался лишь один шанс удержать власть в своих руках — опереться на армию.

В конце января 1933 года военный путч казался очень реальным. Так думал и граф Вольф фон Гельдорф, полицейский-президент Берлина и высокопоставленный нацист. Он перевел шесть батальонов полиции на казарменное положение и был готов к захвату министерства обороны, если бы это потребовалось. Состав лиц, действовавших на политической сцене, вполне подходил для такой решительной акции. Сам Шлейхер был офицером генерального штаба, генерал-майором, ранее возглавлял управление вооруженных сил и был министром обороны. Главнокомандующий армией, генерал от инфантерии, барон Курт фон Хам-

* Имеется в виду Германская национальная народная партия.

мерштейн-Экворт был верным сторонником своего друга Шлейхера, будучи обязанным своей должностью его интригам. Он желал силой удалить Гитлера с политической сцены, не останавливаясь даже перед убийством².

Глава Военного ведомства — так завуалированно назывался в то время генеральный штаб — и второй человек в иерархии германских вооруженных сил, генерал-лейтенант Вильгельм Адам своим назначением на эту высокую должность так же был обязан канцлеру. Однако, расставляя своих друзей по высоким постам и безжалостно расправляясь с соперниками на своем пути к власти, Шлейхер не мог не нажить себе врагов. Одним из них был богатый политик реакционного толка Франц фон Папен.

В те дни экономической депрессии и неустойчивой политической ситуации правительства в Германии сменяли друг друга с поразительной быстротой. При поддержке Шлейхера Папен сменил на посту канцлера Генриха Брюнинга, вождя католической партии Центра в июне 1932 года, но его собственное правительство не продержалось и шести месяцев. Соблюдая предварительную договоренность, Папен назначил Шлейхера министром обороны, а тот затем перехитрил Папена, вытеснил его и забрал канцлерство себе. Папен не простил Шлейхеру этого предательства. Теперь он свел с ним счеты, убедив президента фон Гинденбурга назначить новым министром обороны бывшего начальника генерального штаба Вернера фон Бломберга.

Шлейхер просто обязан был помешать этому назначению, которое лишало его последнего козыря и означало конец его канцлерства. Бломберг уже выехал из Швейцарии, чтобы повидаться с Гинденбургом, который, вне всякого сомнения, объявил бы об этом назначении сразу же после его прибытия. Канцлер Шлейхер решил пустить в ход свою последнюю карту:

в сговоре с генералом Хаммерштейном он решил перехватить Бломберга на пути к президенту³.

Действительно ли Хаммерштейн в тот роковой день собирался устроить военный переворот в пользу Шлейхера? Точного ответа на этот вопрос не знает никто, но основания для такой точки зрения есть, и вполне серьезные. Хаммерштейн был противником нацистов и слепо повиновался Шлейхеру. (Позднее он принимал активное участие в заговоре с целью убийства Адольфа Гитлера в момент, когда популярность фюрера достигла своего пика, задолго до начала второй мировой войны.)

Он предложил Шлейхеру арестовать президента Гинденбурга и отправил своего адъютанта, майора фон Кунцена, на железнодорожный вокзал с заданием встретить Бломберга и доставить его на Бендлерштрассе, где тогда размещалась резиденция Хаммерштейна. На платформе Бломберга также встретил полковник Оскар фон Гинденбург, сын престарелого фельдмаршала, который передал ему приказ немедленно явиться к президенту.

На Ангальтском вокзале Берлина в половине девятого утра 30 января 1933 года Вернеру фон Бломбергу пришлось принимать решение на ходу — первое из многих последовавших за ним. Он проигнорировал приказ Хаммерштейна и немедленно отправился к Паулю фон Гинденбургу, который тут же привел его к присяге в качестве министра обороны⁴ и одновременно присвоил звание генерала от инфантерии. Бломберг поклялся, что армия поддержит новое правительство, состав которого Гинденбург намеревался объявить в тот же день. Теперь противники нацистов утратили контроль над вооруженными силами. Со Шлейхером было покончено. Через несколько часов его на посту канцлера республики сменил Адольф Гитлер. Правление Шлейхера продолжалось всего лишь пятьдесят семь дней. Франц фон Папен в новом правительстве стал вице-канцлером.

Гитлер никогда не забывал, кому он был обязан поддержкой в тот решающий день. Позднее, 23 сентября 1933 года, в своем выступлении на партийном съезде нацистов в Нюрнберге он сказал своим сподвижникам: «Если бы в дни нашей революции на нашу сторону не встала армия, нас бы не было здесь сегодня».⁵ Увы, но в этом решении как Бломбергу, так и армии пришлось затем горько раскаиваться.

Вернер Эдуард Фриц фон Бломберг родился в Штаргарде* в Померании 2 сентября 1878 года. Он был старшим ребенком в семье подполковника Эмиля фон Бломберга и его жены Эммы. У него было два брата, которые оба стали офицерами и погибли на фронтах первой мировой войны⁶. Высокий, широкоплечий, красивый и физически крепкий, Вернер фон Бломберг еще с детства казался созданным для военной карьеры. В 1894 году он поступил кадетом в военно-учебное заведение в Гросс-Лихтерфельде, которое закончил спустя три года, 13 марта 1897 года, получив чин лейтенанта и назначение в 73-й фузилерный полк. Ему исполнилось в то время девятнадцать лет. Следующие семь лет своей молодой жизни он провел в пехоте, роде войск, с которым была связана вся его последующая карьера. 4 апреля 1904 года он женился на Шарлотте Хелльмих, которая в течение следующих двадцати лет родила ему двух сыновей и трех дочерей. Очевидно, их совместная жизнь была счастливой. Бломберг будет очень тяжело переживать ее кончину в 1932 году, но не будем забегать вперед в нашем рассказе⁷.

Продвижение по служебной лестнице в кайзеровской армии мирного времени было очень медленным, и Бломберг был произведен в чин оберлейтенанта лишь

* Ныне: Старгард Щецински, Польша.

18 мая 1907 года, незадолго до своего тридцатилетия. Дело пошло несколько быстрее после того, как Бломберг повысил свой профессиональный уровень. В 1904 году он поступил в военную академию и, закончив ее в 1907 г, стал в следующем году офицером Генерального штаба. Следующие три года он прослужил в Генеральном штабе в Берлине (по большей части в топографическом отделе), в начале 1911 года получил чин капитана и следующий год провел в генеральном штабе армии. В этот период он посетил Париж, город, вызвавший у него огромное восхищение. В 1912 году его перевели в гарнизон Меца, на французскую границу, а в январе 1914 года назначили командиром роты 103-го пехотного полка, который вместе с другими частями составлял гарнизон Меца⁸. После начала первой мировой войны Бломберга причислили к 19-й резервной дивизии в качестве офицера генерального штаба. Служа на Западном фронте, он отличился при планировании и организации некоторых операций, за что был награжден орденом «Pour le Mérite» («За заслуги»), неофициальным названием которого было «Голубой Макс». Получить эту награду было заветной мечтой каждого офицера кайзеровской армии. У Бломберга, находившегося на штабной работе, был прекрасный послужной список. Затем капитан фон Бломберг проходил службу опять же в качестве офицера генерального штаба при 18-м резервном корпусе (1916–1917 гг.) и 7-й армии (1917–1919 гг.).⁹ По меньшей мере однажды ему довелось побывать на передовой, свидетельством чему служит ранение, полученное им от артиллерийского огня французов. Фон Бломберг раньше времени вышел из блиндажа¹⁰. В 1916 году ему было присвоено звание майора, и дальнейшая его карьера казалась обеспеченной, несмотря на капитуляцию Германии в ноябре 1918 года¹¹.

Версальский договор, подписанный в июне 1919 года, ограничил численность германской армии до

100 000 человек. Численность офицерского корпуса не могла превышать 4000. Бломберг, разумеется, попал в число счастливицов, которых оставили служить в новом рейхсвере — так назывались вооруженные силы во времена Веймарской республики. В 1920 году он был начальником штаба бригады, дислоцированной в Деберице, и в том же году его повысили в звании до подполковника, а 1 мая 1921 года он стал начальником штаба пятого военного округа. В 1924 году главнокомандующий германскими вооруженными силами, генерал Ганс фон Сект, перевел его в министерство на должность начальника отдела боевой подготовки. В 1925 году фон Бломберг получил чин полковника¹².

Генерал фон Сект в октябре 1926 года перестал быть главнокомандующим. Его место занял генерал-полковник Вильгельм Хейе. Хейе нашел Бломберга приятным в общении и умным офицером и в 1927 году назначил его начальником Военного ведомства. Это означало, что Бломберг фактически стал начальником генерального штаба, хотя формально именоваться таковым не имел права, поскольку Версальский договор запрещал Германии иметь генштаб. Хейе вскоре открыто стал рассматривать выходца из Померании в качестве своего преемника. Вернеру фон Бломбергу было всего лишь сорок восемь лет¹³.

Как и его предшественники, генерал Хейе старался обойти условия Версальского договора, которые в 20-е и в начале 30-х годов превратили германскую армию в беспомощный обрубок. Из четырех новинок, использованных на полях сражений первой мировой войны, — танки, самолеты, подводные лодки и отравляющие газы — Германия не могла иметь на вооружении ни одной. Рейхсвер действовал в обход этих ограничений, заключив секретное соглашение с коммунистическим правительством Советского Союза, которое представило в его распоряжение учебные центры. Вскоре Бломберг активно занялся этой секретной военной програм-

мой и в конце 20-х годов посетил СССР. Красная армия и тоталитарный режим произвели на него глубокое впечатление. Здесь военные пользовались большим влиянием и уважением, совсем не так, как в демократической Германии. «Я был недалеко от того, чтобы и самому стать законченным большевиком», — признавался позднее Бломберг¹⁴.

В этом заявлении Бломберга высвечивается один из главных недостатков его характера. Он предавался полетам романтической фантазии. С его точки зрения, тоталитарный режим мог бы принести германской армии и народу определенные выгоды, но в то же время он не замечал на этом пути хорошо замаскированных силков и отрицательных последствий. Такая наивная близорукость не помешала дальнейшему продвижению Бломберга по службе, поскольку он продолжал пользоваться протекцией Хейе. В 1928 году он получил чин генерал-майора, и теперь звание соответствовало должности, а затем, в 1929 году, — чин генерал-лейтенанта¹⁵.

Успех Бломберга и благоволение к нему его непосредственного начальника послужили причиной его первой стычки с Куртом Шлейхером, который тогда возглавлял в министерстве обороны отдел, подчиненный лично министру. Этот амбициозный и беспринципный генерал-майор завидовал Бломбергу и опасался его, потому что сам зарился на должность главнокомандующего. Механизм мышления Шлейхера в то время поддается реконструкции: «Бломберг мешает моему продвижению, значит его нужно убрать с дороги». Идеалисту, каким являлся начальник генерального штаба, было трудно проникнуть в менталитет Шлейхера с его изощренной склонностью к интригам. Шлейхер направился к своему близкому другу, министру обороны Вильгельму Гренеру, который своим назначением на эту должность был обязан предыдущей интриге Шлейхера, и обвинил Бломберга в

незаконной деятельности в пограничной зоне. Бломбергу пришлось уйти с должности начальника генерального штаба¹⁶.

Для спасения карьеры Бломберга потребовалось личное вмешательство генерала Хейе, который отправил неудачливого подчиненного в служебную командировку в США. За время, пока тот находился за океаном, страсти, связанные с этим делом, улеглись. И Хейе назначил Бломберга командующим первым военным округом, который включал в себя отдаленную Восточную Пруссию, считавшуюся захолустьем. Назначение состоялось в конце 1929 года, и казалось, что из этого тупика Бломбергу не выбраться. Но одна цель была все же достигнута — Бломберг остался на действительной службе, а начальником генерального штаба стал протеже Шлейхера — генерал-лейтенант Курт фон Хаммерштейн, который вскоре заменил Хейе на посту главнокомандующего вооруженными силами. Это произошло 18 октября 1930 года¹⁷.

Бломберг прибыл в Кенигсберг, где его ждала уже не штабная, а командная должность. Со времен своей лейтенантской молодости он впервые вступил в командование армейскими подразделениями. Как и другие военные округа того времени, первый округ имел штаб на уровне штаба корпуса, обладая территориальной спецификой. В его подчинении находилось несколько штабов, пограничные части и только одна дивизия — 1-я пехотная. В отличие от других военных округов, он был отрезан от остальной Германии польским коридором. Окруженный почти со всех сторон территорией вражеского государства, без авиации, танков и тяжелой артиллерии, этот округ имел перед собой численно превосходящего противника. Положение явно незавидное. С первого же дня вступления в должность командующего округом генерал фон Бломберг был озабочен возможностью польского вторжения и нехваткой сил и средств для его отражения.

В Восточной Пруссии Бломберг продемонстрировал с недвусмысленной ясностью и второй недостаток своего характера: восприимчивость к постороннему влиянию. Сильные личности могли в определенной степени подчинить себе его волю. Самой крупной фигурой этого плана, с какой Бломбергу пришлось иметь дело в Кенигсберге, был полковник Вальтер фон Рейхенау, его энергичный и умный начальник штаба. Рейхенау одним из первых по-настоящему способных офицеров германской армии проникся симпатиями к нацизму. Он не видел препятствий к использованию в случае войны с Польшей полувоенных формирований нацистской партии — штурмовых отрядов СА — в качестве вспомогательных войск, подчиненных командованию военного округа, и Бломберг согласился с ним¹⁸. Таким образом, в прямых интересах Бломберга было поддерживать хорошие отношения с нацистами. Позже Бломберг писал: «Национальный социализм был очень близок мне, находившемуся в угрожаемой, отрезанной Восточной Пруссии, поскольку главный акцент в нем делался на национализм».¹⁹

Впервые Бломберг встретился с Гитлером в августе 1930 года, когда последний посетил Кенигсберг в ходе избирательной кампании. Оба собеседника пришли к согласию на основе принципов гитлеровской восточной политики и по вопросу об использовании коричневорубашечников в качестве вспомогательных войск. Бывший ефрейтор произвел большое впечатление на генерала, который пришел к выводу, что Гитлер сделает для германской армии то, что Советы сделали для своей военной машины: превратит ее в подлинно национальную силу, пользующуюся любовью и уважением всего народа. Именно после этой встречи Бломберг стал поддерживать нацистов. Однако, в отличие от Рейхенау, Бломберга больше привлекала личность Гитлера, а не философия нацистской партии.

В 1931 году Бломберг упал с лошади и получил серьезное сотрясение мозга. Это обстоятельство в сочетании со смертью жены привело к тому, что в характере Бломберга стала заметно преобладать повышенная нервозность. В результате канцлер Генрих Брюнинг в начале 1932 года попросил Гренера освободить Бломберга от командования округом. Эта просьба была незамедлительно удовлетворена, и Бломберга назначили в том же году главой германской военной делегации на международных переговорах по разоружению в Женеве. Новая должность давала Бломбергу прямой доступ к президенту Паулю фон Гинденбургу, что в те дни было большой редкостью. Уроженец Померании с импозантной внешностью получил возможность оказывать влияние на престарелого фельдмаршала.

В тот период немецкой истории такое положение многого стоило. Доклады Бломберга Гинденбургу, в которых давалась отрицательная оценка политики Брюнинга, способствовали падению правительства в июне 1932 года. Власть от Брюнинга перешла к Францу фон Папену, а затем, шесть месяцев спустя, к Шлейхеру.

В Нюрнберге Геринг показал на суде, что, когда в начале 1933 года Гинденбург решил сместить канцлера фон Шлейхера, инициатива назначить Бломберга министром обороны исходила целиком от самого Гинденбурга. Нацисты к этому не имели никакого отношения, хотя у Гитлера не было причин выражать недовольство. В процессе принятия Гинденбургом этого решения на него оказали определенное влияние сын Оскар и Франц фон Папен, которые, видимо, и были главными инициаторами²⁰. Вскоре после этих событий другу Бломберга, полковнику Оскару фон Гинденбургу, было присвоено звание генерал-майора. Не вызывает сомнений, что новый министр обороны приложил свою руку к этому повышению. Услуга за услугу²¹.

Вступив в должность, Бломберг принялся избавляться от людей Шлейхера и расставлять на ключевые позиции своих сторонников. Генерал-майор Курт фон Бредов был отправлен в отставку, а его место в министерстве обороны занял фон Рейхенау. Генерала Вильгельма Адама, который в свое время принял дела у Хаммерштейна, выжили с поста начальника генштаба, а его преемником стал генерал Людвиг Бек. Полковника Ойгена Отта вообще услали в Японию, чтобы освободить место начальника отдела вооруженных сил для полковника Фрица Фромма. Поскольку сам Хаммерштейн был Бломбергу пока еще не по зубам (увольнение по политическим причинам выглядело бы абсурдом), министр выстроил вокруг противника стену изоляции и исключил из процесса принятия решений. Такого психологического натиска Хаммерштейн, в конце концов, не выдержал и в январе 1934 года ушел в отставку²².

Вначале Гитлер и Бломберг поладили между собой очень неплохо. На первом заседании кабинета, состоявшемся во второй половине дня 30 января 1933 года, Бломберг заверил фюрера в своей безусловной преданности. Четыре дня спустя Гитлер встретился со своим высшим генералитетом в апартаментах Хаммерштейна на Бендлерштрассе. У Бломберга тогда еще не было своего угла в Берлине. Гитлер нервничал перед генералами, но все же произнес длинную речь, продолжавшуюся два с половиной часа. Он говорил о своем намерении вновь ввести обязательную воинскую повинность, о задачах по перевооружению армии и о том, что Германия нуждается в жизненном пространстве на востоке. После окончания этой встречи Бломберга стал распирает энтузиазм. Он выразил восторг по поводу программы нацистов и немедленно приступил к определению основных направлений своей политики, нацеленной на тесное сотрудничество

между режимом и вооруженными силами. Он издал приказ, согласно которому в армии должны были быть организованы недельные курсы боевой подготовки для штурмовиков²³.

Еврейская писательница Белла Фромм так описывала Бломберга в 1933 году: «Рассудительный человек, если не считать его слепого преклонения перед Гитлером.... Пробыв прусским солдатом всю свою жизнь, он, тем не менее, на удивление хорошо воспитан. Он обладает способностью к критическому мышлению и гибкостью ума. И все же теперь он начал восхвалять Гитлера. Его глаза светятся подлинным экстазом. Он назвал Гитлера «одним из величайших людей всех времен».²⁴

Происходила постепенная нацификация армии. Этот процесс стал возможным, потому что был начат изнутри по инициативе фон Бломберга. 15 мая 1933 года он издал приказ, который обязывал всех военнослужащих вермахта отдавать честь всем членам «национальных союзов» и их знамени на митингах и шествиях. Под «национальными союзами» подразумевались все вооруженные формирования нацистской партии, включавшие СА, СС, национал-социалистический моторизованный корпус и гитлерюгенд, а также ненацистский «Стальной шлем» и другие организации ветеранов войны. Солдаты и матросы не должны были проявлять безразличия по отношению к «национальному движению». Теперь, согласно инструкции, военнослужащие обязаны были выбрасывать вперед руку и кричать «Хайль Гитлер!» в ответ на подобное же нацистское приветствие, а также петь в надлежащих случаях националистические песни²⁵.

В начале июля, после переговоров с руководством СА, Бломберг согласился сделать более тесными контакты между армией и партией, что на практике означало распространение нацистской пропаганды среди низших, менее образованных слоев военнослужащих.

Он также пошел на уступки в вопросе роспуска «Кура-ториума» — национальной молодежной организации. Вместо нее следовало создать нацистскую молодежную организацию под руководством обергруппенфюрера СА Крюгера. Бломберг хотел, чтобы этих молодых парней, будущих новобранцев, взял под свое крыло «Стальной шлем», организация ветеранов, не контролировавшаяся нацистами, для создания противовеса СА.

Таким образом, данное соглашение являлось большой уступкой со стороны вооруженных сил и давало нацистам шанс приступить к обработке впечатлительной молодежи в духе идей национал-социализма. Взамен шеф СА Эрнст Рем согласился предоставить в распоряжение армии в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств 250 000 резервистов²⁶. Но поскольку Гитлер все равно приказал бы провести такую мобилизацию в кризисной ситуации, согласие Рема становилось чистой формальностью и едва ли его можно было считать уступкой.

19 сентября 1933 года Бломберг предписал военнослужащим отдавать честь членам НСДАП, одетым в нацистскую форму. Если военнослужащий был в штатском, ему следовало пользоваться нацистским приветствием. Этот приказ был настолько непопулярен, что 4 октября Бломберг выпустил вторую директиву, еще более категоричную, в подтверждение первой. Менее чем через две недели после этого лейтенанта 15-го пехотного полка, не отдавшего честь нацистскому флагу, ударил по лицу штурмовик. Бломберг немедленно вызвал молодого офицера в свой кабинет и объявил ему взыскание — три дня домашнего ареста. Весьма необычная мера со стороны министра обороны в отношении младшего офицера, который, в конце концов, был пострадавшим²⁷.

25 февраля 1934 года Бломберг пошел еще дальше, приказав всем военнослужащим носить на гимнастерках и кителях значок с изображением орла, державшего

в своих когтях свастику²⁸. Партийный символ теперь стал частью повседневной формы каждого солдата и матроса. И это было еще не все. Назревали более кардинальные меры.

В декабре 1933 года Бломберг издал свой первый антисемитский приказ: все командиры воинских частей обязаны были обеспечить соблюдение своими подчиненными запрета на посещение еврейских магазинов. Спустя три дня после приказа о ношении орла со свастикой в вооруженных силах была введена расовая дискриминация. Евреи должны были уйти в отставку, и в дальнейшем лица «неарийского происхождения» к службе в армии не допускались. Правда, в этом приказе содержались и смягчающие параграфы. Так, на евреев-ветеранов войны действие дискриминационных статей не распространялось, а определение арийского или неарийского происхождения того или иного военнослужащего являлось исключительной прерогативой командования частей, и, тем не менее, этот приказ носил ярко выраженный антисемитский характер. В следующем приказе от 15 июля 1935 года военнослужащим вновь запрещалось посещать магазины, принадлежавшие евреям²⁹.

4 апреля 1934 года Бломберг издал директиву об организации в вооруженных силах занятий, на которых военнослужащие должны были изучать политическую доктрину национал-социализма. Такие занятия должны были проводиться два раза в неделю. Эта идеологическая обработка личного состава была признана неадекватной потребностям времени, и 30 января 1936 года Бломберг приказал ввести преподавание нацистской доктрины во всех офицерских училищах, штабных колледжах и в военной академии. В следующем году это новшество было распространено до уровня военных округов³⁰.

В июле 1935 года Бломберг издает секретный приказ, обязывающий офицеров принять нацистское ми-

ровоззрение. Отныне офицеры должны были исповедовать гитлеровскую философию, а в политике придерживаться установок нацистской партии. В будущем на повышение в чине могли рассчитывать лишь те, кто во всеуслышание одобрял национал-социализм. 1 апреля следующего года Бломберг запретил военнослужащим жениться на особах неарийского происхождения. Разрешения на брак не давалось, даже если еврейская кровь текла в жилах дедушки или бабушки невесты. Через два месяца после этого приказа последовал другой, не менее суровый, предписывавший выявить и поставить на учет в гестапо всех политически неблагонадежных офицеров. Приказы сыпались, как из рога изобилия. Существовали приказы, ограничивавшие прерогативы капелланов и отменявшие обязательность посещения военнослужащими вечерней молитвы и всяких богослужений вообще, приказы, касавшиеся взаимоотношений вермахта и СС. Военнослужащие должны были обращаться с эсэсовцами как с товарищами по оружию³¹.

Но если связи армии с нацистами становились все более тесными, то личная популярность Бломберга в офицерском корпусе от этого не только не выигрывала, но, наоборот, неуклонно падала. Показателен тот факт, что теперь он получил новые клички. Если раньше его звали «Зигфрид с моноклем», то затем все чаще и чаще слышались такие прозвища, как «Надувной лев» и «Мальчик из гитлерюгенда». Последнее было связано с идеализированным образом парня, склонного к авантюрам, который в то время часто мелькал на немецких киноэкранах. Все это, однако, никак не отразилось на успешной карьере Бломберга. 30 августа 1933 года, через 7 месяцев после своего прихода к власти, фюрер производит Бломберга в генерал-полковники. 31 мая 1935 года он назначает военного министра главнокомандующим всеми тремя родами войск, включая люфтваффе Геринга. В руках Бломберга сосредоточилась такая власть, какой

никогда не располагал ни один генерал в мирное время за всю историю Германии: головокружительное восхождение для человека, который десять лет прослужил в чине лейтенанта! Наконец, 20 апреля 1936 года наступает пик его военной карьеры. В тот день Гитлеру исполнилось сорок семь лет, и он по этому случаю произвел «Надувного льва» в фельдмаршалы³².

По большинству вопросов Бломберг находил у Гитлера понимание, особенно в период с середины 1934 года по начало 1937 года. Их отличные отношения были обусловлены тремя фундаментальными причинами: 1) Бломберг делал то, что требовал от него Гитлер; 2) Гитлер не обеспечил себе стопроцентную политическую стабильность (он еще не был тем всемогущим диктатором, которым стал позднее); 3) Гитлер пока с уважением относился к мнениям своих генералов и не считал себя величайшим полководцем за всю историю человечества. Во всяком случае, Бломбергу почти не приходилось сталкиваться с вмешательством непрофессионалов в свою сферу деятельности в отличие от того, что выпало на долю будущих фельдмаршалов. Когда Гитлер предлагал какие-то изменения в вооруженных силах в этот период, это были всего лишь предложения. Например, когда Гитлер выразил желание, чтобы штурмовики проходили подготовку в войсках в качестве резервистов под контролем партии, Бломберг возразил, и к этому вопросу больше не возвращались. Когда Гиммлер стал агитировать за расширение войск СС за пределы тех трех полков, что у него уже имелись, Бломберг опять возразил, и войска СС остались при своих прежних штатах. Однако самый большой шум «Надувной лев» поднял, когда Эрнст Рем попытался узурпировать традиционную роль армии как защитницы нации и создать из штурмовиков новые вооруженные силы Германии.

Трения между Ремом и Бломбергом начались почти сразу после прихода нацистов к власти. Однако конф-

ликт разгорелся с еще большей силой после 1 декабря 1933 года, когда Гитлер сделал СА государственной организацией и ввел Рема в свой кабинет в качестве министра без портфеля. Глава СА стал также членом Совета обороны рейха. Отношения между Ремом и Бломбергом накалились. Однажды Рем в очень резких выражениях заявил, что Бломберг не понимает роли СА в новом государстве и в этом смысле ничем не отличается от смещенного Шлейхера. Зловещий подтекст этого замечания, конечно же, не мог не насторожить Бломберга³³.

Наконец, 11 апреля 1934 года Бломберг познакомился с этой проблемой главу правительства. Вместе с Гитлером он отправился на крейсере «Дойчланд» из Киля в Кенигсберг. Канцлер и военный министр собирались посетить весенние маневры в Восточной Пруссии. Бломберга сопровождали адмирал Эрих Редер, главнокомандующий военно-морским флотом, и чопорный, затянутый в корсет генерал артиллерии барон Вернер фон Фрич, менее трех месяцев назад сменивший Хаммерштейна на посту главнокомандующего сухопутными силами.

Политик и его главнокомандующие пришли к соглашению без лишнего шума. Восемидесятилетний президент фон Гинденбург находился на смертном одре, и Гитлер хотел, в целях укрепления своей власти, совместить посты канцлера и президента. В обмен на поддержку генералами этого плана, Гитлер согласился расправиться с верхушкой СА. Бломберг и Редер тут же одобрили замысел Гитлера, а Фрич сказал, что должен сначала проконсультироваться со своими генералами. Совещание генералов состоялось под председательством Фрича 16 мая 1934 года в Бад-Наугейме. Бломберг, прибывший с опозданием, обнаружил, что выдвижение кандидатур преемников Гинденбурга уже состоялось. Ими стали Гитлер, кронпринц Вильгельм, который выступал за реставрацию монархии, и генерал риттер Франц фон

Эпп, сторонник возрождения военной мощи Германии. Гитлер уступал в популярности своим соперникам, но в этот момент появился Бломберг и рассказал собравшимся о пакте «Дойчланд». Тогда генералы единодушно проголосовали за принятие кандидатуры Гитлера на этих условиях³⁴. Гитлер, однако, еще долго медлил с принятием мер против СА, и поэтому антинацистское правое крыло еще некоторое время продолжало действовать.

Толчок этому процессу дал Франц фон Папен, бывший офицер генерального штаба, который 17 июня произнес в Марбургском университете резкую и смелую по своей антинацистской направленности речь. Объектом уничтожающей критики был избран министр пропаганды доктор Йозеф Геббельс. Геббельс запретил средствам массовой информации тиражирование этой речи и, в свою очередь, развязал против правых разнузданную пропагандистскую кампанию. Три дня спустя, 20 июня, вице-канцлер Франц фон Папен, министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат и министр финансов граф Лютц Шверин фон Крозигк подали в отставку. Гитлер отказался удовлетворить их просьбы, однако этот демарш явно потряс его. По Берлину поползли слухи о перевороте.

Шли разговоры о том, что президент Гинденбург собирается объявить в стране военное положение и передать власть армии. Канцлер решил навестить Гинденбурга, который находился в своем поместье в Нойдеке, и обсудить сложившуюся ситуацию.

В Нойдеке, на крыльце особняка, Гитлера встретил генерал фон Бломберг, совершенно преобразившийся. От «Надувного льва» не осталось и следа. Теперь это был высокий, надменный, чистокровный пруссак с моноклем. Прусским духом веяло не только от его внешности. Даже его жесты и речь, казалось, были пропитаны им насквозь. Без всяких околичностей Бломберг заявил Гитлеру, что если кризис не будет преодолен и ситуация останется напряженной, то президент

объявит в стране военное положение. Правительство будет отстранено от власти, которая перейдет к военным. Затем канцлера провели к Гинденбургу, и из уст престарелого фельдмаршала он услышал то же самое. В течение всей аудиенции Бломберг стоял рядом с Гитлером, не позволяя тому остаться наедине с главой государства. Менее чем через полчаса после того, как он перешагнул порог особняка в Нойдеке, Гитлер уже сидел в автомобиле, мчавшемся назад в Берлин. Он все понял: Рем должен уйти, а штурмовиков следует проучить и поставить на место, иначе Гитлера самого сместят, и сделает это министр обороны.

Девять дней спустя, 30 июня 1934 года, Гитлер перешел к действиям и выполнил обещанное. Он лично руководил арестом Рема, который был затем расстрелян вместе со 116 другими штурмовиками³⁵. Всего в ходе этой акции погибло, по некоторым данным, свыше 400 человек. Среди убитых были и два генерала: Курт фон Шлейхер и его бывший соратник Курт фон Бредов. Не все из тех, с кем расправились в те дни, были штурмовиками. Под шумок свели счеты со старыми политическими противниками и просто людьми, негодными Гитлеру, потому что они слишком много знали. Так, был убит один не в меру разговорчивый священник, осведомленный насчет амурных делишек Гитлера. Известного и уважаемого музыкального критика Вилли Шмида увезли и застрелили по случайному совпадению — эсэсовцам было дано задание ликвидировать человека по имени Вилли Шмидт. Эти издержки вызвали бурю протестов со стороны старших офицеров, но Бломберг непоколебимо стоял на страже условий пакта «Дойчланд». Он позаботился о том, чтобы Гинденбург отправил Гитлеру публичное послание с одобрением его действий. На заседании кабинета, состоявшемся на следующий день, 3 июля, Бломберг от лица вооруженных сил выразил удовлетворение публикацией декрета, узаконивавшего кровавую чистку, поскольку

ку она была проведена в интересах государства, для его защиты³⁶.

2 августа 1934 года Гинденбург скончался. Гитлер принял на себя исполнение обязанностей президента и пообещал, что Бломберг будет его заместителем по военным вопросам на тех же правах, на которых Рудольф Гесс был его заместителем по партийным делам. Смысл этого заявления был ясен: армия получила свободу рук в своей сфере до тех пор, пока она не вмешивалась в политику. Именно так оно и было в течение более чем двух лет. В этот период Бломберг приступил к наращиванию военной мощи Германии.

* * *

С 1921 года немецкие сухопутные войска делились на семь военных округов: штаб первого округа располагался в Кенигсберге, второго — в Штеттине, третьего — в Берлине, четвертого — в Дрездене, пятого — в Штутгарте, шестого — в Мюнстере и седьмого — в Мюнхене. Каждый округ имел территориальную ответственность, и в каждом округе было дислоцировано по одной пехотной дивизии.

Нумерация дивизий соответствовала нумерации округов. Военные округа подчинялись командованию одной из двух «армейских групп», являвшихся штабами на уровне армии. 1-я группа армий, штаб которой находился в Берлине, включала первый, второй, третий и четвертый военные округа. В зону ее ответственности входила северная и восточная Германия. Зоной действия 2-й группы армий, штаб которой находился в Касселе, была западная и южная Германия. Сюда входили пятый, шестой и седьмой военные округа. Помимо этого, рейхсвер имел три кавалерийские дивизии: 1-я дислоцировалась во Франкфурте-на-Одере, 2-я в Бреслау и 3-я в Веймаре. Эти соединения подчинялись армейским группам напрямую, минуя округа. 1-я и 2-я кавалерийские

дивизии находились в распоряжении 2-й группы армий. Обе армейские группы подчинялись непосредственно главнокомандующему сухопутными силами, ставка которого располагалась в Берлине. Численность каждой пехотной дивизии составляла около 12000 солдат и офицеров, а кавалерийской — около 5300³⁷.

Благодаря такой организации Бломберг (а позднее Браухич) имел в своем распоряжении великолепно отлаженную структуру, позволившую быстро наращивать военную мощь Германии.

Еще в октябре 1934 года Гитлер приказал Бломбергу увеличить численность личного состава сухопутных сил со 100000 до 300000 солдат и офицеров. Бломберг и Фрич разработали план, согласно которому количество дивизий должно было вырасти с десяти до двадцати одной при использовании существующей структуры военных округов. Каждый военный округ должен был развернуться в корпус из трех дивизий. Однако после 16 марта 1935 года, когда Гитлер ввел воинскую повинность и официально объявил о ремилитаризации Германии, планы пришлось менять. Теперь Германия должна была иметь 36 дивизий. Для выполнения новых задач Бломберг создал еще три военных округа. 2-ю и 3-ю кавалерийские дивизии расформировали, а на базе их штабов были созданы штабы восьмого военного округа в Бреслау и девятого — в Касселе. Позднее, в том же году, в Гамбурге был сформирован штаб десятого округа. Ближе к концу года в Дрездене было развернуто управление третьей армейской группы под командованием Федора фон Бока, ставшего в этом качестве коллегой Герда фон Рундштедта, и риттера Вильгельма фон Лееба, штабы которых находились соответственно в Берлине и Касселе. Все они потом стали фельдмаршалами, так же как и некоторые генералы, командовавшие в 1936 году округами: Вальтер фон Браухич (первый округ), Эрвин фон Вицлебен (третий округ), Зигмунд фон Лист (четвертый округ), Гюнтер фон Клюге

(шестой округ), Вальтер фон Рейхенау (седьмой округ) и Эвальд фон Клейст (восьмой округ). Будущий круг гитлеровских фельдмаршалов уже обрел свои очертания³⁸.

Новый закон о вермахте, опубликованный 21 мая 1935 года, привел к созданию новой структуры командования. На самом верху, конечно, был Гитлер, который стал именовать себя верховным главнокомандующим вооруженными силами. Должность Бломберга, его заместителя по военным делам, получила новое название — не министр обороны, а военный министр и главнокомандующий вооруженными силами. Рейхсвер был переименован в вермахт (вооруженные силы). В то же время военно-воздушные силы (люфтваффе) являлись отдельным родом войск под командованием Германа Геринга. Нити командования всеми тремя родами войск вели в вермахт к Бломбергу, что вызывало раздражение у Геринга. Военное ведомство было переименовано в генеральный штаб армии, каковым оно, по сути дела, и являлось до этого³⁹.

Вскоре после введения обязательной воинской повинности, в процессе возрождения армии был сделан еще один важный символический шаг: в Берлине вновь открылась военная академия. Вошедшая в историю как кузница кадров генерального штаба, она была основана Шарнхорстом в 1810 году, но в 1920 году ее закрыли победившие союзники. Теперь, 18 октября 1935 года, в 125-ю годовщину своего рождения, она вновь приняла слушателей. На торжествах по этому случаю присутствовали Бломберг и Гитлер, а также многие видные государственные деятели. Там были фельдмаршал Август фон Макензен, который одержал выдающуюся победу над русскими в 1915 году при Горлице, генерал-полковник Ганс фон Сект, Геринг, Фрич, Бек, Рундштедт, Вицлебен и другие. Их присутствие являлось верным признаком одобрения офицерским корпусом планов Гитлера, направленных на милитаризацию

рейха и развертывание гонки вооружений. Первым начальником академии стал генерал от инфантерии Курт Либман, чье звание соответствовало должности командира корпуса. Это обстоятельство должно было подчеркнуть значение, которое придавалось руководством рейха его посту.

В октябре 1935 года в Берлине открылось еще одно военно-учебное заведение для подготовки военных специалистов высокой квалификации — академия вооруженных сил. Ее возглавил генерал Вильгельм Адам, бывший командующий седьмым военным округом, которого Бломберг в 1933 году снял с должности начальника генерального штаба. На посту командующего округом Адама сменил Рейхенау, который ощущал нехватку командного опыта⁴⁰. В будущем Бломбергу придется сильно сожалеть о том, что рядом с ним не окажется Рейхенау с его сильным характером и твердой рукой.

* * *

Историк Дэвид Ирвинг назвал Бломберга «офицером, наделенным даром предвидения» за ту роль, которую он сыграл в создании люфтваффе.⁴¹ Ирвинг был абсолютно прав. Несмотря на пресмыкательство перед Гитлером и политическую близорукость, нельзя отрицать, что в своей области Бломберг разбирался лучше многих. Летом 1933 года он проинформировал своих командиров, что женевская конференция по разоружению топчется на месте и наверняка не даст никаких результатов, а следовательно, Германия должна тайно вооружаться. Он перечислил три главных элемента, которые должны составлять основу боевой мощи германских вооруженных сил: 1) военно-воздушные силы; 2) бронетанковые войска; 3) элитный офицерский корпус, особенно в танковых войсках.

В 1933 году с учреждением министерства авиации Бломберг переводит туда свой штаб воздушных опера-

ций. Будучи по своему профилю пехотным офицером, он, тем не менее, признавал необходимость иметь сильную военную авиацию и перевел на службу в этот новый род войск часть своих лучших, перспективных офицеров. Только за один 1933 год в официально еще не существующий род войск перешло 550 офицеров, имевших авиационный опыт. Позднее за ними последовало около 4000 младших офицеров и добровольцев из числа унтер-офицеров. Геринг, выступавший с речью на похоронах Вильгельма Вефера, первого начальника генерального штаба ВВС, погибшего в авиакатастрофе 3 июня 1936 года, косвенным образом отдал должное альтруизму Бломберга: «Я приобрел его благодаря щедрости армии. Он был одним из многих других выдающихся офицеров. В Вефере армия дала мне лучшее из того, что имела. День ото дня, по мере того как нас сближала наша работа, я убеждался в том, что мне дали лучшего из лучших».⁴²

Немалую роль сыграл Бломберг и в развитии танковых войск. Людвиг Бек и другие придушили бы блицкриг в самой его колыбели, если бы им удалось низвести танковые подразделения лишь к роли частей поддержки пехоты, да и Фрич не очень рьяно отстаивал идею самостоятельности этих войск. Бломберг решительно не согласился с ними, приказав сформировать три танковые дивизии. Этот приказ начал претворяться в жизнь 15 октября 1935 года. 1-я танковая дивизия была сформирована в Веймаре под командованием генерал-лейтенанта барона Максимилиана фон Вейхса. Вторая формировалась в Вюрцбурге, и ею командовал полковник Гейнц Гудериан. Третья дивизия была сформирована в Берлине, а ее командиром был назначен генерал-лейтенант Эрнст Фессман⁴³.

Рост вооруженных сил укрепил позицию Бломберга относительно сотрудничества армии с НСДАП. Ему удалось убедить в своей правоте некоторых офицеров старшего поколения, а также привлечь на службу мно-

гих, вышедших ранее в отставку, пронацистски настроенных офицеров. В тот период наибольшую восприимчивость к идеям национал-социализма проявляли более молодые офицеры. Средний возраст офицеров всех званий заметно упал. Например, в 1930 году средний возраст полковников превышал пятьдесят два года. Шесть лет спустя он снизился до сорока трех лет. Типичному подполковнику в том же году было сорок семь с половиной лет; к 1936 году средний возраст «легкого» полковника не дотягивал и до сорока лет. За тот же период средний возраст майора упал с сорока одного года до тридцати пяти с половиной лет. Всего за четыре года общее количество генералов увеличилось с 42 в 1932 году до более чем 150 в 1936 году и продолжало расти, так как формировались новые дивизии и образовывались новые округа. За тот же период количество полковников выросло со 105 до 325⁴⁴.

Пропаганда, политика Бломберга и перспективы быстрого роста по службе сделали свое дело, и многие офицеры, ранее не доверявшие Гитлеру, теперь стали горячими сторонниками нового режима. Открытая оппозиция нацизму после 1935 года встречалась крайне редко, перейдя в разряд латентной. Офицеры — противники Гитлера, каковых, впрочем, осталось очень немного, — затаили свое недовольство по вполне понятным причинам.

С 1936 года Бломберг начал терять свою репутацию у фюрера. Все началось с кризиса в Рейнской области. Не подлежит сомнению, что фельдмаршал и ранее раздражал Гитлера своими призывами лучше обращаться с евреями, но Гитлер оставлял без внимания эти неофициальные ходатайства. Но поведение Бломберга во время ремилитаризации Рейнской области свидетельствовало, по мнению Гитлера, о том, что военному министру явно не хватало выдержки.

По условиям Версальского договора Германии не разрешалось держать свои воинские части в Рейнской

области. 1 марта 1936 года Гитлер приказал вновь ввести туда войска, и хотя Бломберг выступал за решение этого вопроса путем переговоров, он на следующий день разослал предварительную директиву командирам соответствующих частей. В конце концов, план действий на этот случай существовал еще с мая 1935 года. Три дня спустя им была установлена дата начала операции — 7 марта.

В то утро три батальона переправились через Рейн. Один батальон направился в Аахен, второй в Трир и третий в Саарбрюкен. Бломберг с самого начала проявлял повышенную нервозность, однако когда французы отреагировали концентрацией тридцати дивизий у германской границы, он по-настоящему струхнул. 9 марта Бломберг совсем запаниковал и стал умолять Гитлера разрешить ему отвести войска. Ответ фюрера был предельно краток: у военного министра слабые нервы. Дипломаты союзников попытались оказать нажим на Гитлера, в надежде заставить его убрать войска из Рейнской зоны, но тот ответил угрозой ввести туда еще шесть дивизий. Гитлер сильно блефовал — в тот момент в его распоряжении находились лишь четыре бригады. Союзники сняли свои требования, и Гитлер вышел победителем. За последующие три с половиной года этот сценарий повторится несколько раз⁴⁵.

Позднее Гитлер отозвался о Бломберге довольно нелестно, сказав, что тот вел себя во время кризиса как «истерическая девица»⁴⁶. Герду фон Рундштедту фюрер заявил, что предложение Бломберга отвести войска было ничем иным, как проявлением трусости⁴⁷.

Еще одно очко в пассив Бломбергу фюрер занес летом того же года, когда фельдмаршал выступил против вмешательства Германии в ход гражданской войны в Испании. Он придерживался мнения, что Германия, впутавшись в сложную средиземноморскую политику, мало что приобретет, зато очень много может потерять. Бломберг был вполне откровенен и не скрывал своего

отрицательного отношения к этой авантюре. Что может об этом подумать Гитлер или кто-нибудь другой — его не волновало ни в малейшей степени. Со стратегической точки зрения он, возможно, был прав, но Гитлер рискнул — и опять выиграл.

С 1936 года стратегическое планирование Бломберга стало все больше принимать оборонительный уклон. Эта осторожность основывалась на убеждении, что германская армия растет слишком быстро и в качественном отношении ее личный состав еще не готов к войне. Тем не менее, численность вермахта продолжала расти и уже значительно превысила первоначальную цифру в тридцать шесть дивизий. В 1936 году были образованы еще два военных округа: одиннадцатый — в Ганновере и двенадцатый — в Висбадене в ремилитаризованной Рейнской области. Вслед за этим в 1937 году был образован и тринадцатый военный округ в Нюрнберге под командованием барона фон Вейхса. Далее появились три новых корпуса, не имевшие территориального подчинения. В них входили новые мотопехотные дивизии. 14-й корпус под командованием генерала Густава фон Витерсгейма состоял из 2-й, 13-й, 20-й и 29-й моторизованных дивизий. 15-й корпус под командованием генерала Германа Гота включал 1-ю, 2-ю и 3-ю легкие дивизии (а позднее к ним прибавилась и 4-я), 16-й корпус, которым командовал Гудериан, имел в своем составе три танковых дивизии. В конце 1937 года в Лейпциге стал функционировать штаб 4-й группы армий, в подчинение которого входили 14-й, 15-й и 16-й корпуса. Этим территориальным формированием командовал фон Браухич, которого на посту командующего первым военным округом сменил генерал Георг фон Кюхлер⁴⁸.

Несмотря на растущую мощь армии, положение Бломберга не только не укрепилось, но, наоборот, еще более пошатнулось в ходе «конференции Хоссбаха», состоявшейся 5 ноября 1937 года.

Помимо военного министра, в этом совещании приняли участие Геринг, Фрич, адмирал Редер и министр иностранных дел фон Нейрат. (Все высказывания протоколировались полковником Фрицем Хоссбахом, армейским адъютантом Гитлера, фамилией которого историки впоследствии и обозначили это совещание.)

Гитлер сообщил собравшимся о своем намерении начать в 1938 году поэтапное осуществление плана завоевания «жизненного пространства» блицкригом против Чехословакии. Первоначально эту акцию планировалось провести в период между 1943 и 1945 годами. Его планы так же включали насильственное присоединение Австрии к рейху (аншлюсс). Фюрер полагал, что западные союзники не станут выполнять свои договорные обязательства в Центральной Европе. Он заверил ошеломленную аудиторию в том, что Великобритания уже списала Чехословакию, а Франция последует этому примеру. Однако, если его прогнозы окажутся ошибочными, армия должна быть готова действовать с молниеносной скоростью.

Бломберг и Фрич дали ясно понять, что армия еще не готова к ведению большой европейской войны. Они считали, что Гитлер недооценил силу французской армии и чешских укреплений. Их также беспокоила перспектива войны на два фронта. Бломберг без обиняков выступал против войны. Даже Геринг полагал, что Гитлер сначала должен развязаться с Испанией, Редер в основном отмалчивался.

Дискуссия продолжалась четыре часа. Отношение генералов к предложенному плану встревожило и огорчило Гитлера, который ожидал, что они жаждут войны в не меньшей степени, чем он. Это явное отсутствие энтузиазма у ведущих полководцев привело к тому, что Гитлер начал разочаровываться в них⁴⁹.

Конференция Хоссбаха породила у Бломберга уныние и повышенную нервозность. Очевидно, испугавшись своей собственной смелости, «Надувной лев»

пошел на попятную. В середине декабря он одобрил план операции «Грюн» («Зеленый») по захвату Чехословакии. В этом плане говорилось, что нападение на Чехословакию может быть вполне успешным, даже если оно будет предпринято еще до того, как вермахт достигнет стопроцентной готовности к войне. Однако делалась оговорка, что план реализуем лишь при условии, что Прагу покинут все ее союзники кроме СССР. Отход Бломберга от прежних позиций привел к ухудшению его отношений с Фричем, который не изменил своей точки зрения, несмотря на враждебность Гитлера.

Ко всем прочим неприятностям добавилась и еще одна: НСДАП опять начала вмешиваться в деятельность дивизионных капелланов. Фрич и Бек обратились с протестом к Бломбергу, однако им потребовалось приложить немало усилий, чтобы убедить фельдмаршала отправиться к Гитлеру и опротестовать вмешательство партии во внутренние дела вооруженных сил⁵⁰.

15 декабря 1937 года полковник Альфред Йодль из штаба ОКВ отметил в своем дневнике, что Бломберг по неизвестной причине был «сильно возбужден». Затем военный министр на неделю отбыл в «какие-то неизвестные места».⁵¹ В действительности он отправился в Обергоф, где провел неделю со своей приятельницей. Историк Т. Тейлор назвал его «поглупевшим от любви»⁵².

Объектом пылкой страсти министра стала Ева Грун, работавшая стенографисткой в имперской комиссии, занимавшейся поставками яиц. Это была хорошенькая молодая женщина, невысокого роста, стройная, белокурая, с серо-голубыми глазами и чувственным ртом.⁵³ Мэттью Купер полагал, что Бломберг познакомился с

ней в одном из ночных клубов Берлина, куда он частенько выбирался развеяться. Он понимал, что у Евы было свое прошлое, но не знал, что оно включало проституцию и позирование для порнографических открыток⁵⁴.

Вернер фон Бломберг остро ощущал свое одиночество. В 1932 году он овдовел. Пятеро детей уже стали взрослыми. В начале 1937 года состоялась помолвка его младшей дочери с лейтенантом Карлом-Гейнцем Кейтелем, старшим сыном генерала артиллерии Вильгельма Кейтеля, который заменил Рейхенау на посту начальника управления военного министерства. Проведя неделю в Обергофе, Бломберг поехал в Мюнхен, где 22 декабря выступил с речью на похоронах генерала Эриха Людендорфа в Фельдхернхалле. Здесь он обратился за советом к Герингу, который после смерти своей первой жены женился на разведенной актрисе. Бломберг был обеспокоен тем, что чопорный, кичащийся своей избранностью прусский офицерский корпус мог выдвинуть возражения против его брака с девушкой из низших слоев общества, да еще моложе большинства его детей.

К немалой радости Бломберга, Геринг искренне одобрил его выбор. В этом и состоит суть национал-социализма, сказал он. А почему, собственно, фельд-маршал не может жениться на девушке из рабочего класса? Геринг даже сам вызвался ходатайствовать за министра перед Гитлером.

«Еще одна проблема, — нерешительно произнес Бломберг. — Соперник...» «Да какие тут могут быть проблемы?» — успокоил его неунывающий Геринг. И через несколько дней «соперник» уже находился на борту парохода, взявшего курс на Южную Америку. Чтобы там ни говорили о Германе Геринге, но это был человек с деловой хваткой.

В тот же день, но позднее, Бломберг встретился с Гитлером в его личной, скромно обставленной кварти-

ре на Принц-регент-плац. Он попросил у канцлера разрешения на брак с машинисткой скромного происхождения, работавшей в государственном учреждении. Согласно давно установившемуся порядку, германские офицеры в то время не имели права жениться, не испросив предварительного разрешения у своего непосредственного начальника, и их просьбы не всегда удовлетворялись. Гитлер, однако, дал согласие немедленно⁵⁵. Он и Геринг даже выразили свое одобрение.

Церемония бракосочетания состоялась в военном министерстве 12 января 1938 года. Для спешки имелась уважительная причина: фрейлейн Грун была беременна. Церемония носила исключительно частный характер, на ней не присутствовал ни один член семейства Бломбергов. Единственным личным другом жениха, удостоившимся приглашения, оказался капитан Ганс фон Фридельбург, его бывший военно-морской адъютант. Даже Рейхенау узнал о свадьбе лишь после того, как она состоялась. В прессе это событие практически не получило освещения⁵⁶.

Новобрачные отправились сначала в Лейпциг, а потом в Италию. Их медовый месяц был, однако, омрачен смертью матери Бломберга, которая жила со своей дочерью в Эберсвальде, недалеко от Берлина. Бломберг прибыл на похороны, но скорбящим не представилась возможность ни выразить соболезнование, ни познакомиться с его новой женой. Фельдмаршал с супругой первыми ушли с кладбища⁵⁷.

Тем временем в невзрачной, затхлой комнатухе берлинского полицейского управления рядовой сотрудник уголовной полиции Курт Гельмут Мюллер случайно наткнулся на фотографию жены Бломберга в обнаженном виде. При дальнейшем расследовании выявились следующие факты: отец Евы Грун умер, когда ей было пять лет. Ее мать держала массажный салон. Под этим названием скрывался настоящий бордель. Ева была трудным ребенком и в восемнадцать лет, сбежав из дома,

перебралась на квартиру к своему любовнику, 41-летнему чешскому еврею. Он-то и договорился с поляком-фотографом насчет производства и сбыта порнографических открыток. Однако их бизнес прогорел, так как натурщицу вскоре арестовали. Ева была также взята на учет как проститутка⁵⁸.

Когда досье на Еву Грун легло на стол полицей-президента Берлина, графа Вольфа-Генриха фон Гельдорфа, у того волосы встали дыбом. Он испытывал смешанные чувства. Стойкий нацист, он в то же время был аристократом и выходцем из офицерского корпуса. В первую мировую войну он был гусарским офицером, а позднее воевал в составе добровольческого корпуса Россбаха с поляками. Служебный долг требовал от него представить это досье Генриху Гиммлеру, руководителю СС и главе германской полиции. Вместо этого Гельдорф отправился в военное министерство⁵⁹.

Видимо, Гельдорф хотел увидеться с Бломбергом, но того не оказалось на месте, и полицей-президент отнес досье Кейтелю. В ходе обсуждения данного вопроса Гельдорф выдвинул предложение сжечь досье со всеми компрометирующими документами. Вильгельм Кейтель был связан с Бломбергом личными и семейными отношениями, однако ему не хватило силы духа согласиться на предложение Гельдорфа. Вместо этого он посоветовал передать досье Герману Герингу⁶⁰.

На следующий день, в субботу, 23 января 1938 года, Гельдорф отдал досье главнокомандующему люфтваффе. Геринг тут же увидел открывшуюся для себя возможность. Он сам хотел быть военным министром и завидовал Бломбергу, потому что именно того в прошлом году послали в Англию представлять Германию на коронации короля Георга VI. Из игры следовало вывести и генерала фон Фрича, но Герман Геринг, как мы увидим дальше, уже начал заниматься этим делом.

«Бломберг женился на проститутке!» — воскликнул глава люфтваффе, переступая порог кабинета Гит-

лера в Бертехсгадене в понедельник, 24 января. Скандальное досье оказалось в руках фюрера, который, в отличие от своего заместителя, вовсе не выглядел обрadowанным и не проявил никакого энтузиазма, невнятно пробормотав, что если уж немецкий фельдмаршал мог решиться на такой поступок, то все в этом мире возможно⁶¹.

Геринг заявил, что сожалеет о том, что ему пришлось выступить в роли носителя плохих известий, но от Бломберга следует избавиться. Гитлер сначала не был уверен в необходимости этого шага, но Геринг убедил его. «Прусский офицерский корпус не потерпит этой вопиющей безнравственности, которая грязным пятном замараеt его честь», — сказал он.

На этот счет Геринг, безусловно, не ошибался. Надменные, с негнушейся спиной генералы стали получать телефонные звонки — от проституток, которые поздравляли их с тем, что первая леди вооруженных сил является представительницей самой древней в мире профессии. Кроме того, многие военачальники были недовольны Бломбергом из-за его пронацистской политики. Генералы Бек и фон Фрич еще до разразившегося скандала требовали отставки военного министра⁶².

В тот же день Геринг лично сообщил Бломбергу информацию, касающуюся его жены. Министр был в шоке, что, впрочем, нетрудно представить. Рушился весь мир вокруг него. Он сразу же предложил развестись с женой. Этого недостаточно, сказал Геринг вежливо, но твердо. Верховное главнокомандование вооруженных сил требует его отставки, заявил он, и так оно и было в действительности. Бломбергу было сказано, что у него нет выбора, кроме как выполнить это требование.

На следующий день Гитлер вызвал Бломберга к себе и объявил тому, что он увольняется в отставку. Йодль отметил в дневнике, что фюрер обращался с низвергнутым фельдмаршалом со «сверхчеловеческой

добротой», и это, в самом деле, похоже на правду. Гитлер сказал, что Бломбергу лучше всего исчезнуть на год из поля зрения военной общественности, а за это время слухи утихнут и скандал уляжется.

Он дал экс-министру 50000 рейхсмарок, на которые тому следовало бы совершить кругосветное путешествие. Суда чести для расследования этого дела, как того требовали некоторые военачальники, не будет, заверил его Гитлер. Он даже проконсультировался у фельдмаршала насчет того, кто лучше подошел бы на должность военного министра. По иронии судьбы, Бломберг порекомендовал Геринга, но Гитлер с ходу отверг эту кандидатуру. Геринг слишком ленив, сказал он. Тогда Бломберг, задетый до глубины души тем, с какой быстротой и единодушием против него ополчился офицерский корпус, предложил, чтобы Гитлер сам занял должность военного министра.

Не исключено, что Гитлер до того момента не рассматривал такой вариант, но он определенно пришелся ему по вкусу, и неделю спустя фюрер взял на себя исполнение обязанностей Бломберга. Первый фельдмаршал Гитлера оказал свою последнюю большую «услугу» офицерскому корпусу. В ходе их предпоследней встречи Адольф Гитлер сказал Бломбергу: «Как только час Германии пробьет, вы снова будете рядом со мной, и все, что случилось в прошлом, будет забыто».⁶³

27 января 1938 года, после своего последнего визита к Гитлеру, который пожелал ему доброго пути, Бломберг покинул Берлин. Он отправился в Италию, чтобы возобновить прерванный медовый месяц. Началось изгнание. Несколько дней спустя Бломберга посетил адъютант адмирала Редера из ОКВ, лейтенант барон Губертус фон Вангенгейм. Он нашел парочку молодоженов нежащимися под солнцем на живописном острове Капри. Предполагалось, что Вангенгейм попросит Бломберга ради спасения чести офицерского

корпуса развестись с женой. Излишне ретивый молодой офицер-морьяк значительно превысил свои полномочия. Он стал уговаривать Бломберга совершить самоубийство и даже пытался всучить в руки фельдмаршала револьвер. Бломберг отклонил это предложение, сказав, что, очевидно, у фон Вангенхейма иные взгляды на жизнь, чем у него. Тогда Вангенхейм возмущенно заявил жениху, что испытывает к нему глубокое презрение, и удалился⁶⁴.

Последствия, которые имел этот инцидент, подтвердили, что у Бломберга в Берлине все же остались кое-какие друзья. Кейтель, теперь ставший главнокомандующим ОКВ, выгнал Вангенхейма со службы в штабе, а Геринг, видимо испытывавший угрызения совести, потребовал, чтобы Вангенхейма совсем вышвырнули из вооруженных сил и даже грозился расстрелять его. Редер, однако, защитил лейтенанта и дал тому возможность служить в ВМФ⁶⁵.

Во время пребывания супружеской четы в Италии у фрау Бломберг случился выкидыш⁶⁶. После ее выздоровления супруги отправились в путешествие по маршруту Каир—Цейлон—Индия—Индокитай—Сингапур и в конце января 1939 года вернулись в Германию, поскольку срок изгнания Бломберга подошел к концу. Они поселились в баварском городе Бад-Висзее и проживали там в полной неизвестности и уединении до самого конца войны⁶⁷.

После того как первоначальное потрясение, вызванное позорным скандалом, сгладилось, Бломберг, у которого в характере присутствовала сильная романтическая струнка, очевидно, полностью простил Еву и жил со своей женой вполне счастливо, пока после краха третьего рейха его не арестовали союзники. Еще 27 января 1938 года, когда Кейтель уговаривал его подать на развод, Бломберг возмущенно ответил, что любит Еву. Теперь ему знакомо ее прошлое, сказал он, но девушка вот уже некоторое время зарабатывает себе на

жизнь честным трудом, и он скорее застрелится, чем оставит ее⁶⁸. За три дня до этого, во время беседы с Герингом, фельдмаршал, похоже, думал иначе, но затем его позиция в этом вопросе претерпела коренные изменения, и больше он ее не менял.

Когда в сентябре 1939 года вспыхнула война, Бломберг написал Гитлеру письмо с просьбой принять его вновь на действительную службу. Он намекал, что согласен командовать даже корпусом — должность явно не соответствовала его высокому чину (см. приложение II о штатном расписании германских подразделений, включающем чины их командиров). Гитлеру, однако, теперь была известна вся глубина неприязни, с которой высший генералитет относился к Бломбергу. Он косвенным путем дал знать отставному фельдмаршалу, что использовать его не представляется возможным, пока он не расстанется со своей женой⁶⁹. На этом дело и закончилось. Бломберг предпочел Еву армии и навсегда остался вне ее рядов.

Бломберг оказался в изоляции, без друзей. Офицерский корпус фактически вычеркнул его из своих списков. Даже Рейхенау покинул его. Однажды, во время войны, оба бывших сослуживца и их жены случайно оказались в одном и том же ресторане, и оба сделали вид, что не узнают друг друга⁷⁰. В своих мало-связных, неопубликованных мемуарах (в историческом отношении совершенно бесполезных)⁷¹ Бломберг патетически восклицает, что он ожидал лучшего от Рейхенау.

Довольно странно, что с благодарностью о нем вспоминал только Гитлер. 20 мая 1940 года в день, когда немецкие танки вышли к Ла-Маншу и стало ясно, что Франция потерпела сокрушительное поражение, Гитлер был, разумеется, вне себя от радости. В середине своей спонтанной речи по случаю победы он сделал минутную паузу и затем сказал: «В этот момент я не должен забывать, чем я обязан фельдмаршалу

фон Бломбергу. Без его помощи вермахт никогда бы не стал великолепным инструментом, который вырвал нам эту блистательную победу».⁷²

Учитывая прежние заслуги Бломберга, Гитлер позаботился о том, чтобы он до конца войны получал фельдмаршальское жалованье. Оба сына Бломберга — Алекс и Хеннинг — погибли на фронте. Несмотря на эти трагедии и растущее чувство одиночества и отчаяния, Бломберг до конца продолжал верить в победу⁷³. Арестованный американцами в конце войны, он давал показания в Нюрнберге. Среди прочего он сказал: «До 1938—1939 годов германские генералы не находились в оппозиции к Гитлеру. Для этого не было никаких причин, потому что он добивался результатов, которых они желали».⁷⁴

Даже в нюрнбергской тюрьме многие бывшие коллеги и подчиненные Бломберга продолжали отворачиваться от него и вообще подвергали его остракизму. Браухич, например, отказался посетить Бломберга, когда тот уже лежал на смертном одре. Тем, кто все же поддерживал с ним контакт, Бломберг рано или поздно замечал, что его второй брак оказался «счастливым»⁷⁵.

Фельдмаршал Вернер фон Бломберг сделал очень многое для нацификации вооруженных сил и помог Гитлеру выковать оружие, без которого тот не смог бы начать и вести вторую мировую войну. Страдая от рака, он скончался «патетическим, прикованным к постели стариком» 14 марта 1946 года в Нюрнберге, где американцы держали его под стражей⁷⁶. Похоронили Бломберга без всяких церемоний в безымянной могиле⁷⁷.

ГЛАВА 2

ВАЛЬТЕР ФОН

БРАУХИЧ

Вальтер фон Браухич оказался последним профессиональным военным на посту главнокомандующего германской армией во второй мировой войне. Он был компромиссным кандидатом, да и само слово «компромисс» как нельзя лучше подходит для характеристики всей его командной карьеры. История обошлась с ним сурово, но справедливо. Ведь для того, чтобы реализовать свои личные амбиции, он слишком многое принес в жертву нацистам. Пресмыкаясь перед Гитлером, он пожертвовал остатками независимости армии и карьерами многих своих коллег и друзей. Это было сделано для того, чтобы гегемония генерального штаба в военных делах перешла к детищу Гитлера — ОКВ — и чтобы освободить место наверху для генералов, которым благоволил фюрер. В конце концов, все, что он заслужил в награду за свои компромиссы, обратилось в прах. С подорванным здоровьем, уйдя в бесславную отставку, он канул в забвение и скончался, почти ослепнув, во вражеской тюрьме. История его жизни мало привлекательна.

* * *

Вальтер фон Браухич родился в Берлине 4 октября 1881 года в семье прусского генерала кавалерии. По-

сколько ему предстояла армейская карьера, он с детства воспитывался то при императорском дворе, то вблизи от него. Юношей он принадлежал к корпусу пажей. Обладая типом мужественной красоты, он некоторое время был личным пажом императрицы Августы-Виктории. 22 марта 1900 года в возрасте восемнадцати лет он стал лейтенантом элитного 3-го полка гвардейской пехоты, но в следующем году перевелся в 3-й гвардейский полк полевой артиллерии. Вся его дальнейшая карьера была связана с артиллерией.

Следует признать, что многие его положительные новации в этой сфере, в основном, остались незамеченными историками. Именно Браухич сыграл главную роль в разработке и принятии на вооружение 88-миллиметровой пушки в двух модификациях — противотанковой и зенитной. Эта пушка позднее была установлена на «Тиграх» и «Пантерах», и ее научилось бояться и уважать целое поколение американских солдат, считавших ее лучшим танковым орудием второй мировой войны¹.

Лейтенант фон Браухич шел по ступеням своей военной карьеры, как и положено сыну прусского генерала. Он отслужил отведенный ему срок в артиллерии, прошел войсковую подготовку и в 1906 году стал адъютантом артиллерийского дивизиона, а в апреле 1909 года адъютантом 3-го гвардейского полка полевой артиллерии. Шесть месяцев спустя он был произведен в чин оберлейтенанта.

29 декабря 1910 года фон Браухич женился на Элизабет фон Карштедт, девушке с аристократической родословной, но, по отзывам современников, некрасивой и холодной. Это произошло, когда он учился в военной академии. Выпущенный из академии в 1912 году, он получил право носить на своих форменных брюках красные лампасы — отличительный признак офицера генерального штаба. В том же году он получил назначение в генеральный штаб в Берлине. В 1913 году ему

присвоили чин капитана и, когда в 1914 разразилась война, Браухич служил в генеральном штабе армии².

Всю войну Браухич провел на Западном фронте в качестве офицера генерального штаба, будучи прикомандирован сначала к 16-му корпусу (1914—1915 гг.), а затем к 34-й пехотной дивизии (1915—1918 гг.), к 1-й гвардейской резервной дивизии (1918 г.) и к гвардейскому резервному корпусу.

Из войны он вышел с чином майора и орденом Дома Гогенцоллернов, принадлежавшим к числу высших наград в императорской армии³. Само собой разумеется, его приняли на службу в сотысячный рейхсвер.

В дни Веймарской республики Браухич продолжал медленно, но упорно карабкаться по ступенькам служебной лестницы. Он служил в штабе второго военного округа, а затем его перевели в командование артиллерией округа, после чего он отбыл обязательную годичную стажировку в войсках в качестве командира 2-й батареи 2-го полка полевой артиллерии (1921—1922 гг.) и вновь был переведен на штабную работу в военном ведомстве. Этот период продолжался три года, а затем ему пришлось отбыть двухгодичную стажировку в должности командира 2-й дивизии 6-го артиллерийского полка (1925—1927 гг.), после чего он стал начальником штаба шестого военного округа в Мюнстере (1927—1930 гг.), откуда его вернули в генеральный штаб в Берлине. Там он служил начальником отдела боевой подготовки (1930—1932 гг.) и инспектором артиллерии (1932—1933 гг.). Когда Гитлер стал канцлером, фон Браухич уже готовился занять пост командующего первым военным округом в Кенигсберге. Повышениям в должности естественно сопутствовали повышения в чине: подполковник (1925 г.), полковник (1928 г.), генерал-майор (1930 г.) и генерал-лейтенант (1933 г.)⁴.

Отношение Браухича к нацистам колебалось между холодной настороженностью и открытой враждебнос-

тью. Он жестко повел себя с Эрихом Кохом, фанатичным нацистским гаулейтером Восточной Пруссии, и даже удалил с окружных маневров части СС, вызывавшие у него раздражение. Наблюдая за нацистской манифестацией в Нюрнберге, он сказал генералу Вильгельму Адаму, что очень сожалеет о том, что не живет за границей. Позднее, когда Геббельс стал распространять грязные сплетни о его частной жизни, Браухич вызвал его на дуэль. Он утверждал, что является глубоко религиозным человеком. Было известно, что на его ночном столике постоянно лежала Библия, к которой он обращался за душевным покоем и утешением⁵. На том этапе своей карьеры он никак не мог считаться приверженцем нацистов. Многие генералы были о нем высокого мнения, считая его «выдающимся представителем прусской аристократической традиции», как указывает историк Гарольд Дойч⁶. Главнокомандующий армией Вернер фон Фрич назвал Браухича своей «лучшей лошадкой»⁷ и поручил ему в 1937 году командование четвертой армейской группой в Лейпциге.

Теперь генерал артиллерии Браухич командовал 14-м, 15-м и 16-м корпусами, куда входили германские танковые, механизированные и моторизованные дивизии — вся мобильная ударная сила рейха. Это был чрезвычайно ответственный пост, дававший тому, кто его занимал, основания надеяться на блестящее будущее. Однако Браухич вовсе не считал, что находится на пороге большой карьеры, скорее наоборот, она ему казалась почти законченной. Ему грозила вполне реальная перспектива позорной, преждевременной отставки и прозябания на пенсии в обстановке ostracism со стороны друзей и сослуживцев. Причиной такого мрачного настроения стала женщина, или, если быть точным, две женщины.

Жена Браухича, по свидетельству генерала Курта Зиверта, была непривлекательной, «гувернанткой», которой не хватало тепла и женственности⁸. Пять лет они

жили раздельно, хотя еще в период их совместной жизни Браухич имел по меньшей мере одну внебрачную связь. Той, другой женщиной была Шарлотта Рюффер, красивая, соблазнительная дочь силезского судьи, уже побывавшая однажды замужем и получившая развод. Браухич познакомился с ней в Бреслау в 1925 году. Он тогда же попросил у своей жены развод, но та отказала ему. Некоторое время любовники продолжали встречаться, а затем Шарлотта вышла замуж за директора банка по фамилии Шмидт, но тот, приехав как-то раз в Берлин по делам, утонул в ванне. Шарлотта вновь оказалась свободна и возобновила связь с Браухичем, который в 1937 году возвратился из Восточной Пруссии.

К началу 1938 года Браухич твердо вознамерился жениться на ффрау Рюффер, однако его жена соглашалась на развод только после получения на руки кругленькой суммы наличными в качестве единовременного пособия. Генерал же предлагал иной вариант — он был готов выплачивать жене большую часть своего жалования в виде ежемесячных алиментов. Это не устраивало ффрау Браухич. Она требовала разовой выплаты, не растянутой на годы, в противном случае угрожала устроить скандал в ходе судебного разбирательства дела о разводе, что означало бы конец карьеры Браухича. В тридцатые годы уже сам ффакт развода серьезно повредил бы репутации Браухича и мог повлиять на его дальнейшую карьеру, а о публичном скандале уже и говорить нечего. Прусский офицерский корпус с его окостенелыми традициями и жесткими моральными установками просто не потерпел бы пребывания в своей среде генерала, интимные подробности семейной жизни которого стали достоянием гласности. И все же Браухич решил плюнуть на все и начать бракоразводный процесс, хотя бы это даже означало, что ему придется оставить единственную профессию, которой он владел. Ситуация, в которой он

оказался, представлялась ему невыносимой⁹. И вдруг все уладилось самым наилучшим образом. Браухич не только оформил быстрый и бесшумный развод, но все материальные претензии к нему бывшей жены оказались полностью удовлетворенными. Такому благополучному выходу из, казалось бы, тупиковой ситуации способствовало вмешательство не кого иного, как главы государства. Однако самое главное заключалось в том, что Браухич был произведен в генерал-полковники и назначен главнокомандующим германскими сухопутными войсками! Вот как это случилось.

Как нам уже известно из главы 1, фельдмаршала Вернера фон Бломберга освободили от должности военного министра 26 января 1938 года, когда обнаружилось, что он женился на бывшей проститутке. Следующим кандидатом на этот пост был генерал-полковник барон Вернер Томас Людвиг фон Фрич. Одна мысль о том, что назначить министром придется этого упрямого пруссака с независимым мышлением, выводила Гитлера из равновесия. Фюрер презирал фон Фрича, который не скрывал своей неприязни к нацистам, ненавидел СС и дал ясно понять на конференции 5 ноября 1937 года о своей оппозиции агрессивным планам Гитлера. Герман Геринг, сам зарившийся на пост военного министра, понимал, что прежде чем надеть на себя мантию Бломберга, нужно избавиться от Фрича. Поэтому он вступил в сговор с Гиммлером и Рейнхардтом Гейдрихом, шефом СД, с целью сфабриковать дело против Фрича.

25 января, представив Гитлеру полицейское досье на фрау Бломберг, Геринг подал еще один документ, подготовленный Гиммлером и Гейдрихом, в котором Фрич обвинялся в гомосексуализме. Там утверждалось, что Фрич с 1935 года платил отступные бывшему уго-

ловнику Гансу Шмидту, который шантажировал генерала угрозой предать гласности его предосудительные связи. Все эти обвинения были, разумеется, чистой выдумкой, но Гитлер воспринял их весьма серьезно. В тот же день, несмотря на приказ соблюдать секретность, полковник Хоссбах предупредил Фрича о происходящем. Фрич был взбешен. На следующий день Хоссбах, понимая, что это может нанести непоправимый удар его карьере, честно признался фюреру в содеянном и стал упрашивать его выслушать Фрича, чтобы тот имел возможность ответить на обвинение. К его удивлению, фюрер охотно согласился.

Знаменательная встреча произошла в тот же вечер в библиотеке имперской канцелярии. Фрич дал слово, что все обвинения против него являются ложными. К его ужасу, Гиммлер затем приказал ввести Шмидта, опознавшего в фон Фриче человека, которого он застал при совершении гомосексуального акта с одним подозрительным типом по кличке «Баварец Джо» в темном переулке у Потсдамского железнодорожного вокзала. Этот подлец поклялся Гитлеру, что Фрич в течение нескольких лет откупался от него.

Фрич онемел от гнева, будучи не готовым к такой наглости. Это его-то, человека с безупречным прошлым, смеют поливать грязью! Гитлер, однако, принял молчание Фрича за признание вины и попросил его подать в отставку. Барон отказался, потребовав разбирательства в военном суде чести. К несчастью для Фрича, Гитлер увидел в этом деле шанс избавиться от досадной помехи и не собирался передавать его на рассмотрение более объективного органа. Он отправил Фрича в отпуск на неопределенный срок, фактически устранив от командования. На следующий день Гитлер уже начал подбирать преемников Фричу, так же, впрочем, как и Бломбергу¹⁰.

К 26 января у Гитлера созрело решение взять на себя исполнение обязанностей Бломберга. Генерал

Вильгельм Кейтель должен был стать его главным заместителем по военной части в качестве главнокомандующего вооруженных сил (ОКВ), которому будет подчиняться командование сухопутных сил (ОКХ) — так теперь следовало выглядеть новой организационной структуре. Главным кандидатом на пост Фрича был Рейхенау, которого рекомендовал Бломберг. Кейтель, однако, противился назначению Рейхенау, потому что в этом случае многие старшие генералы отказались бы служить под его командованием. Армия не могла позволить себе новых потрясений после скандалов с Фричем и Бломбергом, сказал он. Предлагались и другие кандидатуры. Рундштедта отвергли ввиду почтенного возраста, Иоахим фон Штюльпнагель считался «неблагонадежным» (т. е. не сочувствовал нацистам).

Кандидатуру глубоко религиозного Вильгельма фон Лееба отбросили с ходу. Наконец, Кейтель упомянул Браухича. Шеф ОКВ стал расхваливать его как аполитичного вояку, отменного специалиста в вопросах организационной и боевой подготовки и испытанного командира. Гитлер вспомнил, что в ряду кандидатов, рекомендованных Бломбергом, Браухич шел сразу после Рейхенау, но не проявил особого энтузиазма. Очевидно, ему на память пришли сообщения об антинацистском поведении Браухича в Восточной Пруссии. Все же он согласился встретиться с командующим 4-й армейской группой, чтобы составить окончательное мнение. Кейтель быстро вызвал Браухича в Берлин¹¹.

На следующий день, 29 января, генерал Браухич встретился с Гитлером. У Кейтеля он выяснил, что его полномочия на новом посту будут ограничены рядом условий, но был готов к компромиссу. Он был «готов согласиться на все», отметил Йодль в своем дневнике¹².

Гитлер, однако, предпочел Рейхенау, возможно, потому что ему была известна семейная ситуация фон Браухича, и Гитлеру вовсе не хотелось еще одного

скандала. Кроме того, Рейхенау в отличие от Браухича славился своими пронацистскими симпатиями.

31 января Гитлер встретился с Гердом фон Рундштедтом, который теперь был старшим из всех генералов, находившихся на действительной службе. Рундштедт, к неудовольствию Гитлера, настоятельно рекомендовал генерала Людвига Бека, начальника генерального штаба, известного своим прохладным отношением к нацизму. Когда Гитлер заговорил о Рейхенау, Рундштедт напрочь отверг эту идею. До окончательного разрешения дела Фрича Гитлер не мог позволить себе игнорировать мнение самого влиятельного в армии генерала и поэтому предложил новую кандидатуру — фон Браухича. Рундштедт очень тепло отозвался о фон Браухиче и сказал, что для сухопутных сил он вполне приемлем¹³.

После этой встречи о назначении Рейхенау не могло быть и речи, хотя Гитлер продолжал периодически упоминать о нем, желая, очевидно, добиться больших уступок от генерала Браухича.

Тем временем Кейтель вызвал одного из сыновей Браухича (скорее всего, это был будущий полковник люфтваффе Бернд фон Браухич) и послал его к матери с заданием уговорить ее согласиться на развод. Она согласилась подписать все необходимые бумаги при условии удовлетворения ее финансовых требований.

В дело вмешался и Геринг, который недолюбливал твердолобого Рейхенау. 1 февраля он стал размышлять над назначением Браухича. Вне всякого сомнения, он разузнал, что Шарлотта Рюффер, предмет страсти Браухича, являлась фанатичной нацисткой и имела большое влияние на генерала. Он порекомендовал Гитлеру заплатить фрау фон Браухич требуемую сумму и объявить о назначении.

Допустив нацистов в свою личную жизнь, Браухич расстался с самостоятельностью. Его выбор стал ясен — прийти к соглашению с Гитлером, в таком случае все

его проблемы будут разрешены: он сможет жениться на красивой женщине, которую любит, и в то же самое время достигнет пика своей карьеры. Альтернативой этому была почти позорная отставка, постоянная нехватка денег и продолжение постылого брака с нелюбимой женщиной, которую ему придется содержать всю оставшуюся жизнь.

2 февраля Браухич снова встретился с Гитлером и согласился почти на все его требования. «Почти», однако, было недостаточно для фюрера, на следующее утро Йодль обнаружил Кейтеля совершенно подавленным. Гитлер и Геринг, сказал он, склоняются все же к кандидатуре Рейхенау. Кейтель опасался, что армия не поддержит назначение Рейхенау. Бек навряд ли стал бы служить под его командованием, так же как и Франц Гальдер, заместитель начальника генерального штаба. Кейтель страшился массовой отставки. Придя в отчаяние, он попросился на прием к Гитлеру¹⁴.

Нам не известны все подробности переговоров, состоявшихся 31 января — 3 февраля 1938 года, зато результаты их слишком хорошо известны. Браухич был произведен в чин генерал-полковника и назначен главнокомандующим сухопутными силами 4 февраля 1938 года. Он безропотно принял новую командную структуру с Кейтелем во главе вооруженных сил. Таким образом, сухопутные силы потеряли свой ранее не подвергавшийся сомнению приоритет в военных делах. Так же безропотно он принял присвоение Гитлером портфеля военного министра и пообещал усилить пропаганду национал-социализма в сухопутных силах. Фрау Браухич получила из партийной кассы свои отступные, размер которых, по различным данным, колебался от 80000 до четверти миллиона рейхсмарок. И покатились головы.

Браухич согласился с кадровыми изменениями на высшем уровне. Многим пришлось пожертвовать своими карьерами ради его продвижения. Первым заста-

вили уйти генерал-лейтенанта Виктора фон Швельдера, начальника управления кадров сухопутных сил, и его двух заместителей, полковников Адольфа Кунцена и Ганса Белендорфа, которые постоянно сопротивлялись попыткам нацистов протолкнуть своих людей на теплые местечки¹⁵. На место Швельдера был назначен полковник Бодевин Кейтель, брат шефа ОКВ, которого нацисты сочли вполне надежным.

Самым видным военным, которому пришлось уйти, оказался генерал Вильгельм фон Лееб, командующий второй армейской группой, который по старшинству уступал только Рундшtedту. Он не устраивал Гитлера своей ревностной приверженностью к католицизму и был уволен. Правда, увольнение подсластили почетным чином генерал-полковника. В отставку вынудили уйти и промонархически настроенных Эвальда фон Клейста и баварского аристократа Франца Кресса фон Крессенштейна, командующих восьмым и двенадцатым военными округами. Список отставников дополнили Освальд Лютц, первый генерал танковых войск, генерал Гюнтер фон Погрелль, инспектор кавалерии, генерал Курт Лизе, начальник артиллерийско-технического управления, и генерал-лейтенант Гюнтер фон Нибельшютц, инспектор военно-учебных заведений сухопутных сил. Франц Гальдер, заместитель начальника генштаба по боевой подготовке, также был на заметке у Гитлера, но его спасло личное заступничество Кейтеля. Ряды вооруженных сил покинули будущие фельдмаршалы Георг фон Кюхлер, барон Максимилиан фон Вейхс, Гюнтер фон Клюге и Эрвин фон Вишлебен. Рундшtedт поначалу избежал «чистки», но до него добрались в ноябре, а заодно убрали Курта Либмана, Вильгельма Адама, а также Кнохенхауэра и Вильгельма Улекса — командующих войсками пятого, десятого и одиннадцатого военных округов. Потерял свое место и полковник Фридрих Хоссбах, «ненадежный» адъютант Гитлера, поплатившись за предупреждение Фрича о

заговоре против него. В итоге были уволены шестнадцать старших армейских генералов, а сорок четыре переведены на другие должности¹⁶. Их заменили люди, соответствовавшие меркам нацистов.

Телфорд Тейлор так подытожил ситуацию: «Чтобы заполучить новое место, Браухич не погнушался пойти на уступки, от которых дурно пахло, и поставил себя в постоянную зависимость от Геринга, Кейтеля и самого Гитлера. Принципы были принесены в жертву ради личной выгоды, и офицерский корпус за это вскоре дорого поплатился»¹⁷. В этом историк абсолютно прав.

События февраля 1938 года имели спустя год еще одно последствие, которое продемонстрировало всю глубину лицемерия Браухича и явилось тем редким случаем, когда Гитлер предстал в выгодном для себя свете. Девушка из приличной семьи забеременела от молодого лейтенанта, который поступил вполне благородно, тотчас же сделав ей предложение. Это, однако, не удовлетворило Браухича, который запросил разрешение уволить молодого человека из армии. Когда дело дошло до Гитлера, тот разгневался. «Вот где истинная суть этих надменных генералов-аристократов типа Браухича, — закричал фюрер, — самому ему, значит, можно было завести шашни на стороне, с будущей второй женой, оставаясь женатым на первой, а теперь он хочет загубить карьеру молодого человека, который вел себя гораздо более достойно, чем он сам». Далее Гитлер сказал, что ни о каком увольнении не может быть и речи, и посоветовал Браухичу по отношению к своим подчиненным применять те же моральные стандарты, что и к себе¹⁸.

* * *

Через пять недель после вступления в должность Браухич попытался возвратиться на старые позиции

относительно командной структуры, в которой доминировало ОКВ. Он поддержал инициативы Людвига Бека, который вместе с заместителем начальника генштаба по вопросам оперативного планирования Эрихом фон Манштейном представил меморандум, в котором предлагалось вернуть приоритет сухопутным силам при любой структуре командования вермахтом. Кейтель, опираясь на мощную поддержку Геринга, успешно заблокировал это предложение, а репутация Вальтера фон Браухича понесла первый серьезный урон в глазах Адольфа Гитлера. Вскоре после этого Манштейн перевели из генерального штаба командовать восемнадцатой пехотной дивизией. Ему на смену пришел Гальдер¹⁹.

Через шесть недель после вступления в должность Браухича началась так называемая «цветочная война». Эта серия бескровных дипломатических побед открылась внезапным дипломатическим ударом по Австрии, которая 12 марта 1938 года была включена в состав «третьего рейха». «Для меня это было полной неожиданностью!» — заявлял потом Браухич в своих показаниях в Нюрнберге, и действительно, к планам аншлюсса он был непричастен. Его, похоже, в то время даже вообще не оказалось в Берлине²⁰.

Следующей мишенью Гитлера стала Чехословакия, где три миллиона немцев оказались отрезанными от Германии границей, произвольно установленной Версальским договором*. Пражское правительство многие годы подвергало их дискриминации, особенно в судах, где им, как правило, выносили более суровые приговоры, чем чехам, и вообще относились с явным пристрастием. Чехи имели также предпочтение в других сферах, например, при поступлении на службу в госучреждения.

* Версальский договор 1919 г. устанавливал новые границы Германии. Судетская область, вошедшая в состав Чехословакии, прежде была частью территории Австро-Венгрии, и большинство населения в ней составляли немцы.

В Чехословакии не делалось никаких попыток к ассимиляции немцев, и в результате они в 1938 году представляли собой благодатную почву для семян нацистской агитации.

Судетский кризис начался 24 апреля, когда Конрад Генлейн, возглавлявший организацию НСДАП в Судетах, выдвинул программу, предусматривающую представление Судетам автономии. Эта программа была составлена в достаточно умеренных выражениях, дабы привлечь симпатии международного сообщества, но Генлейн (и Гитлер) знали, что президент Чехословакии Эдуард Бенеш отвергнет ее²¹.

Во время судетского кризиса Браухич стоял перед серьезной дилеммой. Он, как и подавляющее большинство немцев, полагал, что эти земли должны быть возвращены Германии, но серьезно сомневался в реальности этой перспективы, потому что Франция и Великобритания были связаны договорными обязательствами с Чехословакией. Кроме того, на него оказывали прямо противоположное влияние его жена-нацистка и генералы Бек и Гальдер, выступавшие против планов Гитлера, потому что их осуществление, считали генералы, сделает неизбежной всеобщую войну в масштабах Европы. Слабовольного главнокомандующего сухопутных сил продолжал преследовать призрак войны на два фронта, погубившей в 1918 году «второй рейх».

Кризис обострился 21 мая, когда чешские полицейские застрелили двух судетских фермеров и Прага мобилизовала около 200000 солдат под предлогом того, что Германия сконцентрировала войска в Силезии и Саксонии, на чехословацкой границе. Акцию чехов поддерживали Британия, Франция и Советский Союз. Гитлер пришел в ярость, поскольку ничего подобного он пока не предпринимал. Такие намерения у него имелись, это правда, но союзники об этом не знали, и он впал в бешенство, потому что его обвинили в преступлении, которого он еще не успел совершить. Он решил

покончить с судетским вопросом к концу 1938 года, несмотря ни на что, даже если бы за это пришлось заплатить всеевропейской войной²².

28 мая он вызвал в берлинскую имперскую канцелярию Геринга, Браухича, Кейтеля, Бека, Редера, Риббентропа и Нейрата и выразил «непоколебимое желание к тому, чтобы Чехословакия была стерта с политической карты».²³

За частичной мобилизацией, объявленной Прагой, скрывались несколько иные мотивы. Чешское правительство хотело иметь в Судетах под руками войска на всякий случай, поскольку на следующий день там должны были состояться муниципальные выборы. Сторонники Генлейна спровоцировали всеобщие беспорядки. Стали поступать инсценированные нацистами сообщения об актах насилия, совершаемых чехами по отношению к лицам немецкой национальности, и кризис обострился. Два дня спустя, 30 мая, Гитлер подписал приказ о разработке плана операции «Грюн» — вторжения в Чехословакию. Ее начало намечалось, самое позднее, на 1 октября.

Людвиг Бек тоже недолюбливал чехов и хотел, чтобы Судеты вернули Германии, но не ценой большой войны, которую, по его убеждению, Германия выиграть не могла. Поэтому он начал плести заговор против Гитлера. Однако Бек не был человеком действия, более того, у начальника генерального штаба не было войск в прямом подчинении. Никакой военный переворот с целью свержения нацистского режима не мог оказаться успешным без поддержки главнокомандующего сухопутными войсками. Имея это в виду, Бек попросил Браухича о встрече 30 мая, через два дня после того, как Гитлер объявил о своих намерениях в отношении Праги. Браухич, однако, догадался о цели визита Бека и ответил тому, что срочно уезжает в кратковременный отпуск и повидается с Бекком после своего возвращения²⁴. В действительности же Браухич просто старался

избежать этой встречи. Он не желал войны, к которой, как ему было известно, Германия еще не подготовилась как следует, однако не хотел проявлять личную инициативу с целью ее предотвращения. Позднее он сказал: «А с какой стати я один должен был выступать против Гитлера? Его избрал германский народ, и рабочие, как и все остальные немцы, были вполне довольны его успешной политикой».²⁵

Бек продолжил свою антивоенную кампанию серией меморандумов, выпущенных в июне и июле, в которых была ясно указана полная безнадежность позиции Германии, изолированной в военном отношении. Самым важным, пожалуй, был меморандум от 16 июля, где перечислялись опасности войны на два фронта, резко критиковалась политика фюрера, основанная лишь на интуиции, и подчеркивалась неготовность Германии к большой войне. Нельзя забывать о том, что германская программа наращивания вооружений начала реализовываться всерьез менее чем за четыре года до этого, и армия не могла расширяться произвольно быстрыми темпами, поскольку в 1935 году ее численность составляла всего лишь 100000 человек. Несмотря на энтузиазм, вызванный политикой Гитлера, в нацистской Германии в 1938 году все еще ощущался серьезный дефицит обученных солдат²⁶.

29 июля Бек наконец-то встретился с Браухичем. При поддержке нескольких видных генералов, среди которых был и Вильгельм Адам (именно его прочили на должность главнокомандующего Западным фронтом), ему удалось заставить Браухича созвать тайное совещание высших командиров для обсуждения ухудшавшейся международной ситуации и вытекавшей из этого военной угрозы для Германии.

Знаменательное совещание состоялось 4 августа. Зная, что Браухич не отличается стойкостью духа, Бек сам написал ему текст выступления с анализом изолированного положения Германии, где констатировалось,

что Германия будет готова к войне не ранее 1941 года и что Гитлер должен действовать в соответствии с этой точкой зрения.

Браухич не стал читать речь, подготовленную Бек-ом, но позволил начальнику генерального штаба зачитать его меморандум от 16 июля, который произвел на генералов глубокое впечатление. Генерал Адам встал и выступил в поддержку Бека. Директива «Грюн», сказал он, оставляет в его распоряжении на Западе лишь пять полноценных дивизий, четыре резервных дивизии и части ландвера (укомплектованные резервистами в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет). Он предполагал, что французы, у которых имелось около ста дивизий, легко опрокинут этот заслон. Эти выступления придали некоторую смелость Браухичу. Он признал, что разделяет тревогу Бека и Адама, и даже отважился на высказывание о том, что европейская война будет означать конец германской культуры. Бек спросил, сомневается ли кто-нибудь из генералов в том, что война с Чехословакией и ее союзниками в военном отношении является глупостью. Никто не сомневался, но на этом единодушие заканчивалось.

Бек хотел, чтобы главнокомандующий явился к Гитлеру и от имени большинства потребовал, чтобы тот изменил свою политику. Генерал Клюге даже предложил всем подать в отставку, что, по его мнению, заставило бы Гитлера пересмотреть свои решения. Браухич, однако, не желал выступать во главе такой военной оппозиции, пусть даже и мирной, да и фон Рундштедт советовал ему не лезть на рожон, опасаясь, очевидно, что его уволят и заменят ненавистным Рейхенау. Рейхенау, также выступавший против войны, сказал, что решение зависит всецело от Гитлера и только от него. Генерал Эрнст Буш вторил чувствам Рейхенау, говоря о послушании и о присяге. Остальные командиры говорили очень мало. В основном они отмалчивались. На этом совещании так и не приняли никакого конкрет-

ного решения, но кое-какие результаты, хотя и косвенные, все же были²⁷.

Браухич понимал, что до Гитлера вскоре дойдут слухи о меморандуме Бека от 16 июля, и поэтому показал ему этот документ. Гитлер обнаружил теперь, что его недоверие к Беку имеет под собой серьезные основания. Он посоветовал Браухичу избегать контактов с Беком, а все возникающие вопросы решать с генералом Гальдером, заместителем начальника генерального штаба. Браухич так и поступил. Он также, скрепя сердце, передал опасения генералов по поводу операции «Грюн», но когда Гитлер решительно отменил все возражения, Браухич тут же стушевался. Гитлер в частном порядке заметил, что Чехословакию он возьмет с одними генералами, а с Францией будут иметь дело уже другие²⁸. Очевидно, эта идея крепко засела у него в голове, потому что 10 августа в Бергхофе он устроил завтрак для генералов низшего звена, на котором присутствовали все начальники штабов будущих армий и соединений люфтваффе, которые должны были принять участие в этой кампании. Браухич и Бек не были включены в список приглашенных. Фрич никогда бы не потерпел такого вопиющего нарушения протокола. Браухич же ни единым словом не выразил своего протеста²⁹.

После завтрака Гитлер произнес трехчасовую речь. Если его целью было убедить младших генералов в реальности плана «Грюн», то результат оказался прямо противоположным ожидаемому. Когда фюрер заявил, что французы не смогут прорвать полосу укреплений на западной границе, ему возразил генерал от инфантерии Густав фон Витерсхейм, старший из присутствовавших генералов, который солидаризировался с точкой зрения Адама, считавшего, что Западный фронт продержится не более трех недель. Услышав это, Гитлер впал в бешенство. Он обозвал генералов пораженцами и проходимцами и заверил Витерсхейма в том, что укрепления можно будет удерживать в течение трех

лет. Такое проявление несдержанности со стороны главы государства смутило и напугало генералов. Никто больше не осмелился протестовать против агрессивных планов Гитлера³⁰.

В то же время, если Гитлер, устраивая это мероприятие в Бергхофе, преследовал цель предупредить своих военачальников, что не потерпит никакой оппозиции, то здесь он явно преуспел.

Пять дней спустя, 15 августа, Гитлер посетил учения на полигоне в Ютербоге и, выступая перед старшими генералами, опять говорил о своей непоколебимой решимости сокрушить Чехословакию. На этот раз возражений не последовало. После этой встречи Бек предложил фон Браухичу поговорить наедине. Главнокомандующий, однако, отказался, сославшись на то, что уходит в отпуск. Еще один отпуск за такое короткое время! Бек был в ярости. Когда ему все же удалось 18 августа встретиться с Браухичем, главнокомандующий сказал Беку, что Гитлер подписал приказ, требующий безоговорочного повиновения от всех генералов и в том числе от начальника генерального штаба. Браухич заявил, что будет выполнять этот приказ, а Бек отказался. Оба генерала обменялись резкостями. Браухич, очевидно, устал от давления, оказываемого на него начальником штаба. Наконец, Бек подал заявление об отставке и призвал Браухича сделать то же самое. Тот отказался, заявив: «Я солдат. Мой долг повиноваться».

С уходом Бека слабовольный Браухич потерял беспокойного подчиненного, который пытался силой аргументов склонить его на сторону разума и справедливости и совершить поступок, достойный мужественного и порядочного человека, даже если это означало бы встать в оппозицию к Гитлеру. Распрощавшись с Бек-ом, Браухич вздохнул с облегчением. Новым начальником генштаба сухопутных сил был назначен генерал Гальдер.

Мы не будем здесь вдаваться в подробности плана операции «Грюн» по вторжению в Чехословакию, потому что она так и не была осуществлена. Однако один аспект операции весьма показателен: Гитлер постоянно вмешивался в ход ее подготовки.

Браухич и Гальдер планировали два глубоких, проникающих удара, которые должны были взломать оборону чехов подобно двум кинжалам, взять их армию в клещи в Моравии и принести быструю и решительную победу. Однако Гитлер выдвинул возражения, настаивая на наступлении более широким фронтом.

Решающее совещание состоялось в Нюрнберге, начавшись в 10 часов вечера 9 сентября длинным выступлением Гальдера в защиту плана сухопутных сил. Он вторил чувствам Браухича, заявляя, что Германии нужна молниеносная победа. Тогда как план Гитлера позволял чехословацкой армии отступить в Словакию и давал союзникам время предпринять действия на Западе в то время, пока сухопутные силы Германии будут в основной своей массе связаны на Востоке.

Гитлер оспорил этот аргумент, сказав, что в плане Браухича—Гальдера слишком многое зависело от успеха кинжальных ударов-клещей. Он решил, что все же стоит попытаться его осуществить, но нельзя делать на него главную ставку. В конце концов фюрер предложил компромисс, предусматривавший реализацию обоих планов, поскольку мотомеханизированные силы делились между армиями Рундштедта, Рейхенау и Листа³¹.

Военачальники на это не соглашались, потому что он означал дробление сил и уменьшал шансы на быструю, решительную победу, ослабляя ударные группировки. Браухич переложил технические аспекты дискуссии на плечи Гальдера и еще раз призвал Гитлера отложить вторжение, пока еще можно было избежать войны на два фронта. В ответ Гитлер обвинил его в малодушии. Кейтель также

набросился на Браухича, заявив, что не потерпит со стороны ОКХ «критиканства» и «пораженчества». Он обвинил генералов сухопутных сил в зависти по отношению к фюреру и в том, что они видят в нем лишь ефрейтора первой мировой войны, а не величайшего государственного деятеля со времени Бисмарка³². Однако Гальдер, чья внешность школьного учителя, на первый взгляд весьма обманчивая, на самом деле скрывала под собой невероятное упрямство, стоял на своем. Наконец, к четырем часам утра Гитлер устал, потерял терпение и отказался от тактики убеждения. Он приказал приступить к выполнению компромиссного плана³³. И тогда Браухич удивил всех, заявив о своей безграничной верности фюреру. После того как генералы ушли, Гитлер повернулся к Кейтелю и страдальческим голосом выразил огромное сожаление из-за того, что нацистские гаулейтеры не могли командовать армиями, ведь эти люди обладали и мужеством, и верой в фюрера³⁴.

Вторжение в Чехословакию не состоялось после Мюнхенских соглашений, и потому трудно определить, кто был прав и насколько эффективным на практике оказался бы план Гитлера. Однако его принятие означало поражение для сухопутных сил. Это было первым вмешательством Гитлера в разработку военных операций. В связи с этим можно с уверенностью говорить о том, что данный процесс начался еще в 1938 году, а не в 1940, как обычно утверждают историки.

Тем временем к заговору против Гитлера присоединился генерал Гальдер. Заговорщики намечали организовать вооруженные выступления против нацистов, арестовать Гитлера и поставить у власти правительство из военных (см. гл. 18). 28 сентября судетский кризис достиг своего пика. За мощными приграничными укреплениями стояла 800-тысячная отлично вооруженная че-

хословацкая армия; французы также провели частичную мобилизацию и могли выставить против слабых армий Адама 65 дивизий; британский флот был приведен в состояние полной боеготовности. Тем временем на Вильгельмштрассе было устроено некоторое подобие парада. Заполняя воздух чадом своих двигателей, по улице грохотали немецкие танки. Не слишком многочисленные зрители-берлинцы наблюдали за этим зрелищем с каменными лицами. Они не хотели войны. Многие немцы из страха перед воздушными налетами бежали из городов, расположенных на западе страны.

28 сентября Гальдер уже был готов отдать приказ, приводивший в действие механизм военного переворота, намеченного на следующий день. Все зависело от решения Браухича, но тот колебался, не зная, что делать³⁵.

Посреди всей этой тревожной неразберихи, 4 августа завершился развод Браухича. 23 сентября наконец-то стало явью затаенное желание его сердца: он женился на Шарлотте Рюффер. После этого один из заговорщиков, Ульрих фон Хассель, записал в своем дневнике: «Браухич теперь тесно связан с нацистами, оказывающими на него влияние через его фанатичку-жену, наци на 200 процентов».³⁶

Новоиспеченная фрау фон Браухич была таковой еще задолго до 1933 года. Ее влияние на генерал-полковника было, очевидно, очень сильным. У нее вошло в привычку напоминать мужу о том, что «мы очень многим обязаны фюреру», каждый раз, когда Гальдер и другие убеждали его занять четкую и недвусмысленную позицию по отношению к Гитлеру. Постоянные колебания Браухича, когда он за ночь менял свое мнение на 180 градусов, они относили на счет пронацистского влияния жены³⁷.

Браухич так никогда и не смог заставить себя выступить против Гитлера. На этот раз за него вмешалась судьба. Рано утром 30 сентября Франция, Британия,

Италия и Германия подписали Мюнхенское соглашение, отдавшее Судеты Германии. Пражское правительство, которое даже не пригласили на конференцию, осталось без союзников и не имело иного выхода, кроме того как согласиться с ее результатами. Вермахт оккупировал Судеты 1—10 октября 1938 года.

Уступив эти территории, Чехословакия потеряла мощные приграничные укрепления и превратилась в беззащитное государство.

Предполагалось, что Мюнхенские соглашения защитят то, что осталось от Чехословакии, но произошло обратное. На сцену выступила Польша и потребовала Тешинскую область, которую ей и передали. Венгрия согласилась, чтобы ее территориальные притязания рассматривали «международные арбитры» — германский и итальянский министры иностранных дел Иоахим фон Риббентроп и граф Галеаццо Чиано, которые отрезали Хорти солидную часть Словакии. При явном поощрении все того же фон Риббентропа и его статс-секретаря Эрнста Вейцзеккера словацкий парламент 14 марта 1939 года объявил Словакию независимым государством, а в это время венгерские войска оккупировали Рутению*, восточную оконечность Чехословакии. И, наконец, два дня спустя престарелый президент, доктор Эмиль Гаха, капитулировал полностью. Он подписал документ, согласно которому остатки Чехии и Моравии переходили к «третьему рейху» в качестве «протектората». Эти районы были оккупированы вермахтом в тот же день. Чехословакия перестала существовать.

* * *

Военные действия с Польшей были кампанией Вальтера фон Браухича. Как и большинство немцев в то

* Имеется в виду Закарпатская Украина с центром в Ужгороде.

время, он считал, что «Польский коридор» и Вольный город Данциг, переданные Варшаве по Версальскому договору, по праву принадлежат Германии и должны быть ей возвращены. Дата нападения на Польшу приближалась. Доктор Яльмар Шахт, президент рейхсбанка и бывший министр экономики, сказал, что в этой связи он собирался поехать в штаб ОКХ и напомнить Браухичу о его клятве быть верным конституции, которая, в свою очередь, предусматривала, что право объявлять войну принадлежит лишь рейхстагу. Браухич велел передать Шахту, что если тот хотя бы одной ногой переступит порог ОКХ без его разрешения, то будет арестован. Бек также послал Браухичу письмо, призывая его остановиться, пока еще не слишком поздно. Браухич не потрудились даже ответить на это письмо³⁸.

Несмотря на значительное преувеличение германского военного потенциала как в иностранных, так и в отечественных средствах массовой информации, численность вермахта в 1939 году намного превышала показатель сентября 1938 года. В течение каждого года в сухопутных силах проходило подготовку около 250000 призывников, и теперь в распоряжении армии имелись обученные резервисты. Танки устаревших моделей Т-I и Т-II постепенно заменялись гораздо более современными Т-III и Т-IV.

Недостатки и узкие места в мобилизационных планах, высветившиеся в реальных условиях в сентябре 1938 года, были устранены Браухичем. «Западный вал», являвшийся в 1938 году лишь жалкой пародией на укрепления, теперь, в 1939, существовал не только на бумаге, и для его обороны было выделено больше дивизий, чем во время судетского кризиса. И, наконец, сильная и воинственная чехословацкая армия более не существовала, благодаря чему высвободилось около двадцати пяти дивизий, прикрывавших этот фланг, и их можно было использовать в другом месте.

В отличие от прошлого года Гитлер не вмешивал-

ся ни в разработку, ни в проведение операций против Польши. Маневренный план Браухича исходил из предположения, что поляки будут во что бы то ни стало держать оборону в западной части своей страны, где была сосредоточена основная масса промышленных предприятий. Германские силы на востоке были разделены на две группы армий. Группа армий «Север» под командованием генерала фон Бока состояла из 3-й армии, базировавшейся в Восточной Пруссии, и 4-й армии, находившейся в Померании. На них возлагалась задача отрезать и уничтожить польские силы в коридоре и воссоединить Восточную Пруссию с рейхом. Тем временем другие части 3-й армии должны были наступать на Варшаву с севера.

Группа армий «Юг» под командованием Рундштедта состояла из 8-й, 10-й и 14-й армий. Самой сильной из них была 10-я под командованием Рейхенау, в задачу которого входило прорваться через границу Польши на юге и устремиться на Варшаву. Слева и справа от 10-й армии наступали 8-я и 14-я. Группа армий «Ц», которой командовал риттер Вильгельм фон Лееб, должна была удерживать Западный фронт. В ее состав входили сравнительно слабые 7-я, 1-я и 5-я армии. В таблице 1 приводятся данные о боеспособности германских армий на востоке.

В 1939 году польская армия по численности превосходила германскую, но безнадежно уступала ей по своему техническому оснащению, имея малочисленные бронетанковые силы, состоявшие из допотопных танков и бронемашин, и такую же авиацию. Польская армия мирного времени насчитывала всего лишь 280000 солдат и офицеров, однако она могла мобилизовать 1500000 резервистов первой очереди и 560000 резервистов второй очереди (от 43 до 52 лет). Если бы полякам позволили провести мобилизацию в полном объеме, то они смогли бы выставить двадцать восемь регулярных пехотных дивизий, пятнадцать резервных

дивизий, две горно-стрелковые дивизии, одиннадцать регулярных кавалерийских бригад и одну бригаду мотопехоты, а также несколько полков ПВО, танковых батальонов и три авиационных дивизии (в Польше не было ВВС, как отдельного рода войск)³⁹. На карте 4 показана дислокация германских армий по состоянию на 31 августа и план польской кампании.

Браухич не дал полякам времени для завершения мобилизации. Он специально приурочил проведение серии военных маневров в Восточной Пруссии и Восточной Германии к августу 1939 года, чтобы первоначальная концентрация войск не выглядела угрожающей. Получив от Гитлера «добро», Браухич отдал приказ, части быстро выдвинулись в районы сосредоточения, и 1 сентября в 4.45 утра началось вторжение. Поляки облегчили задачу Браухича, сконцентрировав третью часть своих сил внутри коридора или поблизости от него. Остальные соединения польской армии находились на границе, так как и предполагалось⁴⁰. В результате уже утром 5 сентября Браухич и Бок пришли к выводу, что поляки практически разбиты. Польское правительство бежало из Варшавы, а с 7 сентября Гальдер уже приступил к разработке планов передислокации войск на запад. Браухич хотел по возможности избежать сражения за центр Варшавы, но гарнизон столицы оказал ожесточенное сопротивление, несмотря на безнадежную ситуацию, и тогда он приказал 3-й и 10-й армиям начать 20 сентября обстрел города из тяжелой артиллерии. Шесть дней спустя 8-я армия, при поддержке 3-й, приступила к решающему штурму Варшавы. Вечером поляки попытались заключить перемирие, но Браухич не пошел на это, приказав командованию 8-й армии согласиться на такой шаг только в том случае, если генерал Руммель, командующий польским гарнизоном, заявит о полной капитуляции. В 2 часа ночи 27 сентября защитники польской столицы капитулировали. В плен к немцам попало 140000 польских солдат и офицеров, в том числе

ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ. 1939 ГОД

Германские сухопутные силы под командованием фельдмаршала Вальтера фон Браухича завоевали Польшу за тридцать шесть дней в первой кампании blitzkriega. Гитлер не вмешивался в ход операции. Оба главнокомандующих группами армий и четыре из пяти командующих армиями, принимавших участие в данной кампании, вскоре получили чин фельдмаршала.

ТАБЛИЦА

I

ЧИСЛЕННОСТЬ ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ,
РАЗВЕРНУТЫХ ПРОТИВ ПОЛЬШИ В 1939 ГОДУ

3-я армия (Кюхлер)	320 000*	чел.
4-я армия (Клюге)	230 000	чел.
Резервы группы армий «Север»	80 000	чел.
<i>Общая численность группы армий «Север» (Бок)</i>		
	630 000	чел.
8-я (Бласковиц)	180 000	чел.
10-я (Рейхенау)	300 000	чел.
14-я (Лист)	210 000	чел.
Резервы группы армий «Юг»	196 000	чел.
<i>Общая численность группы армий «Юг» (Рундштедт)</i>		
	886 000	чел.
<i>Общая численность германских вооруженных сил, развернутых против Польши (Браухич)</i>		
	1 516 000	чел.

* Включая формирования СА, пограничные части и пр.

16000 раненых⁴¹. Последние остатки польской армии прекратили сопротивление 6 октября. Вся кампания продолжалась тридцать шесть дней.

Немецкие потери составили 8082 убитыми, 27278 ранеными и 5029 пропавшими без вести. Было уничтожено 217 танков, из них 89 Т-I; 83 Т-II; 26 Т-III; 19 Т-IV. Польская армия прекратила свое существование. Из 800000 военнослужащих, которых правительству удалось мобилизовать, 694000 попали в плен к немцам. Остальные были либо убиты, либо оказались в русском плену (советские войска вторглись в восточную Польшу 17 сентября). Небольшая часть польских военнослужащих скрывалась в самой стране или бежала в Румынию или Венгрию⁴².

Захват Польши был единственной операцией, которую Браухичу удалось провести без существенного вмешательства Гитлера. В ходе этой кампании он продемонстрировал отличные навыки полководческого искусства. Его можно упрекнуть лишь в использовании танковых сил по частям и в излишней осторожности. Эти недостатки следует, однако, отнести к разряду незначительных. Нельзя отрицать, что германские сухопутные силы под командованием Браухича одержали в польской кампании блестящую победу.

Во время оккупации Польши Браухич вел себя чрезвычайно осторожно в вопросе о польских евреях, дабы не возбудить недовольство Гитлера. В то время Гитлер чаще говорил о депортации, а не о массовом уничтожении, хотя казни в ограниченных масштабах уже происходили. Браухич приказал армии не вмешиваться в операции СС или других «полицейских» сил.

Браухич выступал против войны с западными союзниками. Он, как и Гальдер, надеялся, что союзники

придут к соглашению с Германией или попытаются первыми перейти в наступление. В своем пространном выступлении перед военачальниками 17 сентября Гитлер дал ясно понять, что не потерпит никаких дискуссий по этому вопросу. Он приказал Браухичу как можно быстрее перебросить войска на запад и проинформировать его относительно ближайшего срока, к которому могла быть завершена концентрация сил.⁴³

7 октября главнокомандующий ОКХ представил Гитлеру свой план кампании на Западе. План, получивший кодовое название «Гельб» (желтый), являлся ни чем иным, как слегка подновленным вариантом плана Шлиффена, разработанного еще в начале этого века. Он предусматривал массированный удар группы армий «Б» под командованием Бока по Бельгии и Северной Франции на участке фронта между Льежем и Намюром, для чего выделялось 75 дивизий. Группа армий «А» под командованием Рундштедта должна была начать наступление в центре, а перед группой армий «Ц» под командованием фон Лееба была поставлена задача держать оборону на юге. Согласно этому плану танковые и механизированные части наступали по болотистым низменностям Нидерландов, а затем резко поворачивали на юго-запад и вторгались во Францию с севера, обходя, таким образом, линию Мажино слева.

Браухич сказал, что к выполнению этого плана нельзя приступать, пока не будут накоплены необходимые запасы оружия и боеприпасов, а в материально-техническом снабжении и так уже возникли проблемы. Кроме того, короткий световой день и туманная зимняя погода сведут к минимуму поддержку со стороны люфтваффе⁴⁴.

Гитлеру план Браухича не понравился, так же как и его пояснения. В середине октября он отверг возражения Браухича и назначил дату начала операции «Гельб» на третью неделю ноября. Перенос этой даты

или ее отмена будут зависеть от погодных условий, а не от ссылок на проблемы сухопутных сил, заявил фюрер.

Первый детальный проект плана «Гельб» появился на свет 19 октября и был представлен Гитлеру Кейтелем. Шесть дней спустя для обсуждения этого проекта фюрер вызвал в рейхсканцелярию Браухича и Гальдера. Не желая использовать чуть подправленный план Шлиффена, который доказал свою несостоятельность еще в первую мировую войну, Гитлер поднял вопрос о возможности нанесения главного удара к югу от реки Маас в сочетании с отвлекающим наступлением в Нидерландах, которое призвано было оттянуть на себя главные силы англичан и французов, а затем окружить их в Бельгии и уничтожить. Это предложение застало Браухича и Гальдера врасплох. Дебаты о сравнительных достоинствах обоих планов продолжались еще довольно долго, но никакого решения так и не было принято.

Гитлер назначил вторжение во Францию на 12 ноября 1939 года. В полдень 5 ноября Браухич встретился с Гитлером и, сам того не желая, подрубил под корень свою карьеру. Сначала он ссылаясь на неготовность сухопутных сил, на то, что сырая зимняя погода значительно ухудшит шансы обороняющейся стороны, затруднив продвижение танков и действия люфтваффе. Причем последние и так будут стеснены рамками очень короткого светового дня. Все эти ссылки были не новыми, но достаточно серьезными. И здесь Браухич допустил глупейшую ошибку. Ко всему прочему он сослался на то, что германская пехота плохо проявила себя в Польше, продемонстрировав недостаток боевого духа в атаке. Он даже упомянул о мятежах в некоторых подразделениях, о недисциплинированности на фронте и даже осмелился провести параллель между состоянием армии в 1939 году и в 1918 году, когда прекратила существование кайзеровская Германия.

Последние аргументы совершенно не соответствовали истине. Гитлер, уловив фальшь в словах Браухича,

вышел из себя и вскоре забегал по кабинету, сотрясая воздух истерическими криками. Он потребовал от Браухича назвать номера частей, где якобы произошли инциденты. Брызжа слюной, он заявил, что вылетит туда сегодня же и сам проведет расследование. Затем он схватил папку с докладом генерала и швырнул в свой сейф.

«У меня в голове не укладывается, — вопил Гитлер, — как это главнокомандующий может походя чернить репутацию всей армии. Ни один командир части, действовавшей на передовой, даже словом не обмолвился о нехватке боевого духа!» — бушевал он⁴⁵. Затем он потребовал, чтобы Браухич представил ему подробные доклады о каждом инциденте, а также копии смертных приговоров, вынесенных их участникам военноплевыми судами. Наконец он выскочил из кабинета, изо всей силы хлопнув дверью, и оставив Браухича бледным и дрожащим от страха. Вернувшись в тот же день в Цоссен, фон Браухич некоторое время не мог связно разговаривать. Позднее Гитлер не стал возвращаться к этому докладу, посчитав его нагромождением лжи.

Совещание 5 ноября окончательно сломало Браухича. Если до этой даты он еще колебался по вопросу об антигитлеровском путче, то в дальнейшем не давал ни малейшего повода заподозрить его в симпатиях к заговорщикам.

После этого совещания Гитлер несколько недель не разговаривал с Браухичем. Полковник Адольф Хойзингер, заместитель начальника оперативного отдела ОКХ, 18 января 1940 года сказал генералу Манштейну, что Гитлер не виделся с Браухичем с 5 ноября⁴⁶. 23 ноября Гитлер очень неодобрительно отозвался о Браухиче и добавил, что, к сожалению, пока не может найти ему подходящую замену⁴⁷.

Акции Браухича в ставке Гитлера упали еще ниже в конце января 1940 года, когда главный адъютант Гитлера

полковник Рудольф Шмундт вернулся из поездки на Западный фронт в очень приподнятом настроении. С собой он привез альтернативный план кампании на Западе — детище неустанных поисков генерал-лейтенанта Эриха фон Манштейна, талантливого начальника штаба группы армий «А». План Манштейна предусматривал вторжение в Нидерланды с целью отвлечения резервов союзников на север.

Затем начиналось главное наступление на юге через Арденны в направлении к проливу Ла-Манш; в результате основные армии противника оказывались отрезанными и окруженными в Бельгии. (Карта 5). Этот план привел Гитлера в восторг, потому что в основных своих чертах совпадал с планом, предложенным им в октябре! То, что он был разработан Манштейном, наверное, лучшим из молодого поколения германских генералов, убеждало Гитлера в своей собственной гениальности и в осуществимости этого плана. Ну, а тот факт, что Браухич не давал хода идеям Манштейна и отказывался направить его меморандум в рейхсканцелярию, вне всякого сомнения, еще больше понизил репутацию главнокомандующего ОКХ в глазах Гитлера, который с тех пор не воспринимал больше всерьез его советы.

* * *

План Манштейна сработал в точном соответствии с расчетами его создателя. Наступление началось 10 мая 1940 года. Шесть недель спустя, 21 июня, Франция капитулировала. Ликующий Гитлер решил наградить часть высшего генералитета производством в чин фельдмаршалов. Очевидно, у Гитлера так и чесались руки сместить Браухича, однако он не мог, присваивая чины другим, обойти главнокомандующего сухопутными силами. Да и к тому времени Гитлер оттаял, и бывшая враждебность сменилась прохладным отношением. Те-

ПЛАН МАНШТЕЙНА был детищем генерал-лейтенанта Эриха фон Манштейна, начальника штаба группы армий «А», позднее ставшего фельдмаршалом. Он состоял из трех этапов: группа армий «Б» вторгается в Нидерланды (1), отвлекая на себя мобильные резервы союзников (2). Затем следует прорыв главными силами немцев через Арденны и их стремительный бросок к проливу Ла-Манш (3). В этом случае основные силы союзников оказываются отрезанными от баз снабжения и основного театра военных действий. План был реализован в точном соответствии с прогнозами Манштейна.

перь он хотя бы терпел слабовольного главкома. 17 июля Браухич вместе с одиннадцатью другими генералами тоже получил чин фельдмаршала.

Браухич со смешанными чувствами относился к предполагаемому вторжению в Британию в 1940 году, однако считал эту операцию реальной при сочетании ряда обстоятельств. Одним из предварительных условий успешной высадки десанта на Британские острова являлось завоевание господства в воздухе, чего люфтваффе так и не удалось достичь. Тем не менее, Браухич и генеральный штаб продолжали разработку планов оккупации Великобритании. 9 сентября 1940 года он подписал директиву, согласно которой все мужское население этой страны в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет следовало перевезти на континент, иными словами, почти все взрослые мужчины Соединенного Королевства стали бы рабами в нацистской Европе⁴⁸. Этот приказ, так и оставшийся на бумаге, наверное, лучше других документов демонстрирует, как далеко мог зайти Браухич в стремлении угодить хозяину и удержаться на своем посту.

Уже 2 июля 1940 года Браухич дал указание Гальдеру подготовить на всякий случай предварительные заметки возможного вторжения в Советский Союз, и поэтому, когда Гитлер вызвал его в Оберзальцберг и объявил о своем решении напасть на эту страну, такой поворот событий не застал главкома ОКХ врасплох. На следующий день он приказал Гальдеру перейти к детальному планированию. Гальдер попросил полковника Ганса фон Грейфенберга, начальника оперативного отдела ОКХ, подобрать специального помощника, который бы занялся составлением рабочего плана. Два дня спустя это задание было поручено генерал-майору Эриху Марксу, начальнику штаба 18-й армии⁴⁹.

5 августа план Маркса был представлен Гитлеру. Эта кампания имела своей целью нанести такое сокрушительное поражение Советской Армии, чтобы СССР

никогда больше не смог представлять угрозу Германии. Сухопутные силы должны были захватить всю территорию к западу от линии Ростов-Горький-Архангельск. Главной целью кампании была Москва.

В соответствии с планом предусматривалось разделить силы вторжения на две группы армий — «Север» и «Юг». Группе армий «Север» выделялось 68 из имевшихся в наличии 147 дивизий. На нее возлагалась задача взять Москву. Второй по значению целью был Ленинград. Группа армий «Юг» (35 дивизий) должна была взять Киев, а затем Ростов. Сорок четыре дивизии оставались в резерве ОКХ.

Согласно концепции генерала Маркса, ключами к победе в России должны были стать внезапность и стремительность. Танки и моторизованные части в тесном взаимодействии с люфтваффе должны были пробить брешь в советских оборонительных линиях и быстро двигаться к намеченным целям. В задачу пехотных дивизий входило окружение и ликвидация попавших в котлы советских соединений. В то же время пехота не должна была отставать от танковых частей. По оценке Маркса, на проведение операции требовалось от девяти до семнадцати недель⁵⁰.

Хотя количество групп армий возросло до трех, план Маркса оставался основой германской стратегии вплоть до начала вторжения. Гитлер не соглашался лишь с одним его пунктом, но очень важным: он не придавал захвату Москвы большого значения, а потому не оглашал своих намерений относительно дальнейших действий после уничтожения основной части советских войск в западной России (бывшей Восточной Польше), Белоруссии, Прибалтике и на Украине.

В общении с Гитлером или чинами ОКВ Браухич никогда не подвергал сомнению тезис о необходимости или желательности нападения на Советский Союз, несмотря на то, что результатом этого явилась бы ужасная перспектива войны на два фронта. Будучи проинфор-

мированным о намерении Гитлера начать агрессию против СССР, все три главнокомандующих группами армий выразили Браухичу протест, но тот лишь ответил, что разделяет их страх, однако не в силах ничего изменить. Он не возразил даже против «приказа о коммиссарах», выпущенного в мае 1941 года, в котором говорилось, что политработники Красной Армии должны расстреливаться на месте, даже в тех случаях, когда они добровольно сдаются в плен. Некоторые офицеры потребовали, чтобы Браухич опротестовал этот приказ, но он отказался сделать это из боязни навлечь на себя гнев фюрера. Вообще, похоже, что к этому времени Браухич окончательно сломался.

Не сказал он ни слова и тогда, когда Гитлер потребовал, чтобы армия вела «безжалостную расовую войну».⁵¹ Манштейн записал: «Я убежден, что в борьбе с человеком такой жестокой воли он духовно износился... Браухич проглотил свою злость и гнев, тем более что Гитлеру в диалектическом смысле он и в подметки не годился»⁵².

Вторжение в Советский Союз началось 22 июня 1941 года. В таблице 2 приводятся данные о боевом порядке германских сухопутных сил на Восточном фронте перед началом кампании. Карта 6 показывает направление главных ударов немцев на первом этапе кампании.

Вермахт быстро преодолел советские оборонительные линии на границе и достиг полной тактической внезапности. Некоторые части углубились в Россию за пять дней более чем на двести миль. С другой стороны, Гитлер действовал в обход Браухича, отдавая приказы напрямую командующим группами армий с 25 июня.

В течение всего июля и августа 1941 года, особенно после Смоленского котла, где группа армий «Центр»

РОССИЯ, 1941 ГОД.

Германия вторглась тремя группами армий 22 июня 1941 года. Номинальное руководство операциями на Восточном фронте возглавил фельдмаршал Вальтер фон Браухич, главнокомандующий сухопутными силами. Однако он страдал от постоянного вмешательства Гитлера в его дела и не смог взять Москву. Во время последующего советского контрнаступления из Браухича сделали козла отпущения за эту неудачу и 19 декабря 1941 года отправили в бесславную отставку.

**БОЕВОЙ ПОРЯДОК ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПО СОСТОЯНИЮ
НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА.**

Главное командование сухопутных сил (ОКХ):
Браухич

Группа армий «Север» (Лееб)
18-я армия (Кюхлер)
4-я танковая группа (Гепнер)
6-я армия (Буш)
1-й воздушный флот (Келлер)

Группа армий «Центр» (Бок)
3-я танковая группа (Гот)
9-я армия (Штраус)
4-я армия (Клюге)
2-я танковая группа (Гудериан)
2-й воздушный флот (Кессельринг)

Группа армий «Юг» (Рундштедт)
1-я танковая группа (Клейст)
6-я армия (Рейхенау)
17-я армия (Генрих фон Штюльпнагель)
11-я армия (Шоберт)
4-й воздушный флот (Лер)

под командованием фон Бока пленила 300000 советских бойцов, шли ожесточенные дебаты по очень серьезному стратегическому вопросу о будущем ходе кампаний: Браухич, Гальдер, Бок, Гот — все дружно агитировали за продолжение наступления на Москву и склонили на свою сторону даже Йодля. Точку зрения Гитлера поддерживали лишь Кейтель и Шмундт, его советники из ОКВ — люди, привыкшие поддакивать фюреру и не несшие никакой прямой ответственности за проведение операций.

В ходе этих дискуссий Гитлер подверг Браухича разносу за то, что тот слишком легко поддается влиянию своих командующих группами армий, а между тем группа армий «Центр» бездельничает в течение трех недель. И это в то время, когда стоит прекрасная летняя погода, которая не будет продолжаться вечно. В конце концов, Гитлера так и не удалось переубедить. 24 августа он приказал передать 3-ю танковую группу Гота из группы армий «Центр» группе армий «Север» для развития наступления на Ленинград, а 2-ю танковую группу Гудериана отправить на юг к Киеву. Таким образом, Бок лишился четырех из пяти имевших у него до этого танковых корпусов, а Советы тем временем лихорадочно укрепляли оборону в центральном секторе на подступах к Москве.

Киев пал 16 сентября*, а при последующей ликвидации Киевского котла в плен попало 667000 красноармейцев и командиров. Гитлер склонялся к тому, чтобы закончить осеннюю кампанию и поставить войска на зимние квартиры. В пользу этой идеи высказывались как Лееб, так и Рундштедт, а Браухич, Гальдер, Бок и Кессельринг считали, что необходимо предпринять попытку взять Москву. Гитлер поддался на их уговоры — очевидно, это не слишком противоречило его воле⁵³.

* Киев был оставлен войсками Красной армии 19 сентября.

Он затем пошел еще дальше, приказав Браухичу продолжать наступление, пока вермахт к началу зимы не выйдет на линию Архангельск-Поволжье-Астрахань-Кавказ. Это были совершенно не реальные цели. В данных условиях верхом удачи для вермахта можно было бы считать захват Москвы, Ленинграда и Ростова.

Разбросав свою армию по всей России, Гитлер способствовал износу моторов и ходовой части танков. Когда 26 сентября началась операция «Тайфун» — последний бросок на Москву, — некомплект машин в немецких танковых частях составлял более 50 процентов. Поскольку моторесурсы танков были во многом исчерпаны, передислокация 2-й танковой группы Гудериана назад к Смоленску представлялась нежелательной. Он должен был наступать на Тулу с юга с рубежей, на которых находились его войска. В тот момент Готу почему-то приказали двинуть свою 3-ю танковую группу в Верхневолжье, к северу от сталинской столицы. Москву предстояло брать 4-й армии Клюге и 4-й танковой группе Гепнера, которую в середине сентября передали Боку из группы армий «Север». 6 октября танковые группы были преобразованы в танковые армии, но дополнительных частей не получили.

Браухич вот уже четыре года был вынужден терпеть грубое и пренебрежительное обращение Гитлера. Его постоянное меню составляли унижения, злоба, ненависть, отчаяние и страх. Еще 28 июля 1941 года Гальдер заметил в своем дневнике, что Браухич находится на грани нервного истощения, «прячется за железной маской невозмутимости, чтобы не выдавать свою полнейшую беспомощность».⁵⁴

10 ноября у Браухича случился первый сердечный приступ. В госпитале ему сообщили, что он страдает болезнью сердца, которую, возможно, не удастся вылечить⁵⁵. И все же в середине ноября он вернулся к

исполнению служебных обязанностей, более чем когда-либо преисполненный рвения взять Москву.

Но теперь эта задача была просто невыполнима. Командование вермахта ожидало, что русская кампания будет еще одним блицкригом и потому не позаботилось ни о зимней экипировке для своих войск, ни о соответствующем снаряжении. После многообещающего начала «Тайфун» к середине октября завяз в русской грязи. Группа армий «Центр» находилась на конце коммуникационной линии протяженностью около тысячи миль, и не так-то легко было осуществить снабжение, тем более что в строю оставалось лишь 30 процентов грузовых автомобилей. Пехотные дивизии насчитывали от 2000 до 3000 человек и испытывали нехватку боеприпасов. И все же 16 ноября они опять рванули вперед, и тут на них со всей своей суровостью обрушилась русская зима. У немцев почти не оказалось низкотемпературных смазок, и вскоре замерзли движущиеся части пулеметов и пушек. Раненые часто замерзали насмерть прямо на поле боя.

Все это решительно dokonало Вальтера фон Браухича, больного телом и душой. Очевидно, понимая, что его делают козлом отпущения за первое крупное поражение вермахта, он подал 6 декабря заявление об отставке. Гитлер десять минут бегал по кабинету, а затем ответил, что не может в такой момент позволить себе менять главнокомандующего. Браухич встал и удалился, не сказав ни слова⁵⁶.

В тот же день Сталин бросил все свои резервы в мощное зимнее наступление на широком фронте от Балтики до Черного моря, поставив перед войсками задачу ни много ни мало нанести решительное поражение вермахту на протяжении всего Восточного фронта и целиком уничтожить группу армий «Центр». Гитлер ответил приказом удерживать позиции, невзирая ни на какие потери. Каждый солдат должен был стоять как вкопанный и, если потребуется, умереть там, где стоял.

Фланги следовало игнорировать. Не разрешалось сделать ни шагу назад, даже если частям грозила опасность полного окружения.

16 декабря полковник Шмундт сообщил Гитлеру, что фон Браухич тайно обсуждал с фон Боком, фон Клюге и Гудерианом возможность отвода войск на отдельных участках фронта. В ходе этого обсуждения был также затронут вопрос об установлении линии зимнего фронта. Гитлер немедленно отменил эти планы и потребовал, чтобы войска удерживали занимаемые ими позиции вне зависимости от положения на их флангах или в тылу. Три дня спустя Гитлер освободил Браухича от должности. Их последняя встреча продолжалась два часа и носила очень напряженный характер. В конце ее Гитлер закричал, что берет на себя командование сухопутными силами, так как не знает ни одного генерала, который смог бы привить армии дух национал-социализма. «Но, — добавил он, смягчив тон, — мы останемся друзьями».⁵⁷

Новость об отставке Браухича была объявлена всему миру без каких-либо пояснений. Гитлер провозгласил себя главнокомандующим сухопутных сил. На следующий день впавший в немилость фельдмаршал выехал из Цоссена, чтобы больше в него уже никогда не вернуться. Гитлера он больше никогда не видел.⁵⁸

Как Бломберг до него и многие после него, Браухич удалился в безвестность и прозябание. В течение некоторого времени гестапо держало его под наблюдением как возможного диссидента, однако эти опасения не оправдались, и наблюдение сняли. Бывший главнокомандующий сухопутными силами был теперь всего лишь усталым, больным и сломавшимся человеком.

Как и следовало ожидать, вина за поражение вермахта в России зимой 1941–42 гг. была возложена Гитлером на Браухича. 15 марта 1942 года Гитлер в разговоре с Геббельсом отзывался о нем как о «тщеславном, трусливом негодяе».⁵⁹

3 августа 1944 года, через две недели после едва не удавшегося покушения на Гитлера, Браухич написал фюреру письмо, в котором отрешивался от заговора 20 июля и еще раз предлагал свои услуги. 19 августа он в публичном заявлении осудил заговорщиков и приветствовал назначение Гиммлера на пост главнокомандующего резервной армией. К этому времени мнение Гитлера о Браухиче значительно улучшилось из-за поддержки последним проекта «Фау-2». Однако предложения Браухича о возвращении на действительную службу были оставлены без внимания⁶⁰.

В начале мая 1945 года Вальтер фон Браухич был арестован англичанами в своем поместье в Шлезвиг-Гольштейне. Его сначала отправили в Англию, но затем вместе с Манштейном и Рундшtedтом привезли в Германию и содержали в Мюнстере. К этому времени он уже практически ослеп. Несмотря на плохое состояние здоровья, его перевели в нюрнбергский «бункер», где он находился с пятью заключенными в камере, рассчитанной на двоих. Позднее его еще раз перевели, на этот раз в Гамбург. В 1949 году он должен был предстать перед британским военным судом как военный преступник, однако 18 октября 1948 года последовала его смерть в британском военном госпитале в Гамбург-Бармбеке. Изношенное сердце фельдмаршала перестало биться.

ГЛАВА 3

ЭВАЛЬД ФОН

КЛЕЙСТ

В отличие от фельдмаршалов, деяния которых описаны в первых двух главах, в карьере Пауля Людвиг-а Эвальда фон Клейста нет и намека на скандал. Он никогда не шел на компромисс с нацистами или с кем-либо еще. Он не был замешан в сексуальных скандалах, как Бломберг и Браухич. Его нельзя обвинить в симпатиях к нацистам и нацизму, как Бломберга, в слабости, как Браухича, или в слепом послушании, как многих генералов. Он был образцом прусского офицера старой закваски, который открыто высказывался за реставрацию монархии. И все же он не примкнул к заговорщикам. Гитлер являлся главой государства, и фон Клейст принимал этот факт. Для прусского офицерского корпуса военная присяга была почти осязаемой святыней, а Клейст в 1934 году присягнул вместе со всей армией на верность Гитлеру. Он ни за что не пошел бы на измену присяге. Короче говоря, он был прусским солдатом и больше никем. Вот почему Адольф Гитлер питал к нему неприязнь.

* * *

Эвальд фон Клейст родился 8 августа 1881 года в гессенском городе Браунфельсе на Лане, продолжив старинный род прусских генералов и аристократов. Его

семья дала стране трех фельдмаршалов, а один из его предков, фельдмаршал граф Фридрих фон Клейст, выиграл в 1814 году Лаонское сражение во Франции у самого Наполеона¹. Тридцать один член его семьи был награжден медалью Pour le Merite². Отцом Клейста был доктор философии Кристоф Альбрехт Август Гуго фон Клейст, преподаватель математики, преподававший в частной средней школе³.

В марте 1900 года Эвальд фон Клейст поступил фаненюнкером в 3-й королевский полк полевой артиллерии, а 18 августа 1901 года последовало его производство в чин лейтенанта. В 1907 году он стал полковым адъютантом. После учебы в кавалерийском училище в Ганновере (1908—09 гг.) он получил в 1910 году чин оберлейтенанта и был направлен в военную академию в Берлине, где прошел подготовку офицера генштаба. Позже, в том же году, он женился в Ганновере на Гизеле Вахтель и всю свою жизнь оставался верным ей⁴.

Военную академию Клейст окончил в 1912 году и был прикомандирован к 14-му гусарскому полку, стоявшему в Касселе, в качестве офицера генерального штаба. Незадолго до начала первой мировой войны ему присвоили чин ротмистра (капитана кавалерии) и перевели на службу в штаб 1-го его высочества принца гусарского полка.

Следующие четыре года ротмистр фон Клейст почти целиком провел на Восточном фронте. В сражении при Танненберге,⁵ происшедшем в конце 1914 года, он командовал кавалерийским эскадроном. Там русские войска, вторгшиеся в Восточную Пруссию, потерпели сокрушительное поражение. Командиром эскадрона он прослужил ровно год и 17 октября 1915 года вернулся к исполнению обязанностей офицера генерального штаба, будучи назначенным в штаб 85-й пехотной дивизии ландвера, воевавшей на Восточном фронте. 1 января

1916 года он стал адъютантом бригады, а в июне того же года адъютантом дивизии.

В конце года его перевели в службу артиллерийско-технического снабжения 17-го корпуса. В 1917 году он был назначен начальником штаба гвардейской кавалерийской дивизии. После капитуляции русских в начале 1918 года эту дивизию перебросили на Западный фронт, и Клейст принял участие в боях у Реймса, в Шампани и на реке Маас. Ближе к концу войны его прикомандировали к штабу 225-й пехотной дивизии. После подписания перемирия Клейст, как явствует из некоторых источников, недолго служил в добровольческом корпусе, а затем поступил на службу в Рейхсвер в качестве начальника штаба дивизии⁶.

С 1919 по 1931 год Эвальд фон Клейст занимал различные должности в штабах и военно-учебных заведениях. С 1920 по 1923 год — служба в 13-м кавалерийском полку, с 1923 по 1926 год — преподаватель тактики в Ганноверском кавалерийском училище, с 1927 по 1928 год — начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии в Бреслау, с 1928 по 1931 год — начальник штаба 3-й пехотной дивизии, а позднее начальник штаба третьего военного округа в Берлине. В 1931 году его назначили командиром элитного 9-го пехотного полка в Потсдаме. Соответственно этому он рос в чинах. 1922 год — майор, 1926 год — подполковник, 1929 год — полковник и 1932 год — генерал-майор⁷. 1 февраля 1932 года он вступил в командование второй кавалерийской дивизией в Бреслау, сменив на этом посту Герда фон Рундштедта, который ушел на повышение, командовать третьим военным округом. В 1935 году Клейст был произведен в чин генерал-лейтенанта⁸.

Тем временем Гизела фон Клейст родила ему двух детей, мальчиков. Иоганнес Юрген Кристоф Эвальд фон Клейст (его звали обычно Эвальд) родился в

1917 году и пошел по стопам отца, избрав военную карьеру. Во время второй мировой войны он служил капитаном кавалерии на Восточном фронте. Второй сын фон Клейста, Гуго Эдмунд Кристоф Генрих, родившийся в 1921 году, также служил в России, но в качестве специалиста по сельскому хозяйству. Он страдал астмой, и врачи признали его непригодным к строевой службе⁹.

Когда начался быстрый рост вермахта, 2-я кавалерийская дивизия была в 1936 году расформирована, но Клейст остался на месте. Его штаб был преобразован в штаб восьмого военного округа, а 1 августа 1936 года он получил чин генерала кавалерии¹⁰.

В его подчинении теперь находились 8-я, 18-я и 28-я пехотные дивизии, а также третья и четвертая команды пограничников¹¹. До февраля 1938 года под его руководством шло наращивание вооруженных сил в Силезии, а затем фон Браухич, косо смотревший на промонархические взгляды фон Клейста, «ушел» его в отставку. Горькую пилюлю подсластили символической наградой. В знак признания его заслуг Клейст был уволен с правом ношения желтых кавалерийских эполет с цифрой «8», означавшей 8-й кавалерийский полк, вместо обычных красных эполет, полагавшихся германским генералам. Клейст проходил в желтых эполетах всю вторую мировую войну¹².

В течение полутора лет Эвальд фон Клейст жил в уюте и достатке в своем прекрасном поместье в Вейдельбрюке близ Бреслау¹³. Несмотря на антипатию Клейста к нацистам, его компетентность в военных делах никогда не оспаривалась Гитлером и его прихвостнями. В августе 1939 года перед вторжением в Польшу в возрасте 58 лет его вернули в строй. Он командовал 22-м корпусом, входившим в состав 14-й армии генерала Зигмунда Вильгельма Листа и действовавшим на южном участке фронта. После нескольких дней ожидания в резерве 4 сентября 22-й корпус, имевший в своем

составе танковую, пехотную и горнострелковую дивизию, был брошен в бой. Клейст отличился при захвате нефтедобывающего района под Львовом. 17 сентября его войска соединились с войсками Гудериана близ реки Буг, разрезав Польшу надвое¹⁴.

Во французской кампании Клейсту дали исключительно важное задание. 29 февраля 1940 года Гитлер санкционировал его назначение командующим танковыми силами на Западном фронте. Эти силы включали 41-й моторизованный корпус генерала Георга-Ганса Рейнхардта (6-я и 8-я танковые дивизии), 19-й моторизованный корпус Гейнца Гудериана (1-я, 2-я и 10-я танковые дивизии плюс элитный мотопехотный полк «Великая Германия») и три мотопехотных дивизии из 14-й моторизованного корпуса генерала Густава фон Витерсгейма. Из десяти германских танковых дивизий пять находились в прямом подчинении у Клейста, а еще две должны были поддерживать его с севера. Таким образом, Клейст стал первым военачальником, командовавшим танковой армией, хотя этот термин вошел в официальное употребление лишь полтора года спустя.

Штаб 22-го корпуса получил временное название «Танковая группа Клейста»¹⁵.

С какой стати кавалеристу Эвальду фон Клейсту доверили столь ответственное поручение? Ведь он исповедовал консервативные традиции и взгляды. До 1939 года ему не приходилось командовать танковыми частями, и даже если он и проявлял себя хорошо в Польше, то его достижения не могли сравниться с достижениями Гудериана. В действительности Клейст никогда не был особенно расположен к танковым войскам и всегда предпочитал коня танку. Ответ на этот вопрос прост: главнокомандование германских сухопутных сил еще с сомнением относилось к новому роду войск и к концепции молниеносной войны (блицкрига). Они чувствовали, что Клейст сможет удержать в

руках своенравного Гудериана и не даст энтузиастам танковых войск поставить под угрозу успех операции своими опрометчивыми действиями; другими словами, осторожность Клейста должна послужить противовесом порывистости Гудериана.

* * *

На танковую группу Клейста была возложена самая важная задача во всей французской кампании: прорвать оборонительную линию на реке Маас и устремиться к Ла-Маншу, отрезая с юга армии союзников, как предусматривалось планом Манштейна. В случае успеха главные силы французов и англичан оказывались в окружении севернее Парижа и войну можно было считать выигранной. Схема этого наступления показана на карте 5.

Согласно плану Манштейна, требовалось совершить бросок через труднопроходимые Бельгийские Арденны и быстро форсировать Маас. Оборонительная линия на этой реке была слабой, поскольку союзники считали невозможным наступление по этому маршруту крупными танковыми силами. На свой северный фланг Клейст поставил корпус Рейнхардта, а на южный — корпус Гудериана. Витерсгейм, оставаясь со своей мотопехотой в резерве, должен был следовать за Гудерианом, а уже за Витерсгеймом шли пехотинцы 12-й армии Листа.

5-я и 7-я танковые дивизии из 15-го танкового корпуса генерала Германа Гота не находились в прямом подчинении у Клейста, однако перед ними была поставлена задача форсировать Маас и прикрывать северный фланг. Танковая группа Клейста выдвинулась из района сосредоточения в 6 часов вечера 9 мая 1940 года. Ночь выдалась безлунной, и марш по Эйфелю, как здесь называют немецкие Арденны,¹⁶ был медленным и трудным. В 4 часа утра 10 мая на границы Голландии,

Бельгии, Люксембурга и Франции обрушился ураган. Люфтваффе атаковали и военные аэродромы, и наземные установки союзников на глубину до 250 миль за линией фронта, панцер-гренадеры быстро преодолели бельгийские укрепления на границе. Французский кавалерийский корпус, который должен был войти в Бельгию сразу же после нарушения немцами нейтралитета последней, не трогался с места до половины одиннадцатого утра: очень долго раскачивались французы, к вечеру первого дня наступления передовые подразделения 10-й танковой дивизии вступили в бой с 2-й кавалерийской и 3-й колониальной пехотной дивизией французов и оттеснили их к реке Маас¹⁷.

Тем временем Гитлер ликовал, узнав, что британские экспедиционные силы, а также 1-я и 7-я французские армии, куда входили отборные части, скорым маршем входили в Бельгию и Голландию, ошибочно определив направление главного удара немцев. «Я готов был плакать от радости, — восклицал он позднее. — Они попались в ловушку!»¹⁸ Теперь, если танкам удастся развить прорыв и выйти к проливу Ла-Манш, немцы могли считать, что победа у них в кармане.

На следующий день Клейст чуть было не совершил серьезную ошибку. Французские кавалерийские части, наступавшие из района Монмеди, попытались ударить ему в левый фланг. Он приказал Гудериану остановить продвижение левофланговой 10-й танковой дивизии и повернуть ее фронтом на юг, чтобы отразить атаку французов. Такой шаг потребовал бы отвлечения трети сил 19-го моторизованного корпуса от выполнения основной задачи — форсирования реки Маас у Седана — и сделал бы успех этой операции весьма сомнительным делом. Гудериан горячо возразил, и фон Клейст сдался под напором его аргументов, приказав Витерсгейму организовать прикрытие левого фланга подразделениям 14-го моторизованного корпуса¹⁹. Наступление продолжалось.

В тот день германские танки нанесли поражение

французской кавалерии. 2-я и 5-я дивизии легкой кавалерии, входившие в состав 2-й французской армии, частично отошли к главной линии обороны за рекой Маас, а частично были рассеяны; в результате открылся правый фланг кавалерии 9-й французской армии, которая также начала поспешный отход²⁰. К этому времени у французского главнокомандующего генерала Гамелена зародилось подозрение, что арденнский прорыв, возможно, и является истинным направлением главного удара немцев. Его разведка уже установила номера четырех из пяти танковых дивизий Клейста, а также 5-й и 7-й танковых дивизий Гота, действовавших севернее. Гамелен приказал одиннадцати французским дивизиям с максимально возможной скоростью передислоцироваться в неугрожаемый участок фронта. Этим частям дали сплошную «зеленую улицу» на железных дорогах. Проблема состояла, однако, в том, что эти дивизии могли прибыть на Маасский оборонительный рубеж между 14 и 21 мая, что не слишком обеспокоило Гамелена, потому что он не ожидал от Клейста, что тот начнет переправу через Маас до подхода пехоты 12-й армии Листа, а это должно было случиться не ранее 19 мая²¹.

12 мая за Маас убрались последние остатки французских кавалерийских частей, и все мосты в полосе наступления Клейста были взорваны. Французская кавалерия не выполнила свою задачу, задержав немцев лишь на три дня вместо необходимых пяти-шести. Это очень встревожило генерала Хюнцигера, командующего 2-й французской армией, потому что именно его войскам предстояло принять на себя таранный удар Гудериана. Он запросил подкреплений, и главное командование придало ему 3-ю бронетанковую и 3-ю моторизованную дивизию, а также 14-ю пехотную дивизию 9-й армии, правое крыло которой должно было вступить в боевое соприкосновение с северным флангом группы Клейста (41-й моторизованный корпус

Рейнхардта). Однако на передислокацию этих частей также требовалось некоторое время²².

В тот же день, 12 мая, на КП Клейста прибыл старший адъютант Гитлера, полковник Шмундт. Фюрер хотел знать, намеревается ли Клейст попытаться форсировать Маас на следующий день или он собирается ждать подхода Листа. Клейст ответил, что будет атаковать «немедленно, чтобы не потерять время». Гитлер одобрил это решение и приказал обеспечить воздушную поддержку силами пикирующих бомбардировщиков из 8-го воздушного корпуса генерала барона Вольфрама фон Рихтгофена²³.

В тот же вечер Клейст вызвал на свой КП генерала Гудериана и приказал ему форсировать Маас и атаковать противника в районе Седана. Операция должна была начаться в 4 часа дня на следующий день, 13 мая. Гудериан указал, что для проведения данной операции у него имеются в наличии лишь две дивизии, так как 2-я танковая на его северном фланге в тот момент была скована упорным сопротивлением французов в секторе Семуа. Он хотел отложить форсирование, пока в его распоряжении не окажутся силы всего корпуса. Эту нетипичную для Гудериана осторожность, вне всякого сомнения, следует приписать тому обстоятельству, что незадолго до разговора с Клейстом он явно ощутил холодное дыхание смерти. Во время одного из очень редких налетов французской авиации бомба попала в штаб Гудериана, разместившийся в булонском отеле «Панорама», и он едва избежал гибели. Осколок бомбы вдребезги разнес окно, в которое смотрел генерал, и ему пришлось принять неприятный душ из стеклянных осколков. Это происшествие вывело Гудериана из состояния душевного равновесия. Клейст отказался принимать в расчет возражения главного танкиста Германии и приказал ему начинать атаку с имеющимися силами. Подобный же приказ был отдан и Рейнхардту²⁴.

Гудериан намеревался атаковать дивизией, располагавшейся в центре, 1-й танковой. Массированный удар наносился западнее Седана. Эта дивизия была усилена полком «Великая Германия». Для артиллерийской поддержки 1-й танковой дивизии были приданы части корпусной артиллерии, а также артполка соседних дивизий. Седан защищали 55-я и 71-я французские пехотные дивизии, не отличавшиеся высоким уровнем боевой подготовки. Французский генерал Грансар, командир 10-го корпуса, оборонявшего этот участок фронта, отзывался о солдатах этих дивизий как о «разжиревших, изнеженных мужчинах в возрасте от 30 до 40 лет, которым нужно было заново преподать курс боевой подготовки»²⁵. Из 450 офицеров 55-й дивизии кадровых насчитывалось не более двух десятков, кроме того эта дивизия была укомплектована 25-мм противотанковыми пушками лишь на 25 процентов от штатного количества, и это несмотря на то, что на складах французов хранилось 520 таких пушек — что было вполне достаточным для оснащения десяти дивизий. 71-я пехотная находилась в еще более плачевном состоянии, будучи укомплектованной противотанковыми пушками и зенитками менее чем на 50 процентов, а из 17000 солдат и офицеров ее личного состава 7000 находились либо в отпусках, либо сказались больными. Боевой дух в обеих дивизиях был невысок²⁶.

Полк «Великая Германия» переправился через реку в надувных лодках и на понтонах и высадился на западной окраине Седана. Обойдя город, он овладел в 7 часов вечера ключевыми высотами Марфе. Вслед за «Великой Германией» на другой берег переправилась пехота 1-й моторизованной бригады 1-й танковой дивизии, которая примерно в 7.30 вечера вышла на высоты Марфе. К этим частям чуть позднее, в темноте, присоединились два пехотных батальона 10-й танковой дивизии, которые форсировали Маас юго-западнее города, когда начало смеркаться. Затем за дело взялись немецкие

саперы, которые навели переправу за тридцать восемь минут, и по ней сразу же хлынул поток пехоты и противотанковых орудий. К полуночи у Глера был введен шестнадцатитонный мост²⁷.

В пятом часу дня на правом фланге наконец-то появились передовые подразделения 2-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Рудольфа Файеля — 5-й танковый разведывательный и 2-й мотоциклетный батальоны. Гудериан сразу же приказал им переправляться через реку. Они высадились почти на самом стыке 55-й пехотной и 102-й крепостной французских дивизий, который одновременно был стыком между 2-й армией Хюнцигера и 9-й Корапа. В 5.10 дня 55-я пехотная дивизия сообщила о потере контактов с пехотой слева. Между 2-й и 9-й армиями открылась брешь, которой уже больше не суждено было закрыться²⁸.

Тем временем среди французских артиллеристов стали распространяться слухи о том, что немецкие танки уже появились на высотах Марфе и достигли Бульсона, деревни в пяти милях к югу от Седана. Эти слухи были ложными от начала до конца. Через реку еще не переправился ни один танк, но слушок уже пополз и среди пехотинцев. Полковники, командовавшие полком тяжелой артиллерии 10-го корпуса и группой артиллерийской поддержки 55-й дивизии, приказали своим частям отходить, а затем исчезли сами. В панике 55-я дивизия побросала большую часть своих орудий. Дороги вскоре оказались забиты солдатами, которые, по словам генерала Гулера, были «объяты ужасом и находились в тисках массовой истерии».²⁹ Дивизия рассеялась, некоторые ее подразделения бежали без остановки до самого Реймса, находящегося в шестидесяти милях от Седана³⁰. Вскоре под контролем Гудериана оказался плацдарм размером пять миль в ширину и пять миль в глубину. К рассвету ему удалось переправить через реку целую танковую бригаду³¹.

На французской стороне царила полная неразбери-

ха. Корап приказал 3-й бригаде спаги* и 53-й пехотной дивизии выдвинуться к реке Бар к западу от плацдарма Гудериана, но на место прибыла лишь 3-я бригада. Из-за бестолковых приказов 53-я пехотная дивизия всю ночь блуждала, описывая круги, и 14 мая не прибыла к реке Бар. Но в любом случае толку от нее было бы мало. Это была очень плохо обученная часть, которая всю зиму работала на строительстве укреплений, а затем ее использовали на сельхозработах в департаменте Сена и Уаза³².

В семь часов утра, на три часа позже назначенного срока, французы предприняли контратаку силами 231-го пехотного полка и двух танковых батальонов поддержки пехоты из резерва 10-го корпуса. У немцев были подбиты два танка и уничтожены две 88-мм пушки. Серьезное ранение получил командир 1-го танкового полка. Однако к половине девятого утра уже горело более половины французских танков и погиб командир пехотного полка. Подразделения левого фланга 71-й пехотной дивизии, еще не увидев ни одного немецкого пехотинца, уже начали поспешно отходить в тыл. Вскоре в небе появились немецкие пикирующие бомбардировщики Юнкерс-87, и к ночи 71-я дивизия перестала существовать. Тем не менее, Хюнцигер радировал Гамелену, что плацдарм окружен, а высоты Марфе находятся в руках французов³³.

Утром в район боев прибыла 3-я французская бронетанковая дивизия, которая была сформирована всего лишь за шесть недель до начала немецкого наступления; однако из-за отсутствия горючего она простояла в бездействии до полудня. Французские танки были сконструированы только как средство поддержки пехоты, и потому их радиус действия был в три раза меньше, чем у немецких танков. Дивизия уже готовилась к контр-

* Спаги (от перс. сипахи — всадник) — части легкой конницы во Французской колониальной армии.

атаке вместе с 30-й механизированной дивизией. Эта контратака была назначена на половину четвертого дня южнее Седана, но вмешался генерал Флавины, командир французского 21-го корпуса. В соответствии с французской тактической доктриной 1940 года, которая брала свое начало еще в первой мировой войне, Флавины рассматривал танки и бронемашину лишь как средство поддержки пехоты. Поэтому он отменил контратаку и распределил две дивизии по участку фронта шириной в двенадцать миль. Генерал Хюнцигер в это время находился в дороге, перебираясь вместе со своим штабом в Верден, и не мог повлиять на решение Флавины³⁴.

Решение Клейста форсировать Маас без тщательной подготовки было правильным. Днем 14 мая Гудериан в стремительном порыве проскочил реку Бар. Группа Шануана — 5-я бригада легкой кавалерии и 1-я кавалерийская бригада 2-й французской армии — оказали яростное сопротивление, но не смогли остановить танковые части. К наступлению ночи французская кавалерия стала отходить в южном направлении, а остатки раскромсанной по частям 53-й пехотной дивизии отступали в разных направлениях. К ночи в руках Гудериана оказались тысячи пленных и свыше сорока пушек³⁵.

9-я армия французов начала распадаться. «На земле, — писал позднее Бенуа-Мешен, — деморализованная армия Корапа вообще не походила на армию, утратив всякую дисциплину»³⁶. На следующий день, 15 мая, организованное сопротивление французов продвижению Гудериана прекратилось полностью и начался «бросок к Ла-Маншу». Тем временем Гамелен позволил Хюнцигеру и взволнованно напомнил, что тому дали 3-ю бронетанковую дивизию для организации контратаки. Хюнцигер потратил несколько часов на передачу соответствующего приказа Флавины, а тот в свою очередь потерял не меньше драгоценного време-

ни, спуская этот приказ генералу Антуану Брокару, командиру дивизии. По расчетам Флавины, на то, чтобы собрать рассредоточившиеся подразделения в единый кулак, должно было уйти не меньше суток. Позднее в тот же день Хюнцигер освободил Брокера от командования дивизией за то, что тот недостаточно быстро собрал ее! В поисках козла отпущения о контратаке совершенно забыли³⁷. Тем временем, севернее, Корап отдал приказ на отступление 102-й гарнизонной дивизии. До тех пор эта плохо вооруженная часть, состоявшая к тому же из пожилых резервистов, успешно сдерживала натиск целого 41-го моторизованного корпуса немцев — подвиг, достойный восхищения! Однако, как только 102-я дивизия начала отходить, оставив из-за недостатка транспорта большую часть своего тяжелого вооружения и артиллерии, на ее арьергард набросилась 6-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Франца Кемпфа, танкисты соорудили из подручных средств мост через Маас и бросились вдогонку гарнизонным служакам. Вскоре 102-я дивизия была опрокинута и также прекратила свое существование. Вслед за Кемпфом по тому же мосту ринулась 8-я танковая дивизия, и к вечеру передовые подразделения Рейнхардта уже продвинулись вглубь на сорок миль³⁸. (На карте 7 показано наступление танковой группы Клейста с 15 по 20 мая.)

В ту ночь фон Клейст приказал Гудериану остановиться и подождать, пока остальные части не закрепятся на плацдарме и не организуют его надежную оборону. Гудериан ринулся назад, чтобы повидаться с полковником Куртом Цейцлером, начальником штаба танковой группы, а затем и с самим Клейстом. После горячих споров Клейст согласился продолжать наступление еще в течение суток, чтобы образовалось пространство, достаточное для переброски на плацдарм пехотного корпуса³⁹.

16 мая передовые части Гудериана прошли сорок

БРОСОК К ЛА-МАНШУ, МАЙ 1940 ГОДА.

Танковая группа Клейста прорвалась к Ла-Маншу и изолировала в Дюнкеркском котле в ходе Западной кампании 1940 года британские экспедиционные силы, бельгийскую армию и 1-ю французскую армию. Франция в результате этого успеха оказалась обреченной и в следующем месяце капитулировала перед Гитлером.

миль и находились на расстоянии в пятьдесят пять миль к западу от Седана. Рейнхардт переправил через реку остальные подразделения своего корпуса и продвинулся на несколько миль, уничтожив по пути весь 41-й французский корпус⁴⁰. От штаба французской 9-й армии, где вместо Корапа теперь распорядился генерал Жиро, его отделяло одиннадцать миль. Но и Жиро был бессилен что-либо изменить. Ширина бреши в секторе 9-й армии уже достигла шестидесяти двух миль. И в довершение всех бед 41-й моторизованный корпус немцев разгромил в тот вечер французскую 27-ю бронетанковую дивизию. Танки этой дивизии следовали на железнодорожных платформах в Синь-ль-Аббе, а бронемашины шли своим ходом по шоссе. 6-я танковая дивизия немцев застала французов на марше и отрезала их танки с коротким радиусом действия от моторизованной колонны, где находились и грузовики-заправщики с горючим. Дивизионная артиллерия не успела развернуться и оказалась уничтожена, а большая часть танков была разбита прямо на железнодорожной станции Синь или поблизости от нее. Некоторые танки сгорели прямо на платформах. Подразделения связи 2-й бронетанковой были также разгромлены, и управление оставшимися частями было совершенно дезорганизовано⁴¹.

* * *

К началу кампании Франция имела лишь четыре бронетанковых дивизии. Первую Гот уже уничтожил на северном фланге; от второй дивизии остались теперь жалкие клочья. Третья находилась в распоряжении Хюнцигера, который отступал в юго-западном направлении. Формирование четвертой под командованием полковника Шарля де Голля еще только заканчивалось. В Париже поднялась паника, когда правительству стало известно, что между наступающими немецкими танка-

ми и столицей не осталось ни одной дивизии, потому что Гамелен бросил весь стратегический резерв в Бельгию и Голландию еще в первый день кампании. В тот же день правительство, не подозревая о том, что целью Клейста является побережье Ла-Манша, а не Париж, решило эвакуировать все свои учреждения в Тур.

Страх царил и в стане немцев, но по совсем другой причине. Еще 15 мая генерал-полковник Герд фон Рундштедт, командующий группой армий «А», подумывал о том, чтобы остановить Клейста на реке Уазе приблизительно в семидесяти милях от Седана. 16 мая он и в самом деле приказал сделать в наступлении двадцатичетырехчасовой перерыв, чтобы пехота могла подтянуться и прикрыть фланги Клейста. Браухич одобрил это решение. Не огорчило оно и Клейста, ибо совпадало с его собственным приказом, отданным за сутки до этого. Затем поступило донесение от Гудериана, подытоживавшее продвижение за очередные сутки. Но в нем сообщалось, что Гудериан решил на следующий день продолжить наступление. Позднее Гудериан говорил, что после успехов 16 мая ему и в голову не приходило, что приказ об остановке все еще имеет силу. Однако командование придерживалось иного мнения, увидев в донесении Гудериана нарушение субординации, и тут же лихому танкисту был передан по рации еще один строжайший приказ немедленно приостановить дальнейшее наступление 19-го корпуса. Ему также приказали ожидать Клейста на полковом аэродроме 19-го корпуса в 7 часов утра следующего дня⁴².

Это самоуправство Гейнца Гудериана почти переполнило чашу терпения командующего танковой группой. В блестящих талантах Гудериана никто не сомневался, но тем, кто работал с ним, приходилось нелегко. Он приобрел репутацию своенравного, плохо управляемого командира, «необъезженного коня». Еще в Польше Клюге и Бок изрядно намучились с ним. Общеизвестно было и то, что назначение Клейста командующим

танковой группой не вызвало у Гудериана особого восторга. Как мы видим, между ними уже произошла стычка. Едва покинув борт самолета, Клейст здесь же на временном аэродроме устроил Гудериану жесточайший разнос за неповиновение приказам. Стоять навзрыд и смиренно выслушивать упреки было не в характере последнего, и тут же началась яростная перепалка, которая закончилась тем, что Гудериан, закусив удила, потребовал, чтобы его освободили от командования корпусом. Клейст на миг опешил,⁴³ но не пошел на попятную. Коса нашла на камень. Он, не сходя с места, отдал приказ об освобождении Гудериана от должности.

Историки обычно весьма критически расценивают этот шаг Клейста, но автор данной книги не разделяет их мнения. Я считаю в высшей степени маловероятным, чтобы Клейст освободил Гудериана от командования, если бы тот действительно не попросил об этом. При всем своим капризным характере Гудериан был гением танковой войны; Клейст, который уважал если не его характер, то уж талант обязательно, не уволил бы его без причины, под влиянием момента. Позднее, в России, Клейст всегда с большой неохотой расставался со старшими командирами по своей инициативе. Он всего-навсего хотел точного исполнения своих приказов и не отступал от своих требований, как и подобает всякому, уважающему себя военачальнику. Если Гудериан не хотел быть освобожденным от командования корпусом, ему не следовало поднимать этот вопрос.

Позднее в тот же день, 16 мая, в конфликт вмешался генерал-полковник Лист, командующий 12-й армией, который и уладил дело. Он сказал Гудериану, что приказ остановиться исходил от Гитлера, а не от Клейста, и что Гудериану не разрешается оставлять командование корпусом. Командование группы армий «А» ожидало, что приказ об остановке будет выполнен всеми, добавил он, но в то же время вести «разведку боем»

не запрещается. Штаб корпуса должен оставаться там, где находится в настоящий момент. Затем Лист отправился в штаб танковой группы, чтобы успокоить самолюбие Клейста.

Гудериан интерпретировал этот приказ Листа как «зеленый свет» продолжению наступления и ринулся со своими танками вперед, осуществляя управление войсками из штаба передового базирования. На этот раз он был более осторожен и вел радиопереговоры в особом режиме, не позволявшим вышестоящим штабам перехватывать их⁴⁴.

17 мая французы организовали контратаку силами 4-й бронетанковой дивизии Шарля де Голля. Позднее этому событию придавалось по политическим причинам слишком большое значение, однако в действительности оно совершенно не повлияло на продвижение немцев, которые без труда отразили французскую контратаку. 4-я бронетанковая еще не достигла высокого уровня боеготовности. Когда началось вторжение, она находилась только в стадии формирования и не успела провести ни одного дивизионного тактического учения. У нее практически не было пехотной поддержки. Многие ее танковые экипажи ранее проходили подготовку на легких танках, а здесь им пришлось иметь дело с тяжелыми танками «Б». Из-за нехватки боеприпасов французские танки сделали на стрельбище всего лишь по одному выстрелу из 75-мм башенных орудий, а ведь им предстояло вступить в бой с отборными танковыми корпусами. Вскоре 4-я бронетанковая дивизия попала под удар Юнкеров-87 и начала отход⁴⁵. Однако в отличие от других французских дивизий, попавших под удар танковой группы Клейста, она не рассыпалась, и это уже говорит кое-что о способностях де Голля как военачальника.

К германскому главнокомандованию вернулось самообладание, и 18 мая приказ о приостановке наступления был отменен. Гудериану и Рейнхардту были даны

указания прорвать оборону на Северном канале, спешно создаваемую союзниками с целью преградить немцам путь к Ла-Маншу. Пехотинцы 23-й и 12-й британских дивизий заняли свои участки, но французские части, которым отвели сектор к югу от Ла-Манша протяженностью в 14 миль, не прибыли.

К тому же у этих двух британских территориальных дивизий не имелось артиллерийского прикрытия, и они в конце концов не выдержали натиска 1-й, 2-й, 6-й, 7-й и 8-й танковых дивизий. На подходе были еще 5-я и 10-я немецкие танковые дивизии. Эта линия обороны держалась недолго⁴⁶.

Генерал Жиро попытался организовать контратаку силами 1-й французской механизированной дивизии, но ничего не добился. Эта дивизия была так рассредоточена по фронту 1-й североафриканской пехотной дивизии, что к половине одиннадцатого вечера собрать ее не удалось. А в тот момент танки Рейнхардта прорвались к Ле Кателе, где Жиро устроил свой КП. Штаб 9-й французской армии подвергся полному разгрому. Спасся лишь один Жиро, которому удалось ускользнуть, используя складки местности⁴⁷. Его взяли на следующий день: французские источники утверждают, что он был захвачен в плен танковым отрядом. В германских источниках говорится о поварах полевой кухни. Пусть читатель сам сделает свой выбор. Как бы то ни было, но французская 9-я армия прекратила свое существование.

Тем временем в ставках верховного главнокомандования по обе стороны фронта царило состояние, близкое к истерии. Гитлер распекал Браухича и Гальдера за слишком быстрые темпы наступления, которые, по его мнению, ставили под угрозу успех всей кампании.

Премьер-министр Франции Поль Рейно, у которого было куда больше причин для беспокойства, уволил 68-летнего маршала Гамелена и назначил на его место 73-летнего маршала Максима Вейгана. Он так-

же ввел в правительство в качестве вице-премьера 84-летнего маршала Петена. Вот так «свежая кровь»! Оба выбора были неоправданы. Петен был пораженцем, а Вейген ненавидел англичан в частности и всех политиков в целом. Первое, что он сделал, став главнокомандующим, — отправился спать. Вплоть до 21 мая он не отдал ни одного приказа⁴⁸.

19 мая, несмотря на нервозность фюрера, наступления танковых войск продолжались. Лорд Горт, командующий британскими экспедиционными силами, сообщил в военное министерство, что вскоре в повестке дня со всей остротой может встать вопрос об эвакуации. Он приказал авиации, приданной британскому корпусу, перебазироваться в Соединенное Королевство. Тем временем германская 8-я танковая дивизия смяла боевые порядки 70-й пехотной бригады 23-й британской пехотной дивизии. К наступлению ночи от бригады осталось менее двухсот пятидесяти солдат. Западнее 1-я танковая дивизия захватила плацдарм на другом берегу Соммы близ Перрона и взяла в плен несколько французских штабных офицеров⁴⁹.

На следующий день, 20 мая, подразделения 2-й танковой дивизии взяли Абвель, преодолев разрозненное сопротивление союзников. В 7 часов вечера один танковый батальон вышел к Ла-Маншу в районе Ноэля. Более 400000 французских и британских военнослужащих оказались в окружении, ставшем затем известным под названием Дюнкеркского котла⁵⁰.

21 мая союзники заставили германское главкомандование немало поволноваться, организовав в районе Арраса контрнаступление бронетанковыми силами. И хотя немцы отразили его силами 7-й танковой дивизии генерал-майора Эрвина Роммеля и 3-й моторизованной дивизии СС генерала Теодора Эйке из состава 15-го моторизованного корпуса Гота, оно все же напоминало Гитлеру, Рундшtedту и Клейсту об уязвимости «танкового коридора» длиной в 156 миль и шириной в

самом узком месте 25 миль. В резерве у Рундштедта оставался 15-й моторизованный корпус, а Рейнхардт держал восточнее 8-ю танковую дивизию на случай еще одной контратаки союзников. В тот момент Клейст сделал серьезную ошибку: он забрал 22 мая у 19-го корпуса 10-ю танковую дивизию в резерв, хотя Гудериан планировал использовать ее для взятия Дюнкерка⁵¹.

Гудериан продолжил движение к портам Кале и Булонь с двумя оставшимися в его распоряжении дивизиями, но теперь вмешался Рундштедт и приказал Клейсту не атаковать эти порты, пока не прояснится ситуация в Аррасе.

В результате было потеряно еще пять часов. Наконец, днем Гудериану разрешили продолжать наступление, и Клейст решил вернуть ему 10-ю танковую дивизию. Гудериан тут же бросил ее на Кале, чтобы высвободить лучше оснащенную 1-ю танковую дивизию для взятия Дюнкерка. Поскольку Кале и Булонь были полностью отрезаны, Дюнкерк оставался единственным портом, через который из северного котла могли эвакуироваться союзники.

Пока нервность, колебания и задержки со стороны штабов выше корпусного уровня не имели сколько-нибудь серьезных последствий. 23 мая, однако, последовал знаменитый приказ о задержке наступления, отданный самим Гитлером, который позволил 224585 британским и 112546 французским военнопленным эвакуироваться морским путем в Англию⁵². Без этих 337000 солдат и офицеров Лондон, возможно, и принял бы предложение Гитлера о перемирии. Рундштедт приветствовал эту остановку, но Гудериан, Гальдер и Браухич были против, хотя возражения последнего были, как обычно, нерешительными.

Клейст в связи с этим испытывал двойственные чувства. Он доложил, что его потери в танках (подбитых и вышедших из строя из-за поломок) превысили 50 процентов. В действительности эта цифра была пре-

увеличена на 20 процентов⁵³. Однако, когда 22 мая из штаба группы армий «А» поступил первый приказ об остановке, Клейст продолжал наступление. «Я решил игнорировать приказ», — сказал он после войны. 41-й моторизованный корпус форсировал канал Сент-Омер и продвинулся на Азбрук, перерезав главный путь отступления англичанам. При этом едва не попал в плен лорд Горт⁵⁴. Получив 23 мая повторный приказ, на этот раз из ставки фюрера, составленный в более категоричных выражениях, Клейст отошел, согласно этому приказу, на рубеж канала Эр-Сент-Омер и простоял там в течение трех дней. Действительными виновниками того, что случилось при Дюнкерке, были Гитлер и Геринг. Последний заверил фюрера в том, что люфтваффе и одни в состоянии уничтожить противника, что, конечно же, было недостижимо. Гитлер несет главную ответственность, поскольку он поверил Герингу на слово и, как это ни маловероятно, похоже, думал, что сможет скорее достигнуть своих целей, если даст британскому экспедиционному корпусу спастись. Наверное, он полагал, что Британию будет легче склонить к переговорам о перемирии, если не заставлять ее испытать до дна чашу унижительного поражения. Однако трудно проследить за его логикой.

После приказа об остановке германские танковые войска стали заниматься ремонтом и техническим обслуживанием своих машин, в чем уже давно назрела необходимость, и после отдыха двинулись на юг для решающего наступления. Осуществилась заветная мечта Гудериана: 19-й корпус получил временное наименование танковой группы Гудериана, и ему так же были переподчинены 39-й моторизованный корпус генерала Рудольфа Шмидта и 41-й моторизованный корпус Рейнхардта. У Клейста остался 14-й моторизован-

ный корпус, и дополнительно ему дали 16-й моторизованный корпус генерала Эриха Гепнера. Теперь в его распоряжении были четыре танковых, две пехотных и две моторизованных дивизий СС, а так же армейская моторизованная дивизия и полк «Великая Германия».⁵⁵

Вторая фаза кампании представляла собой немногим больше чем гигантскую операцию по прочесыванию, потому что лучшие французские дивизии уже были уничтожены. Последнее наступление началось 5 июня. Гепнер нанес удар по участку фронта шириной в шесть километров. Плотность танков составляла более сотни машин на километр. Французская 6-я армия вскоре начала беспорядочный отход. Когда 21 июня Франция капитулировала, 16-й моторизованный корпус находился в Лионе, а 14-й моторизованный корпус в районе Бордо, близ испанской границы⁵⁶.

За свои победы во Франции и Бельгии Эвальд фон Клейст был 19 июля произведен в чин генерал-полковника⁵⁷. После недолгого пребывания на службе в оккупационных войсках его перевели на Восток, где Гитлеру предстояло столкнуться с новыми врагами. Вся остальная карьера Клейста, за исключением нескольких непродолжительных отпусков, была связана с Восточным фронтом.

В начале 1941 года 22-й корпус Клейста стал именоваться штабом 1-й танковой группы, на которую была возложена задача быть острием германской агрессии против Греции. В марте 1941 года это соединение дислоцировалось в районе болгарской столицы Софии. Однако в ночь с 26 на 27 марта пронемецкое правительство премьера Драгиша Цветковича в Белграде было свергнуто и на его место пришла хунта генерала Симовича, бывшего командующего югославскими ВВС⁵⁸. Гитлер быстро решил вторгнуться заодно и в Югославию, и 1-я танковая группа получила задание начать 8 апреля внезапное наступление по линии Ниш-Крагуевац-Белград и как можно быстрее захватить югославскую столицу.

Поскольку местность в юго-восточной Югославии гористая, дорог немного, да и те примитивны, а лучшие войска противника были стянуты к столице, задача Клейста никак не могла считаться легкой⁵⁹.

Под своим командованием 8 апреля Клейст имел 14-й моторизованный корпус Витерсгейма (5-я танковая, 11-я танковая, 294-я пехотная и 4-я горнострелковая дивизии) и 11-й корпус генерала Иохима фон Кортицфлейша (60-я моторизованная пехотная дивизия и несколько менее значительных частей)⁶⁰.

5-я югославская армия оказала продвижению Клейста ожесточенное, но непродолжительное сопротивление, которое к вечеру было сломлено. 9 апреля Клейст взял Ниш и приказал своей головной 11-й танковой дивизии продолжать наступление в северо-восточном направлении на Белград. 5-я танковая дивизия повернула на юг, чтобы отрезать югославские силы, находившиеся в районе Лесковаца. Быстро наступая в долине Моравы, Клейст смял правый фланг 6-й югославской армии. К вечеру 12 апреля он прошел уже 125 миль и находился на расстоянии менее 40 миль от Белграда⁶¹. Клейст въехал в город во главе 11-й танковой дивизии в 6.30 утра 13 апреля. Иногда ему приписывают честь взятия югославской столицы⁶². Однако подразделения 2-й мотопехотной дивизии СС «Рейх» под командованием оберштурмфюрера СС Клингенберга вошли в город с севера в 5 часов вечера предыдущего дня, освободили интернированных сотрудников германского посольства и приняли у мэра капитуляцию города в 7 часов вечера 12 апреля⁶³.

На карте 8 показана германская кампания в Югославии до захвата Белграда.

* * *

Сразу же после капитуляции югославов 1-ю танковую группу передислоцировали в южную Польшу для

ЮГОСЛАВСКАЯ КАМПАНИЯ, 1941

0 100 200
Мили

ЮГОСЛАВСКАЯ КАМПАНИЯ, АПРЕЛЬ 1941 ГОДА.

Югославия была захвачена менее чем за две недели 2-й армией генерал-полковника барона фон Вейхса и 1-й танковой группой Клейста. После этой победы как Клейст, так и Вейхс были переведены на восток, чтобы принять участие во вторжении в СССР. Вейхс вернулся на Балканы в качестве главнокомандующего группы армий в середине 1943 года.

вторжения в СССР. Здесь под началом Клейста в составе 48-го танкового, 3-го танкового и 14-го моторизованного корпусов оказались пять танковых, две моторизованные и две моторизованные эсэсовские дивизии⁶⁴. Они были развернуты на левом фланге группы армий «Юг» фельдмаршала фон Рундштедта между 6-й армией Рейхенау и 17-й армией генерала Карла-Генриха фон Штюльпнагеля. Перед Клейстом первоначально поставили задачу достигнуть Днепра в районе Киева. Затем он должен был повернуть под прямым углом на юго-восток и наступать в направлении Черного моря с целью захвата переправы через Днепр, а также чтобы отсечь пути к отступлению на восток двум русским фронтам (т. е. группам армий) под командованием маршала С. М. Буденного. Перспективной целью Клейста был город Ростов-на-Дону⁶⁵.

На южном направлении Сталин развернул свои лучшие соединения под командованием наиболее способных генералов, очевидно с прицелом на будущий захват Румынии. Такой шаг лишил бы Гитлера нефтяных месторождений Плоешти, имевших первостепенное значение для ведения войны Германией. И, действительно, пока Гитлер был занят на Западе, Сталин вынудил Румынию уступить ему Бессарабию и Северную Буковину. Он также проглотил и прибалтийские государства Латвию, Эстонию и Литву, вторгся в Финляндию и предъявил территориальные претензии к Турции. К СССР была присоединена территория площадью в 175000 квадратных миль с населением в 20 миллионов человек. Катастрофа Франции, происшедшая менее чем за шесть недель, явилась для Сталина неприятным сюрпризом.

1-я танковая группа пересекла советскую границу 22 июня 1941 года. Условия местности Галиции и Западной Украины, по которым она наступала, были далеки от идеальных для операции бронетанковых сил. Густо поросшие лесом, эти места имели мало дорог и

были кое-где заболочены, однако главными проблемами, с которыми пришлось столкнуться Клейсту, были ожесточенное сопротивление русских и их постоянные контратаки. Только за первые шесть дней ему пришлось отбить контратаки 9-го, 19-го и 23-го механизированных корпусов русских. В общей сложности 600 танкам Клейста противостояли 2400 советских танков,⁶⁶ многие из которых в техническом отношении превосходили его Т-III и Т-IV — лучшие танки Германии на тот момент. Тем не менее его войска 30 июня достигли Львова, а 6 июля прорвали «линию Сталина», несмотря на несколько мощных контратак русских войск. Житомир, расположенный в 90 милях от Киева, пал 10 июля, после того, как первая танковая группа отразила сильные атаки 4-го, 15-го и 16-го механизированных корпусов Красной армии. В тот же день советская 5-я армия, усиленная подразделениями 9-го, 19-го и 22-го механизированных корпусов, перерезала, наступая с южной стороны Припятских болот, главную коммуникацию, по которой осуществлялось снабжение танковой группы.

Рейхенау, следовавшему за Клейстом со своей пехотой, пришлось выделить крупное формирование для очистки дороги⁶⁷. И так продолжалось весь июль и август. С 22 июня по 10 июля танковая группа проходила за день лишь 10 миль, а после 10 июля темпы ее продвижения еще более замедлились. Все это было совсем не похоже на блицкриг, на который Гитлер возлагал такие надежды⁶⁸.

В середине июля Клейст повернул на юг, заходя в тыл Южному фронту Тюленева (юго-западное направление Буденного), и, несмотря на контратаки против своего левого фланга со стороны советской 26-й армии, соединился с 17-й армией в Первомайске, образовав первое крупное окружение на южном участке Восточного фронта. Ликвидация этого котла закончилась 8 августа; в плен попало 103000 советских военнослужа-

щих, в том числе два командующих армиями. Было захвачено или уничтожено 317 танков и 1100 пушек⁶⁹.

Еще до завершения ликвидации Уманьского котла русские предприняли попытку еще одного контрнаступления. На этот раз в направлении Богуслава в зону, оставленную войсками 1-й танковой группы, повернувшей на юг, на Умань. Группа фон Швельдера (сформированная наспех из строевых и тыловых частей и находившаяся под командованием командира 4-го корпуса генерала фон Швельдера) сдерживала русских, пока Клейст и Рейхенау не исправили положение. Однако возобновить наступление группа армий «Юг» смогла лишь 17 августа.

19 августа 1-я танковая группа достигла восточного берега Днепра, а 9-я танковая дивизия вела атаку через плотину в Запорожье и закрепилась на плацдарме на другой стороне. Русские предприняли ожесточенную контратаку и вытеснили немцев на западный берег. Прошла еще неделя, прежде чем 60-й моторизованной дивизии удалось захватить понтонный мост в Днепропетровске и закрепиться на противоположном берегу, но Клейст усилил войска на плацдарме 3-м танковым корпусом генерала Эберхарда фон Макензена. Кроме того, плацдарм с воздуха круглосуточно прикрывала люфтваффе. К 29 августа 1-я танковая группа значительно расширила плацдарм в восточном направлении и угроза нависла над всем Донбассом, одним из главных промышленных районов Советского Союза. Два дня спустя 17-я армия также захватила плацдарм на восточном берегу Днепра в районе Кременчуга⁷⁰.

Вечером 10 сентября Клейст принял Кременчугский плацдарм у 17-й армии и начал сосредоточивать на нем 48-й танковый корпус Кемпфа. На следующее утро в 9 часов 16-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Ганса Хубе начала наступление с плацдарма и, прорвав оборону советской 38-й армии, устремилась на Ромны, расположенные севернее. Вслед за ней рину-

лись 9-я и 14-я танковые дивизии. Этот внезапный прорыв застал советское высшее командование врасплох. За первые 12 часов Хубе прошел 43 мили. В 6.20 дня 14 сентября он соединился близ Ромен — в 130 милях восточнее Киева — с 3-й танковой дивизией генерал-лейтенанта Вальтера Моделя из 2-й танковой группы Гудериана. Клейст и Гудериан завершили самое большое окружение за всю войну: в котле оказалось пять советских армий. К 26 сентября сражение закончилось. В плен угодило 667000 солдат и офицеров Красной армии. Захвачено или уничтожено было 3718 орудий и 884 единицы бронетанковой техники. Один лишь корпус Кемпфа взял 109097 пленных⁷¹. Вся Украина, житница Советского Союза, была теперь потеряна для Сталина.

После Киева группа Клейста была повышена в статусе и стала с 6 октября именоваться 1-й танковой армией. Она начала продвижение на юг к Ростову — главной ее цели в кампании 1941 года. Еще до окончания киевского сражения ее подразделения, расположенные на южном фланге (3-й танковый корпус), в южном направлении с Днепропетровского плацдарма и под Новомосковском уничтожили три советские дивизии. Вынудив советские части на Днестре откатиться к самому Запорожью, 1-я танковая армия продвинулась на восток, а затем на юг, зайдя в тыл советским войскам, которые задерживали 11-ю армию Манштейна у Мелитополя. 5 октября 1-я танковая дивизия СС вышла к Азовскому морю в Бердянске, осуществив еще одно окружение русских у Черниговки. В итоге закончившегося 10 октября сражения была уничтожена советская 18-я армия, ее командующий погиб, и более 100000 красноармейцев оказалось в плену. Трофеи немцев — 212 танков и 672 орудия. Клейст тут же

возобновил наступление. Таганрог пал 12 октября, а 28 октября немцы вышли уже к реке Миус, последней водной преграде перед Ростовом. Затем, однако, наступил русский сезон дождей и установилась «повсеместная грязь». Клейст вынужден был приостановить наступление, пока 17 ноября не ударили морозы, которые сковали землю⁷².

Впечатляющие победы предыдущих трех месяцев, а также борьба с грязью истощили резервы горючего Клейста; в строю оставалось лишь 30 процентов грузовиков от числа тех, с которыми он начинал эту кампанию. Тем не менее, 1-я танковая армия 17 ноября возобновила наступление, на острие которого шла 1-я моторизованная дивизия СС, усиленная 4-м танковым полком 13-й танковой дивизии. 60-я моторизованная и 14-я танковая дивизии обошли Ростов с востока, а части СС и 4-я танковый полк овладели городом ночью 20 ноября. Советское командование организовало контр-наступление силами десяти дивизий, но его удалось отразить⁷³.

Ростов был не просто крупным городом, имевшим в 1941 году полумиллионное население. Он считался воротами на Кавказ, с его богатейшими нефтяными месторождениями, и в Иран. Коммунисты не могли допустить, чтобы он оставался в руках немцев и стал trampлином для их летнего наступления в 1942 году. 21 ноября Клейст предупредил Рундштедта, что левый фланг 1-й танковой армии опасно обнажен, однако Рундштедт мало чем мог ему помочь.

В тот же самый день русские атаковали открытый фланг. Во избежание катастрофы Клейст вынужден был передвинуть свои 13-ю и 14-ю танковые дивизии на север и северо-запад. Затем 25 ноября маршал Тимошенко нанес главный удар по 1-й эсэсовской и 6-й моторизованным дивизиям. Летом их защитила бы река Дон, но теперь она была скована прочным льдом.

Из-за потерь и обморожений в строю в линейных

ротах германских дивизий оставалась лишь треть личного состава. Солдаты все еще не получили зимнего обмундирования и тем не менее держали оборону в течение трех дней при температуре 14 градусов по Фаренгейту⁷⁴.

Германские войска оставили Ростов 28 ноября. Два дня спустя Клейст был вынужден отвести свои изрядно потрепанные части и запросил разрешения отступить на реку Миус. Гитлер запретил даже и думать о каком-либо отступлении, но Рундштедт санкционировал его на свой страх и риск. В тот же день Гитлер сместил его, назначив новым главнокомандующим фельдмаршала фон Рейхенау.

Талантливый Рейхенау также не видел иного выхода из ухудшавшейся ситуации, кроме как разрешить Клейсту отступить. В течение 24 часов после вступления в должность он добился у Гитлера этого разрешения. Эвальд фон Клейст заработал себе сомнительную славу германского полководца, первым потерпевшего поражение во второй мировой войне. Однако этому поражению не суждено было стать последним, ни в цепи поражений Германии, ни его личных.

В ходе своего зимнего наступления 1941–1942 гг. Советы отбросили назад немцев на всех фронтах, но вермахт устоял, несмотря на то, что температура порой опускалась до минус 50 градусов по Фаренгейту. К весне 1942 года танки были опять готовы к наступлению. В операции «Фридрикус», которая закончилась еще одним котлом, Клейст командовал 1-й танковой и 17-й армиями (армейская группа Клейст). При ликвидации котла в плен попали еще 239000 красноармейцев. Потери русских в технике составили 1250 танков и 2026 орудий⁷⁵.

После «Фридрикуса» и первого этапа наступления

к Волге 1-ю танковую армию перебросили в район южнее Харькова, где она вошла в состав вновь сформированной группы армий «А» фельдмаршала Листа. 1-я танковая армия прикрывала левый фланг 17-й армии, когда та во второй раз 24 июля взяла Ростов. Группа армий «Б» Вейхса (ранее группа армий «Юг») устремилась к Волге на Сталинград, а группа армий «А» наступала на Кавказ и Баку, район нефтеносных месторождений на Каспийском море. 11-ю армию Манштейна перебросили на север для взятия Ленинграда. Раздробив таким образом свои силы и поставив перед ними три совершенно разные задачи, Гитлер не оставил достаточных ресурсов, чтобы выполнить хотя бы одну из них. В сентябре группа армий «А» завязла на Кавказе.

С 9 сентября, когда фюрер сместил фельдмаршала Листа и взял на себя командование группой армий «А», он оставался в своей ставке в Растенбурге в Восточной Пруссии за тысячи миль от фронта. Текущими вопросами занимался бывший начальник штаба Листа, генерал-лейтенант Ганс фон Грейфенберг.

21 ноября 1942 года Гитлер, наконец, отказался от командования группой армий «А», которая вот уже несколько недель топталась на месте, не в состоянии достигнуть сколько-нибудь ощутимых результатов. Его преемником стал генерал-полковник Эвальд фон Клейст, передавший командование 1-й танковой армией Эберхарту фон Макензену. В распоряжении Клейста находилась еще одна армия — 17-я под командованием генерал-полковника Рихарда Руоффа.

Клейст предупреждал Гитлера, чтобы тот не ставил на фланги 6-й армии во время ее наступления на Сталинград венгерские, итальянские и румынские части, но фюрер не послушал его⁷⁶. Советские войска нанесли удар по румынам к северу и югу от Сталинграда 19 и 20 ноября, быстро прорвали их оборону и 22 ноября окружили 6-ю армию. Эта катастрофа поставила Клейста в очень опасное положение, ибо победоносные

войска Сталина находились ближе к Ростову, чем истощенные части Клейста, и навряд ли что-либо могло помешать Красной армии захватить город. Через Ростов осуществлялась вся наземная связь группы армий «А» с остальной частью Восточного фронта. Тем не менее Гитлер не давал Клейсту разрешения на отступление до 27 декабря.

Когда генерал-полковник Курт Цейтцлер, ставший к этому времени начальником генерального штаба сухопутных сил, убедил наконец фюрера позволить группе армий «А» отойти, передовые части 1-й танковой армии находились на реке Терек почти в 400 милях. К 20 января 1943 года Советы подошли к Ростову на расстояние 19 миль, но были остановлены последними резервами 4-й танковой армии из группы армий «Дон» Манштейна. В течение трех недель русские безуспешно пытались отрезать 1-й танковой армии путь отхода. Части армии, включая 40-й танковый корпус, должны были отступать по льду Азовского моря. Наконец, 6 февраля арьергард 1-й танковой армии, 111-я пехотная дивизия генерал-майора Рекнагеля, взорвала мост через реку Дон к югу от Ростова перед самым носом у советских частей, которые уже выслали саперов для разминирования этой переправы⁷⁷. 1-я танковая армия избежала окружения.

Но перед Клейстом теперь встала другая проблема: как удержать Кубань, отделенную от Крыма Керченским проливом. После переправы 1-й танковой армии через Дон в распоряжении командования группы армий «А» оставалась лишь 17-я армия (пять пехотных и две горнострелковые дивизии, а также румынская кавалерийская дивизия, словацкая охранная дивизия и несколько разрозненных кавалерийских частей, сформированных из казаков и других категорий граждан СССР и входивших в состав 5-го, 44-го и 49-го горнострелковых корпусов), командование Крыма (штаб, 42-й корпус с 1-й и 4-й румынскими горнострелковыми диви-

зиями и 153-й германской резервной дивизией) и командование тылом группы армий «А» (454-я и 444-я охранные дивизии, каждая из которых состояла из двух полков и не имела артиллерии). В резерве группы армий находилась лишь одна часть: 381-я учебная дивизия, которая не годилась для службы на передовой. Начиная с 10 января 17-й армии пришлось оставить опорные пункты на востоке Кавказа и отклониться на север и восток для создания оборонительной линии, прикрывавшей Кубань. Немцы испытывали постоянное давление со стороны 47-й, 56-й, 18-й, 37-й, 9-й, 58-й и 44-й советских армий, однако им удалось, воспользовавшись импровизированными препятствиями и заграждениями, выйти на заданные рубежи всего лишь за четыре недели.

Войска Сталина предпринимали отчаянные попытки прорваться через арьергардные линии немцев и смять 17-ю армию, прежде чем та сможет завершить свой маневр и врыться в землю. В случае успеха их улов составил бы 400000 немецких солдат, 110000 лошадей, 26500 автомобилей и танков и 2085 пушек, — побольше, чем в Сталинградском котле!⁷⁸ В противном случае Гитлер сохранял плацдарм на границе с Азией, с которого мог бы летом 1943 года начать еще одно наступление в направлении важнейших месторождений нефти. Сталин бросил против Клейста все силы, какие только мог собрать, но не сумел ни помешать его организованному отступлению, ни прорвать Кубанскую линию. За этот успех в обороне Эвальд фон Клейст был 1 февраля 1943 года произведен в чин фельдмаршала.

По иронии судьбы, своими успехами, за которые Клейст был удостоен повышения в чине, он был обязан тому, что игнорировал инструкции Гитлера относительно преследования народов, которые ранее жили под пятой коммунистов. В сентябре 1942 года Клейст заметил: «Эти обширные пространства угнетают меня. А эти бесчисленные людские орды! Если мы не перетянем их

на свою сторону, то погибнем».⁷⁹ Высказав немалую предусмотрительность, он взял в свой штаб двух бывших военных атташе германского посольства в Москве: генерал-лейтенанта риттера Оскара фон Нидермайера и генерал-майора Эрнста Кестринга, родившегося в Москве. Нидермайер, который в 1935 году ушел в отставку, до возвращения в армию был профессором геополитики Берлинского университета. Он сформировал 162-ю дивизию и стал ее командиром. Эта часть состояла из уроженцев Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Туркестана, Ирана, Афганистана и других восточных территорий, которые вступили в ряды германских вооруженных сил, чтобы бороться с коммунизмом. Нидермайер не стеснялся в критике нацистской политики на Востоке, согласно которой негерманские народы Советского Союза считались недочеловеками. Он и Кестринг оказали немалую помощь Клейсту своими советами насчет того, как обращаться с неславянским населением оккупированных территорий.

В результате около 825000 человек встали с оружием в руках на борьбу с коммунизмом. Среди них были карачаевцы, кабардинцы, осетины, ингуши, азербайджанцы, калмыки, узбеки и в первую очередь казаки. Почти все они были набраны в вермахт в районах, где действовали войска Клейста. В сентябре 1944 года Гитлер разрешил этим людям перейти на службу в РОА (Русскую освободительную армию) под командованием бывшего советского генерала Власова, но к тому времени Германия потеряла почти все оккупированные территории Советского Союза и война была уже проиграна. Клейсту, однако, разрешили использовать иностранцев во вспомогательных войсках и казачьих полках⁸⁰.

Гаулейтер Эрих Кох, рейхскомиссар Украины, и Фриц Заукель, уполномоченный по трудовым ресурсам, отвечавший за поставки в Германию рабской рабочей силы, протестовали против гуманной полити-

ки Клейста, который зашел так далеко, что даже приказал своим подчиненным проследить за тем, чтобы «добровольный» набор рабочей силы на оккупированной территории был действительно добровольным! Кох и Заукель пришли в ярость. Однако их протесты разбивались о ледяную невозмутимость прусского кавалериста⁸¹. Клейст вызвал в свой штаб офицеров СС и полиции и категорически предупредил их, что не потерпит никаких эксцессов на территории, занимаемой его войсками⁸².

Гуманная политика Клейста имела успех и вызвала сдержанное одобрение даже у Йозефа Геббельса, нацистского министра пропаганды⁸³. Если бы идеи Клейста были реализованы на всей оккупированной территории, они, возможно, изменили бы ход войны.

* * *

Русские сделали несколько попыток прорвать Кубанскую линию. В ночь с 3 на 4 февраля они высадили морской десант под Новороссийском. Это была единственная за всю войну крупная операция подобного рода, оказавшаяся успешной.

В то же время Клейст неустанно требовал эвакуации Кубани. Однако Гитлер медлил, опасаясь нежелательных отзывов, которые такой шаг мог вызвать в Румынии и нейтральной Турции. Наконец 3 сентября он разрешил Клейсту начинать эвакуацию. Этот приказ поступил в тот момент, когда обстановка могла стать критической. Советские войска приближались к Перекопскому перешейку на севере Крымского полуострова. Если бы этот выход из Крыма оказался наглухо запечатанным до завершения эвакуации группы армий «А», войска Клейста оказались бы в ловушке. Манштейн, чья группа армий «Юг» прикрывала маршрут отхода, со всей ясностью дал понять, что не сможет долго сдерживать натиск Красной Армии.

Кубанский плацдарм выполнил свою задачу. В течение большей части лета он отвлекал на себя семь русских армий, насчитывавших более 50 дивизий, которые могли быть использованы более эффективно на других участках советско-германского фронта. К сентябрю, однако, стало ясно, что немцы не смогут больше предпринять наступление на Кавказ, и Сталин снял часть своих дивизий с этого участка фронта. С началом эвакуации медлить было нельзя. За 34 дня Клейст и вице-адмирал Шейрлен переправили через Керченский пролив в Крым 227484 германских и румынских солдат, 72899 лошадей, 28486 военнослужащих вспомогательных частей, укомплектованных местным населением, 21230 единиц авто- и бронетехники, 27741 единицу транспорта на конной тяге и 1815 пушек. Эвакуация закончилась 9 октября. Советские войска оказывали сильное давление, но понесли большие потери и не смогли прорвать немецкую оборону. 17-й армии даже удалось эвакуировать все свои запасы продовольствия и поврежденную технику. Оставить пришлось лишь фураж для лошадей⁸⁴. Почти все эвакуированные части были спешно направлены на подкрепление вновь сформированной 6-й армии генерал-полковника Карла Холлидта, которая охраняла северные подступы к Перекопскому перешейку. После эвакуации Кубани Гитлер подчинил эту армию Клейсту.

* * *

В последнюю кампанию у Клейста все чаще возникали трения с Гитлером. Клейст активно выступал за уход из Крыма сразу после завершения эвакуации Кубани. Он отдал приказ об эвакуации полуострова еще 26 октября, но Гитлер отменил его в тот же день. Даже после того, как советские войска 1 ноября достигли наконец Перекопского перешейка и отрезали

17-ю армию в Крыму, Клейст продолжал требовать ее эвакуации морем.

В нескольких случаях Клейст предлагал своевременные отходы, на которые Гитлер не соглашался, пока дальнейшее промедление уже явно не грозило катастрофой, и тогда немецкие войска несли большие потери, которых можно было бы избежать. В конце концов Клейста оттеснили за Южный Буг, удержать оборону на котором он со своими сильно поредевшими дивизиями никак не мог, и тогда Клейст негласно договорился с Холлидтом и генералом Отто Велером, командующим 8-й армией, стоявшей на южном фланге группы армий «Юг» об обеспечении своевременного отступления к Днестру. 26 марта 1944 года Клейст сообщил Цейтцлеру о том, что он забирает в свое распоряжение 8-ю армию у группы армий «Юг» и отдает приказ об отступлении к Днестру вне зависимости от того, даст на это разрешение ОКХ или нет. Цейтцлер попросил его сначала встретиться с фюрером. Фельдмаршал ответил, что сделает это на следующий день после того, как удостоверится, что для начала отступления все готово. «Кто-то должен сложить голову на плахе», — сказал Клейст своему начальнику штаба⁸⁵. С Эвальда фон Клейста было довольно.

Поставленный перед свершившимся фактом, Гитлер санкционировал 27 марта отступление 6-й и 8-й армий при условии, что Клейст удержит плацдарм от Тирасполя до Одессы, главного порта, через который осуществлялось снабжение крымской группировки. На следующий день походные колонны обеих армий потянулись от Южного Буга на запад, преследуемые 8-й гвардейской и 46-й армиями русских⁸⁶.

Возникает мысль о том, что именно этот случай и стоил Эвальду фон Клейсту высокой должности, оборвав его военную карьеру. Вполне вероятно, что это была последняя капля в чаше как для него самого, так

и для Манштейна. Гитлер хотел убрать Манштейна еще в первой половине 1943 года. Клейст же вызвал раздражение фюрера своими настойчивыми призывами к эвакуации Крыма; своим отношением к «недочеловекам»; своим советом в ноябре 1943 года назначить первого генерал-квартимейстера вермахта для руководства операциями на Восточном фронте; своими промонархическими взглядами и угрозой взять дело в свои руки, если Гитлер не даст ему разрешения на отход с Южного Буга.

В июле 1943 года Гитлер так выразился об обоих фельдмаршалах: «Я не могу доверять ни Клейсту, ни Манштейну. Они умны, но они не национал-социалисты».⁸⁷

30 марта личный «Кондор» фюрера приземлился на аэродроме Клейста в Тирасполе, чтобы забрать главнокомандующего группой армий «А». Затем он полетел во Львов за Эрихом фон Манштейном. Вечером того же дня Гитлер вручил им по Рыцарскому кресту с дубовыми листьями и мечами и освободил их от должностей. Он сказал, что одобряет все сделанное ими, но дни специалистов по тактике на Восточном фронте подошли к концу. Теперь ему требовались командующие, обладавшие способностью заставить свои войска сопротивляться до последней возможности.

Клейст воспользовался этой последней встречей с Гитлером, чтобы посоветовать ему заключить мир со Сталиным. Фюрер заверил его, что в этом нет никакой надобности, так как Советская армия уже почти истощила свои силы⁸⁸.

Когда Гитлер объявил о своем намерении уволить Клейста и Манштейна, в отставку подал и генерал-полковник Цейтцлер. Гитлер отказался принять его заявление, но отношение начальника генерального штаба (и бывшего начальника штаба танковой группы Клейста), очевидно, повлияло на него, и потому встреча с опальными полководцами прошла столь корректно.

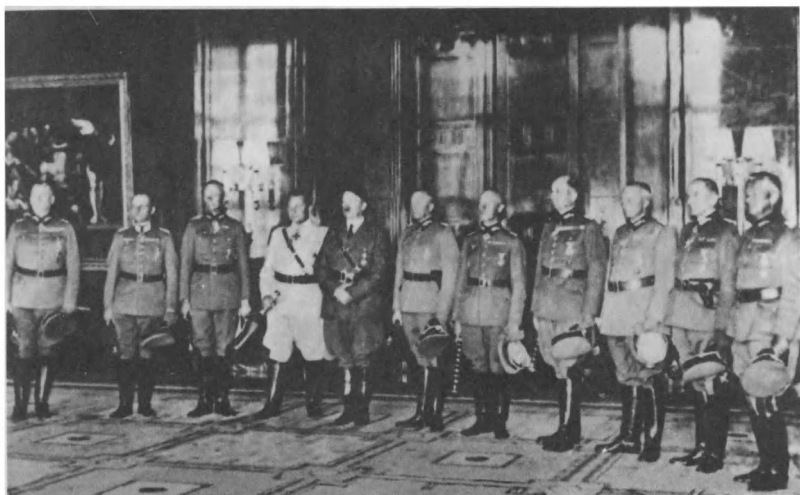
Группа армий «А» получила наименование «Южная Украина». Ее новым главнокомандующим был назначен генерал-полковник Фердинанд Шернер. Клейст ушел в отставку и в 1944 году был арестован гестапо в связи с покушением 20 июля на Гитлера, к которому оказался причастен один из его кузенов. Клейст знал о движении Сопротивления, но не донес властям и, следовательно, был виновен, хотя активного участия в неудавшемся перевороте не принимал. Нацисты не хотели предавать «народному суду» такого уважаемого фельдмаршала после казни фельдмаршала фон Вицлебена и поэтому освободили Клейста.

Если не считать этого краткого эпизода, то в остальном Эвальд фон Клейст жил в тихом уединении в Вейдебрюке с апреля 1944 года до начала 1945, когда русские вторглись в Силезию. Фельдмаршал перебрался в Миттерфельс, маленькую деревушку в Нижней Баварии, а его старший сын, капитан вермахта, взорвал семейный особняк, чтобы тот не достался русским⁸⁹.

Дальнейшие сведения о судьбе старшего фон Клейста отличаются противоречивостью. По одним данным, его взяли в плен в Югославии англичане, по другим — он сдался в конце года американцам⁹⁰. Историк К. Р. Дэвис, беседовавший с членами семьи Клейста, говорит, что Клейст был задержан патрулем 26-й американской пехотной дивизии 25 апреля 1945 года. Однако важно не то, как он попал в плен, а то, что в течение следующих девяти лет ему пришлось пройти тернистый путь по двадцати семи разным тюрьмам. В 1946 году его передали югославам, которые судили его как военного преступника и приговорили к пятнадцати годам заключения. Два года спустя его выдали Советскому Союзу, где его обвинили в проведении подрывной работы среди населения СССР⁹¹. В советском плену он оставался до конца своей жизни. В марте 1954 года бывшего командующего танковой армией перевели во Влади-

мирскую тюрьму в ста десяти милях от Москвы, где содержались германские генералы. Здесь русские позволили ему обмениваться с семьей почтовыми открытками. Впервые за восемь с половиной лет он дал знать о себе родным⁹².

Фельдмаршал Эвальд фон Клейст скончался 15 октября 1954 года во Владимире «от общего атеросклероза и артериальной гипертонии» — единственный из фельдмаршалов Гитлера, умерший в плену. Его старший сын, Эвальд, был освобожден в 1956 году после десятилетнего пребывания в сибирских лагерях. Он умер в 1976 году. Фрау фон Клейст умерла в Западной Германии в мае 1958 года, а младший сын Клейста скончался в 1973 году. Однако род Клейста не прекратился. В 1979 году в Западной Германии проживало восемь внуков и внучек фельдмаршала, который так их никогда и не увидел,⁹³ будучи похороненным в безымянной могиле в Советском Союзе.

Гитлер со своими фельдмаршалами, 1940

Гитлер обсуждает стратегию
со своими генералами

Вернер фон Бломберг

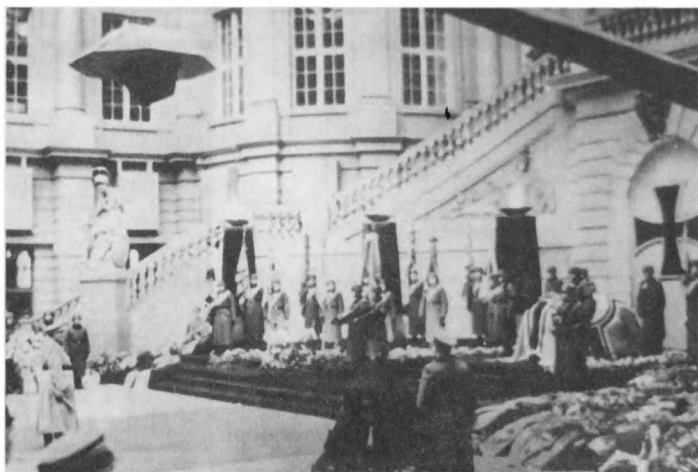
88-мм зенитное орудие в действии

Вальтер фон Рейхенау

Государственные похороны фон Рейхенау

Барон Максимилиан
фон Вейхс

Эвальд фон Клейст

Эрнст Буш

Риттер фон Лееб

Гитлер, Федор фон Бок и офицеры

Вильгельм Кейтель и Гитлер

Эрвин Роммель

Зигмунд Вильгельм Лист

Георг фон Кюхлер

Фридрих фон Паулюс

Эрих фон Манштейн

Гюнтер фон Клюге, 1941

Эрих фон Манштейн в войсках

Вальтер Модель

Эрвин фон Вицлебен

Вальтер Модель и Адольф Гитлер

Судебный процесс над фельдмаршалом
Эрвином фон Витцебеном, 1944

Фердинанд Шернер

Герд фон Рундштедт

ГЛАВА 4

ВАЛЬТЕР ФОН

РЕЙХЕНАУ

Рейхенау был одним из самых выдающихся фельд-маршалов гитлеровской Германии. За исключением бледно-голубых глаз, в остальном его внешность была типично прусской: суровые черты лица, монокль и холодное, неприязненное выражение. И все же он не чурался новшеств, любил автогонки, плавание, теннис, бокс и кросс по пересеченной местности. Он был доступен в общении и популярен в войсках, занимался наукой и с удовольствием общался с людьми, не принадлежавшими к военной касте, — даже с иностранцами. Далекий от умственных шаблонов, автоматизма, он обладал независимостью мышления и ненавидел все, от чего исходил дух традиционализма. Но главное — его безбрежное честолюбие¹. Историк Вальтер Герлиц назвал его «самым прогрессивным мыслителем среди главнокомандующих», а также «человеком, лишенным всяческих чувств, временами даже хладнокровным, жестоким».²

Сын прусского генерала, он родился в Карлсруэ 16 августа 1884 года. Его мать была родом из Силезии. Рейхенау женился на графине фон Мальцан-Милич, из знатной силезской семьи. Она находилась в родственных отношениях со старинным прусским домом фон Шверин.

Когда Рейхенау исполнилось восемнадцать лет, он

поступил фаненюнкером в 1-й прусский гвардейский полк полевой артиллерии. В 1904 году он был произведен в чин лейтенанта. Oberлейтенантом он стал в 1912 году. В мае 1914 года Рейхенау был еще слушателем военной академии в Берлине, проходя подготовку офицера генерального штаба. С началом войны он вернулся в свой полк и «доблестно служил на западном фронте»³ в качестве адъютанта командира полка, а позднее офицера генерального штаба при 47-й резервной дивизии, при 6-м корпусе и 7-й кавалерийской дивизии. Некоторое время он находился под командованием генерал-майора Макса Хоффмана, гения военной науки, имя которого тесно связано с победой Гинденбурга и Людендорфа при Танненберге. Войну он закончил в чине капитана, будучи награжденным Железным крестом первой степени, орденом Дома Гогенцоллернов и другими знаками отличия⁴.

Восхождение Рейхенау по ступеням служебной лестницы в сухопутных войсках нельзя назвать стремительным. Он служил в качестве офицера генерального штаба при штабе шестого военного округа в Мюнстере (1920—1922 гг.), затем отбыл годичный срок службы в войсках командиром 8-й пулеметной роты 18-го пехотного полка. Получив в 1923 году чин майора, он служил в штабе третьего военного округа в Берлине до лета 1926 года, когда и совершил свою первую поездку в Англию. По возвращении оттуда его перевели на другую штабную должность там же в Берлине, в штаб 1-й армейской группы, а 1 ноября 1927 года он был назначен командиром 5-го батальона связи в Штуттгарте. В апреле 1929 года последовало очередное повышение в чине. Он стал подполковником⁵.

После этого Рейхенау провел еще несколько месяцев в Англии, совершенствуя свои знания языка этой страны. Он проникся к англичанам настолько большим уважением, что даже дома разговаривал по-английски и носил английскую одежду. Осенью 1929 года его воз-

вратили в Берлин, назначив начальником штаба при инспекторе связи в министерстве рейхсвера. Этот пост он занимал вплоть до 1 февраля 1931 года, когда его назначили начальником штаба первого военного округа в Восточной Пруссии. Спустя ровно год Рейхенау стал полковником⁶.

Два года, проведенные Вальтером фон Рейхенау в Восточной Пруссии, стали решающими не только для него самого, но и для всего офицерского корпуса и для всей германской нации. До тех пор карьера Рейхенау была типичной для прусского офицера генерального штаба. Однако в 1932 году через своего дядю, Фридриха фон Рейхенау — отставного дипломата и президента германской заморской лиги, — он познакомился с Адольфом Гитлером. Фридрих фон Рейхенау был нацистом и большим поклонником Гитлера⁷. Его племянник так же решил прыгнуть в поезд нацистов, набиравший скорость, но это решение не имело ничего общего с преклонением перед фюрером; скорее наоборот. Как писал Роберт Вистриу, Рейхенау «относился к национал-социалистам как к тарану против марксизма, без которого нельзя было обойтись; он намеревался использовать их революционный натиск в целях своей собственной карьеры и в интересах армии».⁸

Начальник Рейхенау, генерал Вернер фон Бломберг, легко поддавался влиянию своего более умного, прагматичного и напористого офицера, и вскоре Рейхенау почти целиком подчинил его себе. Полковник представил генерала Гитлеру, которому не понадобилось много времени, чтобы привлечь Бломберга на свою сторону. Рейхенау, этот холодный, расчетливый поклонник Макиавелли, сделал свой выбор: он порвал с прусской офицерской кастой и, как писал Вальтер Герлиц, стал «первым авторитетным военным экспертом, который предоставил себя целиком, без ограничений в распоряжение диктатуры».⁹

Рейхенау все просчитал и бросил свой жребий,

оказавшись на стороне нацистов, но не из принципов, а для удовлетворения своих жестоких амбиций. Поступив так, он рискнул своей карьерой, но 30 января 1933 года, когда Адольф Гитлер стал канцлером Германии, а Вернер фон Бломберг был назначен военным министром, Рейхенау сорвал банк. Ему тут же присвоили звание генерал-майора и назначили начальником управления в министерстве рейхсвера. Вскоре его стали считать главным связующим звеном между армией и нацистской партией. Он ходил в любимцах у Гитлера, который восхищался им, был частым гостем в Бертехсгадене в первые дни нового режима.

В 1933 году положение Рейхенау и его влияние в значительной мере превышали его официальный ранг. В министерстве он входил в число четырех наиболее влиятельных лиц, наряду с военным министром, главнокомандующим сухопутными силами и начальником генерального штаба (генералами Бломбергом, фон Хаммерштейном и Адамом)¹⁰.

По поручению Бломберга он провел переговоры с СА и заключил с ними несколько соглашений, которые предусматривали: 1) передачу в распоряжение армии в случае экстренной необходимости 250000 солдат резерва из состава нацистских полувоенных организаций; 2) усиление сотрудничества между армией и партией; 3) предоставление нацистам возможности вести свою пропаганду среди военнослужащих низших чинов¹¹.

Рейхенау надеялся, что СА и армия смогут мирно сосуществовать. С возрастающей тревогой наблюдал он затем, как шеф СА Эрнст Рем забирал себе все больше и больше власти. 6 ноября 1933 года штурмовые отряды поглотили «Стальной Шлем», главную ветеранскую организацию Германии, а также «Кифхойзер-бунд» — другое крупное объединение ветеранов. Менее чем через месяц СА стало государственной организацией, а Рема включили в состав Совета национальной обороны. Он требовал все больше и больше голоса в военных делах.

Рейхенау пытался найти компромисс, предложив расширить сферу военной деятельности СА, но при этом поставить самих штурмовиков под контроль армии как своего рода милицию. Рем отверг эту идею¹².

Похоже, теперь армия и партия вступили на пересекающиеся курсы, обещавшие столкновение. Глава нацистской партии Рудольф Гесс, вне всякого сомнения, действовавший по подсказке Гитлера, попытался в начале 1934 года разрядить ситуацию. Он опубликовал в партийной газете «Фелькишер беобахтер» редакционную статью, которая требовала от партийных организаций (т. е. от коричневорубашечников) большего повиновения. Четыре дня спустя, 26 января 1934 года, Гитлер поддался нажиму со стороны рейхсвера и согласился на создание рабочего комитета при Совете национальной обороны, председателем которого стал Рейхенау. В тот же день своеобразно отреагировали на это СА, разогнав собрание офицеров-монархистов в берлинском отеле «Кайзер», где те праздновали день рождения Вильгельма II. Этот инцидент привел в ярость весь офицерский корпус¹³.

В этой атмосфере напряженности и трений Бломберг вынудил, наконец, антинациста Курта фон Хаммерштейна уйти в отставку с поста главнокомандующего сухопутными силами. Как и следовало ожидать, Бломберг предложил на этот пост кандидатуру Рейхенау, и Гитлер с радостью одобрил эту идею, но президент фон Гинденбург наложил вето. Вторым в списке Бломберга шел генерал барон Вернер фон Фрич, командующий третьим военным округом, пользовавшийся прочным авторитетом среди офицерского корпуса. Он и получил это назначение, став новым главкомом 1 февраля 1934 года.

На следующий день в Берлине состоялось совещание командующих военными округами и старших штабных офицеров. Здесь генерал Бек, сменивший 1 октября 1933 года Адама в должности начальника генерального

штаба, подверг Рейхенау критике за то, что тот поставил армию в слишком большую зависимость от СА в деле обороны границы с Польшей. Фрич согласился с Бекем и посетовал на то, что у СА имеются теперь слишком широкие возможности для идеологической обработки личного состава вооруженных сил. Бломберг уступил этому давлению и пообещал отказаться от политики компромисса со штурмовыми отрядами¹⁴.

На следующий день Рейхенау получил письмо от Эрнста Рема. Он попросил у Фрича разрешения зачитать его вслух, и тот согласился. В письме говорилось: «Теперь я рассматриваю рейхсвер только как школу военного обучения германского народа. Ведение войны, а также мобилизация в будущем явятся задачей СА».¹⁵

Ситуация стала непредсказуемой. Заговор военных против Гитлера и нацистов стал вполне реальной возможностью. Рейхенау настолько прочно связал свою судьбу с нацистами, что все дороги к отступлению ему были теперь отрезаны. В случае потери нацистами власти его карьера была бы окончена. У него оставался лишь один выход: СА должны быть разгромлены, а Эрнст Рем должен умереть.

Нам не известно точно, какую роль сыграл Рейхенау в ликвидации СА, но она была значительной. Мы знаем, что Рейхенау вступил в сговор против Рема с Германом Герингом и главой СС Генрихом Гиммлером и, возможно, участвовал в составлении списков лиц, подлежащих казни. 30 июля «кровавая чистка» штурмовиков началась. В итоге сто пятьдесят руководителей коричневорубашечников были схвачены эсэсовцами и расстреляны¹⁶. Бломберг приказал армии не вмешиваться в эти разборки, а Рейхенау перед началом чистки снабдил СС оружием и выполнял роль связного между убийцами и армией. Бломберг же, следуя советам Рейхенау, немедленно и публично одобрил действия Гитлера.

Гитлер воспользовался этим кровопусканием, чтобы избавиться от двух опасных антинацистских военных деятелей — бывшего канцлера, генерала Курта фон Шлейхера, и генерала Курта фон Бредова, предшественника Рейхенау на посту начальника управления министерства. Рейхенау пытался оправдать эти убийства выпуском коммюнике, в котором утверждалось, что Шлейхер поддерживал «изменнические отношения с иностранной державой» и оказал сопротивление при аресте. Жена Шлейхера якобы попала на линию огня и погибла случайно¹⁷. В действительности никакого сопротивления не было. Шлейхеры и фон Бредов были убиты эсэсовцами.

СА после смерти Рема и других вождей оказались обезглавленными. Угроза карьере Рейхенау исчезла, и он поднялся на еще более высокую орбиту в нацистской партии. В награду за услуги через год после «кровавой чистки» ему было досрочно присвоено звание генерал-лейтенанта¹⁸. Следующая услуга, оказанная им Гитлеру, не была связана с пролитием крови, но также имела далеко идущие последствия. В 9 часов утра 2 августа 1934 года после продолжительной болезни в возрасте 87 лет скончался президент фон Гинденбург. Три часа спустя Гитлер уничтожил должность президента и стал именоваться фюрером и рейхсканцлером, осуществив тем самым свою мечту стать диктатором Германии. В тот же день солдаты «третьего рейха» (так отныне именовалось государство) приняли присягу, но присягали они не республике или конституции, а лично фюреру. Текст присяги был написан Вальтером фон Рейхенау. В нем говорилось «Перед богом я даю эту священную присягу в том, что буду оказывать безусловное повиновение Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, верховному главнокомандующему вооруженных сил, в том, что я готов, как подобает мужественному солдату, по первому зову выполнить эту присягу хотя бы даже ценой своей жизни».

Эта присяга устраняла возможность участия в заговоре против Гитлера со стороны большинства офицерского корпуса, поскольку требовала от них личной верности самому фюреру. Многие офицеры не могли с чистой совестью нарушить ее, не почувствовав, что они совершают бесчестный поступок. Большинство из них не предприняло никаких действий к смещению Гитлера даже тогда, когда армия начала разваливаться и враг стоял на самых границах рейха. Присяга Рейхенау сделала свое дело для него: офицерского путча не будет; партия, на которую он сделал ставку, останется у власти, а значит, его личная карьера будет обеспечена.

Отдавая должное Рейхенау, следует заметить, что он не мог предвидеть события 1941—1945 годов или далеко идущие последствия своей присяги. Действительно, можно предположить, что неортодоксальный Рейхенау, который из всех гитлеровских фельдмаршалов был наименее связан с традициями, мог лично возглавить заговор против Гитлера, окажись он к тому времени в живых. Однако это могло случиться только в том случае, если бы Рейхенау считал, что данный шаг принесет ему выгоду. Трудно представить, чтобы прагматичный Рейхенау относился слишком серьезно к присяге, вещи в общем-то весьма абстрактной, если бы она шла вразрез с его собственными амбициями, поскольку Рейхенау верил только в Рейхенау, все остальное было второстепенно.

* * *

В 1935 году Рейхенау решил, что дальнейшую карьеру нужно делать иным способом. Он постоянно искал выход для избытка своей энергии, и теперь казалось, что дорога на вершину его профессии не пролегала больше через Берлин. Одним из возражений, выдвинутых его оппонентами против назначения Рейхенау главнокомандующим сухопутными силами, было то, что он

никогда не командовал подразделением выше батальонного уровня. Ну что ж, командовать так командовать.

С его влиянием на Бломберга и тем уровнем доверительных отношений, которые сложились у него с Гитлером, ему не составляло труда получить любую командную должность. Проявив типичную для него резвость, Рейхенау перепрыгнул дивизионный уровень, который более соответствовал его званию и возрасту, и 1 августа 1935 года был произведен в генерал-лейтенанты, а 1-го октября вступил в командование седьмым военным округом в Мюнхене, сменив на этом посту генерала Вильгельма Адама. Самого же Рейхенау в Берлине сменил генерал-майор Вильгельм Кейтель¹⁹.

1 октября 1936 года, вернувшись из поездки в Китай, Рейхенау стал генералом артиллерии, однако его честолюбие не было удовлетворено. В январе 1938 года, когда его старинный покровитель Бломберг попал в беду, женившись на бывшей проститутке, Рейхенау даже и пальцем не шевельнул, чтобы помочь ему. «Я действительно ожидал от него (Рейхенау) иного отношения», — жаловался позднее Бломберг²⁰. Телфорд Тейлор так объяснил эту ситуацию: «Рейхенау, который, как и Кейтель, мог надеяться на повышение только в результате падения Бломберга, не сделал ничего для своего бывшего начальника». ²¹ И в самом деле, насколько нам известно, Рейхенау никогда больше не разговаривал с Бломбергом, несмотря на то, что именно Бломберг рекомендовал Рейхенау на высшую должность в сухопутных силах.

Поскольку Бломберга уже изгнали, а Фрич вот-вот должен был последовать за ним в результате сфабрикованного обвинения в гомосексуализме, все стали считать Рейхенау главным кандидатом на пост главнокомандующего сухопутными силами. Однако простое сочувствие нацизму не являлось достаточным основанием, чтобы занять эту должность в начале 1938 года.

Гитлер искренне хотел назначить Рейхенау, но против этого категорически возразил генерал Герд фон Рундштедт, командующий 1-й армейской группой и старший по званию член офицерского корпуса. Теперь Рейхенау пришлось расплачиваться за нарушение традиций ультраконсервативного прусского корпуса. Ни Бек, ни его заместитель Франц Гальдер не собирались занимать пост начальника генштаба при Рейхенау. В отставку угрожали подать и другие старшие офицеры, в результате даже Вильгельм Кейтель, вновь назначенный главнокомандующий вооруженными силами (ОКВ), вынужден был откровенно проинформировать Гитлера, что назначение Рейхенау явится для армии шоком. В своих мемуарах Кейтель пишет, что он не мог придумать, куда же еще девать Рейхенау²². Несколько дней Гитлер колебался, но 4 февраля 1938 года назначил главнокомандующим сухопутными силами Вальтера фон Браухича. В виде утешительного приза Рейхенау унаследовал пост Браухича, ранее командовавшего 4-й армейской группой, штаб которой находился в Лейпциге. В отличие от трех других армейских групп, 4-я армейская группа не была территориальной.

Штабы ее новых корпусов, 14-го, 15-го и 16-го, были созданы всего лишь год назад и также не имели никакой территориальной юрисдикции. В состав 14-го корпуса входили все 4 моторизованных дивизий Германии — 2-я, 13-я, 20-я и 29-я, а 15-й корпус состоял из 1-й, 2-й и 3-й легких дивизий, включавших полки мотопехоты, разведывательный полк и танковый батальон или полк. В состав 16-го корпуса входили все три танковые дивизии (1-я, 2-я и 3-я). Корпусами командовали генералы Густав фон Витерсгейм, Герман Гот и Гейнц Гудериан. Тем самым на Рейхенау была возложена огромная ответственность за управление всеми мобильными дивизиями Германии и создание новых.

Генерал фон Рейхенау отнесся к этой новой работе с присущей ему решительностью и заботился о том,

чтобы его части получили должную подготовку. Его штаб, ставший после мобилизации штабом 10-й армии, сыграл главную роль при оккупации Австрии. Именно в момент этого кризиса Гитлер вызвал в Берхтесгаден Рейхенау и генерала люфтваффе Гуго Шперле. Фюрер хотел запугать австрийского канцлера, а Рейхенау и Шперле считались генералами с наиболее угрожающей внешностью. Трюк удался. Позже, в том же 1938 году Рейхенау с его войсками отводилась роль тарана при вторжении в Чехословакию. Это было еще до того, как французы и англичане подписали мюнхенское соглашение и отдали Судеты без борьбы. Остальная часть Чехословакии была оккупирована в следующем году.

Рейхенау как нельзя лучше подходил на пост командующего 4-й армейской группой. Он не был сторонником жесткой дисциплины, но обращался со своими подчиненными «с фамильярностью, которая не порождала презрения», как выражается Мэттью Купер²³. Оказалось, что он обладает чувством юмора, а солдатам нравятся такие люди.

Впрочем, Рейхенау был популярен только среди примерных солдат. Он терпеть не мог слабаков и лентяев. Присущая ему безжалостность выступала на первый план, когда он боролся с нарушителями дисциплины. Наказанием за самовольную отлучку были не понижение в звании, не наряд вне очереди, не гауптвахта, а расстрел.

Чуть ли не единственный из всех старших генералов, Рейхенау поддержал новую танковую стратегию. Он стал энтузиастом этого рода войск еще в 20-е годы, перевел на немецкий язык несколько работ Б. Лиддел-Гарта, английского эксперта по танкам, и в 1933 году приказал Круппу начать программу производства танков под видом «сельскохозяйственных тракторов». ²⁴ Открытость мышления, эрудиция и тяга к новому привели его к поддержке идей Гейнца Гудериана и сделали

косвенным образом причастным к разработке блицкрига, поскольку он использовал свой значительный авторитет и влияние, чтобы создать и защитить танковые дивизии от более консервативных генералов, таких как Фрич, Бек и Отто фон Штюльпнагель. Последние с радостью расформировали бы танковые соединения и использовали бы танки только как средство сопровождения пехоты.

* * *

В августе 1939 года Рейхенау перевел штаб своей 10-й армии в Оппельн* и сосредоточил части для вторжения в Польшу. Его армия была самой большой из всех пяти, задействованных в этой операции, и на ее долю выпала самая трудная миссия: преодолев польские приграничные укрепления, устремиться к Варшаве и взять ее. В состав 10-й армии входила основная часть подвижных сил Германии: две танковых, три легкие и две моторизованные дивизии, а также шесть пехотных дивизий, объединенных в 11-й, 16-й, 4-й, 15-й и 14-й корпуса. В плеяду корпусных командиров входили опытные генералы: Эмиль Лееб (брат будущего фельдмаршала), Эрих Гепнер, Виктор фон Шведлер, Герман Гот и Густав фон Витерсгейм²⁵.

1 сентября, в первый день вторжения, 10-я армия прошла пятнадцать миль и на следующий день вышла к реке Варта. Поляки попытались остановить Рейхенау на этой реке, но в тяжелых боях 3 сентября его войска захватили несколько плацдармов, уничтожили 7-ю пехотную дивизию противника и рассеяли Краковскую кавалерийскую бригаду. 10-я армия продолжила наступление на Варшаву²⁶.

6 сентября поляки попытались выставить против Рейхенау мощный заслон, поскольку теперь уже ста-

* Ныне Ополе.

ло ясно, что он угрожает столице и путям отхода польских Лодзинской и Познанской армий. Однако Рейхенау отбил сильные контратаки на свой северный фланг, пустив в ход танковые дивизии, разгромил 27-ю пехотную дивизию противника и взял в плен командующего резервными силами Польши. К концу дня он левым ударным клином обошел Лодзинскую армию на своем северном фланге, а правым ударным клином почти окружил Краковскую армию на южном фланге,²⁷ в районе Радома.

Главнокомандующий группой армий «Юг» Рундштедт приказал Рейхенау уничтожить силы противника в Радомском котле. Проведение этой операции вызвало задержку наступления на Вислу, тем более что пришлось передать два корпуса (11-й и 16-й) в 8-ю армию, двигавшуюся слева от Рейхенау. В районе Радома поляки сконцентрировали 3-ю, 7-ю, 12-ю и 29-ю пехотные дивизии, а также остатки Краковской кавалерийской бригады. Некоторые из этих частей были сильно потрепаны, но, тем не менее, все вместе они представляли значительную силу и Рейхенау пришлось приложить немало усилий, чтобы справиться с ними²⁸.

Рейхенау приказал 4-му корпусу атаковать Радомскую группировку с запада и юго-запада; 14-й корпус должен был окружить ее с севера, а 15-й — с юга. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, передовые танковые подразделения к наступлению ночи 8 сентября вышли к Висле, охватив Радом с севера и юга. Сам Рейхенау первым из немцев переправился через реку. Ликвидация Радомского котла отсрочила заключительную фазу операции, но к 11 сентября организованное сопротивление прекратилось, и в результате боев в первом крупном котле второй мировой войны, явившимся плодом действий Рейхенау, в руки 10-й армии попало 60000 пленных²⁹.

Главные польские силы, 12 пехотных дивизий и три кавалерийские бригады, находились в районе Кут-

но, в семидесяти милях к западу от Варшавы, и отступили по направлению к столице, преследуемые 8-й армией. Рейхенау увидел, что у него есть шанс при достаточно быстром продвижении вперед отрезать им пути отхода. Выставив 31-ю пехотную дивизию в качестве заслона к югу от Варшавы, Рейхенау устремился к железной дороге Варшава-Кутно с основными силами своей армии. На острие главного удара шли 1-я танковая и 4-я танковая дивизии. К 16 сентября почти все соединения польских Лодзинской и Познаньской армий были окружены, и 8-я и 10-я армии немцев при поддержке люфтваффе приступили к их ликвидации. Рейхенау взял 12000 пленных³⁰.

За исключением осады Варшавы остальная часть польской кампании представляла собой операцию по прочесыванию местности. Артиллерия Рейхенау приступила к обстрелу города, но атаки его пехоты были отбиты. 24 сентября руководство осадой польской столицы перешло в руки Бласковица, командующего 8-й армией. Остальная часть 10-й армии продолжила наступление и вышла на реку Буг, которую Сталин и Гитлер определили в качестве демаркационной линии. 1 октября Рейхенау было приказано готовить свои войска в отправке домой, в Германию³¹.

Хотя оперативная обстановка сложилась так, что Рейхенау отвлекся на решение других задач и не ему принадлежала честь взятия Варшавы, все же в польской кампании он проявил себя отлично, даже можно сказать — блистательно. Он был награжден Рыцарским крестом и 1 октября получил очередной чин генерал-лейтенанта³².

Согласно первоначальному плану вторжения во Францию и Нидерланды 10-я армия Рейхенау (ставшая вскоре 6-й армией) входила в состав группы армий «Б» Бока и включала в себя почти все танковые соединения, поскольку на нее возлагалась задача уничтожения основных полевых сил французов и англичан. Позже,

когда был принят план Манштейна, большинство танковых частей Рейхенау было переведено в группу армий «А». Он бурно протестовал против такого шага. Ведь, в конце концов, он был одним из тех, кто стоял у истоков создания танковых войск и с успехом командовал бронетанковыми соединениями в Польше.

Немецкая сторона поступила бы более рационально, поручив командование танковыми силами Рейхенау, а не консервативному кавалеристу Эвальду фон Клейсту, но такая возможность, очевидно, не рассматривалась. Роль Рейхенау оказалась теперь второстепенной: перейти границы южной Голландии и западной Бельгии и двигаться на Брюссель, притягивая к себе мобильные силы союзников. Группе армий «А» затем следовало нанести удар на юге и устремиться к Ла-Маншу, отрезая лучшие части союзников в Бельгии. Для этой операции Рейхенау дали 4-й, 11-й и 27-й корпуса, а также 16-й моторизованный корпус Гепнера. Под его началом оказалось две танковые, четырнадцать пехотных и одна моторизованная дивизии³³.

План фюрера начать западную кампанию осенью 1939 года вызвал категорические возражения Рейхенау, несмотря на то, что задержка могла привести даже к уступке Бельгии союзникам. Зимняя погода снизила бы ценность двух немецких козырных карт: танковых моторизованных сил и люфтваффе. Рейхенау выразился на этот счет громко и совершенно определенно³⁴. Он никогда не отличался дипломатичностью и не находился под сильным влиянием личности Гитлера. Между ними возникли трения по поводу союза Гитлера с Италией (который, по мнению Рейхенау, мог принести только вред) и с Японией (а не с Китаем, как советовал Рейхенау).

К тому же Рейхенау негодовал из-за того, что его обошли при назначении на пост главнокомандующего. Напряженность в отношениях между ним и Гитлером продолжалась до самой смерти Рейхенау.

10 мая 1940 года вермахт начал свою западную кампанию. Рейхенау противостояли часть голландской армии, бельгийская армия и соединения французской армии под командованием генерала Корапа. Бельгийцы имели 24 пехотных дивизии, четырнадцать из которых были развернуты на границе. Они планировали вовлечь немцев в затяжные бои на канале Альберта от Антверпена до Мааса, а затем вдоль Мааса от Льежа до Намюра, пока союзники не займут оборонительные позиции на реке Диль. Рейхенау, однако, быстро преодолел сопротивление бельгийцев и захватил мосты через канал Альберта в Бриджене, Фельдвезельте и Фроэнховене, а гитлеровские парашютисты нейтрализовали важный форт Эбен-Эмаэль. Наступление Рейхенау было столь стремительным, что голландская армия не смогла удержаться на реке Пел, как планировала ранее. Она отступила вглубь страны, оголив левый фланг бельгийцев. Рейхенау тут же вбил клин в это место, расширяя прорыв.

В то время как голландцы и бельгийцы отступали, союзники вливали потоки в Бельгию с юга. Они направили туда всю 1-ю группу армий генерала Бийота, включавшую французскую 7-ю армию генерала Жиро, британские экспедиционные силы лорда Горта, французскую 1-ю армию генерала Бланшара и левый фланг французской 9-й армии. Гитлер ликовал: план Манштейна удался на славу³⁵.

Во второй кампании Рейхенау сорвал планы союзников, надеявшихся удержаться на Диле. Французский кавалерийский корпус генерала Приу выдвинулся вперед, за реку, двумя механизированными дивизиями, чтобы в соответствии с планом задержать продвижение немцев; но в час дня они столкнулись с двумя танковыми дивизиями Рейхенау, неудержимо рвавшимися вперед при мощной поддержке с воздуха. К трем часам дня обе французские дивизии были отброшены, а генерал Приу признал свое поражение, сообщив генералу

Бийоту, что ему не удалось сдержать немцев до подхода к Диллю пехотных дивизий французской 1-й армии³⁶.

Тем временем части французской 7-й армии пересекли Бельгию и вошли в южную Голландию, где 12 мая столкнулись в районе города Бреда с быстро продвигавшимися войсками Рейхенау. Французы не смогли установить связь с голландской армией. Позже в тот вечер Бийот приказал им отойти назад, к западу от реки Эско, потому что Рейхенау уже угрожал отрезать их с юга. Отдав этот приказ, Бийот списал Нидерланды со счетов. Однако у него и в самом деле не оставалось иного выбора из-за стремительного наступления 6-й армии³⁷. Разгром голландцев завершила другая армия группы «Б», 18-я под командованием Георга фон Кюхлера. Голландская армия капитулировала 15 мая.

Задача Рейхенау в западной кампании была выполнена. 6-я армия отвлекла на себя отборные силы союзников, включавшие почти все их мобильные резервы, хотя направление удара Рейхенау не было главным. Мобильные части группы Клейста столкнулись 12 мая при Седане и Монтерме с второразрядными французскими частями и три дня спустя достигли решительного прорыва. Вскоре Гудериан мчался к Ла-Маншу, с ходу преодолевая разрозненное, слабое сопротивление. Ситуация Гудериана была достаточно сложна. Союзники превосходили его силы к 15 мая примерно в два раза, и продвижение 6-й армии было гораздо более медленным. Возможно, он и вовсе не смог бы добиться успеха, если бы не его более совершенная тактика бронетанкового боя и не германское господство в воздухе. Оба этих фактора он использовал в полной мере. 15 мая Гудериан разгромил в пух и прах 1-ю марокканскую дивизию на равнине Жамблу, и французской 1-й армии ценой величайших усилий удалось устранить опасность еще одного прорыва немцев³⁸.

В эту ночь генерал Гамелен, французский главнокомандующий, решил начать вывод всех союзных сил

из Бельгии, но было поздно. Гудериан уже обошел их правый фланг, а Рейхенау продолжал, нанося мощные удары, теснить их с фронта. Противник оказался в ловушке и генеральное отступление стало невозможным. Рейхенау наступал на Брюссель, когда, к его досаде, высшее командование сухопутных сил отобрало у него 16-й моторизованный корпус и передало группе армий «А». Тем не менее, на следующий день, 17 мая Рейхенау взял бельгийскую столицу и прорвал приграничную оборону французов южнее Мобежа, выйдя в тыл французской 1-й армии и угрожая ее коммуникациям³⁹.

Уильям Л. Ширер, американский корреспондент, взял в те дни интервью у Рейхенау. Он писал:

«Рейхенау, которого я нередко видел в Берлине до войны, приветствовал нас на крыльце. По-прежнему загорелый, с энергичной пружинистой походкой и все с тем же неизменным моноклем. С типично немецкой скрупулезностью и очевидной откровенностью, удивившей меня, он разобрал проведенные операции, время от времени останавливаясь, чтобы ответить на вопросы...

Настроение у генерала общительное, почти веселое. Нет и следа напряженности или беспокойства. Он не суетится. Поневоле удивляешься: «Неужели у этих немецких генералов совершенно нет нервов?» Ведь, в конце концов, он командует большой армией в очень важном сражении. В нескольких милях отсюда два миллиона солдат сошлись в смертельной схватке, и почти миллион повинуетя ему. Генерал прощается с нами, а с лица у него не сходит беспечная улыбка.

«Я только что распорядился, чтобы вас пропустили на фронт» — говорит он. Его глаза горят. «Вы можете попасть под обстрел, но вы должны рискнуть. Мы все рискуем».⁴⁰

Отсутствие танков помешало Рейхенау осуществить 17, 18 или 19 мая решительный прорыв и позволило англичанам стабилизировать линию фронта в районе Эско и собрать мобильные резервы, которые они использовали для организации контратаки на Аррас 21 мая. Рейхенау продолжал мощно атаковать с фронта англичан и бельгийцев, но смог добиться лишь частичных успехов.

Почувствовав, что бельгийцы стали выдыхаться, Рейхенау утром 24 мая нанес удар по их правому флангу, бросив туда пять дивизий. Преодолев ожесточенное сопротивление противника, его войска прорвали оборону на реке Лис слева и справа от Куртре, быстро ввели в дело свои резервы (9-ю и 10-ю дивизии) и временно закрыли прорыв, но вскоре их рассеяли пикирующие бомбардировщики — Юнкерсы-87. Бельгийцы оставили Лис и, с трудом сдерживая натиск немцев, начали отступать к Ипру и Рулю. Их преследовали 18-я и 311-я пехотные дивизии из состава 6-й армии. Британские экспедиционные силы также отступали. Их пришлось усилить французской 2-й легкой механизированной дивизией⁴¹. Король Бельгии Леопольд уже открыто обсуждал возможность капитуляции.

На следующее утро войска Рейхенау штурмовали Оденар, но главный удар был нанесен в 5 часов пополудни, когда против бельгийцев были брошены 9-й и 6-й корпуса, проделавшие брешь между Гелюве и Лисом, которую бельгийцы не смогли закрыть, несмотря на то, что направили туда свои последние резервы. Лорд Горт едва успел заткнуть эту брешь, подтянув к угрожаемому месту британские 5-ю и 50-ю пехотные дивизии, однако бельгийцы уже потеряли прежнюю стойкость. В ту ночь Федор фон Бок усилил Рейхенау 10-м корпусом, а также передал в состав его 4-го корпуса 61-ю пехотную дивизию⁴².

26 мая разгорелось ожесточенное сражение между британским 2-м корпусом (5-я и 50-я пехотная дивизи-

зии) и немецкими 18-й, 311-й и 61-й пехотными дивизиями. Днем, когда англичане были «связаны в этом бою по рукам и ногам, Рейхенау ударил по бельгийцам с исключительной силой», как вспоминал об этом генерал Мишельс, начальник бельгийского штаба. Вскоре британская 5-я дивизия у Ипра и бельгийская армия в секторе Зоннебеке потеряли между собой связь, потому что немцы вбили там клин. Ни у англичан, ни у бельгийцев резервов больше не осталось. К наступлению ночи Рейхенау расширил брешь до 8 миль⁴³.

На рассвете 27 мая немецкие 14-я и 19-я пехотные дивизии продолжили наступление через брешь в бельгийских линиях. К наступлению ночи над бельгийской армией нависла угроза уничтожения, и король Леопольд выслал парламентаров. В 11 часов вечера он согласился на безоговорочную капитуляцию. В 12.20 утра 28 мая генерал Деруссо заявил о капитуляции бельгийской армии. Наверное, это был звездный час в карьере Рейхенау. Выключение из борьбы бельгийской армии сделало позицию французской 1-й армии безнадёжной. Рейхенау совершил стремительный рейд по ее тылам и к северу от Лилля соединился с 4-й армией Клюге. Переправиться через Лис и выскользнуть из окружения удалось лишь 12-й и 32-й пехотной дивизиям французской армии. Шесть других дивизий попали в окружение и сдались 30 мая⁴⁴.

С капитуляцией французской 1-й армии для Рейхенау закончился первый этап западной кампании. Он быстро развернул свои войска фронтом на юг, где остатки французской армии ожидали последнего наступления противника.

В последней операции кампании Рейхенау командовал восемью пехотными дивизиями, горно-стрелковой дивизией и танковой группой Клейста (4 танковых, 2 моторизованных дивизии, а также 2 моторизованных дивизии СС и моторизованный полк «Великая Германия»)»⁴⁵.

Наступление началось 5 июня и встретило вначале довольно сильное сопротивление, которое, впрочем, быстро ослабело, а затем и вовсе прекратилось. Рейхенау, устремившись вперед от Перонна, переправился через Марну и Шер, взял Орлеан и тысячи пленных⁴⁶.

И все же в этой кампании Рейхенау не пришлось напрягать свои способности до предела, поскольку все дело свелось к прочесыванию местности и ликвидации Дюнкеркского котла. У французов не было реальных шансов выстоять. 19 июля 1940 года после капитуляции Франции Рейхенау вместе с одиннадцатью другими генералами был произведен в чин генерал-фельдмаршала. Ему было всего лишь пятьдесят пять лет — сравнительно молодой возраст для фельдмаршала.

* * *

Как и многие другие фельдмаршалы Гитлера, Рейхенау свои последние сражения провел на Восточном фронте. И опять его 6-я армия состояла преимущественно из пехотных соединений. Например, 3-го сентября 1941 года под его командованием находилось семнадцать пехотных дивизий, одна легкая и одна танковая дивизия⁴⁷.

Успехи его войск впечатляли: прорыв «линии Сталина», взятие Киева, Белгорода, Харькова, Курска; участие в операциях по окружению советских армий и ликвидация котлов. Рейхенау изменился, но изменение это не отразилось на качестве проводимых им операций, которое всегда было на должной высоте; оно проявилось в его отношении к евреям.

У него никогда не было разногласий с Гитлером по главным вопросам, к числу которых Рейхенау относил национализм, ремилитаризацию и отмену условий Версальского договора, ликвидацию польской угрозы и так далее. Он подвергал сомнению стратегические суждения фюрера, например, предложение

напасть на Францию зимой, планы вступить в союз с Италией в 1936 году (а не с Британией, к которой Рейхенау испытывал стойкие симпатии⁴⁸). В предыдущие годы Рейхенау не проявлял враждебного отношения к евреям, скорее наоборот. Он даже посещал обеды, устраивавшиеся евреями-ветеранами первой мировой войны, являлся туда в мундире к большому недовольству нацистских боссов. Позднее, зимой 1939–1940 годов, он официально протестовал против зверств, совершавшихся СС в Польше.

Однако в 1941 году он издал приказ, в котором говорилось: «Мы обязаны воздать суровое, но справедливое наказание еврейским ублюдкам. Это послужит еще одной цели — подавлению в зародыше восстаний в тылу вермахта, поскольку опыт показывает, что их зачинщиками всегда являются евреи».⁴⁹ Он также утверждал, что германский солдат является носителем «безжалостной расовой идеи», которая выше всех ранее принятых кодексов военной чести. Он одобрил массовое уничтожение евреев в Киеве, устроенное эсэсовцами в сентябре, и призвал своих подчиненных сотрудничать с айнзатцкомандами — приобретшими зловещую славу подразделениями СС, которые специализировались на расправах над мирным населением⁵⁰.

Несмотря на свой новоприобретенный антисемитизм, Рейхенау продолжал высказывать самостоятельное мнение по стратегическим вопросам, нередко к немалому раздражению фюрера. Весной 1941 года Рейхенау подготовил подробный и объективный доклад о нежелательности войны с Россией и отослал его Гитлеру, минуя промежуточные инстанции. После того как Гитлер отмахнулся от этого документа, Рейхенау, судя по свидетельствам генералов Розрихта, Ферча, фон Фитингофа и Шпейделя, стал относиться к нему критически в целом⁵¹. В конце августа или начале сентября 1941 года Рейхенау предложил Гитлеру сформировать для борьбы с коммунистами белорусские и украинские

дивизии. Фюрер отверг эту идею, сказав: «Пусть Рейхенау занимается своими собственными военными проблемами, а все остальное предоставит мне!»⁵²

Рейхенау, однако, не смирился с этим щелчком по носу. В его последнем донесении Гитлеру содержатся сетования на то, что Германия упускает возможность привлечь на свою сторону украинцев, традиционно относившихся враждебно к советскому строю. Он ясно представлял себе, как и Геббельс с Альфредом Розенбергом, что расовые идеи и антиславянская политика Гитлера приведет к широкомасштабной партизанской войне. Гитлер, однако, предпочитал полагаться на советы Гиммлера, Эриха Коха, рейхскомиссара Украины, и Фрица Заукеля, уполномоченного по использованию трудовых ресурсов⁵³. В результате в тылу немецких войск, действовавших на Восточном фронте, действительно вспыхнуло широкомасштабное и дорого обошедшееся немцам партизанское движение, особенно после 1941 года.

В ноябре 1941 года фельдмаршал фон Браухич, больной телом и духом, вот-вот должен был покинуть пост главкома сухопутных войск, что уже не было ни для кого секретом. И опять в высших сферах замелькало имя Рейхенау, как возможного преемника. И опять ему перешли дорогу. На этот раз Гитлер. Этот военачальник для меня «слишком политизирован», заявил диктатор, добавив, что мышь может играть, пока поблизости нет кошки. Кандидатура Рейхенау была отвергнута в третий и последний раз. Через несколько дней Гитлер сам занял этот пост.

Тем временем 1-я танковая армия Клейста взяла Ростов, но не смогла его удержать. Герд фон Рундштедт, командующий группой армий «Юг», умолял Гитлера согласиться на отвод войск к реке Миус, однако тот не желал и слышать об этом. В отчаянии Рундштедт подал в отставку и одновременно по своей инициативе приказал начать отступление. В ночь на 30 ноября Гитлер сместил Рундштедта и назначил новым главкомом груп-

пы армий «Юг» Рейхенау, который первоначально согласился с фюрером и отменил приказ об отступлении⁵⁴.

Чтобы придти к противоположному выводу, Рейхенау потребовалось менее суток. Под свою ответственность он приказал 1-й танковой армии завершить отход на Миус и проинформировал Гитлера об своем решении в донесении, начинавшемся словами: «В предвидении вашего согласия...» Гитлер принял этот свершившийся факт⁵⁵.

На материке в состав группы армий «Юг» входили 1-я танковая армия, 17-я и 6-я армии, а также итальянский корпус, венгерский корпус и две словацкие дивизии. Она противостояла девяти советским армиям, тем не менее Рейхенау остановил зимнее наступление Красной армии на Миусе. Немцы оставались на этой линии до лета 1942 года⁵⁶.

Южнее, на Крымском полуострове, русские повели наступление на 11-ю армию Манштейна. Рейхенау предоставил талантливому Манштейну самому выпутываться из создавшегося положения за счет исключительно своих собственных сил, однако, когда 46-я пехотная дивизия отступила без приказа, Рейхенау объявил, что она запятнала свою честь «поспешным отходом». Он лишил это соединение знамени и задержал вплоть до особого указания все представления на военнослужащих дивизии к награде и званиям⁵⁷ — жестокий приговор для части, которая противостояла двум советским армиям и доблестно сражалась в Польше, Франции, на Украине и при овладении Перекопским перешейком⁵⁸. Рейхенау сыграл также порочащую его роль в аресте и последующем суде над графом Гансом фон Шпонекком, командиром 42-го корпуса.

* * *

12 января 1942 года Вальтер фон Рейхенау, как обычно по утрам, пробежал кросс длиной в несколько миль.

Столбик термометра в тот день опустился ниже 26 градусов по Фаренгейту. Когда он позже появился в столовой, где его ждал завтрак, вид у него был неважный. Он немного поел, подписал несколько бумаг и, встав из-за стола, направился к выходу, однако, не дойдя до двери, рухнул. У него оказался тяжелейший сердечный приступ. Его лечащий врач, доктор Фладе, в этот момент находился в Дрездене. Из штаба группы армий ему тотчас же отправили радиogramму с требованием возвратиться немедленно. Встревожился и Гитлер, который распорядился, чтобы доктора семьи Рейхенау, профессора Хохрейна, служившего при группе армий «Север», доставили специальным самолетом в штаб Рейхенау в Полтаве. Врачи делали все, что могли, но и через пять дней фельдмаршал так и не пришел в сознание. Его состояние продолжало оставаться критическим. 17 января Рейхенау пристегнули ремнями к самолетному креслу для отправки в Лейпциг, где наготове уже ожидала бригада хирургов.

По пути самолет сделал вынужденную посадку, и фон Рейхенау получил серьезные травмы черепа. До сих пор так и не ясно, умер ли он от сердечной недостаточности или же от этих травм.

Известно лишь, что вечером 17 января после приземления самолета на лейпцигском аэродроме фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау был уже мертв⁵⁹. Врачи лишь констатировали его смерть до посадки самолета. Ему было пятьдесят семь лет.

* * *

Из всех гитлеровских фельдмаршалов, за исключением Вицлебена, наиболее трудно оценить личность и поступки Рейхенау. Он был, несомненно, одаренным командующим армией и стратегом, но на высшем уровне (группа армий) ему суждено было командовать в течение лишь шести недель, да и то на второстепен-

ном участке фронта, — период времени, явно недостаточный для объективной оценки его деятельности. Легче поддаются оценке его личные качества: он был хладнокровен, умен, независим, честолюбив и жесток. Проживи он дольше, и Адольфу Гитлеру пришлось бы с ним повозиться, поскольку «беспрекословное повиновение» никак не являлось краеугольным камнем личной философии Рейхенау. Трудно представить себе, что он бросил бы 6-ю армию на произвол судьбы, а точнее на верную гибель, в Сталинграде только потому, что так приказал Гитлер. Прекрасно выразился на этот счет Мэттью Купер, подводя итоги его карьеры: «Для армии было трагедией, что ему так и не удалось реализовать свою былую честолюбивую мечту стать ее главнокомандующим. Хотя в то время ему и не отдали должное в этом отношении, но он, единственный среди немецких генералов, обладал сочетанием политической проницательности, отваги, напористости и убежденности, необходимыми для того, чтобы предотвратить события последних лет гитлеровской диктатуры».⁶⁰

РИТТЕР ВИЛЬГЕЛЬМ

ФОН ЛЕЕБ

«Попробуй фон Лееб хоть раз улыбнуться, у него наверняка треснуло бы лицо», — заметил о нем как-то раз фельдмаршал Зигмунд Вильгельм Лист¹.

Вильгельм Йозеф Франц фон Лееб. Этот суровый, замкнутый человек, известный своими моральными принципами, родился 5 сентября 1876 года в городе Ландсберг-ам-Лех в Баварии. Он был потомственным военным². В 1895 году фон Лееб без всяких усилий был зачислен в императорскую армию в качестве фаненюнкера Баварского 4-го полевого артиллерийского полка³. Семейную традицию продолжил также и его младший брат Эмиль, ставший впоследствии генералом артиллерии и командующим 9-м корпусом во время польской кампании. Позже Эмиль возглавлял в армии отдел артиллерийского технического и вещевого снабжения. Сын Вильгельма, Альфред, позже погиб во время польской кампании⁴.

В 1897 году, служа в 4-м полевом артиллерийском полку, расквартированном в Аугсбурге, Вильгельм фон Лееб получил звание лейтенанта⁵. С 1897 по 1899 год он учился в артиллерийской и инженерной школе и впервые участвовал в военных действиях в 1900 году в Пекине во время «Боксерского восстания». Вернувшись в Европу, он посещал занятия Баварской военной академии в Мюнхене (1907—1909 гг.) и при берлинском Ге-

неральном штабе (1901—1911 гг.). В 1905 году ему было присвоено звание старшего лейтенанта и в 1911 — капитана. Фон Лееб получил назначение в школу полевой артиллерии в Ютербоге (1911—1912 гг.), а позднее (1912—1913 гг.) проходил действительную службу в качестве командующего батареей в баварском 10-м полевом артиллерийском полку в Эрлангене. В 1914 году, то есть к началу первой мировой войны, фон Лееб служил при генштабе 1-го баварского артиллерийского корпуса в Мюнхене⁶.

В течение первых двух лет войны капитан Лееб принимал участие в боевых действиях на Западном фронте, главным образом в качестве штабного офицера 11-й баварской пехотной дивизии. В 1916 году его дивизия была переброшена на Восточный фронт, и во время операции в Галиции и Сербии фон Лееб за выдающуюся доблесть удостоился баварского военного ордена Макса Иосифа. К этой боевой награде также полагалось рыцарское звание, правда, не передаваемое по наследству. С тех пор фон Лееб именовался «рицтер», хотя и не мог передать этот титул своим потомкам⁷.

Летом 1916 года фон Лееб был повышен в чине до майора и вместе с 11-м пехотным полком сражался против русских в битве при Ковеле. Позднее он также принимал участие в оккупации Румынии. В мае 1917 года его перевели назад на Западный фронт в качестве офицера генштаба в ставку кронпринца Руперта Баварского, где он и оставался до окончания войны⁸. Согласно источникам, фон Лееб в 1919 году некоторое время служил в «добровольческом корпусе». Как бы то ни было, в октябре 1919 года он являлся главой отдела военного министерства в Берлине⁹. Фон Лееб был оставлен в числе стотысячной армии, и с тех пор, особенно после 1924 года, началось его стремительное восхождение по армейской лестнице. 1 октября фон Лееб был произведен в подполковники. На

следующий год он уже возглавлял штаб второго военного округа с центром в Штеттине, а в феврале 1922 года вернулся в Мюнхен в качестве начальника штаба седьмого военного округа¹⁰. Лееб провел год, командуя 2-м батальоном горной артиллерии 7-го артиллерийского полка (1924 год), а затем в феврале 1925 года получил звание полковника. В 1926 году Лееб командовал 7-м артиллерийским полком, в то время расквартированным в Мюнхене. Спустя два года Вильгельм фон Лееб был назначен на должность командующего артиллерией, а также одним из заместителей командующего 5-й пехотной дивизией в Штутгарте. Затем фон Лееб получил повышение до чина генерал-майора, и в 1929 году был назначен заместителем командующего 7-й пехотной дивизией в Мюнхене, исполняя обязанности командующего этой дивизией, Лееб удостоился звания генерал-лейтенанта, и в 1930 году был назначен командующим седьмым военным округом. Всего за пять лет он прошел ступеньки от подполковника до генерал-лейтенанта. Столь стремительное продвижение наверняка вызвало бы немалую зависть, если бы речь шла о каком-нибудь другом офицере. Однако фон Лееб пользовался в армейских кругах глубочайшим уважением, и его взлет вряд ли стал причиной чьей-то зависти или раздражения. Лееб по праву считался авторитетом в области оборонительной тактики — его перу принадлежит несколько работ на эту тему. Не будет преувеличением сказать, что как эксперт по обороне фон Лееб снискал себе мировую известность¹¹.

Будущие фельдмаршалы Эрвин фон Роммель и Вальтер Модель также имели на своем счету печатные труды, однако из них троих именно фон Лееб пользовался до 1940 года особым авторитетом среди военных. Работа Лееба «Оборона» в 1938 году была издана германским военным министерством и позднее переведена на английский язык. Некоторые из его более ранних тру-

дов, переведенные на русский язык, в 1936 году были использованы при подготовке Советского устава полевой службы.

В конце тридцатых годов эксперты дружно превозносили книгу Лееба «Оборона» как самое важное исследование в области стратегии и тактики современного военного искусства за последнее десятилетие¹². По мнению Лееба, «оборона — неизбежное следствие безвыходной ситуации. Защитники почти всегда находятся в критическом положении».¹³ Лееб в своих трудах развивает мысли Клаузевица:

«Клаузевиц изображает оборону как высшую форму военных действий, наступление — как низшую. Эти интерпретации легче всего понять, если представить себе следующим образом реальные боевые действия. Средствами атакующих главным образом являются движение и огонь. Во время передвижения атакующие, как правило, не имеют возможности пользоваться имеющимся у них оружием. Во время наступления они становятся отличной мишенью для тех, кто занял оборону, — то есть тех, чьим основным средством является огонь, а не передвижение. Обороняющиеся находят благоприятную для себя местность, роют окопы, укрытия, и тем самым защищают себя. Эти преимущества тактической обороны переносятся на стратегическую оборону. Задача обороны заключается в том, чтобы устоять, задача нападения — победить. Устоять всегда проще, чем победить».¹⁴

По мнению генерала фон Лееба, во второй мировой войне Германия в первую очередь обязана занять положение стратегической обороны, она обязана спровоцировать численно превосходящего ее противника первым нанести удар, с тем чтобы затем обескровить его и лишь после этого перейти в наступление всей мощью своей бронетанковой техники. Безусловно, Лееб не до конца понимал стратегические возможности но-

вых для того времени бронированных войск. Однако, в отличие от французов, Лееб трезво оценивал все недостатки неподвижных укреплений. Он выступал в пользу развития сильных противотанковых и разведывательных сил, которые действовали бы наряду с танковыми и авиационными¹⁵.

Кроме трудов по тактике оборонительной войны Лееб сочинил также «Хронику семейства фон Лееб», чем заслужил себе прозвище «Генерал от генеалогии»¹⁶.

В личной жизни, по словам близко знавших его людей, Лееб был «прост, прямолинеен и не признавал никаких компромиссов». Это был истовый католик, который даже после прихода к власти нацистов открыто посещал вместе с семьей мессы. С самого начала Гитлер и его прихлебатели относились к Леебу с подозрительностью — не удивительно, ведь он всегда открыто критиковал их политику¹⁷.

В отличие от большинства своих современников риттер фон Лееб ни на минуту не позволил Гитлеру одурачить себя! 23 января 1933 года, то есть через три дня после вступления на пост канцлера, Гитлер обратился к генералитету (во время обеда, данного в апартаментах генерала фон Хаммерштейна). Фюрер заявил, что армия является единственной носительницей духа германской нации, и призвал к искоренению пацифизма, марксизма и демократии. Германия обязана перевооружиться, вопил Гитлер, чтобы затем завоевывать «восточные земли», под которыми генералы, несомненно, в первую очередь понимали Польшу, своего исконного и ненавистного врага. На большинство армейских офицеров речи и политика нацистского вождя произвели огромное впечатление, но только не на Лееба. «Торговец, чей товар хорош, никогда не станет расхваливать его во всю глотку, как рыночный зазывала», — отозвался Лееб, добавив, что, по его мнению, Гитлер откровенно пытался их подкупить¹⁸.

Со своей стороны Гитлер счел риттера фон Лееба

закоренелым антинацистом. Лееб удостоился сомнительной чести стать одним из первых генералов, за которыми гестапо установило слежку¹⁹. Лееб, однако, был в большей степени интеллектуалом и мыслителем, нежели человеком действий. Он не принимал активного участия в антигитлеровском заговоре и после 1941 года не имел никаких связей с немецким Сопротивлением. Он до самого последнего момента, то есть до 20 июля 1944 года, не имел ни малейшего понятия о существовании заговора Штауффенберга. Иными словами, Лееб узнал о нем лишь после его провала²⁰.

До 1942 года членство в нацистской партии еще не являлось непременно условием продвижения по службе, и Лееб продолжал свое восхождение по профессиональной лестнице. До 1934 года он возглавлял седьмой военный округ в Южной Германии, после чего был повышен в звании, став генералом артиллерии и получив завидное назначение — пост командующего 2-й группой армий в Касселе. В то время в Германии существовали лишь две группы армий, впоследствии их число увеличилось до шести.

Первоначально под началом Лееба находились пятый, шестой и седьмой военные округа, в состав которых соответственно входили 5-я, 6-я и 7-я пехотные дивизии. В распоряжении Лееба также находилась 3-я кавалерийская дивизия в Веймаре. 2-я группа армий значительно расширилась в результате гитлеровской военной экспансии. К ноябрю 1937 года она уже включала пятый, шестой, девятый и двенадцатый военные округа (соответственно с центром в Штуттгарте, Мюнстере, Касселе и Висбадене). В ее составе находились 11 пехотных дивизий и 4 приграничных соединения²¹.

4 февраля 1938 года генерал-полковник Вальтер фон Браухич сменил на посту главнокомандующего армией Вернера фон Фрича, главным образом в обмен на согласие убрать ряд командующих, которые, по мнению Гитлера, были враждебно настроены по отношению к

национал-социализму. Первым в этом списке стояло имя риттера Вильгельма фон Лееба. 1 марта его насильно отправили в отставку в почетном ранге генерал-полковника, а его место занял генерал Зигмунд Вильгельм Лист²².

Лееба вернули к активной службе в августе 1938 года — тогда все ожидали, что Гитлер вот-вот силой разрешит судетский кризис. Лееб получил под свое начало недавно сформированную 12-ю армию, которой предписывалось поддержать наступление 14-й армии под командованием Листа из Австрии в Чехию. Однако до боевых действий так и не дошло. 29 сентября 1938 года Англия и Франция подписали в Мюнхене соглашение, согласно которому Чехословакия обязана была без боя сдать важные пограничные области. Начиная с 1 октября вверенные Леебу силы заняли большую часть южной Чехии²³. Вскоре после этого Лееб вернулся в Баварию и снова удалился в отставку.

На следующий год во время польского кризиса Гитлер снова отозвал Лееба и вверил ему командование группой армий «Ц». Новый штаб Лееба был создан на основе старого штаба группы армий и включал в себя 1-ю, 5-ю и 7-ю армии. 7-я армия (командующий генерал Фридрих Дольманн) заняла позиции на южном фланге вдоль Рейна. 1-я армия (командующий генерал Эрвин фон Вицлебен) держала центр, Рейнскую область, а 5-я (командующий генерал Курт Либманн) защищала северную границу — от Люксембурга до Нидерландов. Их также поддерживал 2-й воздушный флот (командующий генерал Гельмут Фельми), а на юге — 3-й воздушный флот под командованием генерала Гуго Шперле. Штаб Лееба возглавлял генерал-майор Георг фон Зоденштерн²⁴.

Вверенные Леебу силы в действительности были не столь внушительны, как могло показаться на бумаге. Из восемнадцати штабов мирного времени все, кроме четырех, были приписаны к Польше. Под началом Лееба

находились лишь 12 из 51 регулярных дивизий мирного времени, и ни одна из них не имела бронетанковой техники. Для сдерживания «западного вала» и бельгийско-голландской границы Лееб получил лишь 10 резервных и 50 ополченских дивизий, и лишь некоторые были дивизиями усиленного состава. Имея под началом эквивалент 31 пехотной дивизии, Лееб сдерживал 106 французских дивизий. Не считая 15 дивизий, стоявших вдоль итальянской границы, Франция располагала 91 дивизией, 10000 пушек и 2500 танками, которые она могла противопоставить группе армий «Ц»²⁵.

В распоряжении Лееба на всем западном фронте не имелось ни единого танка. Его пехотные подразделения имели боеприпасов на три дня военных действий.

9 сентября части 3-й и 4-й французских армий атаковали Саарский сектор, и после небольших стычек Лееб отступил на свои главные оборонительные позиции вдоль «линии Зигфрида». К 13 сентября французы продвинулись вдоль 16-мильного фронта на глубину 5 миль, захватив около 20 брошенных деревень. Там они остановились и не продвинулись вперед ни на шаг²⁶.

Взвесив все «за» и «против», Лееб не слишком волновался из-за своего положения. По его мнению, быстрая ответная реакция союзников представлялась маловероятной, хотя он и сопротивлялся (кстати, весьма успешно) любым попыткам дальнейшего ослабления вверенных ему сил. Лееба более заботила вероятность наступления союзников со стороны Нидерландов. И пока основная часть вермахта занималась покорением Польши, Лееб, главным образом, старался привлечь новые формирования для усиления этого сектора, который он поставил под защиту созданного специально для этих целей армейского подразделения «Фрич» во главе с генералом-полковником фон Гаммерштейном.

К 20 сентября польская армия была практически разбита, Лееб получил значительное подкрепление, а

голландцы и бельгийцы тем временем проводили оборонительные затопления²⁷. Союзники упустили единственный реальный шанс оккупировать западную часть Германии, который вновь представится им не ранее 1944 года.

16 октября Лееб провел в Саарском секторе контрнаступление и к 24 октября вернул назад всю потерянную в сентябре территорию ценой не более чем 200 убитых²⁸. За этим «наступлением» на западном фронте последовало затяжное затишье.

Генерал-полковник фон Лееб с самого начала был противником западной кампании. Ему особенно претила перспектива вторжения в Бельгию, и он упорно сопротивлялся этим планам по моральным соображениям. Решающим фактором в его несогласии с официальной политикой являлась также гибель сына, служившего в 99-м горном пехотном полку. Лейтенант фон Лееб был убит в сражении под Львовом за день до капитуляции города. Вильгельм фон Лееб считал гибель сына совершенно бессмысленной: ведь русские уже вошли в Польшу с востока, и через несколько дней Гитлер все равно передал Львов в советские руки²⁹.

В октябре 1939 года Лееб весьма прозорливо заключил мирные предложения Гитлера Западу как очевидную уловку и распространил по этому поводу среди своих генералов меморандум, в котором предсказывал, что весь мир ополчится против Германии, если она во второй раз за двадцать пять лет осмелится посягнуть на нейтральную Бельгию³⁰.

Лееб надеялся, что главнокомандующий найдет в себе мужество противостоять Гитлеру по этому вопросу, хотя, разумеется, отлично сознавал, что нет такого человека, которому удалось бы заставить слабохарактерного Браухича открыто выразить несогласие с фюрером. Вот почему 9 ноября Лееб встретился в Кобленце с генерал-полковником Гердом фон Рундштедтом и Федором фон Боком. Лееб предложил, что в случае,

если Гитлер и дальше будет настаивать на наступательных действиях на Западном фронте, они все трое подадут в отставку. По мнению Лееба, Гитлер, столкнувшись с объединенной генеральской оппозицией, возможно, будет вынужден пересмотреть свои планы. Рундштедт и фон Бок, однако, совсем не пришли в восторг от предложения Лееба. Историк Тейлор полагает, что распространенный Леебом меморандум вряд ли оказал значительное воздействие на его офицеров, поскольку большинство из них считало генерала «чересчур осмотнительным и старомодным, особенно в его оценках роли танков и авиации в современной войне»³¹.

Лееб вернулся в ставку, испытывая крайнее недовольство, и даже имел разговор с генералом Зоденштерном относительно того, чтобы в одностороннем порядке снять с себя командование³².

Группа армий «Ц», которая теперь состояла лишь из 1-й и 7-й армий, играла второстепенную роль во время западного наступления, которое началось 10 мая 1940 года. В распоряжении Лееба имелось лишь 20 дивизий (все из них пехотные), однако его атаки на «линию Мажино» оказались столь успешными, что французы держали в этом секторе войска до того момента, пока немецкие подвижные соединения не осуществили значительный прорыв на севере. К этому времени люфтваффе отрезало французам железнодорожное сообщение, что сделало невозможной быструю переброску войск³³.

После Дюнкерка, когда от французской армии уцелели жалкие остатки, а на «линии Мажино» уже грохотали первые немецкие танки, под командование Лееба попала и танковая группа Гудериана. Получив мощное подкрепление, Лееб 18 июня окружил 2-ю группу армий французов (включавшую 2-ю, 3-ю, 5-ю и 8-ю армии) в секторе Эпиналь-Мозель. Генерал Дайе 20 июня отвел свой 14-й корпус в Швейцарию, где он

был интернирован³⁴. Генерал Претла также сдался Леебу. Общая численность военнопленных достигла порядка 25000.

Наряду с одиннадцатью другими армейскими генералами на приеме в рейхстаге, состоявшемся 19 июля 1940 года, риттер фон Лееб удостоился фельдмаршальского жезла.

Он оставался в оккупированной Южной Франции до 25 октября, когда группа армий «Ц» была перебросена в Дрезден, чтобы начать подготовку вторжения в Россию. Лееб протестовал против этой новой авантюры. Он предвидел возможные последствия, в том числе и вступление в войну Соединенных Штатов. Однако Гитлер и фельдмаршал фон Браухич оставили его протесты без внимания³⁵.

Для вторжения в Россию группа армий «Ц» была переименована в группу армий «Север» и получила подкрепление в лице 18-й армии (командующий генерал-полковник Георг фон Кюхлер), 16-й армии (командующий генерал-полковник Эрнст Буш) и 4-й танковой группы (командующий генерал Эрих Хепнер). Лееб получил указание нанести удар из центральной части Восточной Пруссии через Ковно (Каунас) и Двинск (Даугавпилс) в район южнее Пскова, с тем чтобы отрезать основные силы Советского Союза от Балтийских стран и там уничтожить их, лишив возможности отступить в глубь страны. Группа армий «Север» должна была пройти через Прибалтику, а затем, соединившись в районе озера Ильмень, двинуться на Ленинград³⁶. С воздуха это наступление должен был поддержать генерал-полковник Альфред Коллер, командовавший 1-м воздушным флотом.

В этой кампании Лееб столкнулся с гигантскими проблемами. Прежде всего трудность представлял сам

рельеф Прибалтики: плоская равнина, густо поросшая лесом, где песчаные почвы перемежаются топями и болотами, озерами и реками. Дороги только грунтовые, да и те в плачевном состоянии, узкие и неухоженные, совершенно не приспособленные для быстрой переброски мотострелковых соединений. Основное препятствие — река Двина, протекающая через Витебск и Ригу, — находилась от прусской границы на расстоянии более двухсот миль. Кроме того, перед Леебом не было поставлено никаких первоочередных задач. Должен ли он сначала оккупировать Прибалтику, а затем идти на Ленинград, или же наоборот? Этот ключевой вопрос оставался без ответа даже после начала кампании. И, наконец, Лееб не располагал необходимыми силами для выполнения основной задачи, а именно: отрезать Советскую Армию от Прибалтики. Группа армий «Север» насчитывала 26 дивизий, из которых было лишь три танковых и три моторизованных, то есть намного меньше по сравнению с другими германскими группами армий. Леебу первоначально противостоял генерал Федор Кузнецов и его Северо-западный фронт (состоящий из 8-й и 11-й армий), который насчитывал около 30 дивизий, включая два механизированных корпуса (четыре танковых и две мотострелковых дивизий), а также несколько независимых танковых бригад. В тылу у Красной Армии лежал Ленинградский военный округ во главе с генералом М. М. Поповым (позднее переименованный в Северный фронт), состоявший из 23-й, 7-й и 10-й армий, а также 10-го механизированного корпуса — то есть еще двадцать дивизий³⁷.

Кроме трудностей иного порядка, сам Лееб не был готов (ни морально, ни по имевшемуся опыту) взять на себя командование крупными танковыми соединениями, с которыми ему пришлось иметь дело впервые за всю свою долгую карьеру. Его командующий танковыми частями генерал Хепнер был, безусловно, талантлив, но слишком независим в суждениях и неуживчив.

Вскоре между ним и фон Леебом возникли трения, поскольку Хепнер считал своего начальника излишне медлительным. Лееб, со своей стороны, не на шутку встревожился, когда тактика его танкового генерала привела к тому, что бронетехника на десятки километров оторвалась от пехоты, в результате чего тылы оказались незащищенными.

Лееб атаковал в 3.05 утра 22 июня; левый фланг возглавлял Кюхлер, Хепнер шел в центре, и Буш — на правом фланге. Удар оказался неожиданным по всей границе, и вскоре сопротивление основных частей 8-й и 11-й советских армий было сломлено. К утру 23 июня передовые части 1-й армии (генерал-лейтенант Курт Герцог и его 29-я пехотная дивизия) продвинулись вглубь более чем на 40 миль через Литву на территорию Латвии. Тем временем Хепнер разделил свою группу на два танковых корпуса. Он отправил 56-й танковый корпус Манштейна через лесистую местность по направлению к мосту через Двину в Даугавпилс, то есть за 220 миль через линию фронта, в то время как 41-й танковый корпус под командованием генерала Георга-Ханса Рейнхардта был оставлен для уничтожения 3-го и 12-го советских танковых корпусов³⁸.

23 июня возникла первая заминка, когда Рейнхардт вступил в бой с тремя советскими танковыми дивизиями (около 300 танков). Советская бронетехника была, в основном, представлена тяжелыми танками КВ-1 и КВ-2 весом 43 и 52 тонны соответственно. Они превосходили по своей мощи любой немецкий танк и были не по силам германским противотанковым орудиям. Снаряды просто отскакивали от их брони, что явилось крайне неприятной неожиданностью как для самого Лееба, так и для его артиллерии.

К счастью для Рейнхардта, русские просто вели атаки всем фронтом, не предпринимая никаких маневров. Рейнхардт с помощью артиллерии приостановил их продвижение, а затем контратаковал силами 1-й

танковой, 6-й танковой, 36-й мотострелковой и 29-й пехотной дивизий, оттеснив 3-й танковый корпус русских назад к болотам. На следующий день по окончании сражения было уничтожено или захвачено более 108 советских танков и сто единиц артиллерии. К 28 июня вверенные Леебу силы уничтожили или захватили четыреста танков и бронемашин, двести орудий, несколько сот самолетов, а также несколько кораблей у Балтийского побережья. Однако в плен было взято всего 6000 человек. Коммунисты отступали, но не были разбиты³⁹.

Тем временем части Бранденбургской дивизии заняли Даугавпилсский мост, и вскоре 8-я танковая и 3-я мотострелковая дивизии Манштейна уже переправлялись на другой берег, где их атаковал 21-й механизированный корпус Красной Армии, но потерпел поражение. Манштейн хотел продолжить наступление, но Гитлер приказал ему остановиться, поскольку он более чем на 60 миль оторвался от ближайших к нему частей 16-й армии — единственного германского подразделения за Двинском.

Консерватор Лееб не возражал. Манштейн на протяжении недели не предпринимал никаких действий, чем дал русским возможность организовать сопротивление по всей «линии Сталина» на российско-эстонской границе. В это же самое время на левом германском фланге у Лиепай советское сопротивление стало более ожесточенным — город пал под натиском 18-й армии лишь 29 июня после пяти дней жестоких боев⁴⁰.

1 июля Лееб встретился с Хепнером и предложил переместить 16-ю армию, находившуюся на южном фланге, на север с тем, чтобы отрезать прибалтийские государства, в то время как 4-я танковая группа будет прикрывать восточный фланг от советских контратак. Хепнер возражал: он хотел направить свои танки в наступление на Ленинград. Хепнер никак не ожидал от Лееба подобной нерешительности, независимо от того,

какую конечную цель преследует эта операция — Ленинград или Прибалтику. Очевидно, командующий склонился к более привычному, традиционному решению — обезопасить левый фланг, прежде чем двигаться дальше. Тем самым он терял драгоценное время, хотя для немецкой армии жизненно необходимым условием было нанести поражение Сталину до того, как на помощь русским придет суровая русская зима.

Из-за возражений Хепнера Лееб предложил компромисс: Манштейн со своей 16-й армией начнет наступление на Новоржев (в направлении озера Ильмень), в то время как Рейнхардт двинется на Остров в направлении Ленинграда.

Хепнер не согласился с таким слишком широким подходом и настаивал на более смелом и стремительном наступлении. Однако к нему не прислушались⁴¹.

4 июля вверенный Рейнхардту 41-й танковый корпус, возглавляемый 1-й танковой дивизией в авангарде, после незначительного сопротивления взял Остров. Генерал Собенников, сменивший Кузнецова на посту командующего Северо-Западным фронтом, отчаянно пытался сформировать новую линию сопротивления южнее Чудского озера, используя для этого 1-й механизированный корпус и два резервных стрелковых корпуса. Рейнхардт с 1-й и 6-й танковыми, 6-й и 36-й мотострелковыми дивизиями продолжал двигаться дальше и, несмотря на решительные контратаки советских танков, занял Псков на южном берегу Чудского озера, чем обеспечил себе удобный плацдарм для рывка на Ленинград. Тем временем Манштейн, двигавшийся в соответствии с приказами Лееба, угодил прямиком на позиции 21-го механизированного корпуса в районе Новоржева. Грунтовые дороги здесь пролегли сквозь болота и непроходимые леса и были до отказа забиты брошенной русскими техникой: танками, машинами, орудиями. Впервые за всю кампанию Манштейну пришлось остановиться.

Хепнер же был вынужден отозвать 56-й танковый корпус и отправить его вдогонку Рейнхардту. Хепнер планировал направить оба танковых корпуса на северо-северо-восток, то есть прямо на Ленинград, но Лееб снова настоял, чтобы они двигались на восток в направлении Новгорода и озера Ильмень, несмотря на то, что местность была болотистой и лесистой⁴².

7 июля, когда эта полная компромиссов кампания шла полным ходом, Лееб и Хепнер встретились с главнокомандующим фон Браухичем у себя в ставке. Браухич одобрил план Хепнера — план стремительного продвижения на Ленинград. Вверенный Рейнхардту 41-й танковый корпус должен был наступать вдоль дороги Псков-Луга-Ленинград, в то время как 56-й танковый корпус Манштейна сначала должен двигаться на Новгород, а затем на Ленинград.

На Ленинград вели всего две дороги — это означало, что наступление будет лишено элемента неожиданности и оба танковых корпуса окажутся разделенными многими десятками километров непроходимых лесов и болот, к тому же далеко оторвавшись от пехоты 18-й и 16-й армий на севере и юге⁴³.

Наступление началось 10 июля, однако Рейнхардт тотчас столкнулся с ожесточенным сопротивлением и едва проходимой местностью. Сумев пробиться вперед всего на несколько километров, 12 июля он был вынужден остановиться. Через два дня Манштейн подвергся атаке со стороны получившей подкрепление 11-й советской армии, и в какой-то момент он оказался полностью отрезанным от остальных соединений группы армий «Север». Хепнер тем временем принял смелый маневр. Он отправил целиком весь корпус Манштейна на север, чтобы отвлечь внимание русского фланга, мешавшего дальнейшему продвижению Рейнхардта. Маневр удался, 17 июля Луга пала, и немецкие танки, вырвавшиеся вперед, оказались на расстоянии всего 80 миль от Ленинграда.

Однако Гитлер и высшее командование испугались. Они приказали Хепнеру приостановить продвижение корпуса Манштейна до тех пор, пока к нему не подойдут пехотные части 16-й армии для прикрытия правого фланга. Этот приказ повлек за собой трехнедельную задержку. Лееб обратился в ОКВ с прошением отменить приказ, но безуспешно. Он подумывал о том, чтобы дать разрешение самостоятельно двигаться вперед, однако не осмелился на этот шаг. Эта задержка снова позволила русским собрать силы и подготовиться к обороне⁴⁴.

К этому времени Лееб добился существенных, хотя и не слишком выдающихся успехов. Его передовые части вырвались вперед на 430 миль и находились теперь в 80 милях от Ленинграда. Лееб прочесал большую часть территории Прибалтийских государств, однако две советские армии (8-я и 11-я) избежали окружения. Лееб так и не сумел соединиться с финнами и оказался в конце четырехсотмильной линии снабжения, которая вскоре стала предметом постоянных атак со стороны русских партизан и мародеров из разрозненных соединений. Вдобавок Гитлер решил, что 18-я армия должна завершить покорение Прибалтийских республик со всеми морскими портами и островами, прежде чем Лееб предпримет наступление на Ленинград. В конечном итоге фюрер велел Бушу, чтобы тот прикрыл левый фланг группы армий «Центр», причем для этого понадобилось около 60 процентов личного состава пехотинцев 16-й армии. Фактически весь 23-й корпус генерала Альбрехта Шуберта был переброшен в группу армий «Центр». В результате оба фланга 4-й танковой группы, лишившись подкрепления пехоты, оказались оголены перед атаками со стороны русской 27-й армии и отдельных частей 11-й, в то время как еще одна недавно сформированная 22-я армия русских была отправлена на фронт навстречу Бушу. Скорость продвижения Лееба, которая до 10 июля в среднем равнялась

17 милям в день, в августе уменьшилась до какой-нибудь мили в день⁴⁵.

Лееб несет персональную ответственность за эту чудовищную медлительность главным образом из-за его неумелого командования танковыми формированиями. Например, 5 августа он отдал приказ всей 8-й танковой дивизии прочесать район линии снабжения — вопиющий пример неумелого использования ценнейшей бронетехники, которая к тому же совершенно не годится для подобных операций. 8-я танковая выполняла этот бессмысленный приказ более месяца⁴⁶.

Тем временем 4-я танковая группа Хепнера в неполном составе 8 августа возобновила свое продвижение на Ленинград. Рейнхардт двигался с левого фланга, Манштейн — с правого. Местность была болотистой и лесистой, то есть совершенно непригодной для прохождения бронетехники, а сопротивление русских оказалось хорошо организованным и упорным. Дивизии Рейнхардта — 1-я и 6-я танковые и 36-я мотострелковая — несли такие тяжелые потери, что Хепнер подумывал о том, чтобы вообще прекратить это наступление. Однако 14 августа Хепнер сумел совершить прорыв и преодолел болота. Но в то же время Лееб был вынужден отозвать половину танковой группы, поскольку на юге сложилась в значительной мере критическая обстановка.

1 августа 10-й корпус генерала Кристиана Хансена, находившийся на левом фланге 16-й армии, начал наступление на Старую Руссу — важный транспортный узел южнее озера Ильмень с тем, чтобы прикрыть глубокий правый фланг группы армий «Север» для финального броска на Ленинград. Русские отлично понимали ключевое положение Старой Руссы и поэтому во всеоружии приготовились к наступлению Хансена. 10-й корпус встретился с 11-й советской армией, хорошо защищенной глубокими минными полями (в том числе с неподдающимися обнаружению минами в деревян-

ных коробках), дотами, бункерами и разветвленной сетью полевых укреплений. Потребовалась целая неделя ожесточенных сражений, прежде чем 12-я, 30-я и 290-я пехотные дивизии смогли продвинуться вперед на 9 миль к Старой Руссе, где им затем пришлось вести тяжелые уличные бои⁴⁷.

12 августа советский маршал Ворошилов, незадолго до этого поставленный командовать Северо-Западным фронтом*, бросил на Старую Руссу недавно сформированную 34-ю армию, включавшую 8 пехотных дивизий, танковый и кавалерийский корпуса, которым был дан приказ прижать 10-й корпус к южному берегу озера Ильмень, а затем уничтожить. Чтобы спасти Хансена, Лееб был вынужден перебросить 46-й танковый корпус из 4-й танковой группы в 16-ю армию. 19 августа, после изнурительного марш-броска более чем на 100 миль, Манштейн обрушил две свои дивизии (3-ю мотострелковую и 3-ю мотострелковую войск СС «Мертвая голова») на тылы советской 34-й армии, которая оказалась зажата между ним и 10-м корпусом. К 23 августа советская 34-я армия была полностью уничтожена, 246 орудий захвачено. Манштейн, однако, не мог вернуться на север, поскольку Ворошилов бросил на перешеек между Чудским озером и озером Ильмень еще три армии, поймав в ловушку 16-ю армию и 46-й танковый корпус⁴⁸.

15 августа, в тот самый день, когда он потерял связь с Манштейном, Хепнер обратился к Леебу с просьбой о немедленной переброске из Эстонии 18-й армии под командованием Кюхлера на левый фланг 4-й танковой группы с тем, чтобы обезопасить северный фланг перед рывком на Ленинград. После горячих дебатов Лееб

* В августе 1941 года командующим Северо-Западным фронтом был генерал-полковник П. А. Курочкин. К. Е. Ворошилов занимал в это время должность главнокомандующего войсками Северо-Западного направления.

отменил распоряжение Хепнера и отдал Кюхлеру приказ уничтожить 8-ю советскую армию, стоявшую на Балтике, пройти прибрежные районы, а затем захватить укрепления русских вдоль всей южной береговой линии Финского залива — все это до того, как прийти на помощь Хепнеру. То была серьезная ошибка, поскольку тем самым резервные части немецкой пехоты оказались связаны выполнением второстепенной операции, в то время как русские основательно готовились к решающей битве за Ленинград. И хотя 18-я армия получила подкрепление в виде 7-го авиакорпуса под командованием генерала фон Рихтгофена, ей потребовалось три недели, чтобы выполнить всю эту операцию. Танковой группе Хепнера, которая теперь состояла лишь из одного корпуса, не оставалось иного выбора, как, отказавшись от возможности решительного прорыва, перейти на оборонительные позиции⁴⁹.

Генерал-лейтенант Вальтер де Болье, начальник штаба 4-й танковой группы, позднее обвинил Лееба, что тот расположил войска таким образом, чтобы генерал фон Кюхлер — личный друг Лееба — смог сыграть решающую роль в захвате Ленинграда. Историк Пауль Карелл согласен с этим мнением⁵⁰. Однако автору этой книги подобные выводы представляются весьма сомнительными. Как мне кажется, Лееба скорее можно обвинить в чрезмерной осторожности — ведь ему хотелось до начала операции устранить любую, даже самую малую, угрозу его левому флангу. Подобные объяснения более созвучны обычной для Лееба тактике развертывания широкого фронта (в противоположность «танковому рывку» Хепнера) и вполне согласуются с его нарочито консервативными методами использования бронетехники.

Как бы там ни было, к 4 сентября Эстония осталась позади, и все южное побережье Финского залива оказалось в руках у немцев, за исключением Ораниенбаумского выступа, где 26-й корпус пытался одолеть советскую 8-ю армию. 7 сентября Лееб был, наконец, готов

приступить к финальному рывку на Ленинград. Сталин тем временем бросил в этот оказавшийся под угрозой сектор недавно сформированные 52-ю, 54-ю, 55-ю армии⁵¹. Кроме того, маршал Ворошилов, политкомиссар Жданов и комендант города генерал Захаров* сформировали 20 дивизий ополчения, куда вошли 300000 рабочих с ленинградских заводов и фабрик. Вокруг города были возведены два кольца оборонительных сооружений, главным образом силами ленинградских женщин и детей. Внутреннее кольцо было сосредоточено на Пулковских высотах — этой ключевой точке в линии обороны города⁵².

Когда 8 сентября Лееб, наконец, приступил к заключительному этапу операции, Ленинград был уже в пределах досягаемости германских 240-миллиметровых пушек⁵³.

Этот второй по величине в СССР город, некогда называвшийся Санкт-Петербургом, бывшая столица Российской империи, в 1941 году насчитывал 3 миллиона жителей. Здесь на крупных военных заводах производились боеприпасы и танки, работали текстильные фабрики, верфи и морской порт, к которому был приписан советский Балтийский флот⁵⁴. Для Советского Союза Ленинград играл особую, решающую роль.

В первую неделю сентября 1941 года Лееб получил из группы армий «Центр» подкрепление в виде 3-й танковой группы генерала Гота (57-й и 39-й танковые корпуса, которые он использовал для сокрушительного удара по советским 2-й, 34-й и 27-й армиям между Старой Руссой и Холмом). Эта победа позволила ему укрепить позиции на правом фланге, сведя 28-й и 29-й танковые корпуса воедино под командованием ставки 16-й армии для решающей атаки⁵⁵.

* Генерал-майор М. В. Захаров был до августа 1941 года начальником штаба Главнокомандования Северо-Западного направления.

Сражение было ожесточенным. Главный удар был нанесен из центра линии, где 16-й танковый корпус с 36-й моторизованной дивизией, атаковали Пулковские высоты. Главное наступление справа прикрывал 50-й корпус (44-я моторизованная дивизия СС и 269-я пехотная дивизия) 4-й танковой группы, а слева — 38-й корпус (1-я, 58-я и 291-я пехотные дивизии) 18-й армии. На германском правом фланге наступал 27-й корпус 16-й армии (126-я, 96-я и 122-я пехотные дивизии), в то время как на самом краю левого фланга — 39-й танковый корпус генерала Рудольфа Шмидта во главе с получившей подкрепление 20-й моторизованной дивизией нанес удар в направлении Шлиссельбурга на южном берегу Ладожского озера с целью блокирования города. На карте №9 показаны удары Лееба по Ленинграду.

В течение первых трех дней Рейнхардт продвигался крайне медленно, счет велся едва ли не на метры — это несмотря на отличную тактическую поддержку с воздуха со стороны 8-го авиакорпуса. Обе стороны несли тяжелые людские потери, но в половине двенадцатого дня 11 сентября высота 167 — знаменитая «Царская высота» — наконец пала. Младший лейтенант Дариус из 6-й танковой дивизии просигналил: «Я вижу Санкт-Петербург и море».

* * *

Тем временем 291-я пехотная дивизия в течение одного дня уничтожила более 150 бетонных дотов, а 58-я пехотная дивизия захватила трамвай в пригороде Ленинграда Урицке, то есть всего в шести милях от центра города. Шлиссельбург тоже пал — он был захвачен 42-м пехотным полком полковника Гарри Хоппе из 126-й пехотной дивизии. Сдача Шлиссельбурга привела к тому, что Нева, крупнейшая водная артерия, связывавшая Балтийское море и Ладогу, оказа-

ЛЕНИНГРАДСКОЕ СРАЖЕНИЕ, СЕНТЯБРЬ 1941 Г.

При активной поддержке люфтваффе группа армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Лееба стояла на подступах к Ленинграду, а в ряде мест даже сумела проникнуть за линию оборонительных сооружений города. Однако Гитлер своим приказом остановил ее дальнейшее наступление — фюрер решил сломить сопротивление ленинградцев голодом. Это роковое решение привело к печально знаменитой блокаде, которую русским удалось прорвать лишь в январе 1944 года. Ленинград так и не сдался.

лась блокированной, а Ленинград отрезан от системы каналов, соединявших его с Белым морем и Северным Ледовитым океаном. К тому времени передовым танковым частям уже был виден золотой шпиль Адмиралтейства⁵⁶. Казалось, Ленинград обречен, но в самый последний момент спасение пришло к нему — ну кто бы мог подумать? — от самого Адольфа Гитлера. 12 сентября фюрер приказал Леебу не брать город с боем, а только взять его в блокаду, чтобы измором заставить капитулировать. Группе армий «Север» был отдан приказ отдать в распоряжение ставки 11-й и 7-й танковые и 8-й авиакорпус, а также 4-ю танковую группу — то есть в общей сложности пять танковых и две моторизованных дивизии и большую часть поддержки с воздуха. В обмен Леебу была обещана пехотная дивизия (в то время находившаяся во Франции, 250-я испанская, «Голубая» пехотная дивизия) и два парашютных полка⁵⁷.

Лееб тотчас заявил о своем несогласии с неразумным стратегическим решением Гитлера — отказом от взятия Ленинграда, — но безрезультатно. Когда же Лееб выразил свое недовольство в связи с тем, что его лишают 4-й танковой группы и 8-го авиакорпуса, Гитлер в ответ заявил, что эти силы внесут свой вклад в успехи группы армий «Центр» под Москвой, что в конечном итоге облегчит задачу самого Лееба⁵⁸.

- Решение блокировать Ленинград стало одной из величайших ошибок за всю войну. В городе оказались блокированы тридцать советских дивизий. С наступлением зимы в северной части России русские смогли проложить по льду Ладожского озера так называемую «Дорогу жизни». Им даже удалось проложить по ней железнодорожные рельсы, тем самым наладив связь с Мурманском, куда поступала американская военная помощь⁵⁹. 18-я армия оказалась связанной у Ленинграда до января 1944 года, когда ее закаленные в боях частигодились бы в любом другом месте. Напри-

мер, на 1 января 1943 года блокаду осуществляли 22 дивизии в полном составе и части еще 60-ти⁶⁰.

В конце концов, после 28 месяцев блокада была прорвана. Ленинград так и не был взят.

* * *

Фельдмаршал Лееб был в ужасе от непродуманного решения Гитлера, однако мало чем мог повлиять на ситуацию. Он ограничился на протяжении трех последующих недель отдельными атаками и 27 сентября сумел взять промышленный пригород Пулково, где размещался крупный завод по производству танков. А русские, несмотря на все свои отчаянные попытки, так и не смогли вернуть себе Шлиссельбург⁶¹.

В северной части России зима наступает рано, и Лееб намеревался использовать оставшиеся теплые дни с тем, чтобы как следует укрепиться на берегах Ладоги. Гитлер, однако, приказал ему захватить Тихвин, где велась добыча бокситов, а затем нанести удар севернее, чтобы соединиться с финнами на реке Свирь на восточном берегу Ладоги. Для достижения этого солдатам Лееба пришлось бы преодолеть 250 миль — и притом в зимних условиях⁶².

15 октября ударные силы Лееба (39-й танковый корпус) покинули Волховский выступ и двинулись в направлении Тихвина. Под командованием генерала Рудольфа Шмидта находились 8-я и 12-я танковые, 18-я и 20-я моторизованные дивизии. В начале Шмидт был подчинен и. о. командующего 2-й армией группы армий «Центр». Его место занял генерал Юрген фон Арним, который и взял Тихвин 8 октября. Советская 4-я армия была разбита, а тылам 7-й отдельной армии (стоявшей против финнов) угрожала опасность. Сталин в ответ предпринял контратаку силами переброшенных из Сибири резервов. Подвижные германские соединения обескровили восточные дивизии, однако

сами вскоре оказались на грани уничтожения. 15 ноября фон Арним был вынужден отступить. К 25 ноября 39-й танковый и поддерживающий его 1-й корпус совершил 230-мильный бросок на Тихвин и оказался под ударом советских 4-й и 54-й армий, а также отдельных частей 7-й и 52-й армий⁶³.

Начиная с середины ноября, Лееб был сильно обеспокоен ситуацией под Тихвином, однако уповал на то, что наступление фельдмаршала Бока на Москву до некоторой степени ослабит давление на вверенную ему группу армий, как заверил его Гитлер. Увы, этого не произошло. Сталин, как только ему начинало казаться, что он нащупал слабое место, наносил удар за ударом. 8 декабря, когда продвижение группы армий «Центр» было приостановлено, Леебу, наконец, удалось убедить Гитлера в необходимости отступления. 22 декабря 1941 года, когда морозы доходили до 60 градусов по Фаренгейту, 39-й танковый корпус с горем пополам пробился через снег и лед к Волхову. Потери были значительными. Только 18-я моторизованная дивизия потеряла за время тихвинской операции 9000 человек, то есть ее численность, равная теперь 741 бойцу, сократилась до одного батальона⁶⁴.

К этому времени фон Лееб уже открыто выражал свое недоумение — ему казалось, будто Гитлер вступил в тесный сговор со Сталиным, поставив целью погубить германскую армию⁶⁵. Некоторые из этих язвительных замечаний, несомненно, достигли ушей Гитлера, который и без того не испытывал особых симпатий к антинацистски настроенному маршалу. Кроме того, Лееб настроил против себя нацистов, протестуя против истребления частями СС советских евреев. Полковник Рудольф Шмунд передал приказ фюрера: Леебу было велено не вмешиваться в эти «политические вопросы»⁶⁶. 15 ноября Лееб в очередной раз досадил Гитлеру тем, что через начальника своего штаба, генерал-лейтенанта Курта Бреннеке, передал прошение об отправке

на зимние квартиры. 14 декабря он просил разрешения отойти назад через реку Волхов. Гитлер ответил отказом, поскольку это, по его мнению, ослабило бы блокаду Ленинграда⁶⁷.

Однако Гитлер по-прежнему высоко ценил компетентность Лееба в технических вопросах, и нет никаких свидетельств, будто он намеревался отстранить Лееба, подобно тому, как он поступил с Боком и Рундшtedтом, также командовавшими группами армий на российских фронтах. Воистину, есть доля иронии в том, что Лееб, самый религиозный и самый антинацистски настроенный военачальник из тех, кто с начала кампании командовал группами армий, продержался на своем посту дольше двух своих товарищей по зимнему кризису 1941—1942 годов. В конечном итоге, именно неудовлетворенность самого Лееба, больше, нежели неудовольствие им со стороны Гитлера, привели к его отставке. Очередное крупное советское наступление началось 7 января 1942 года. Группа армий «Север» оказалась под огнем 11 советских армий. Им противостояли 31 обескровленная дивизия Лееба. К 13 января 2-я советская ударная армия прорвала позиции 16-й армии на двадцатимильном участке фронта между Новгородом и Чудово и форсировала Волхов. К этому времени 16-я армия несла чудовищные потери главным образом в результате обморожения, что нередко приводило к ампутациям ног у солдат. Из-за нехватки одеял раненые замерзали десятками. Лееб ввел в действие самые последние резервы и был вынужден отправлять на передовую штабных офицеров, где затем эти наспех созданные формирования несли тяжелые потери. А русские тем временем продолжали наступать⁶⁸.

Ставка и 281-я дивизия СД (командующий генерал-лейтенант Теодор Шерер) — всего 5500 человек — попали в окружение у Холма; 2-му корпусу (командующий генерал граф Вальтер фон Брондорф-Аленфельдт)

угрожало окружение под Демянском. 12 января Лееб просил разрешения отвести 2-й корпус назад, а также выдвинул идею общего отступления за реку Ловать с тем, чтобы сохранить непрерывную линию фронта. Гитлер отказался отдать Демянск, полагая, что подобные выступления в большей степени связывают советские войска, нежели немецкие. В результате вмешательства Гитлера в тактические вопросы 2-й корпус, насчитывавший 100000 человек, вскоре попал в окружение. К 16 января терпение Лееба иссякло, и он попросил отстранить его от командования. Буквально на следующий день его сменил генерал-полковник фон Кюхлер⁶⁹.

Лееб вернулся в Баварию и больше не участвовал ни в каких боевых операциях. Осенью 1944 года, когда Западный фронт был накануне краха, фельдмаршал фон Рундштедт обратился с просьбой отозвать из отставки Лееба как крупного специалиста по обороне и поручить ему командование силами на Западе, однако Гитлер отклонил эту просьбу⁷⁰.

Фельдмаршала фон Лееба в конце войны арестовали союзники. В октябре 1948 года в возрасте семидесяти двух лет он был приговорен к трем годам тюрьмы как второстепенный военный преступник⁷¹. Этот приговор представлялся излишне суровым.

Выйдя из тюрьмы, фон Лееб мирно удалился в город Хозншвангау, находящийся в его родной Баварии, где и умер 29 апреля 1956 года. Ему было семьдесят девять лет⁷².

* * *

Нет ни малейшего сомнения в том, что таланты Вильгельма фон Лееба во время второй мировой войны использовались далеко не лучшим образом. Признанный авторитет по обороне, в 1941 году Лееб был вынужден взять на себя командование крупными танко-

выми силами — задача, к выполнению которой он оказался совершенно не готов и поэтому не сумел должным образом с нею справиться. Тем не менее, Леебу следует отдать должное — будь у него развязаны руки, он наверняка бы еще в сентябре 1941 года взял Ленинград. Есть доля иронии в том, что во второй половине войны, в то время когда велись крупные оборонительные сражения в России, Италии и Франции, один из наиболее опытных и уважаемых специалистов обороны «третьего рейха» был отстранен от участия в военных операциях. Фельдмаршал Лееб вошел в историю как порядочный человек и довольно посредственный командующий. Он заслуживал лучшей участи.

ГЛАВА 6

ФЕДОР ФОН

БОК

Подобно Вальтеру фон Рейхенау и Эвальду фон Клейсту, *Федор фон Бок* был сыном видного прусского генерала. Родился он в Кюстрине в провинции Бранденбург 5 декабря 1880 года и уже в детском возрасте стремился к карьере военного. Он провел большую часть юности в военных школах в Гросс-Лихтерфельде и Потсдаме и в 1898 году был зачислен в армию младшим лейтенантом 5-го прусского пехотного гвардейского полка¹.

Будучи молодым человеком, фон Бок уже прославился своей серьезностью, целеустремленностью и аристократическими манерами. Высокий и подтянутый, он был суров, честолюбив, высокомерен и полон рвения. Именно эти качества плюс несомненная физическая сила, а отнюдь не гениальность, способствовали его молниеносной карьере в армии. Подобно многим другим, которым в отличие от него не дано было вознестись столь высоко, Бок отличался талантами, но отнюдь не гениальностью. Однако именно его напористость и амбиции снискали ему в армии прозвище «Священный огонь Кюстрина».

В 1910 году Бок получил назначение в генеральный штаб и в 1912 году был повышен до звания капитана. И хотя он рвался в бой, первые два года первой мировой войны ему пришлось провести в ставке кронпринца

Руперта в Баварии. И только в 1917 году он получил в свое командование батальон 4-го прусского пехотного гвардейского полка, который он и возглавил, одержимый фанатичным мужеством, в боях на Сомме и у Камбрэ. Вскоре он удостоился медали «Pour le Merite»², что примерно соответствует Почетной медали Конгресса США, присуждаемой офицерам младшего ранга. В 1918 году фон Бока произвели в майоры³.

После войны Федор фон Бок стал помощником генерала фон Зеекта, главнокомандующего сухопутными силами. В это время Польша начала проявлять свою агрессивность — польские войска вторглись на Украину, а также совершили несколько нападений на верхнюю Силезию и Пруссию. 100-тысячная армия, которую Германия имела право содержать согласно Версальскому договору, была слишком слаба для охраны границ и обеспечения внутренней безопасности в то время, когда в стране то и дело вспыхивали беспорядки. Именно по этой причине были сформированы подпольные военные соединения, получившие название «Черный рейхсвер». Майор фон Бок, который теперь исполнял обязанности начальника штаба третьего военного округа с центром в Берлине, был втянут в деятельность этих незаконных формирований, занимаясь их пополнением и снабжая оружием. Эти войска действовали под вывеской так называемых «рабочих команд». То есть официально они являлись добровольцами, гражданскими лицами, состоявшими на службе по краткосрочному контракту. Однако они носили военную форму, жили в армейских казармах, ели из солдатского котла и проходили боевую подготовку. К 1923 году только в одной Кюстринской крепости в третьем военном округе таких «добровольцев» в казармах насчитывалось 23000. Командовал ими майор Бухрукер, в прошлом офицер генерального штаба.

Офицеры правого крыла возродили так называемый «суд фемы» (средневековый тайный суд), кото-

рый расправлялся с теми, кто доносил в союзническую контрольную комиссию или же в имперское ведомство разоружения о незаконной деятельности «Черного рейхсвера». На совести этого тайного суда было несколько убийств, и левая пресса во всеуслышание обвинила майора Бока в причастности к ним. В справедливости подобных обвинений практически не приходится сомневаться, хотя сам Бок наверняка не считал это убийствами. Для него «Черный рейхсвер» действовал в интересах страны, и любые действия против этой организации являлись действиями, направленными против государства, что, в свою очередь, можно рассматривать как измену. А измена, как известно, карается смертью.

Позднее, уже в качестве свидетелей, недавно получивший повышение подполковник Бок, а вместе с ним Курт фон Шлейхер и барон Курт фон Хаммерштейн отрицали свою причастность к «Черному рейхсверу». Разумеется, все трое лгали, но для Бока ложь во имя защиты нации была священным актом патриотизма. Его вина так и не была доказана, а та роль, которую он играл в «Черном рейхсвере», осталась до конца не выясненной, что вполне объяснимо, поскольку эта организация никогда не оставляла после себя письменных свидетельств.

Закат «Черного рейхсвера» начался 27 сентября 1923 года, когда вопреки совету фон Бока майор Бухрукер поднял «рабочие команды» на мятеж против демократического Веймарского правительства. Генерал Зеэкт, при поддержке фон Бока, за два дня подавил беспорядки в Кюстрине. Вскоре после этого, в начале октября 1923 года, Зеэкт распустил «Черный рейхсвер»⁴.

* * *

В 1924 году Бок получил в командование 2-й батальон 4-й пехотной дивизии в Кольберге. По истечению

срока данной службы (по всей видимости, в 1925 году) его повысили до полковника и зачислили в штат министерства обороны. В конце 1928 года Бок был повышен в звании до генерал-майора и назначен командующим 1-й кавалерийской дивизией во Франкфурте-на-Одере. Ему исполнился 41 год.

На протяжении тридцатых годов карьера фон Бока по-прежнему неуклонно двигалась вверх. В 1930 году он получил в свое командование 1-й пехотный полк в Восточной Пруссии. Получив в 1931 году звание генерал-лейтенанта, он принял командование вторым военным округом в Штеттине и занимал этот пост вплоть до 1935 года. В этом же году он получил звание генерала от инфантерии и с 1935 по 1938 год командовал 3-й группой армий в Дрездене, как раз в тот период, когда Гитлер наращивал военную мощь Германии.

В октябре 1935 года вверенные ему силы включали четвертый, шестой и девятый военные округа, то есть всего восемь пехотных дивизий и три приграничных округа. К октябрю 1937 года к ним были добавлены одиннадцатый и двенадцатый военные округа, то есть Бок получил под свое начало еще три пехотных дивизии. Еще несколько дивизий уже находились в начальной стадии формирования⁵.

Хотя Бок не был нацистом (впрочем, как и анти-нацистом), он всей душой поддерживал проводимую Гитлером военную политику. Внутренняя и внешняя политика фюрера его мало заботила, как, впрочем, и тот факт, что в 1938 году Гитлер отправил в отставку многих высших генералов, поскольку это ни в коей мере не затронуло его, Федора фон Бока, личного продвижения по служебной лестнице. После того, как он недолго командовал германскими оккупационными силами в Австрии (в этот период вверенные ему войска временно именовались 8-й армией), Бок сменил Герда фон Рундштедта на посту командующего

1-й группой армий в Берлине. 1 марта 1938 года он был произведен в генерал-полковники⁶.

Вот что писал о нем в своей работе Телфорд: «Его ум был глух ко всему, кроме самых непосредственных последствий «служения королю». «Прусский дух фридриховской закваски» глубоко въелся в его характер, это был яростный националист, суровый любитель порядка, которого заботило исключительно укрепление армии и развитие собственной военной карьеры, причем его отличали скорее упорство и целеустремленность, нежели одаренность»⁷. Высокомерный и хладнокровный, Бок с его тщеславием, суровостью и неуступчивостью сумел нажить себе немало врагов как в армии, так и в нацистской партии. К гражданским лицам он относился с глубочайшим презрением и не умел ладить с подчиненными, особенно с Гейнцем Гудерианом — талантливым командующим танковыми силами, который служил под его началом в Австрии и позднее в Польше и России. Кроме того, Бок недолюбливал генерала фон Браухича, который хотя и был ниже его по рангу, но тем не менее получил повышение в обход Бока и 4 февраля 1936 года получил пост главнокомандующего сухопутными войсками⁸. Гитлер, однако, высоко ценил своего рослого пруссака из Кюстрина, поскольку видел в нем послушный инструмент осуществления собственных планов.

Перед вторжением в Польшу ставка фон Бока была переименована в группу армий «Север», состоявшую из 4-й армии генерала Гюнтера фон Клюге в Померании и 3-й армии генерала Георга фон Кюхлера в Восточной Пруссии. Эти две армии разделял «Данцигский коридор», в котором стояла польская армия «Поморье» генерал-майора Бортновского (пять пехотных дивизий,

одна кавалерийская бригада плюс четыре морских батальона и разнообразные части береговой обороны). Под командованием Клюге находились пять пехотных дивизий плюс две моторизованных и 3-я танковая дивизия в составе 19-го корпуса Гудериана. У Кюхлера было семь пехотных дивизий, две спешно сформированные пехотные бригады, 1-я кавалерийская бригада и танковая дивизия Кемпфа, а также еще одно подразделение нерегулярных войск. Первоначально Бок держал в резерве группы армий четыре дивизии, включая 10-ю танковую. Из более чем полуторамиллионной группировки бойцов, которая вскоре приняла участие во вторжении в Польшу, Бок имел под своим командованием 630000 солдат (320000 в 3-й армии, 230000 — в 4-й и 80000 в резерве). Остальные войска были приписаны к группе армий «Юг» генерала Рундштедта. Им противостояло примерно то же число поляков⁹.

Согласно первоначальному плану, главный удар должен был нанести Рундштедт, взяв Варшаву с юго-запада. 3-я армия должна была атаковать с севера на юг против Польской Модлинской армии (две пехотные дивизии и две кавалерийские бригады). 3-я армия должна была затем продолжать наступление, двигаясь на юго-запад, чтобы соединиться с 4-й армией. Миссия 4-й армии заключалась в том, чтобы нанести удар на юго-восток, чтобы отсечь и уничтожить в Данцигском коридоре армию «Поморье».

Бок указывал ОКХ, что этот план на несколько дней оставляет вольный город Данциг открытым для захвата со стороны поляков. Он порекомендовал сформировать из 12000 проживающих в городе немцев тайную бригаду, которая состояла бы из имеющих военный опыт отставников, членов СА и СС и городских полицейских. Кроме того, можно было задействовать флот — например, в день, когда начнется вторжение. Для защиты города там мог бы высадиться батальон десанта.

Гитлер одобрительно отнесся к этому плану и даже отправил в Данциг для формирования «добровольческого корпуса» генерал-майора Фридриха-Георга Эберхарда, переодетого в штатское платье¹⁰. Это формирование в начале вторжения получило название «бригады Эберхарда». Впоследствии на его основе была сформирована 60-я моторизованная пехотная дивизия¹¹.

Война началась 1 сентября 1939 года. Бригада Эберхарда без особых трудностей завладела Данцигом. 3-я армия, атаковав с юга силами 1-го корпуса и корпуса Водрига, совершила стремительный бросок на Варшаву. Тем временем 21-й корпус под командованием генерал-лейтенанта Николая фон Фалькенхорста двинул свои силы на юго-запад для соединения с 4-й армией. Ключе также удалось стремительно продвигаться вперед и к наступлению ночи 2 сентября 9-я и 27-я польские пехотные дивизии и поморская кавалерийская бригада оказались практически заперты в данцигском коридоре. На следующий день 3-я и 4-я армии соединились у Нейенбурга.

Хотя польские гарнизоны у Вестерплатте (Данцигской гавани) и на полуострове Хель еще продержались какое-то время, коридор был практически ликвидирован, большая часть армии «Поморье» разбита, захвачено 90 орудий и взято в плен около 15000 человек¹².

Бок выполнил свою первоначальную миссию к 4 сентября — ему удалось захватить Данцигский коридор, отделявший Восточную Пруссию от остальной Германии. Кюхлер продолжал двигаться в юго-западном направлении на Варшаву, несмотря на все более ожесточенное сопротивление поляков. Бок тем временем контролировал остальные части группы армий. Он направил корпус Гудериана на самый край левого фланга 3-й армии и отдал приказ генералу Леонарду Каупишу, командовавшему силами 1-й приграничной зоны (207-я пехотная дивизия и бригада Эберхардта плюс некоторые соединения сил безопасности), унич-

тожить очаги сопротивления на Вестерплатте, в Гдыне и полуострове Хель. Тем временем 4-я армия (в составе 2-го корпуса генерала Адольфа Штрауса и 3-го корпуса генерала Курта Хаазе) продвигалась на юго-восток вдоль Вислы. По замыслам Бока, Гудериан должен был нанести стремительный удар в тыл польского правого фланга с тем, чтобы окружить польские силы, защищавшие районы к северу от Варшавы. По предложению Гудериана этот маневр, однако, заменили другим — танковым броском на Брест-Литовск в Восточной Польше, с тем, чтобы отрезать полякам возможность отступления на восток, где они могли бы создать новую линию обороны¹³.

Эта операция также прошла в соответствии с планом. Брест пал 17 сентября после трехдневных боев. В тот же самый день русские вступили в войну, введя свои войска в Восточную Польшу, и на следующий день их силы соединились с группой армий «Север». 3-я армия двигалась на Варшаву с востока, а 4-я тем временем прошла территорию вокруг Белостока, к северу от корпуса Гудериана. За исключением Варшавского сектора группа армий «Север» во второй половине сентября 1939 года практически нигде не сталкивалась с серьезным сопротивлением. К началу октября фон Бок уже спешил на Западный фронт.

Вначале Федору фон Боку было поручено на западе командование крупной операцией, несмотря на то, что, по его мнению, армия еще не была готова к подобной кампании. Вверенные ему силы, теперь переименованные в группу армий «Б», сформировали германский правый (северный) фланг и должны были двигаться через Нидерланды и Бельгию в Северную Францию, побеждая на своем пути голландскую, бельгийскую, английскую и французскую армии. Бок, однако, отправил Гитлеру и в военное министерство довольно пессимистичный меморандум, в котором выражал уверенность в том, что англичане успеют высадиться в

Антверпене, прежде чем он успеет овладеть этим городом, и что война в конечном итоге выльется в затяжное и кровавое сражение на территории Бельгии.

Надо сказать, что Гитлер тоже был далеко не в восторге от разработанного ОКХ плана, и поэтому как только к нему в руки попал план Манштейна, он тотчас за него ухватился (см. гл. 2). Этим планом Боку отводилась лишь второстепенная роль. Во время первого этапа французской кампании под началом у фон Бок находились лишь 6-я и 18-я армии (под командованием Рейхенау и Кюхлера соответственно). Его задача заключалась в том, чтобы как можно стремительнее вторгнуться в Голландию и Бельгию и убедить французов и англичан, что это и есть направление главного удара. С этой задачей фон Бок справился без всякого труда. Его войска заняли Бельгию и Нидерланды и 4 июня разбили у Дюнкерка французскую армию, взяв в плен 40000 человек¹⁴.

Во время второго этапа операции Бок командовал 4-й, 6-й и 9-й армиями, а также танковыми группами Гота и Клейста, и занял Западную Францию¹⁵. После капитуляции Франции Боку была поручена охрана атлантического побережья от Бреста до испанской границы. 19 июля 1940 года его произвели в фельдмаршалы¹⁶.

Бок был не в восторге от своего нового поручения. Он язвительно заметил, что все, за чем ему теперь приходится следить, так это чтобы кто-нибудь ненароком не украл береговую или демаркационную линии¹⁷. Возможно, в результате этих язвительных шуточек он получил осенью 1940 года пост главнокомандующего силами на Востоке. Теперь его штаб размещался в Познани, и первоначально под его началом находилась 18-я армия, а 2-я и 4-я были на подходе¹⁸. Большую часть зимы 1940/41 года Бок отсутствовал на службе из-за сильных приступов язвы желудка¹⁹.

В 1941 году Бок выражал несогласие со вторжением в Советский Союз и даже отказался во вверенной ему группе армий выпустить пресловутый «приказ о комиссарах»²⁰. Его штаб превратился в рассадник антигитлеровского заговора, особенно после того, как главой разведки стал полковник Хеннинг фон Тресков. Личные адъютанты Бока — граф Генрих фон Харденберг (потомок самого Бисмарка) и граф Генрих фон Лендорф-Штейнорт (внук одного из фаворитов Вильгельма I) — также были вовлечены в этот заговор, как и несколько других офицеров, например, лейтенант Фабиан фон Шлабрендорф — кстати, единственный из заговорщиков, кто пережил войну.

Заговорщики надеялись, что сумеют убедить Бока возглавить антигитлеровский переворот. Однако человек, с чьей помощью когда-то был разгромлен «Черный рейхсвер», теперь не желал принимать участия ни в каких заговорах. Вот что пишет о Боке Джон Уилер-Беннет: «Хотя он глубоко презирал национал-социализм и находил все более отталкивающей его растущую кровожадность, Бок был настолько поглощен собственным тщеславием и эгоизмом, что из-за мелочности характера даже пальцем не пошевелил ради того, чтобы сбросить режим, к которому он не испытывал ничего, кроме презрения. Он был одним из тех многих, кто в ответ на все предложения заговорщиков отвечал: «Если все удастся, я вас поддержу, но я не собираюсь брать на себя ответственность в случае провала»²¹.

Для вторжения в Россию ставка Бока была переименована в группу армий «Центр». В русско-германской войне ей отводилась самая главная задача — взятие Москвы. Первоначальная ее цель заключалась в том, чтобы уничтожить крупные советские силы в треугольнике Брест-Вильнюс-Смоленск. Для выполнения этой

задачи Бок получил в свое командование две танковые группы, а также 4-ю и 9-ю армии, то есть всего девять танковых, семь моторизованных, тридцать одну пехотную дивизию и три дивизии сил безопасности плюс первую кавалерийскую; иными словами, 51 из 149 дивизий, задействованных в операции «Барбаросса»²². С воздуха ему также оказывал поддержку 2-й воздушный флот под командованием фельдмаршала Альберта Кессельринга, включавший в себя большую часть пикирующих бомбардировщиков «Ю-87». Вечером 21 июня Кессельринг, посетивший Бока в ставке, застал последнего «в весьма мрачном расположении духа, что резко контрастировало с его настроением во время предыдущих кампаний»²³. Тем не менее Бок блестяще провел первый этап вторжения, быстро двигаясь со своими обеими танковыми группами на Минск, расположенный в 170 милях от границы. Этот амбициозный маневр настолько напугал Гитлера, что, в обход Браухича, он предложил Боку оставить эту затею в пользу более короткого броска и последующего окружения. Бок стоял на своем и в конечном итоге развеял опасения фюрера. В результате большая часть трех советских армий и части еще двух уже к 29 июня оказались окружены в белорусской столице и вокруг нее. После того, как 3 июля этот «котел» пал²⁴, группа армий «Центр» докладывала, что русские понесли потери убитыми и ранеными 324000 человек, захвачено 3332 танка и 1809 орудий²⁵.

Следующей целью Бока стал Смоленск, расположенный на пути в Москву — в верхнем течении Днепра. Город был взят 16 июля 29-й моторизованной дивизией после очередного двойного окружения*. Котел был полностью ликвидирован 5 августа; германскими войсками в плен было взято 310000 человек, захвачено 3205 танков и 3120 орудий²⁶. Спустя три дня Гудериан завершил

* Смоленск пал 29 июля 1941 г.

еще одно окружение, возле Рославля, к юго-востоку от Смоленска. В плен попали 38000 советских солдат, захвачено или уничтожено 50 танков и 359 орудий²⁷. После этого Бок отправил на юг, в тыл недавно образованного русскими Центрального фронта, своего генерала барона Лео фон Гейр фон Швеппенбурга с его 24-м танковым корпусом, а недавно созданная 2-я армия барона фон Вейхса нанесла удар с запада. В результате под Гомелем образовался еще один «котел», в котором оказались 84000 русских, и к 24 августа он был ликвидирован. Кроме солдат противника, немцы захватили или уничтожили 144 танка и 848 орудий²⁸.

К последней неделе августа группа армий «Центр» продвинулась более чем на 500 миль и отстояла от Москвы всего на 185 миль²⁹. Федор фон Бок с блеском выполнил поставленную перед ним задачу: русские понесли потери ранеными и убитыми около миллиона человек; было захвачено или уничтожено 7000 танков и более 6000 орудий, в то время как потери германской стороны составили менее 100000 человек³⁰. Теперь, по расчетам Бока, должен был состояться решающий бросок на Москву, чему, однако, не суждено было сбыться. 4 августа Гитлер распорядился перебросить 3-ю танковую группу в распоряжение группы армий «Север», 2-ю танковую группу и 2-ю армию отправил на юг к Киеву.

Бок, к своему величайшему неудовольствию, лишился пяти танковых корпусов, трех пехотных корпусов и большей части 2-го воздушного флота. Ему ничего не оставалось делать, как перейти к обороне на Ельнинской дуге, в 43 милях восточнее Смоленска, имея в своем распоряжении лишь 4-ю и 9-ю армии. Тем временем незаметно подкралась осень, дни стали короче, похолодало. Не за горами была русская зима.

Когда Гитлер отнял у Бока его танковые соединения, путь на Москву был практически свободен. Но теперь Сталин в срочном порядке бросил в этот сектор мощные подкрепления. На Ельнинской дуге, этом важ-

ном плацдарме для броска на Москву, Боку противостояли силы почти четырех армий. У него самого, однако, на этот раз под началом оказались лишь четыре дивизии. В конечном итоге он был вынужден покинуть Ельнинский выступ, однако, несмотря на мощное наступление русских, ему удалось сохранить свои позиции³¹. К концу сентября Бок имел дело почти с двухмиллионными силами русских.

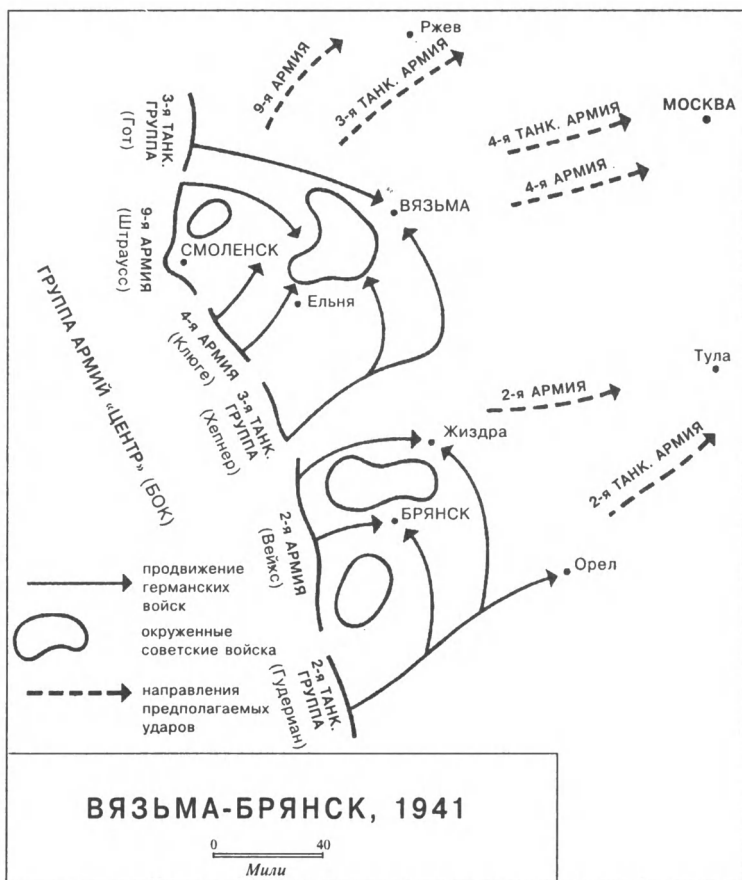
После того как к концу сентября пал Киев, Гитлер решил, что пора идти на зимние квартиры, однако, по мнению Бока, это вряд ли было разумным решением. Вместе с Кессельрингом, Браухичем и другими генералами он убедил Гитлера в необходимости мощного броска на советскую столицу. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, Гитлер перебросил 4-ю танковую группу (переименованную 6 октября в танковую армию) в группу армий «Центр» вместе с пятью танковыми и двумя моторизованными дивизиями, а также 8-м воздушным корпусом. Он вернул под командование Бока 2-ю танковую группу и 2-ю армию, а также перевел девять дивизий из группы армий «Юг» в группу армий «Центр». Две из них были моторизованными, а две — танковыми. ОКХ принял решение не перебрасывать назад к Смоленску 2-ю и 5-ю танковые и 2-ю армии. Вместо этого им было приказано перейти в наступление с мест их дислокации. Таким образом, подконтрольный Боку фронт растянулся больше чем на четыреста миль, а в резерве у него оставалось менее двух дивизий. Бок выразил бурное несогласие с таким расположением сил, но безрезультатно³².

Утром 30 сентября Бок перешел в наступление двумя направлениями — на Вязьму и Брянск. Историк Карелл назвал эту операцию «самым хорошо продуманным окружением за всю военную историю»³³. С севера и с юга вверенные Боку силы включали 3-ю танковую армию (командующий Гот), 9-ю армию (командующий Штраус), 4-ю армию (командующий Клюге), 4-ю тан-

ковую (командующий Хепнер), 2-ю армию (командующий Вейхс) и 2-ю танковую армию (командующий Гудериан). Бок приказал Хепнеру провести фронтальную атаку на Мешовск, а оттуда повернуть на север к Вязьме. Одновременно Гот двигался к ней с востока. Тем временем Штраус и Клюге должны были атаковать русских по всей линии фронта с тем, чтобы удерживать основные силы противника к северу от линии Смоленск-Ельня³⁴. К югу Вейхс и Гудериан должны были двигаться по направлению к Жиздре и Брянску с целью создания еще одного котла. На карте 10 наглядно показана операция по двойному окружению у Вязьмы и Брянска.

Ко всеобщему удивлению, Гудериан легко прорвался через позиции 13-й советской армии, и его передовые части под командованием генерал-майора Вилли-бальда фон Лангерманна и 4-я танковая дивизия Эрленкампа в первый же день прошли около 80 миль. 6 октября генерал-лейтенант Ханс-Юрген фон Арним со своей 17-й танковой дивизией стремительным ударом овладел Брянском. Чуть позже в тот же самый день части Гудериана соединились со 2-й армией Вейхса и окружили 26 советских дивизий 3-й, 13-й и 15-й армий. На следующий день генерал-майор Вольфганг Фишер и его 10-я танковая дивизия 4-й танковой армии под командованием Хепнера взяла Вязьму, соединившись с передовыми частями армии Гота, тем самым заперев в котле 6 советских армий и обрекая на поражение еще 55 дивизий. Бои продолжались до 17 октября. Нескольким соединениям русских удалось прорваться и соединиться со своими войсками. И тем не менее в сражении под Вязьмой-Брянском русские потеряли около 663000 солдат, 1242 танка и 5412 орудий были либо захвачены, либо уничтожены³⁵.

Первый снег выпал 7 октября, однако быстро растаял. Российские дороги тотчас превратились в непролазные хляби. По ним стало практически невозможно

ВЯЗЬМА-БРЯНСК, 1941

ВЯЗЬМА-БРЯНСК, 1941 ГОД.

Двойное окружение под Вязьмой и Брянском, сентябрь-октябрь 1941 года. Результатом этой операции, блестяще проведенной фельдмаршалом Федором фон Боком, стал разгром нескольких советских армий, а Москва оказалась на волоске от капитуляции. По мнению военных историков, то был блестящий образец стремительных военных действий.

подвозить горючее, боеприпасы, продовольствие, свежие резервы и зимнее обмундирование, которых катастрофически не хватало. Но главное, вверенные Боку силы утратили подвижность, этот ключевой фактор его предыдущих побед. В довершение ко всему, Гитлер отправил 2-й воздушный корпус и 2-й воздушный флот на Сицилию, а ОКХ отдал распоряжение 9-й и 3-й армиям нанести удар в северо-восточном направлении, в обход советской столицы³⁶. Бок продолжал наступать на восток, однако приказал Гудериану (при поддержке Вейхса) взять Тулу — крупный промышленный центр к югу от Москвы. 4-я танковая, 4-я и 9-я армии продолжили движение на советскую столицу. Распутица на дорогах была столь велика, что в 292-й пехотной дивизии, например, 16 лошадей не смогли сдвинуть с места одну-единственную гаубицу 292-го артиллерийского полка. Моторизованные резервные колонны проходили в день не более пяти миль, только на одном грунтовом московском шоссе застряло около 2000 транспортных средств³⁷. Самолеты люфтваффе не могли взлететь, а артиллерия и танки увязли в грязи. Бок, находившийся тогда примерно в 70 милях от Москвы, был вынужден 30 октября приостановить наступление и дожидаться морозов, пока почва не промерзла настолько, чтобы можно было подвезти продовольствие и боеприпасы.

Лееб и Рундштедт настаивали на том, чтобы отменить наступление, и Гитлер, судя по всему, склонялся к тому же мнению, не разделяя планов Бока. Последний, при поддержке Браухича и Гальдера, настаивал на том, чтобы возобновить наступление. Под их давлением Гитлер был вынужден отдать приказ о финальном наступлении, назначив его на 15 ноября³⁸.

Когда наступление возобновилось, уже установились морозы. Артиллерия оказалась совершенно бесполезной, поскольку немецкая армия не располагала необходимыми смазочными материалами, чтобы защитить движущиеся части орудий. Лишь тридцать процентов

подвижной техники находилось в рабочем состоянии. Танки также застыли в бездействии, потому что их оптические прицелы оказались совершенно непригодными для столь низких температур³⁹. Пехота, не имевшая зимнего обмундирования, в условиях резко ухудшившегося снабжения с трудом продвигалась вперед. Многие подразделения питались исключительно кониной. Однако, несмотря на тысячи обмороженных, им удалось пробиться сквозь упорное сопротивление противника к пригородам Москвы. До Кремля оставалось всего каких-то шесть миль. Бок, в порыве нервного воодушевления, лично возглавил заключительный бросок от передового командного поста, однако 1 декабря ему стало ясно, что Москву не взять. На следующий день он отдал приказ о прекращении атак⁴⁰.

6 декабря Сталин начал контрнаступление. Гитлер приказал всем соединениям не сдавать позиции — приказ, который, несомненно, повлек за собой тяжелые потери в живой силе и технике, но, с другой стороны, помог предотвратить панику и тем самым сохранил боеспособность немецкой армии. Группа армий «Центр», однако, была вынуждена постепенно отступать под ударами советских войск, неся при этом катастрофические потери убитыми и ранеными. В нескольких дивизиях пришлось бросить по пути почти всю свою артиллерию.

Тем временем фельдмаршал фон Бок 16 декабря изливал душу полковнику Рудольфу Шмундту, личному адъютанту Гитлера. Он жаловался на свое пошатнувшееся здоровье (его вновь мучила язва) и попросил Шмундта доложить об этом Гитлеру — просьба, которую Шмундт, несомненно, выполнил. Через два дня в ставке Бока раздался звонок фельдмаршала Кейтеля, который сообщил, что Гитлер предлагает Боку взять продолжительный отпуск для поправки здоровья. Бок не преминул воспользоваться этим предложением. В тот же самый день его сменил фельдмаршал Гюнтер фон

Клюге⁴¹. Гитлер поставил Бока в известность, что не считает его виновным в неудаче под Москвой⁴².

Через месяц, 17 января 1942 года, умер фельдмаршал фон Рейхенау — по всей видимости, от сердечного приступа. На следующий день Гитлер вызвал Бока к себе в ставку и назначил его главнокомандующим группы армий «Юг». Теперь под началом Бока находились 2-я армия Манштейна в Крыму и 6-я, 17-я, 1-я танковые и 2-я армии (в южной части России, соответственно под командованием генерал-полковников Фридриха Паулюса, Германа Гота, Эвальда фон Клейста и барона Максимилиана фон Вейхса). Первоочередная задача заключалась в том, чтобы сдержать первое советское зимнее наступление в южном секторе.

В середине января 1942 года советский маршал С. К. Тимошенко совершил мощный прорыв по направлению к Изюму. К 28 января он находился лишь в 12 милях восточнее Днепропетровска, угрожая коммуникациям 6-й, 17-й и 1-й танковой армий⁴³. Советские войска перерезали железную дорогу Днепропетровск-Сталино — главную артерию, по которой осуществлялось снабжение 1-й танковой армии, захватили главную снабженческую базу 17-й немецкой армии у Лозовой и создали мощный выступ на Северном Донце возле Изюма, откуда угрожали Харькову и основным переправам через Днепр. В какой-то момент семи германским дивизиям противостояли 32 советские пехотные и кавалерийские дивизии при поддержке 10 танковых бригад⁴⁴.

Советское наступление захлебнулось не столько благодаря действиям Бока, сколько из-за усталости солдат, глубокого снега и трудностей со снабжением. Как только русские прекратили наступать, фельдмаршал начал готовить свои силы к ответному удару против Изюмского выступа. Со своей стороны, маршал Тимошенко стал принимать меры к возобновлению наступления.

По замыслам Гитлера, основную наступательную

операцию 1942 года следовало проводить в южном секторе, и поэтому Бок соответственно получал подкрепление в первую очередь. Гитлер распорядился, чтобы вверенные Боку дивизии были приведены в полную боевую готовность, в то время как соединения групп армий «Север» и «Центр» были укомплектованы всего на 50 и 55%. Танковые дивизии Бока должны были по численности сравняться с тремя танковыми батальонами, в то время как те, что находились на других фронтах, оставались на уровне одного. Подразделения южного направления были на 85% укомплектованы подвижной техникой, а другим фронтам пришлось довольствоваться гораздо меньшим⁴⁵.

Бок планировал начать наступление на Изюмский выступ 18 мая, но Тимошенко опередил его на 6 дней; имея в своем распоряжении 640000 солдат и 1200 танков, он сумел отбросить назад 6-ю армию. К 17 мая русские уже стояли всего в 12 милях от Харькова, важного перевалочного пункта в тылу группы армий «Юг».

Гитлер наотрез отказался прислать подкрепление, чем способствовал продвижению русских, несмотря на многочисленные отчаянные просьбы фельдмаршала Бока⁴⁶. Затем 17 мая тот нанес удар с юга во фланг наступающих русских войск своими свежими силами 1-й танковой и 17-й армий (обе под началом фон Клейста). Наступление русских было приостановлено, и к 19 мая Тимошенко противостоял Клейсту всеми имевшимися у него силами. На следующий день в сражение вступила 6-я армия, а 24 мая Паулюс и Клейст соединились к западу от Изюма, загнав в котел целиком все ударные силы русских. Лишь отдельным частям противника удалось пробиться за линию фронта. К 29 мая, когда сражение подошло к концу, Бок захватил 240 000 пленных, взял более 1200 танков и 2000 орудий. Потери немецкой стороны составили всего 20 000 человек⁴⁷. Гитлер, однако, остался недоволен действиями Бока под Харьковом.

Теперь Гитлер начал подготовку ко второму этапу летнего наступления (операция «Блау»), приказав Боку выйти на западный берег Дона и к городу Воронежу, если, конечно, цена не будет слишком высока. В противном случае фюрер приказал обойти город, и тогда группа армий «Центр» оказывалась разорванной надвое. Недавно сформированная группа армий «А» (1-я танковая и 17-я армии) под командованием фельдмаршала Листа должна была переправиться через низовья Дона, захватить Ростов и продвигаться дальше на юго-восток к нефтяным месторождениям Кавказа. группа армий «Б» под командованием фон Бока (2-я, 4-я танковые и 6-я армии плюс 2-я венгерская армия) должны были прикрывать его на северном фланге и продвигаться на восток к Волге⁴⁸.

Бок нанес удар 26 июня, имея более миллиона человек. Русские быстро отступали под его натиском, отчего Боку, вопреки его ожиданиям, не удалось захватить на правом берегу Дона большого числа пленных. Затем Бок отправил 2-ю армию брать с боем Воронеж, и это решение на несколько дней отсрочило начало операции «Блау»⁴⁹. Эта задержка не на шутку разозлила Гитлера. К тому же Бок проявил излишнюю медлительность, перенацеливая 4-ю танковую армию на юг. Эта вторая задержка позволила крупным советским соединениям переправиться через Дон. Собственно говоря, Боку не хотелось отпускать от себя бронетанковые силы прежде, чем прояснится ситуация под Воронежем, и до того, как его левый фланг будет полностью безопасным. Гитлер приказал Боку прекратить боевые действия, но тот попросту проигнорировал этот приказ.

Бок, действительно, в первую очередь беспокоился о своем левом фланге и открыто критиковал план Гитлера, согласно которому фланги во время наступления к Волге и Сталинграду должны были прикрывать ненадежные армии союзников (румын, венгров и итальянцев), в то время как группа армий «А» двигалась в

отклоняющемся направлении. Группу армий «Б» предполагалось задействовать 13 июля. В тот день фон Боку позвонил Кейтель и поставил его в известность, что Гитлер решил передать командование генерал-полковнику фон Вейхсу. Поэтому Кейтель настоятельно рекомендовал Боку снять с себя полномочия по причине плохого здоровья. После недолгих споров Бок согласился⁵⁰. Гитлер сказал генерал-майору Шмундту, который до сих пор придерживался высокого мнения о Боке, что он в дальнейшем намерен работать только с теми командующими, которые до последней буквы выполняют его приказы⁵¹.

15 июля фон Бок был зачислен в резерв фюрера, но больше так и не потребовался⁵².

* * *

Авторитет Бока среди немцев был необычайно высок, и еще на протяжении нескольких месяцев многие продолжали считать, что он все еще командует силами на юге России. Этому заблуждению способствовали пропагандистские бюллетени, в которых упоминалось его имя. Бок ужасно злился по этому поводу, поскольку считал, что из него нарочно делают козла отпущения, ответственного за поражение под Сталинградом⁵³. В июле 1943 года с ним попытался связаться профессор Иоганн Попиц, участвовавший в антигитлеровском заговоре, но Бок отказался участвовать в каких бы то ни было переворотах, если только в них не замешан рейхсфюрер Гиммлер, так как, по мнению Бока, без поддержки СС любой путч обречен на провал. Бок также вполне справедливо предостерег Попица, чтобы тот не полагался на генерал-полковника Фридриха Фромма, командующего резервной армией, хотя сам Попиц считал его человеком надежным⁵⁴.

«Хотя Бок терпеть не мог национал-социалистов, —

писал позднее лейтенант Фабиан фон Шлабрендорфф, — он не собирался и пальцем пошевелить против Гитлера. Большая часть его натуры стала заложницей его тщеславия и эгоизма, а та, что оставалась свободной, уже мало что значила»⁵⁵.

В 1945 году, когда русские уже находились на подступах к Берлину, Бок получил от Манштейна телеграмму, в которой говорилось, что гросс-адмирал Карл Дениц занят в Гамбурге формированием нового правительства. Бок тотчас уехал из города. Возможно, он надеялся снова получить командование. 4 мая, когда Гитлер уже был мертв и до окончания войны оставалось менее недели, машина Бока попала на Кильском шоссе под обстрел британского бомбардировщика. Через несколько дней британские солдаты обнаружили его изрешеченное пулями тело⁵⁶. Под обстрелом погибли также его жена и дочь⁵⁷. Таким образом, Федор фон Бок стал единственным из фельдмаршалов Гитлера, кто пал от вражеской пули. Ему было 64 года.

Бытует мнение, будто фельдмаршал фон Бок был довольно неприятной личностью, напрочь лишенной чувства юмора, человеком заносчивым и самолюбивым. Он был предан Гитлеру, однако до сих пор не ясно, проистекала ли эта преданность из личных амбиций или же из убежденности, что солдат не имеет права выступать против главы государства, не совершив при этом измены. Возможно, оба мнения по своему верны. Оценки его деятельности как военачальника также расходятся. Фон Бок отлично зарекомендовал себя в Польше, Нидерландах и в начале наступления на Москву, когда он наголову разбил десяток вражеских армий. Прислушайся тогда Гитлер к его мнению — Москва пала бы уже в 1941 году

и не случилось бы позора Сталинграда. С другой стороны, фон Бок затянул наступление на Москву, а затем проявил нерешительность под Воронежем и Харьковом. По мнению автора данной книги, он не был гением военной науки, подобно Манштейну, но обладал качествами толкового командира, который умело вел свои войска трудными фронтовыми дорогами в течение первых трех лет войны.

ГЛАВА 7

ВИЛЬГЕЛЬМ

КЕЙТЕЛЬ

Вильгельм Бодевин Йоганн Густав Кейтель родился на отцовской ферме Хельмшероде под Гандерсгеймом в западном Брауншвейге 22 сентября 1882 года. У него было радостное безоблачное детство, и уже в юные годы в нем проявились те качества, которые в будущем определят всю его карьеру: послушание и довольно посредственный ум. Больше всего ему хотелось пойти по стопам предков и заняться крестьянским трудом. Отец Вильгельма после смерти первой жены вторично обзавелся семьей, а Хельмшероде было не в состоянии прокормить разросшееся семейство. По этой причине Кейтель-старший определил сына в армию, надеясь, что тот со временем станет офицером. В 1901 году Вильгельм, повинувшись отцовской воле, вступил в 46-й полк полевой артиллерии в Вольфенбюттеле, в котором когда-то служил и его отец. Возможно, сам юноша предпочел бы кавалерию, но отцу было не по карману купить ему лошадь¹.

После войны психологи и журналисты союзников пытались представить Кейтеля таким воплощением прусского юнкерства. Это отнюдь не так. По происхождению он являлся ганноверцем, и его дед, который

довольно тесно был связан с ганноверским двором, разогнанным Бисмарком в 1866 году, не позволял сыну переступать порог дома в военной форме².

18 августа 1902 года Кейтель получил звание младшего лейтенанта. Он был покладист, энергичен, хотя и не блистал умом — словом, младший офицер, который умел ладить буквально со всеми. Он любил поесть и выпить, обожал охоту и верховую езду, развлечения и свежий воздух. В 1906 году он поступил в военную кавалерийскую академию и научился прекрасно держаться в седле. В 1908 году Кейтель был назначен полковым адъютантом, в 1910 году получил звание лейтенанта, а 8 октября 1914 года ему присвоили звание капитана³.

В апреле 1909 года лейтенант Кейтель женился на Лизе Фонтен, дочери ганноверского пивовара и помещика. Лиза была хороша собой, умна и болела душой за карьеру мужа, которому подарила трех сыновей (все они в будущем также стали военными) и трех дочерей, одна из которых умерла в детстве. Лиза обладала гораздо более решительным характером, чем ее муж. Она стала рьяной почитательницей Гитлера, и именно благодаря ее усилиям карьера Кейтеля неуклонно продвигалась вверх⁴.

Весной 1914 года Кейтель посещал курсы офицеров резерва генерального штаба при 10-м корпусе, однако вскоре со своим полком ушел воевать в Бельгию и Францию и в сентябре был серьезно ранен в предплечье осколком снаряда. После выздоровления он вернулся в 46-й полевой артиллерийский полк, где в ноябре получил под свое командование батарею. В марте 1915 года он был направлен представителем генштаба в 15-й резервный корпус. В 1916–1917 годах Кейтель служил при штабе резервного корпуса и в 199-й пехотной дивизии (1917 г.), вскоре после чего был переведен в генеральный штаб в Берлине (декабрь 1917 г.)⁵. В 1919 году он находился в добровольческом корпусе на польской границе⁶.

Карьера Кейтеля в первые дни существования Веймарской республики была малопривлекательной. Три года он провел в качестве преподавателя в Ганноверской кавалерийской школе (1920—1923 гг.), после чего получил назначение в полевой штаб 6-го артиллерийского полка. Его карьера круто пошла вверх в 1925 году, когда полковник фон дем Бусше-Иппенбург, глава управления кадров, приписал его к организационному отделу военного ведомства, как в ту пору именовался засекреченный генеральный штаб. Бусше-Иппенбург и Кейтель водили дружбу еще с довоенной поры, и весной 1914 года оба посещали школу при 10-м корпусе. Теперь Кейтелю было поручено формирование скромных резервных сил, что, согласно Версальскому договору, считалось противозаконной деятельностью. Это поручение досталось Кейтелю отнюдь не благодаря каким-то выдающимся талантам, а потому, что он мог исполнять свой долг надежно и основательно, а кроме того, завел или же возобновил ряд важных знакомств. Круг его знакомых включал в себя Вернера фон Бломберга, Вернера фон Фрича, Вильгельма Адама и Вальтера фон Браухича. Кейтель служил в генеральном штабе с 1 февраля 1925 года по 1 ноября 1927 года, после чего вернулся в Мюнстер в качестве командира 2-го батальона 6-го артиллерийского полка. В 1923 году его повысили в звании до майора, а 1 февраля 1929 года Кейтелю было присвоено звание подполковника⁷.

Кейтель вернулся в генеральный штаб в октябре 1929 года в качестве главы организационного отдела. Даже его злейший враг фельдмаршал Эрих фон Манштейн впоследствии признавал, что Кейтель отлично справлялся с возложенными на него обязанностями. Он принимал участие в секретной деятельности, направленной на трехкратное — с 10 до 30 дивизий — увеличение численности армии в случае, если стране будет угрожать опасность, и в 1931 году совершил вместе с

генералом Адамом и полковником фон Браухичем по крайней мере одну поездку в Советский Союз в связи с тайной подготовкой немецких войск. Россия произвела на Кейтеля глубочайшее впечатление — ее бескрайние просторы, дисциплина ее армии и полный контроль государства над экономикой⁸.

Несмотря на свою мощную, медвежеподобную внешность, Кейтель был весьма нервным человеком, особенно после 1929 года. Он слишком много курил и работал до изнеможения; возможно, у него появилось предчувствие, что его ждет несоразмерное с его талантами повышение. Нервное напряжение губительно сказалось на его здоровье. В правой ноге у Кейтеля развился тромбофлебит, на который он, однако, пытался не обращать внимания, продолжая через весь город ходить пешком на службу, в свой кабинет в военном министерстве на Бендлерштрассе. Физическое и нервное напряжение, в конечном итоге, стало причиной сердечного приступа, осложненного двусторонней пневмонией. Когда 30 января 1933 года в Берлине к власти пришел Адольф Гитлер, Кейтель находился в Чехословакии, выздоравливая в горной клинике, расположенной в Высоких Татрах⁹. Старый приятель Кейтеля Вернер фон Бломберг в этот же день получил пост военного министра. Немного подлечившись, Кейтель (с конца 1931 года находившийся в звании полковника) вернулся в Берлин к своей прежней работе и 13 июля 1933 года в Бад-Рейхенхалле познакомился с Адольфом Гитлером. Он тотчас проникся благоговением к фюреру и продолжал его боготворить до своего последнего дня¹⁰.

В октябре 1933 года Вильгельм Кейтель приступил к годичной полевой службе: он являлся одним из двух заместителей командующего 3-й пехотной дивизией. 1 апреля 1934 года его повысили в звании до генерал-майора¹¹.

Весной того же года у Кейтеля умер отец, и Виль-

гельм унаследовал отцовское поместье в Хельмшереде. Наконец Кейтель почувствовал, что может воплотить в жизнь свою давнишнюю мечту и стать фермером. Он подал прошение об отставке, которое должно было вступить в силу 1 октября 1934 года. Однако его вызвали к генералу Виктору фон Шведлеру, начальнику управления кадров. Вызов этот состоялся по настоятельной просьбе его старого друга Вернера фон Фрича, который в ту пору занимал пост главнокомандующего. По словам Шведлера, Фрич готов был предложить Кейтелю командование в любой из недавно сформированных дивизий, поскольку Гитлер намеревался публично заявить о расширении армии. И если Кейтель отзовет прошение об отставке, он может по собственному усмотрению выбрать себе дивизию. Перед таким предложением было невозможно устоять, и Кейтель выбрал себе 22-ю пехотную дивизию, дислоцировавшуюся под Бременом. Как он писал позднее: «Такова сила человеческой судьбы»¹².

Кейтель командовал 22-й пехотной менее года. В августе 1935 года военный министр генерал фон Бломберг предложил ему пост руководителя одного из подразделений военного министерства, который раньше занимал Вальтер фон Рейхенау. Сам Рейхенау получил назначение в седьмой военный округ. На новую должность Кейтеля рекомендовал генерал фон Фрич. Второй кандидат на этот же самый пост, генерал-майор Генрих фон Фитингофф, заявил о своем отказе. То же самое сделал и Кейтель — поначалу он даже умолял своего непосредственного начальника генерала Гюнтера фон Клюге, главнокомандующего шестым военным округом, «перевернуть небеса и землю», лишь бы только не допустить этого назначения. «Я никогда не был столь счастлив, как в пору командования дивизией в Бремене, — писал позднее Кейтель, — и мне не хотелось иметь никакого отношения к политике»¹³. Тем не менее, честолюбивая Лиза Кейтель заставила-

таки мужа согласиться на эту должность. Кейтель сдался и принял пост с сентября 1935 года. Новое назначение влекло за собой повышение по службе, и 1 января 1936 года Кейтель получил звание генерал-лейтенанта, а 1 августа 1937 года — звание генерала артиллерии¹⁴.

Новое назначение Кейтеля включало руководство отделом стратегического планирования, отделом военного командования и отделом национальной обороны. Кейтель отвечал также за руководство военной разведкой и за административные функции министерства. Кроме того, на него возлагались функции командующего вспомогательными службами. Кейтель весьма успешно работал у Бломберга, однако их отношения носили достаточно формальный характер, даже после того как дочь Бломберга Доротея обручилась с лейтенантом Карлом Хайнцем Кейтелем, сыном Вильгельма. Кейтель беспрекословно выполнял все поручения Бломберга, заслужив себе репутацию марионетки военного министра, как, впрочем, вскоре случится и в его отношениях с Гитлером¹⁵.

После того как Бломберг в январе 1938 года женился на бывшей проститутке, Кейтель и пальцем не пошевелил ради его защиты, когда ему в руки попались инкриминирующие свидетельства. Вместо того, чтобы уничтожить документы, он передал их Герману Герингу, который уже давно зарился на занимаемый Бломбергом пост, что было Кейтелю отлично известно. Именно Геринг 24 января 1938 года стал инициатором крушения Бломберга. Как позднее писал Телфорд Тейлор, Кейтель «практически предал Бломберга, то ли намеренно, то ли по недомыслию»¹⁶.

27 января Гитлер распрощался с Бломбергом. Уходя в отставку, фельдмаршал рекомендовал Гитлеру лично занять пост военного министра. Гитлер не ответил на это предложение и лишь спросил, кто, по мнению Бломберга, смог бы взять на себя командование вооруженными силами. Тот, однако, затруднился

с ответом. И тогда Гитлер поинтересовался, кто был заместителем у самого Бломберга. «Кейтель, — прозвучало в ответ, — но о том, чтобы его использовать, не может быть и речи, поскольку он всего лишь тот, кто управляет моей канцелярией». «Вот такой человек мне и нужен!» — воскликнул Гитлер и в тот же день подписал назначение Кейтеля¹⁷.

В Кейтеле он нашел именно того человека, которого искал, — того, кто будет беспрекословно выполнять все его распоряжения, не задавая лишних вопросов, покорную марионетку, довольную своим положением высокого штабного начальника, не имеющего, однако, никаких независимых командных прерогатив. Гитлер назначил Кейтеля Главнокомандующим Верховного Командования Вермахта. Приказ о назначении вступил в силу 4 февраля 1938 года.

Кейтель организовал свою новую работу по четырем отделам: оперативный штаб, абвер (разведка и контрразведка), управление вооруженных сил и экономическое управление. Главным отделом, безусловно, являлся оперативный штаб. Его главой Кейтель назначил генерал-лейтенанта Макса фон Фибана, бывшего начальника штаба 2-й группы армий и бывшего командующего 34-й пехотной дивизией. Однако уже через два месяца Фибана сменил генерал-майор Альфред Йодль. Абвер до февраля 1944 года, то есть до того, как этот отдел был распущен, возглавлял адмирал Вильгельм Канарис. Кейтель не имел ни малейшего понятия, что Канарис уже несколько лет был вовлечен в антинацистскую деятельность (Канарису удавалось скрывать свои истинные взгляды вплоть до 20 июля 1944 года, когда провалилась попытка покушения на Гитлера. Его казнили в апреле 1945 года). Управление вооруженных сил возглавлял полковник Рейнеке, а экономическим управлением руководил генерал-майор Георг Томас.

После Кейтеля Йодль был вторым по значимости офицером ОКВ, и обвинение в Нюрнберге рассматри-

вало Йодля как преступника наравне с его начальником. Полковник (впоследствии генерал артиллерии) Вальтер Варлимонт, который стал начальником управления безопасности, был третьим по значимости в ОКВ после Кейтеля и Йодля. И Йодль и Варлимонт, оба были наделены острым умом, несмотря на их покорное служение нацистскому режиму. Этого нельзя сказать о Кейтеле; однако сей факт лишь подчеркивал значимость его положения при Гитлере, а отнюдь не умалял ее.

Кейтель никогда не считал себя достойным занимаемой должности (как, собственно говоря, оно и было), однако он слепо верил в гений фюрера. Его влияние на Гитлера сильнее всего проявилось в первое время после назначения. Спустя неделю после ухода Бломберга от должности был отстранен генерал-полковник фон Фрич, ловко обвиненный в гомосексуализме, и Гитлер намеревался заменить его на посту главнокомандующего Вальтером фон Рейхенау. Кстати, этот выбор вызвал резкое неприятие со стороны старшего офицерства, в том числе и самого Кейтеля. Возможно, Кейтель ненавидел Рейхенау из-за его независимого ума. Как бы то ни было, Кейтель возглавил оппозицию и пытался убедить Гитлера в том, что Рейхенау «недостаточно основателен: ему не хватает трудолюбия, он слишком суетлив, слишком поверхностен, он не пользуется популярностью и, вообще, как солдат ищет удовлетворения своим амбициям скорее в политической, нежели в чисто военной сфере»¹⁸.

Кейтелю удалось продвинуть на место главнокомандующего своего ставленника — Вальтера фон Браунхича. Кроме того, он также добился для своего брата, Бодевина Кейтеля, поста начальника управления кадров, а пронацистски настроенного майора Рудольфа Шмундта сделал личным военным адъютантом Гитлера. Кроме того, 1 ноября 1938 года он добился для себя повышения, получив звание генерал-полковника¹⁹.

Кейтель мечтал о создании подлинного Верховного

командования вооруженными силами, чья власть распространялась бы на армию, военно-воздушный и военно-морской флот, однако два последних рода войск оказались несговорчивыми. Геринг отправил Кейтелю личное послание: «Независимо от того (а именно это мне и хотелось особенно подчеркнуть), стоит ли на этих приказах подпись «От имени фюрера генерал-полковник Кейтель» или же «От имени фюрера майор или ефрейтор», что касается лично меня, я не вижу никакой разницы»²⁰. Рейхсмаршал принимал только те приказы, которые исходили лично от Гитлера. Гросс-адмирал Редер был того же мнения, хотя и воздерживался от столь резких высказываний.

* * *

Кейтель по своему темпераменту был не готов вести дела с Гитлером. Выработанная им за долгие годы привычка безоговорочно и беспрекословно подчиняться любому начальству, сослужившая ему службу еще в годы Веймарской республики, была им автоматически перенесена на фюрера, который воспользовался ею в собственных целях, что имело катастрофические последствия как для самого Кейтеля, так для вермахта и Германии в целом, если не для всего мира. Для Кейтеля любая критика в адрес Гитлера и его действий означала отступничество, граничащее с изменой. Любое распоряжение фюрера воспринималось им как заповедь самого Господа Бога — ему следовало немедленно подчиняться, а не вдаваться в его суть. После войны Кейтель признался на допросе: «В глубине души я был верным оруженосцем Адольфа Гитлера, и по своим политическим убеждениям я находился на стороне национал-социализма»²¹.

Поскольку Кейтель во время боевых действий никогда не командовал боевыми подразделениями, в этой главе отсутствует описание каких-либо битв. Нам ос-

тался только список совершенных Кейтелем преступлений, хотя их трудно назвать его собственными преступлениями в полном смысле этого слова, поскольку их замысел никогда не исходил от него лично. Скорее, Кейтеля можно назвать соучастником преступлений. Чаще всего его роль сводилась к тому, чтобы поставить под приказом свою подпись.

В феврале 1938 года Кейтель выступил в качестве подручного Гитлера, когда тот устроил у себя в Берхтесгадене моральное «избиение» австрийского канцлера доктора Курта фон Шушнига. Этот спектакль повлек за собой «аншлюсс» Австрии, которая вошла в состав «третьего рейха». В марте 1939 года Кейтель сыграл сходную роль при «обработке» президента Чехословакии доктора Эмиля Хаха, который, в конечном итоге, был вынужден подписать документ, превративший его страну в германский протекторат.

В сентябре 1939 года Кейтель усердно поддакивал фюреру, призывая к уничтожению польских евреев, интеллектуалов, священников и аристократов с тем, чтобы сломать волю польского народа²². Впоследствии он издал приказы, развязавшие руки СС и гестапо в целях проведения этой политики в жизнь, и явился инициатором мер, приведших к массовым убийствам на территории Польши²³.

В октябре 1939 года Кейтель вернулся из Цоссена. Он еще находился под впечатлением доводов Браухича и Гальдера, не согласных с тем, чтобы начинать кампанию против Франции в зимних условиях. Когда Кейтель поддержал трезвую военную логику этих двух командующих, Гитлер пришел в неописуемый гнев и принялся обвинять Кейтеля, будто тот вступил в генеральский заговор против своего фюрера. Кейтель не ожидал подобной реакции и предложил написать заявление об отставке, с чем, однако, не согласился Гитлер. «Не надо принимать все так близко к сердцу», — заявил

он, или что-то в этом роде. Кейтель дал себе зарок в будущем никогда не оспаривать получаемые приказы²⁴.

Вильгельм Кейтель, безусловно, производил впечатление несгибаемого прусского генерала (хотя самому ему как раз не хватало пресловутой несгибаемости) и умел выглядеть весьма внушительно. Ему с достоинством удалось провести переговоры по капитуляции Франции. Через месяц, 19 июля 1940 года, он был произведен в фельдмаршалы. Кейтель и мечтать не мог, что ему будет оказана столь высокая честь.

В конце июля Кейтель взял десятидневный отпуск и отправился с друзьями охотиться в Померанию на кабанов и оленей. Затем он на несколько дней заехал в Хельмшереде и даже купил для фермы кое-какие сельхозорудия, с наслаждением представляя себя в роли фермера — увы, последний раз в своей жизни²⁵. Вернувшись в августе на службу, он тотчас услышал от Гитлера малоприятную новость о том, что тот намеревается начать действия против России. Однако, не желая навлекать на свою голову гнев, Кейтель передал все свои возражения Гитлеру в написанном от руки меморандуме. Гитлер вызвал его к себе и устроил головомойку. Глубоко оскорбившись, Кейтель предложил Гитлеру подыскать себе другого командующего ОКВ, на чье мнение он мог бы целиком и полностью положиться. Гитлер окончательно вышел из себя и заявил, что ни о какой отставке не может быть и речи. «Кейтель не уйдет со своего поста, — вопил Гитлер, — до тех пор пока фюрер в нем нуждается». Не проронив ни слова, Кейтель вышел из кабинета²⁶. Он чувствовал себя оплеванным, несмотря на то, что угодил в золотую клетку. Наверняка в тот момент ему хотя бы частично стала ясна цена, которую придется платить за не заслуженные им повышения, за те посты, которым он по своим способностям не соответствовал. В этой безвыходной ситуации единственно возможным

для него решением было безоговорочно покориться воле фюрера.

В мае 1941 года Кейтель подписал печально знаменитый «Приказ о комиссарах», согласно которому немецким солдатам вменялось в обязанность расстреливать без всякого суда и следствия или военного трибунала захваченных в плен коммунистов²⁷. Многие генералы во всеуслышание заявили о своем несогласии с этим преступным приказом, однако Кейтель ни на минуту не позволил себе усомниться в его целесообразности и настаивал на его безоговорочном выполнении. Ведь как-никак приказ исходил лично от фюрера.

27 июля Кейтель подписал приказ, дававший рейхсфюреру СС Гиммлеру неограниченные полномочия в осуществлении «расовой программы» в России²⁸. По сути дела, этот приказ развязывал руки эсэсовским убийцам.

16 декабря 1942 года Кейтель издал еще один приказ по вооруженным силам. Вот выдержка из него: «Представляется не только оправданным, но и необходимым, чтобы войска использовали любые методы без каких-либо ограничений, даже против женщин и детей, если только это будет способствовать нашим успехам. Любое проявление жалости является преступлением против народа Германии»²⁹.

К сентябрю 1942 года престиж Кейтеля снова упал до нижней отметки. Гитлер отправил Йодля на Кавказ с тем, чтобы расследовать операции, неудачно проведенные фельдмаршалом Листом, и Йодль доложил о том, что Лист, при имевшихся у него ресурсах, сделал все возможное в тех условиях. Гитлер принялся во всеуслышание поносить Йодля, который к этому времени был уже в чине генерал-полковника, но баварец в резких выражениях смог постоять за себя, как, впрочем, и за Листа.

Гитлер никак не ожидал подобной отповеди — подумать только, ему осмелились перечить самые предан-

ные генералы! После этого случая Гитлер несколько месяцев отказывался пожимать руки Йодлю и Кейтелю и с тех пор обедал в полном одиночестве. Йодлю он заявил, что тотчас по окончании Сталинградской битвы поставит на его место генерал-полковника Фридриха Паулюса. Гитлер также подумывал о том, чтобы заменить Кейтеля Кессельрингом, поскольку Йодль был заместителем Кейтеля, а тот за три месяца до того ратовал за назначение Листа. Листа, разумеется, отправили в отставку, как, впрочем, и Франца Гальдера, главу генштаба сухопутных сил, который также рекомендовал Листа на пост командующего группой армий «А». Кейтель предложил, чтобы главой генштаба был назначен Манштейн или Паулюс, но его предложение оставили без внимания. Гитлер остановил свой выбор на генерале Курте Цейтцлере³⁰. Одновременно генерал Бодевин Кейтель был уволен с поста начальника управления кадров, а его место занял генерал-майор Рудольф Шмундт³¹.

Спустя месяц Гитлер снова обрушил свой гнев на армию. «Мои фельдмаршалы — великие тактики, — насмеялся он. — Но под тактикой они в основном понимают отступление!» После чего добавил: «Кругозор моих фельдмаршалов — размером с унитазную крышку». Кейтель промолчал. Он уже привык молча проглатывать самые унижительные оскорбления. Чего нельзя сказать о Цейтцлере. Тот попросил фюрера о личной аудиенции, во время которой категорически потребовал, чтобы в его присутствии Гитлер воздержался от подобных высказываний. Гитлер сначала пришел в замешательство, однако затем согласился. Кейтель как всегда отмолчался³².

Кейтелю уже в декабре 1941 года стало ясно, что летнее наступление 1942 года может закончиться неудачей и приватно высказал это мнение, однако не осмелился довести свои соображения до сведения Гитлера. Когда же 6-я армия попала под Сталинградом в окру-

жение, Гитлер не позволил ей пробиваться с боями. Кейтель покорно повторил высказывания Гитлера. Он также поддержал фюрера, когда тот отказался принять возражения Вейхса, Манштейна, Рихтгофена и командующих корпусами 6-й армии. Тем самым Кейтель отвергал самого себя, хотя ему наверняка была ясна та опасность, которую таило в себе подобное решение. 31 января 1943 года Паулюс капитулировал, и остатки 6-й армии попали в плен. Германия потеряла 23000 солдат, которых ей нечем было заменить.

С этого момента Кейтель только поддерживал изданный Гитлером приказ — «стоять до последнего». Благодаря поддержке этой директивы фюрера ему удалось сохранить занимаемую должность, однако последствия для всей армии оказались равносильны катастрофе: в Тунисе была разбита группа армий «Африка», в Крыму уничтожена 17-я армия, в Галиции попала в окружение 1-я танковая армия, группа армий «Юг» понесла основательные потери на Украине, группа армий «Север» оказалась отрезанной в Курляндии, а группа армий «Центр» практически уничтожена в Белоруссии, группа армий «Б» была наголову разбита в Нормандии, в результате чего была потеряна Франция.

Этот перечень далеко не полон, поскольку включает только самые крупные сражения. Кейтель никоим образом не причастен к принятию пагубных решений, он лишь слепо подписывал то, что подсовывал ему Гитлер. Результаты, однако, оказывались катастрофическими, потому что Гитлер упорно отказывался пересматривать свои взгляды либо отменять неразумные приказы. В критические моменты, когда ему приходилось сталкиваться в спорах с другими фельдмаршалами, Гитлер, как правило, обращался за поддержкой к шефу ОКВ, будучи уверенным, что тот разделит его мнение. Имея подобную поддержку, Гитлер обычно выигрывал любой спор — и проигрывал на полях сражений.

Кейтель практически не имел никакого влияния на Гитлера при принятии стратегических решений. Когда командующий резервной армией генерал Фридрих Ольбрихт поинтересовался, как складываются отношения между Гитлером и ОКВ, Кейтель сердито ответил: «Понятия не имею. Мне он ничего не говорит. Да он плюет на меня»³³. Кейтель воспринимал подобные оскорбления как часть той цены, которую он платил за занимаемый им пост. В прошлом уважаемый член офицерского корпуса, Кейтель теперь был всеми презираем. Даже ниже стоящие по рангу генералы за глаза называли его «Лакейтелем», а еще «кивающим ослом».

Кейтель поставил свою подпись под пресловутым указом Гитлера «Мрак и туман», в соответствии с которым проводилась политика устрашения в оккупированных странах, особенно во Франции и Нидерландах. Согласно этому приказу, любой, заподозренный в сопротивлении нацистам, должен был просто исчезнуть во «мраке и тумане», словно его никогда не существовало. На самом деле, жертвы попадали в руки гестапо, где и погибали. Кейтель пытался оправдать этот указ следующими словами: «Такова воля фюрера»³⁴.

Вильгельм Кейтель одобрил такие злодеяния, как казни бастующих железнодорожников в Голландии, массовые убийства евреев в России, расправы над партизанами. Он также одобрительно отнесся к предложению, призывавшему гражданское население Германии на месте расправляться с захваченными летчиками союзников, добавив при этом: «Я против судебной процедуры. Она не срабатывает»³⁵. Тем не менее, он, правда неудачно, выразил несогласие с казнью пятидесяти английских летчиков, бежавших из лагеря для военнопленных «Саган» в Силезии. Еще пятнадцать были схвачены в непосредственной близости от «Сагана» через несколько часов после побега. Кейтель приказал вернуть их в лагерь. Он не стал передавать их в гестапо, и ему следует отдать должное хотя бы за

спасение их жизнью³⁶. Однако подобные благородные поступки за всю карьеру шефа ОКВ можно пересчитать по пальцам.

Более типичным для него был приказ, согласно которому парашютисты союзников, захваченные в непосредственной близости от зоны военных действий, должны были расстреливаться на месте как шпионы или же передаваться в руки СД, что для их судьбы означало практически то же самое. Кейтель не возражал даже тогда, когда немецкие генералы попадали за решетку или же расстреливались без суда и следствия за то, что не сумели выполнить невыполнимые приказы. Кейтель дал распоряжение казнить «коммандос», захваченных в немецком тылу, и даже подумывал о том, чтобы наносить русским военнопленным татуировку на ягодицы, несмотря на протесты министра иностранных дел Иохима фон Риббентропа, который указывал, что подобная мера явилась бы вопиющим нарушением международного законодательства. Кейтель отказался от своей идеи лишь тогда, когда комендант одного из лагерей указал ему, что русские в отместку, возможно, начнут клеймить лбы немецким военнопленным³⁷.

Когда 20 июля 1944 года в ставке Гитлера разорвалась бомба полковника фон Штауффенберга, Кейтель занимал свое обычное место — чуть слева и позади фюрера. Он лично поддержал раненого диктатора и чуть ли не сам дотащил его до медчасти. Кейтель уже давно подозревал Штауффенберга, задолго до всех остальных, и принял незамедлительные меры к предотвращению переворота³⁸. Ирвинг писал, что принятые Кейтелем «решительные контрмеры раздали путч в самом зародыше, прежде чем он распространился на провинции»³⁹. Кейтель арестовал собственного начальника связи, генерала Эриха Фелльгибеля, который, как он подозревал, нарочно изолировал ставку Гитлера, так называемое «Волчье логово», тотчас после того, как прогремел взрыв (Кейтель

был прав. Фелльгибеля казнили в августе 1944 года как одного из участников заговора). Кейтель распорядился арестовать генерал-полковника Фридриха Фромма, главнокомандующего резервной армией, и фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена. Глава ОКВ стал председателем суда чести, который отправил на казнь не один десяток офицеров. В октябре он приложил руку к самоубийству фельдмаршала Эрвина Роммеля, предложив тому выбрать между смертью и судилищем. Роммель выбрал смерть.

Когда в Германию вступили войска союзников, Кейтель издал приказ, подписанный также Гиммлером, согласно которому города, являвшиеся важными транспортными центрами, должны были держать оборону до последнего человека. Любой командир, не сумевший исполнить этот приказ, подлежал расстрелу⁴⁰.

Во время битвы за Берлин Кейтель хотел оставаться в столице рядом с фюрером, но тот отослал его прочь. Кейтель отчаянно пытался спасти город. «История и немецкий народ будут презирать каждого, кто не отдаст последние силы во имя спасения страны и фюрера», — заявил он⁴¹.

Кейтель отстранил от должности генерал-полковника Готтхарда Хейнрици, командующего группой армий «Висла», и начальника его штаба, генерал-лейтенанта Иво-Тило фон Трота, за то, что те отступили, не имея соответствующего приказа, однако ему не удалось подыскать достойных кандидатов на их место. В конце концов ему пришлось назначить генерал-полковника Курта Штудента, однако к тому времени, как Штудент приступил к выполнению возложенных на него обязанностей, Гитлер был уже мертв.

8 мая 1945 года Кейтель подписал в Берлине акт о капитуляции. От флота свою подпись поставил адмирал Ганс Георг фон Фридебург, а от люфтваффе — генерал-полковник Штумпф.

Когда Кейтель предстал в Нюрнберге перед судом

как военный преступник, он все еще оставался верен своему фюреру. «Даже сегодня, — произнес он, — я остаюсь верным последователем Адольфа Гитлера. Это, однако, не исключает моего несогласия с отдельными положениями программы партии», — добавил он.

В свое оправдание Кейтель заявил, что всего лишь выполнял приказы. «Мне никогда не позволялось принимать самостоятельные решения, — произнес он с достаточной долей истины. — Фюрер оставлял это право за собой даже в самых, казалось бы, тривиальных вопросах»⁴².

Кейтель был признан виновным в преступлениях против мира, в военных преступлениях и преступлениях против человечества. «Здесь не может быть и речи о смягчающих обстоятельствах, — заявил судья. — Приказы свыше, даже для солдата, не могут считаться смягчающими обстоятельствами, когда были совершенны сознательно и безжалостно преступления столь ужасающие, как эти»⁴³.

Пока шел процесс, Кейтель писал свои мемуары, призванные не столько спасти его жизнь, сколько обелить его самого. Кейтель успел добраться до Сталинградской кампании, когда суд приговорил его к смертной казни, и он провел последние десять дней своей жизни, описывая события, разыгравшиеся в Берлине и вокруг него, начиная с 20 апреля 1945 года и до того момента, как сам он 12 мая был арестован американцами. Таким образом, в мемуарах отсутствует период между началом 1943 года и 19 апреля 1945 года. Жаль, что Кейтелю не хватило времени закончить свои мемуары, которые, несмотря на всю их предвзятость, читаются с большим интересом.

Кстати, в них он сделал одно в высшей степени точное замечание: «Ну почему генералы, которые с такой готовностью клеймили меня как бессловесную и некомпетентную личность, пешку, не сумели отстранить меня от дел? Неужели это было столь сложным

делом? Отнюдь нет. Истина заключается в том, что никто из них не был готов встать на мое место, так как все отлично понимали, что им грозило превратиться в такую же развалину, как и я»⁴⁴.

В этом Кейтель, безусловно, прав. Несмотря на ненависть со стороны окружающих и их горячее желание видеть его смещенным, никто из генералов не хотел для себя эту неблагодарную должность. Да и кто согласился бы на это, будучи в своем уме? Лишь такой посредственный и раболепный человек, как Кейтель, смог достаточно долго продержаться в этом кресле.

Окончательную цену за свое угодничество Вильгельм Кейтель заплатил 16 октября 1946 года, когда его повесили в Нюрнберге. Ему было 64 года.

* * *

Подобно приговору в Нюрнберге, история также вынесла обвинительный вердикт Вильгельму Кейтелю. Это хорошо выразил Джон Уилер-Беннет, написавший в своем исследовании: «Он был наделен честолюбием, но отнюдь не талантом, был предан, но бесхарактерен, обладал известной долей природной проницательности и добродушия, однако лишен глубины ума и выдающихся качеств. Служи он под началом генерала Ганса фон Зеекта, вряд ли ему удалось бы подняться выше майора»⁴⁵.

РОММЕЛЬ

Эрвин Иоганн Ойген Роммель, вошедший в историю как «Лис пустыни», родился 15 ноября 1891 года в швабском городе Хейденгейм в Вюртемберге. Еще будучи ребенком, он проявлял такие качества как упорство, серьезность, изобретательность и самонадеянность, доходившие порой до ослиного упрямства. В их роду практически не было военных, и хотя отец возражал против того, чтобы сын избрал военную стезю, случилось именно так. 19 июля 1910 года в возрасте восемнадцати лет Роммель поступил в качестве соискателя офицерского звания в 124-й (6-й Вюртембергский) пехотный полк. Через три месяца его произвели в ефрейторы, а в начале 1911 года — в унтер-офицеры. В марте 1911 года Роммель поступил в военную академию в Данциге и в январе 1912 года получил звание младшего лейтенанта¹.

В 1914 году, когда началась первая мировая война, Роммель состоял в 19-м полку полевой артиллерии. До этого в карьере Роммеля не было ничего выдающегося. Но, побывав на поле брани, он превратился в первоклассного воина. Бригадный генерал и историк Десмонд Янг писал о Роммеле: «С того момента, как он впервые попал под обстрел, в нем проснулся хищник: хладнокровный, коварный, безжалостный, не знающий усталости, сообразительный и на редкость бесстраш-

ный»². Один из сослуживцев Роммеля вспоминал: «Он был воплощением духа войны»³.

Роммель быстро вернулся в 124-й пехотный полк и сражался в Бельгии и Франции, у Вердена и Аргона. В конце 1914 года он был ранен, но уже в начале 1915 года вернулся в окопы в качестве командира 4-й роты. Затем, в сентябре 1915 года, он получил звание лейтенанта и стал офицером 2-й роты элитного Вюртембергского горного батальона, который тогда находился в стадии формирования. В 1917 году Роммель командовал своей ротой в Румынии и Италии, относясь к своим обязанностям, по словам начальства его роты, «со священным рвением»⁴. У него обнаружился поразительный инстинкт ведения боя и редкая изобретательность. В октябре 1917 года в боях за Монте-Матаджур в Итальянских Альпах Роммель взял в плен 9000 итальянцев и захватил 81 орудие, совершив за двое суток три вылазки⁵. За столь дерзкие действия он получил звание капитана и, что не менее важно, медаль «Pour le Merite», а остаток войны провел в Германии при штабе.

Зимой 1916/17 годов Роммель взял отпуск, чтобы жениться на Люси Моллен. Он познакомился с нею в Данциге в 1912 году, где она изучала языки. Их брак оказался счастливым, и они прожили вместе 28 лет до самой смерти Роммеля. У них был всего один сын, Манфред, который родился на Рождество 1928 года.

Карьера Роммеля в период Веймарской республики не представляла из себя ничего особенного. Он командовал 32-й ротой войск внутренней безопасности в Мюнстерланде и Вестфалии во время беспорядков 1919–1920 годов, а затем 2-й ротой 13-го пехотного полка в Штутгарте. Там он оставался до 1929 года, после чего его перевели преподавателем в пехотную школу в Дрездене. Звание майора Роммель получил лишь после 1930 года⁶.

В 1933 году Роммель был зачислен в офицеры 3-го батальона 17-го (горного) пехотного полка в Госларе.

Поскольку он зарекомендовал себя как отличный командир батальона, его повысили в звании до подполковника и в 1935 году направили преподавать в военную академию. Здесь его приставили в качестве военного советника к «Гитлерюгенду», однако вскоре у Роммеля начались конфликты с лидером этой организации Бальдуром фон Ширахом из-за того, что последний стремился к милитаризации немецкой молодежи. В одном из споров Роммель без обиняков заявил не нюхавшему пороха Шираху, что если тот желает воспитывать солдат, то пусть вначале сам попробует стать солдатом. Чувство такта никогда нельзя было назвать сильной стороной Роммеля. Ширах быстро добился, чтобы Роммеля отправили назад в военную академию⁷.

Из Роммеля, отец и дед которого были учителями, получился превосходный преподаватель. Будучи в Дрездене, он написал работу «Пехота атакует», в основу которой были положены его лекции, посвященные опыту боев первой мировой войны⁸. Роммель никак не ожидал, что его работа станет бестселлером в нацистской Германии, а в швейцарской армии вообще делают из нее пособие по боевой подготовке. Канцлер Адольф Гитлер также ознакомился с трудами Роммеля, которые произвели на него сильное впечатление. В 1936 году он даже ввел Роммеля в число своих сопровождающих во время партийного съезда в Нюрнберге, и надо сказать, что эти двое прекрасно нашли общий язык. Роммель, которого всегда отличала политическая наивность, оставался сторонником фюрера вплоть до 1943 года, когда ему, наконец, стало известно о творимых нацистами зверствах и личной причастности к ним Гитлера. Но мы уже забегаем вперед.

В 1938 году Роммель был назначен начальником пехотной школы в венском пригороде Нейштадт, в оккупированной Австрии. По словам самого Роммеля, это был самый счастливый период его военной карьеры. Занимаемый пост был одновременно ответствен-

ным и почетным, окружавшая его природа — прекрасна. Роммель любил совершать многочасовые прогулки с женой и сыном и даже обзавелся новым увлечением — фотографией. Его пребывание в Вене, однако, нарушалось временными поручениями. Так, Роммель в качестве командира «батальона сопровождения фюрера», то есть личной охраны Гитлера, сопровождал его во время Судетского кризиса. 23 августа 1939 года Гитлер повысил Роммеля в звании, присвоив ему чин генерал-майора⁹. А через девять дней немецкие танки вторглись в пределы Польши. Началась вторая мировая война.

Как командир батальона охраны фюрера в Польше Эрвин Роммель имел возможность воочию наблюдать за ходом блицкрига. Ему было ясно, что будущее за войной боевой техники. И хотя его карьера на протяжении 29 лет была связана с пехотой, Роммель решил попробовать свои силы в бронетанковых частях и попросил об этом Гитлера. Гитлер, в свою очередь, поинтересовался, чем, собственно, ему хотелось бы командовать, Роммель попросил себе танковую дивизию. «Это была довольно нескромная просьба с моей стороны, — вспоминал позднее Роммель. — Ведь я не имел никакого отношения к бронетанковым войскам, и, кроме меня, имелось достаточно генералов, у которых были куда более веские основания требовать для себя командования»¹⁰.

Тем не менее в феврале 1940 года Гитлер доверил Роммелю командование 7-й танковой дивизией, сместив с этого поста генерал-лейтенанта Георга Штумме.

7-я танковая была одной из наиболее плохо экипированных дивизий вермахта. В ней имелось всего три танковых батальона вместо четырех, положенных по нормам 1940 года для танковой дивизии, и она была укомплектована в основном захваченными у чехов танками Т-38, весившими чуть более 9 тонн в отличие от 23-тонных Т-II, боевых немецких танков.

Т-38 были практически бесполезны против гораздо более тяжелых английских и французских машин. Вверенные Роммелю солдаты мало чем отличались от его бронетехники. Родом они были в основном из Тюрингии, откуда редко выходили хорошие солдаты. «Большинство моих офицеров, — писал Роммель жене, — пребывают в благодушном настроении, а некоторые и вообще изнежены»¹¹. Роммель поставил своей целью во что бы то ни стало исправить положение вещей. Он организовал боевую подготовку, укрепил дисциплину, и вскоре его усилия дали первые плоды — боеспособность его дивизии росла на глазах. Когда 10 мая 1940 года 7-я танковая пересекла границу Бельгии, она уже была готова к тому, что ждало ее впереди.

На Западе Роммель безжалостно гнал своих солдат вперед. 7-я танковая за эту кампанию несла куда более тяжелые потери, чем любая другая из немецких дивизий. Она совершила прорыв на Маасе, смяла 1-ю бронетанковую и 4-ю североафриканскую французские дивизии, дала отпор английскому контрнаступлению у Арраса, сокрушила 31-ю французскую моторизованную дивизию у Фекана, захватила морские порты Сен-Валери и Шербур и пленила большую часть 51-й британской пехотной дивизии и ее командующего. За шесть недель Роммель потерял 2594 человека убитыми, ранеными и захваченными в плен. За этот же самый период его солдаты взяли в плен 97468 солдат противника, сбили 52 самолета, уничтожили на земле 15 и захватили еще более десятка. Ему удалось взять в плен командующего французским атлантическим флотом, четырех адмиралов, по меньшей мере 17 генералов, 277 орудий, 64 противотанковых орудия, 458 танков и бронемашин, около 5000 грузовиков, 2000 машин, 1500 лошадиных повозок, тонны провианта и боеприпасов¹². Эрвин Роммель, действительно, проявил лучшие качества военачальника и доказал, что он мастер блицкрига. Кроме того, он убедил

фюрера в том, что ему можно доверить независимое командование.

* * *

В декабре 1940 года английский генерал-лейтенант сэр Ричард О'Коннор и его «силы Западной пустыни» (31000 человек) атаковали в западном Египте 10-ю итальянскую армию под командованием генерала Марио Берти. Итальянская армия в одночасье рухнула, как картонный домик. Менее чем за два месяца О'Коннор прошел Египет, Ливию и Киренаику, захватил Бардию, Тобрук, Дерну и Бенгази и уничтожил 10 итальянских дивизий. Муссолини потерял 130000 солдат, 1300 орудий, 400 танков и 150 самолетов. К 3 февраля от бывшей Итальянской империи в Северной Африке оставался лишь полностью деморализованный гарнизон в Триполи¹³. Вскоре и он бы наверняка пал, прислушайся тогда Черчилль к мнению генерала сэра Арчибальда Уэйвелла, который командовал театром военных действий на Ближнем Востоке. Британский премьер-министр, однако, перебросил отборные войска О'Коннора в Грецию, где спустя два месяца их как следует потрепала 120-я армия под командованием Листа. Адольф Гитлер также вынашивал свои планы. Он понимал, что потеря Северной Африки сама по себе не так уж и важна, но ее захват высвободил бы силы трех британских дивизий, которые могли дестабилизировать обстановку в Средиземноморье. Чтобы связать их, Гитлер отправил в Африку одну танковую и одну легкую дивизии. Эти дивизии вошли в состав нового формирования, а именно «немецкого Африканского корпуса» (DAK). В начале февраля Гитлер вызвал в штаб-квартиру в Штаакене одного из своих любимчиков-военных, генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля, и назначил его командующим Африканским корпусом.

КАРТА

II

СЕВЕРНАЯ АФРИКА.

Североафриканский театр военных действий, 1941—1943 гг. До ноября 1942 года, то есть до поражения под Эль-Аламейном, этот сектор находился под контролем фельдмаршала Эрвина Роммеля. Оказавшись в западне между английской и американской группировками, последние немецкие части в Северной Африке капитулировали в Тунисе 12 мая 1943 года. Роммелю было приказано вернуться в Германию еще в марте.

Подвиги Роммеля в пустыне превратились в легенду. Когда ему стало ясно, что англичане далеко не так сильны, как казалось, а их позиции неудачны, Роммель двинулся в наступление еще до прибытия своей второй дивизии, несмотря на то, что тем самым он нарушил приказ, исходивший от самого фельдмаршала Браухича. Однако, приняв решение, он сумел овладеть Бенгази и наголову разбил 2-ю британскую бронетанковую дивизию, а также изолировал в Тобруке 9-ю австралийскую пехотную дивизию. Среди взятых им в плен оказались генерал-лейтенант сэр Филип Ним, незадолго до этого назначенный главой «Командования Киренаики» (бывшие силы Западной пустыни), и сэр Ричард О'Коннор, отправленный Уэйвеллом в качестве «советника» к Ниму, когда вверенный тому фронт начал разваливаться. В середине апреля Роммель попытался взять Тобрук, но безрезультатно. Спустя две недели он начал хорошо подготовленную атаку и снова потерпел поражение. Остальные сражения 1941 года в основном сводились к попыткам союзников удержать эту крепость.

Африканский корпус состоял из 15-й танковой и 5-й легкой (впоследствии 21-й танковой) дивизий. Летом 1941 года он выполнял двойную миссию по блокированию в крепости получившей подкрепление 9-й австралийской дивизии и по отражению исходящих с запада попыток снять с Тобрука осаду. Первую такую попытку — операцию «Боевой топор» — возглавлял генерал-майор сэр Ноэль Бересфорд-Пирс, имевший под своим началом 44-ю индийскую дивизию. И хотя силы противника превосходили его собственные более чем вдвое, Роммель, удачно применив доведенный им почти до совершенства принцип массированного маневра, 15–17 июля 1941 года нанес англичанам сокрушительное поражение. При этом он потерял около

25 танков, в отличие от англичан, чьи потери составили свыше 100 машин. Гитлер остался весьма доволен. Он произвел Роммеля в генералы танковых войск и в июле доверил ему командование бронетанковой группой «Африка»¹⁴. К несчастью для Германии, фюрер не прислал Роммелю никакого подкрепления, несмотря на просьбы последнего, за исключением 164-й, позднее переименованной в «Африканскую», дивизии, прибывшей на место летом 1942 года. Гитлер был слишком озабочен тем, как разворачивались события в России, когда же он переключил внимание на «войну в пустыне», было уже слишком поздно.

Танковая группа «Африка» состояла из Африканского корпуса и находившейся тогда в стадии формирования 90-й легкой дивизии, которая до начала 1942 года оставалась еще не полностью моторизованной. Это и были все имевшиеся у Роммеля силы, плюс еще несколько разнородных штабных подразделений. В танковую группу также входила итальянская бронетанковая дивизия «Ариете», две итальянских моторизованных дивизии и четыре пехотных. Надо сказать, что последним в лучшем случае отводилась второстепенная роль, поскольку боевой дух итальянцев после поражения 1940/41 годов все еще находился на низшей отметке. Тем не менее, они, как и все остальные, нуждались в провианте и боеприпасах, а англичане со своих морской и военно-воздушных баз на Мальте то и дело совершали нападения на транспортные конвои, снабжавшие Роммеля. «Лис пустыни» так и не смог создать достаточные запасы для новой осады Тобрука и в какой-то момент вверенной ему танковой группе грозил самый настоящий голод. Когда англичане начали свое зимнее наступление — операцию «Крестоносец», — Роммелю пришлось противостоять им, имея лишь 15% от необходимых ему боеприпасов и горючего¹⁵.

Операция «Крестоносец» продолжалась с 18 ноября по 7 декабря 1941 года и оказалась одним из вызы-

вающих наиболее спорные оценки сражений второй мировой войны. Британская 8-я армия атаковала Роммеля силами пяти моторизованных пехотных дивизий и одной бронетанковой, а также трех бронетанковых и двух моторизованных бригад. Англичане располагали 748 танками против 249, имевшихся у Роммеля, и еще 146 практически бесполезных итальянских танков¹⁶. Тем не менее, Роммелю удалось весьма быстро отбить первоначальные атаки, однако в конечном итоге он проиграл сражение: Роммель слишком увлекся локальными успехами и возглавил совершенно ненужное вторжение в Египет, что позволило англичанам заново собраться с силами. До этого момента потери англичан были куда более значительными, но 5 декабря после 242 дней была, наконец, снята осада с Тобрука. Через три дня Роммелю пришлось отступить в Киренаику, потеряв только 26 своих танков¹⁷.

После операции «Крестonosец» англичане решили, что с Роммелем покончено, и начали готовиться к решающему наступлению на Триполи. «Лис пустыни», однако, подготовил для них сюрприз. В начале января 1942 года мимо Мальты прошел морской транспорт, доставивший 55 танков и тонны других грузов — главным образом, благодаря поддержке с воздуха, оказанной 2-м воздушным флотом Кессельринга¹⁸. 21 января Роммель нанес англичанам удар, прежде чем те успели закончить свои приготовления. Он разбил 201-ю британскую гвардейскую бригаду и частично 1-ю бронетанковую дивизию. Он снова захватил Бенгази, оттеснив англичан к линии Газала, где вынужден был остановиться ввиду недостатка горючего и боеприпасов. За эти впечатляющие успехи Гитлер в январе 1942 года присвоил Роммелю звание генерал-полковника, а несколькими днями ранее доверил ему командование танковой армией «Африка»¹⁹.

После отступления к Газале на Североафриканском театре военных действий наступило затишье, по-

сколько обе стороны начали готовиться к новым сражениям. Как обычно, Роммель нанес удар первым. Численное преимущество было на стороне англичан: 900 танков против 333, исключая 228 бесполезных танков итальянцев, англичане имели также в десять раз больше бронемашин²⁰, в полтора раза больше орудий и почти пятикратное превосходство в самолетах²¹. Сражение длилось с 26 мая по 12 июня. В какой-то момент Африканский корпус едва не попал в окружение, поскольку слишком далеко вырвался вперед и в результате оказался отрезанным от своих частей. Несмотря на неблагоприятное соотношение сил, Роммелю удалось прорваться через наспигованную минами линию Газала, перехитрить и переиграть англичан, едва не уничтожив при этом 8-ю армию²². Не дав своим измученным бойцам даже короткой передышки, «Лис пустыни» преследовал побежденного противника до самого Тобрука. Это преследование закончилась 21 июня взятием города вместе с 32000 пленными. На следующий день благодарный фюрер возвел Роммеля в генерал-фельдмаршалы.

Пятидесятилетний Роммель стал самым «юным» фельдмаршалом гитлеровской армии и достиг вершины своей военной карьеры. Это событие он отпраздновал тем, что отведал консервированных ананасов, которые запил сильно разбавлённым трофейным виски. «Гитлер сделал меня фельдмаршалом, — писал он в тот вечер жене. — Но я вместо этого предпочел бы еще одну дивизию»²³.

После Тобрука у Роммеля оставались всего 44 исправных танка²⁴. И тем не менее он вторгся в Египет. Роммель понимал, что чем скорее он захватит Александрию и Каир, тем быстрее одержит в пустыне решающую победу, прежде чем потрепанная в боях 8-я армия англичан заново соберется с силами. И ему это почти удалось, однако он застрял в Эль-Аламейне, всего в 60 милях от Александрии.

При Эль-Аламейне имели место два сражения. Во время первого Роммель пытался на полном ходу прорваться к Нилу, но не сумел. После этого вновь назначенный командующий 8-й армией генерал сэр Клод Очинлек изменил тактику англичан. Вместо того, чтобы, как раньше, концентрировать основные силы против немцев, он нанес удар по итальянским соединениям. Новоиспеченные «римские легионы» Муссолини всякий раз обращались в бегство, и Роммелю пришлось использовать Африканский корпус в роли заградотряда — он носился из одного конца в другой, пытаясь восстановить линию фронта. И всякий раз оборона становилась все слабее. Бесценные боеприпасы были на исходе. Роммель оказался на тысячи миль оторванным от своей главной базы снабжения (итальянский флот не отваживался использовать для этой цели Тобрук), и в результате поставки практически прекратились.

К этому времени Африканский корпус полагался исключительно на то, что ему удалось захватить в битвах на линии Газала и при Тобруке. Например, 85% имевшихся в распоряжении Роммеля транспортных средств были произведены в Англии или же на детройтских заводах. За период с 5 по 27 июля «Лис пустыни» отразил 10 атак. Англичане несли тяжелые потери, однако резервы Роммеля также были практически исчерпаны. 26 июля его тяжелая артиллерия выпустила свой последний снаряд, а средняя продолжала стрелять лишь потому, что пользовалась трофейными английскими пушками и боеприпасами. Роммель принял решение отступать, если англичане возобновят атаку, но и те тоже были обескровлены. На африканском фронте вновь установилось гнетущее затишье.

Во второй половине августа 1942 года союзники выгрузили в Африке 500000 тонн провианта и боеприпасов. Для сравнения: страны оси смогли поставить

только 13000 тонн. Вновь сложился дисбаланс 38:1. Королевский воздушный флот вытеснил с неба самолеты люфтваффе, у Роммеля оставалось горючего лишь на 80 миль хода. У англичан было около 700 танков против 259 потрепанных в боях машин Роммеля, то есть соотношение сил в их пользу стало почти 3:1.

Следует отметить, что большинство немецких танков вышли из ремонтных мастерских или нуждались в капитальном ремонте, однако летом 1942 года было явно не до этого. Англичане одержали победу в войне снабжения и с каждым днем укрепляли свои позиции по всем остальным направлениям. Роммель решил начать очередное наступление, чтобы не дать англичанам как следует окрепнуть для нового удара.

Новый противник Роммеля генерал Бернارد Лоу Монтгомери — пятый командующий 8-й армией менее чем за год — именно этого и ожидал. В битве при горном хребте Алам Хальфа (30 августа — 2 сентября) он уничтожил 49 немецких танков, сам потерял 67 танков²⁶ и расстроил последнюю попытку «Лиса пустыни» пробиться через линию Эль-Аламейна.

К этому времени Роммель был уже болен. Измотанный полуторагодовым пребыванием в знойных песках Сахары, он страдал от многочисленных хворей: воспаления желудка и кишечника, плохого кровообращения, симптомов сильного переутомления, больной печени. Вконец измученный, он 27 сентября отбыл в Земмеринг, горный курорт неподалеку от Вены²⁷. На посту командующего его сменил генерал Георг Штумме.

Очевидно, Гитлер решил дать Роммелю возможность подлечиться, после чего направить в качестве командующего в Россию. Однако когда Монтгомери 2 октября начал наступление, поступило сообщение, что Штумме пропал без вести. На следующий день Гитлер позвонил Роммелю и попросил его вернуться в Африку. Тем временем удалось обнаружить тело Штумме — он умер от сердечного приступа.

В начале наступления Монтгомери имел при Эль-Аламейне подавляющее превосходство — 4:1 в живой силе и 5:1 по танкам и артиллерии, 3:1 по противотанковым орудиям и 4:1 по самолетам²⁸. Роммель блестяще справился со своей задачей, более чем на неделю связав противника в непрекращающихся боях. Однако в конце концов Африканский корпус съезжился всего до 35 танков. От некогда могучей 15-й танковой дивизии практически ничего не осталось — она лишилась всех танков, а из орудий уцелели только семь. В ночь со 2 на 3 ноября Роммель признал поражение и отдал приказ об отступлении. К его великому удивлению, Гитлер прислал депешу, приказывавшую ему «стоять твердо, не сдавать ни пяди земли и задействовать в сражении всех и все, до последнего солдата и последней винтовки»²⁹.

Роммель отказывался верить. Гитлер до этого никогда не вмешивался в его тактические операции. Как солдат, Роммель чувствовал себя обязанным подчиниться приказу фюрера — это решение стоило ему более половины оставшихся у него танков и целиком всего 10-го итальянского пехотного корпуса. Вечером следующего дня Роммель на свой страх и риск отдал приказ об отступлении.

До этого Роммель и Гитлер были, можно сказать, на дружеской ноге. Но Эль-Аламейн стал поворотным моментом в их отношениях, которые начинали неуклонно ухудшаться. В штаб-квартире Гитлера Роммель стал свидетелем тех же сцен, что и Кейтель и некоторые другие генералы: на него посыпались обвинения в пораженческих настроениях. Роммель впервые испытал на себе истерические припадки фюрера, его вопли и ругань, вспышки беспричинной ненависти и другие примеры странного, не поддающегося никакой логике поведения. Гитлер договорился до того, что поставил под сомнение мужество всего Африканского корпуса. В ответ на это оскорбление Роммель, не говоря ни слова,

вышел из комнаты. Позднее он стал более откровенным. Когда Гитлер набросился на него с упреками, почему солдаты, вместо того чтобы стоять насмерть, предпочли в этой безвыходной ситуации отступление, Роммель в ответ предложил, чтобы фюрер или кто-нибудь из его окружения лично прибыли на фронт и показали, как это делается.

* * *

В нарушение приказа Гитлера Роммель 4 ноября начал отступление — фюрер был вынужден признать это решение, когда факт уже свершился. Роммель успел вывести армию из Египта только потому, что Монтгомери преследовал его слишком медленно. После того, как в Марокко и Алжире высадились объединенные англо-американские силы, он вообще хотел уйти из Северной Африки с тем, чтобы использовать свою танковую армию для обороны Сицилии и Италии. Вместо этого Гитлер отправил целиком всю армию (5-ю танковую под командованием генерал-полковника Ганса Юргена фон Арнима) в Тунис, хотя не мог обеспечить ей нормальное снабжение. Казалось, Гитлер был не в состоянии ни поддержать успешную операцию, ни отказать от проигранной.

«Лис пустыни» блестяще провел тысячемильное отступление и в начале 1943 года привел в Тунис остатки Африканского корпуса. Здесь он какое-то время командовал группой армий «Африка» (5-й танковой армией и 1-й германо-итальянской танковой армией). Роммель двинулся на союзников и в конце февраля 1943 года нанес американцам неожиданное поражение, внезапно атаковав их на перевале Кассерине. Удача изменила Роммелю, когда он 6 марта атаковал оборонительные позиции 8-й армии при Меденине — он потерял 50 танков, не уничтожив ни одного британского. Это явилось его самым крупным поражени-

ем в Северной Африке. После этого Гитлер отправил его в отпуск по болезни, и 9 марта Эрвин Роммель навсегда покинул африканский берег³⁰. Гитлер наградил его Рыцарским крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами и спровадил с глаз долой в неофициальную опалу, как опозорившего себя³¹.

Роммель поправлял здоровье, пребывая в некоей «полуотставке», когда в начале мая, как он и предсказывал, группа армий «Африка» была окончательно разгромлена. В самом конце, ввиду отсутствия бензина или дизельного топлива, некоторые подразделения были вынуждены заправляться тунисским вином. Всего в тунисской авантюре Германия потеряла 130000 воинов, причем далеко не самых худших. Когда агония Африканского корпуса близилась к концу, Гитлер призвал Роммеля к себе в ставку. «Мне следовало прислушаться к вашему мнению»³² — признал он.

Эрвин Роммель снова оказался в фаворе. Гитлер вернул его из неофициальной отставки и даже назначил главнокомандующим группы армий «Б» в Мюнхене. Теперь Роммель отвечал за немецкие силы, размещенные в северной Италии, и некоторое время вместе с Кессельрингом представлял в этой стране немецкие власти. Кессельринг и его группа армий «Ц» тогда размещались в Южной Италии и на Сицилии. Тем не менее эта схема не сработала, представления Кессельринга об обороне практически полностью совпадали с гитлеровскими, и фюрер убрал ставку Роммеля из Италии. Поскольку Гитлер еще не решил для себя, что ему дальше делать с Роммелем, он временно отправил фельдмаршала с инспекцией «Атлантического вала», как назывались линии прибрежной обороны в Дании, Нидерландах и Франции. Эта зона частично входила в круг полномочий фельдмаршала фон Рундштедта, главнокомандующего силами на Западе.

Прибрежная оборона вызвала глубокое неудовлетворение Роммеля. Он был убежден, что для Германии

последний шанс выиграть войну заключался в том, чтобы нанести поражение союзникам, планировавшим в 1944 году высадку на континент, и Роммелю хотелось встретить их во всеоружии. Рундштедт, в свою очередь, опасался, что Роммеля прислали на Запад ему на замену. В конце декабря состоялась встреча обоих фельдмаршалов, которые сумели достичь соглашения. 30 декабря Рундштедт выступил с предложением, чтобы штаб группы армий «Б» был поставлен под начало главнокомандующего силами на Западе, и, таким образом, под его началом окажутся 7-я и 15-я армии и немецкие вооруженные силы в Нидерландах.

Гитлер вряд ли пришел в восторг от этой идеи, поскольку, судя по всему, намеревался использовать Роммеля на Востоке, но в конечном итоге был вынужден согласиться. Роммель получил свое самое крупное и последнее назначение. Первоначально группа армий «Б» состояла из 24 пехотных и 5 дивизий люфтваффе под началом восьми корпусных штабов на территории от Нидерландов до юга Бретани. Однако в этой группе не было ни одной танковой дивизии, что привело к крупным стратегическим дебатам относительно грядущей кампании: где расположить десять танковых и танковых гренадерских дивизий, находившихся в резерве главнокомандующего германскими войсками на Западе. Роммель доказывал, что их лучше разместить ближе к побережью, где они будут в состоянии тотчас перейти в контратаку в случае высадки на континенте союзников. Рундштедт, при поддержке своего основного советника по бронетехнике генерала барона Лео фон Гейр фон Швеппенбурга, хотел сохранить танки в своем резерве, с тем чтобы они могли принять участие в решающем сражении где-нибудь в центре Франции.

Роммель понимал, что дни великих танковых побед уже стали достоянием истории. Из всего высшего генералитета во Франции и Германии, он единственный по собственному опыту знал боевые качества

англо-американской авиации. Роммель отлично понимал, что если только союзники сумеют утвердиться на континенте, немецкой армии больше не удастся от них избавиться. И если это произойдет, падение «третьего рейха» станет лишь делом времени. Единственный шанс Германии заключался в том, чтобы нанести союзникам удар прямо на побережье, пока они еще не утвердились на плацдарме. Роммель сделал для себя вывод, что в случае высадки союзников исход сражения будет зависеть от того, как пройдут первые сутки. К его великому огорчению, Роммелю так и не удалось убедить Рундштедта, Гейра фон Швеппенбурга и даже многих своих подчиненных в правильности подобных взглядов. Столкнувшись со столь противоречивыми позициями, Гитлер должен был сделать выбор. К несчастью для нацистской Германии, фюрер пошел на компромисс и поддержал оба решения. Он отправил 2-ю, 21-ю и 16-ю танковые дивизии в группу армий «Б»; 9-ю, 11-ю и 2-ю танковые дивизии СС в недавно задействованную на юге Франции группу армий «Г», а 1-ю, 12-ю и 17-ю танковые дивизии СС и танковую учебную дивизию оставил в резерве в танковой группе «Запад». Все остались недовольны подобным решением. У Роммеля все еще было недостаточно бронетехники для осуществления обороны побережья, а Рундштедт лишился шести из своих резервных дивизий. Иными словами, Гитлер сорвал планы Рундштедта и в то же время лишил Роммеля возможности осуществить задуманное.

* * *

Первым немцем, кто прозорливо увидел в Нормандии место высадки союзников, был сам Адольф Гитлер. Роммель пришел к тем же самым выводам уже на научной основе. Тщательно проанализировав предшествующие вторжению бомбежки, Роммель заключил,

что союзники пытаются как бы изолировать Нормандию. В мае 1944 года он усилил в том секторе 7-ю армию, добавив к ней 91-ю воздушно-десантную дивизию, 6-й парашютный полк, 101-й зенитный полк, 206-й бронетанковый, 100-й бронетанковый резервный, 17-й пулеметный и 7-й армейский штурмовой батальоны³³. Роммель также обратился в ОКВ с просьбой передислоцировать танковую учебную дивизию и 3-й корпус в сектор между реками Орн и Вир, 12-ю танковую дивизию СС к Виру, а зенитную бригаду поставить к западу от Орна. Однако все его просьбы наталкивались на сопротивление Рундштедта и в конечном итоге были отклонены Гитлером и верховным командованием. «А ведь их можно было разместить в нужных местах, чтобы противостоять вторжению», — сокрушался позднее адмирал Руге³⁴.

Роммель подготовился к высадке союзников. Он постарался как можно более надежно укрепить линии прибрежной обороны. К 20 мая его солдаты менее чем за пять месяцев поставили 4193167 мин, то есть более чем в два раза больше, чем было поставлено союзниками за предыдущие три года. Кроме того, он возвел 517000 береговых заграждений, тысячи антипланерных преград, тысячи антитанковых рвов, ложных укреплений, дотов и дзотов³⁵. «Из арсенала средневековых вооружений Роммелю для полноты картины не хватало разве что бочек с горячей смолой, чтобы выливать ее на головы нападающим, — писал Корнелиус Райэн, — хотя у него в некотором роде имелся современный эквивалент — автоматические огнеметы»³⁶.

Изматывающий труд, постоянные споры, инспекционные поездки не могли не сказаться на здоровье Роммеля, и к 4 июня стало ясно, что ему требуется срочный отдых.

Ознакомившись с метеопрогнозом, Роммель убедился, что в ближайшие несколько дней погода на Ла-Манше ожидается неблагоприятной, так что вторжение

маловероятно. После этого он оставил свой штаб и уехал в Германию, где намеревался провести пару дней в кругу семьи, а затем встретиться с Гитлером, чтобы лично просить у него подкреплений. И это стало роковой ошибкой.

6 июня 1944 года союзники высадились на шести участках побережья Нормандии. Они нанесли удар силами трех воздушно-десантных и шести усиленных пехотных дивизий, которым с немецкой стороны противостояли две обескровленные пехотные дивизии (352-я и 709-я). Защитники делали все, что могли, чтобы удержать союзников у береговой кромки, и это им временно удалось, но в конечном итоге сопротивление было сломлено. В отсутствие Роммеля командование оказалось парализованным. В тот день контратаковать сумела лишь одна-единственная танковая дивизия (а именно 21-я), но и ею командовали из рук вон плохо. Дома, в Германии, Эрвин Роммель узнал о вторжении союзников лишь в 10.15 утра, то есть через три часа сорок пять минут после его начала. «Я совершил глупость, я совершил глупость!» — твердил он одну и ту же фразу³⁷. Таким образом, Роммель упустил самое важное сражение за всю свою военную карьеру.

Той же ночью Роммель вернулся во Францию и на протяжении последующих трех дней всеми силами пытался восстановить фронт. 9 июня — то есть с опозданием по меньшей мере на два дня — он перешел в контрнаступление силами 21-й танковой, 12-й танковой СС и танковой учебной дивизий, входивших в танковую группу «Запад». Немцам удалось в отдельных местах пробиться к побережью на расстояние трех миль, но здесь им преградили путь четыре английских дивизии с их мощной поддержкой с моря и воздуха. Ставка танковой группы «Запад» была уничтожена вражескими бомбами. Генерал Гейр фон Швеппенбург был тяжело ранен, а начальник его штаба генерал-майор Сигизмунд Гельмут фон Даванс убит, как, впрочем, и многие

другие офицеры³⁸. Штаб пришлось срочно вывести из сражения, и Роммель по всему фронту перешел к обороне. До 7 августа немцы не предпринимали ни одной крупной попытки перейти в контрнаступление.

На протяжении шести кровавых недель Роммель удерживал союзников среди живых изгородей Нормандии. «Немцы устояли только из-за мужества их солдат, — заявил в середине июля американский генерал-майор Реймонд Бартон. — На нашей стороне численное преимущество девять к одному в пехоте, пятьдесят к одному в артиллерии, я уже не говорю о воздушных силах»³⁹. Как и в Северной Африке, Эрвин Роммель добивался от своих солдат максимальных усилий, но, как и в Северной Африке, одного этого было недостаточно.

Гитлер ожидал высадки в Нормандии вплоть до самого дня «Д». Однако, как только союзники ступили на берег, он почему-то решил, что это не более чем отвлекающий маневр и что настоящее вторжение начнется в секторе Па-де-Кале, в зоне расположения 15-й армии. Роммелю так и не удалось убедить фюрера, чтобы тот перебросил пехотные подразделения 15-й армии в район битвы за Нормандию. Тем временем более слабая 7-я армия и танковая группа «Запад» истекали кровью среди зелени живых изгородей. Лишь 15 июля Роммель отправил Гитлеру настоящий ультиматум, призывая того сделать правильные выводы и открыто давая понять, что пора кончать войну. «Я дал ему последний шанс, — произнес Роммель. — И если он им не воспользуется, мы будем действовать».

К этому времени он уже участвовал в антигитлеровском заговоре, и хотя Роммель по наивности был против физического уничтожения фюрера, он, однако, желал, чтобы диктатор был арестован и предстал за свои преступления перед судом. Будучи единственным фельдмаршалом, все еще задействованным в боевых операциях, он был готов играть активную роль в низ-

ложении нацистского режима. Ему удалось даже привлечь на свою сторону генерала СС Зеппа Дитриха с его 2-м танковым корпусом СС. Дитрих согласился в случае антигитлеровского переворота выполнять только приказы Роммеля.

К сожалению, судьба выхватила группу армий «Б» из рук Роммеля. 17 июля он был серьезно ранен в голову осколком бомбы, сброшенной вражеским бомбардировщиком. Всем казалось, что он не протянет и ночи, но Роммель все-таки выжил и в конечном итоге вернулся домой в Херлинген, деревушку в его родной Швабии неподалеку от Ульма, куда он в 1943 году перевез семью. (В Винер-Нойштадте люфтваффе разместили крупный авиастроительный завод, и Роммель вполне обоснованно опасался, что город наверняка будут бомбить.)

Тем временем гестапо (а значит и Гитлеру) стало известно о причастности Роммеля к заговору, окончившемуся 20 июля неудачной попыткой покушения на фюрера. 14 октября в доме Роммеля, предварительно окружив его эсэсовцами, появились начальник управления кадрами генерал-лейтенант Вильгельм Бургдорф и его заместитель генерал-майор Эрнст Майзель. Они предложили «Лису пустыни» выбор: самоубийство или суд. Роммель выбрал суд. Тогда штабисты напомнили ему о возможных последствиях этого решения для его семьи, которая, согласно доктрине коллективной семейной ответственности, также предстанет перед трибуналом. Однако если Роммель предпочтет самоубийство, ему полагаются пышные государственные похороны со всеми полагающимися почестями плюс безопасность и пенсия для жены и сына. У послов имелась с собой ампула с ядом, и, по их словам, смерть будет быстрой и безболезненной. Ради семьи Роммель выбрал смерть. Быстро попрощавшись с Люси и Манфредом, Роммель уехал из дома вместе с генералами. По прибытии в госпиталь, расположенный в здании

«Вагнершуле» в Ульме, у Роммеля констатировали остановку сердца. Официальной причиной его смерти было названо кровоизлияние в мозг.

Гитлер сдержал данное им обещание, и семья Роммеля не подверглась никаким преследованиям со стороны нацистов. Фельдмаршал удостоился пышных государственных похорон. Его тело было кремировано, чтобы замести все следы убийства, а прах предан земле в уголке кладбища деревенской церкви в Херлингене. Роммелю было всего 52 года⁴⁰.

Нелегкое дело попытаться уложить в одну-единственную главу жизнь человека, о котором мною написаны три книги. Разумеется, он не был свободен от недостатков, но никто не станет отрицать его таланта, снискавшего ему славу одной из самых блистательных фигур в современной военной истории. По мнению многих, Роммель был лучшим из фельдмаршалов Гитлера. Безусловно, он был талантлив и обладал исключительным мужеством (например, он перенес не менее шести ранений), но не следует закрывать глаза на то, что подчас он бывал упрям и вспыльчив, а иногда слишком увлекался частными успехами. Его умение, презрев самую неблагоприятную раскладку сил, бросаться в бой и побеждать стало легендой. Его атаки отличались отвагой и бесстрашием, в сочетании с известной долей безрассудства. Меньшего признания, к сожалению, удостоился талант Роммеля как организатора обороны, однако во многих отношениях битва за Нормандию стала лучшим его сражением. Будь у Роммеля полная свобода действий, успех дня «Д» наверняка можно было бы поставить под вопрос. По моему убеждению, Роммель второй, после Манштейна, лучший немецкий фельдмаршал второй мировой войны.

ГЛАВА 9

ЗИГМУНД ВИЛЬГЕЛЬМ

ЛИСТ

Одним из наименее известных фельдмаршалов Гитлера является *Зигмунд Вильгельм Лист*. Родился он 14 мая 1880 года в Оберкирхберге в Вюртемберге, на юге Германии. Отец его был врачом. Лист вступил в армию 15 июля 1898 года в качестве фаненюнкера 1-го баварского инженерного батальона. 7 марта 1900 года ему было присвоено звание младшего лейтенанта, затем он учился в артиллерийской и инженерной школах, а еще позднее стал адъютантом в своем родном батальоне. В 1908 году он получил звание обер-лейтенанта и был направлен на учебу в военную академию для подготовки к службе в генштабе. В начале 1910 года Лист служил в фортификационных войсках и в 1914 году был повышен до майора.

Когда началась первая мировая война, Лист состоял при баварском генеральном штабе в Мюнхене¹.

В первые два года войны Лист был приписан ко 2-му баварскому корпусу. Он сражался на Сомме, на Ипре, во Фландрии, у Ля Бассе у Амьена, на Маасе и в битве на Мозеле. На Западном фронте он — вопреки расхожему мнению (его просто спутали с однофамильцем) — вовсе не командовал полком, в котором служил ефрейтор Гитлер. Летом 1916 года Лист был отправлен на восток и несколько месяцев провел на Балканах, в

том числе в составе турецкой армии. Здесь он получил бесценный опыт службы в Южной Европе, который как нельзя лучше пригодился ему в будущем. В 1917 году Лист вернулся на Западный фронт, где был назначен офицером генерального штаба при баварской 8-й резервной пехотной дивизии. В январе 1918 года Лист в качестве инструктора получил назначение в Баварское военное министерство и к моменту окончания войны все еще находился в Мюнхене².

В 1919 году майор Лист какое-то время служил в «добровольческом корпусе», однако после подписания Версальского договора был зачислен в сухопутные войска. Он служил в Мюнхене при штабе 7-й пехотной дивизии, которой командовал генерал Франц фон Эпп (1920–1922 гг.), затем в качестве командира батальона горной пехоты (1922–1923 гг.), затем в штабе седьмого военного округа (1924 г.) и в 19-м пехотном батальоне (1924–1925). В 1924 году ему присвоили звание подполковника, а в 1926 поручили возглавить организационное управление в военном министерстве. Вскоре после этого он получил звание полковника, а 1 ноября 1930 года был произведен в генерал-майоры и назначен начальником пехотной школы в Дрездене³.

В 1931 году Зигмунд Лист впервые столкнулся с нацистами. Как начальник пехотной школы он принял строгие дисциплинарные меры против тех курсантов, которые были вовлечены в политическую деятельность национал-социалистов. Герлиц полагает, что антипатия Гитлера к Листу берет начало как раз с тех пор⁴.

К 1932 году Лист снискал себе репутацию спокойного, хладнокровного, трезвомыслящего и педантичного штабного офицера: «Он был умным, трезвым и обстоятельным стратегом — не из тех, кто привык биться лбом в закрытые двери, а человеком, свято верившим в разумное планирование и командование. Он терпеть не мог всякие военные авантюры»⁵.

Лист имел репутацию джентльмена, и даже Гейнц Гудериан, служивший под его началом во Франции и прославившийся тем, что не умел ладить с начальством, позднее тепло отзывался о Листе и говорил о его «великодушном характере»⁶.

В 1932 году Лист получил очередное повышение до генерал-лейтенанта и получил в свое командование 4-ю пехотную дивизию. 1 октября 1935 года его опять повысили в звании (до генерала от инфантерии) и дали третье назначение в Дрезден — командовать четвертым военным округом. Этот округ первоначально включал в себя 4-ю, 14-ю и 24-ю пехотные дивизии и командование 5-й приграничной зоной. Теперь в списке самых главных армейских фигур Лист занимал восьмое место после Бломберга, Фрича, Рундштедта, Лееба, Бока, Либмана и Адама⁷.

Генерал Лист укрепил свои шансы на очередное повышение тем, что во время скандала, связанного с именами Бломберга и Фрича, прочно занял сторону Гитлера. Именно поэтому в 1938 году ему удалось избежать устроенной Браухичем чистки и уверенно приблизиться к новому, более высокому назначению. В феврале в Касселе он принял командование 2-й группой армий, сменив на этом посту фон Лееба, которого насильно отправили в отставку⁸.

Однако так получилось, что этот пост он занимал недолго. 12 марта 1938 года, в результате аншлюсса, Австрия вошла в состав «третьего рейха». Оккупационными силами командовал генерал Федор фон Бок, высокомерный пруссак, позволявший себе оскорблять национальные чувства австрийцев. Не удивительно, что вскоре встал вопрос о замене командующего, и именно Лист, имевший опыт в восточно-европейских делах и наделенный бесспорным дипломатическим талантом, получил приказ возглавить недавно сформированную 5-ю группу армий со штаб-квартирой в Вене.

С точки зрения Гитлера, Лист был во всех отноше-

ниях достойным кандидатом. Приехав в Вену, он поделил Австрию на два военных округа (семнадцатый с центром в Вене и восемнадцатый с центром в Зальцбурге). Семнадцатый военный округ включал две австрийские пехотные дивизии (44-ю и 45-ю), а восемнадцатый координировал действия 2-й и 3-й горных дивизий. Из австрийских кавалерийских частей была создана 4-я легкая дивизия, а в Вене еще оставалась 2-я немецкая танковая дивизия, которую привел с собой в Австрию фон Бок. Подобно 4-й легкой дивизии, она находилась под непосредственным командованием главы группы армий⁹.

Временная ставка Листа находилась в штабе 14-й армии, на которую осенью 1938 года было возложено вторжение в Чехословакию. Но после Мюнхенского соглашения Лист получил приказ оккупировать Южную Моравию. Теперь он имел прочную репутацию сторонника нацистов и 1 апреля 1939 года в возрасте 59 лет был произведен в генерал-полковники¹⁰.

Для вторжения в Польшу 14-я армия Листа заняла позиции на южном фланге немецких сил. Четыре введенных ему корпуса (8-й, 17-й, 18-й и 22-й) включали в себя довольно пестрый набор дивизий: 2-ю и 5-ю танковые, 4-ю легкую, 8-ю, 28-ю, 44-ю, 45-ю и 7-ю пехотные и 1-ю, 2-ю и 3-ю горные — всего 11. Лист успешно справился с поставленной задачей, без особого труда преодолев польскую линию горной обороны, его войска захватили Краков и Львов, а также прикрывали правый фланг основных ударных сил под командованием Рейхенау. После вторжения штаб Листа переименовали в Приграничное командование «Юг», и одновременно с этим Лист был назначен командующим военной администрацией в Кракове¹¹. Однако через месяц его освободили от этих обязанностей и поручили возглавить недавно сформированную 12-ю армию, предназначенную для предстоящего вторжения во Францию.

Для осуществления этого вторжения Лист имел под своим началом шесть пехотных дивизий, одну горную дивизию и танковую группу Клейста — пять танковых дивизий в составе 19-го корпуса Гудериана и 41-го корпуса Рейнхардта¹². Этим командующим Лист доверил нанести главный удар, а сам сконцентрировал всю свою энергию на переброске пехоты для обеспечения «танкового коридора» к Ла-Маншу.

Он с такой скоростью перебросил вверенные ему силы, что в очередной раз укрепил свою репутацию в глазах армейского начальства¹³. Однако самых важных успехов во время этой кампании он добился на дипломатическом поприще. Гитлер, опасавшийся слишком быстрой победы, приказал передовым частям бронетехники остановиться вскоре после решительного прорыва под Седаном и там ожидать прибытия пехоты. Гудериан проигнорировал этот приказ, что привело 17 мая 1940 года к ожесточенной стычке с Клейстом, после чего Гудериан сложил с себя полномочия. Он передал командование корпусом своему старшему дивизионному командиру, генерал-лейтенанту Рудольфу Фейелю из 2-й танковой, а сам уже был готов лететь в штаб группы армий «А». Но в это время генерал-полковник фон Рундштедт прислал ему депешу, в которой приказывал Гудериану оставаться на своем посту. Генерал Лист был уже в пути к 19-му корпусу для разрешения этого конфликта.

План Листа заключался в том, чтобы обойти приказ фюрера. По предложению Листа, штабу корпуса следовало оставаться на месте, но Гудериан при желании мог провести разведку боем. Лист отлично понимал, что Гудериан интерпретирует этот приказ по-своему — как разрешение вновь перейти в наступление¹⁴. Так и произошло. Гудериан оставил командование в своих руках и к 20 мая вышел к Ла-Маншу, оттеснив к северу британские, французские и бельгийские войска.

Пока проходила ликвидация Дюнкерского котла, Лист столкнулся с французской армией на юге, охраняя от возможного контрнаступления танковый коридор. Правда, контрнаступление французов так и не началось, и на втором этапе операции Листу удалось укрепиться на двух стратегически важных плацдармах. Теперь под его началом находились 3-й, 12-й, 23-й и 18-й корпуса плюс танковая группа Гудериана (39-й и 41-й моторизованные корпуса), то есть всего 12 пехотных, 4 танковых и 3 моторизованные дивизии¹⁵.

Листа критиковали, причем справедливо, за то, что 9 июня, прежде чем задействовать бронетехнику, он настаивал на том, чтобы его пехотные дивизии захватили плацдармы на другом берегу реки Эйн. Этот план, хотя и принесящий успех, привел к ненужной неразберихе и скоплению на дорогах живой силы и техники, что наверняка таило бы в себе опасность, не будь Франция на грани капитуляции¹⁶. Несмотря на первоначальное слабое использование бронетехники, вверенные Листу части прорвались через «линию Вейгана», обошли «линию Мажино» и направились напрямик к швейцарской границе. 19 июля, менее чем через месяц после капитуляции Франции, Зигмунд Вильгельм Лист был произведен в фельдмаршалы.

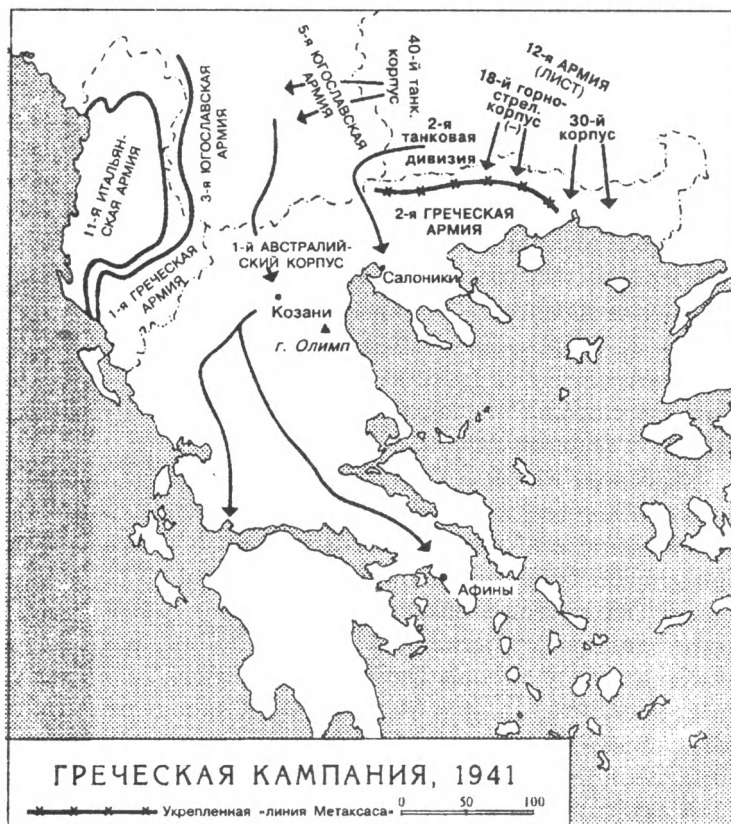
Следующее назначение привело Листа на Балканы, где Греция находилась в состоянии войны с Италией, и Муссолини срочно нуждался в поддержке своего немецкого союзника. В феврале 1941 года Лист умело заключил договор с Болгарией, что позволило немецким войскам атаковать северный фланг греков с ее территории. Немцы уже приготовились развернуть наступление, когда в ночь с 26 на 27 марта в Югославии произошел переворот. Принц-регент Павел был смещен, а на его место встала антинацистская хунта во

главе с генералом Душаном Симовичем, в прошлом командовавшим югославскими военно-воздушными силами. Листу пришлось в срочном порядке пересматривать свои планы по обеспечению безопасности правого фланга и вместо вторжения в Грецию прийти на помощь генералу барону фон Вейхсу, чья 2-я армия осуществляла вторжение в Югославию.

Во время операции «Марита» (так называлось вторжение в Грецию) Листу противостояла 2-я греческая армия (70000 человек), сконцентрированная вдоль хорошо укрепленной «линии Метаксаса» протяженностью в 15 миль к северу и востоку от Салоников. На восточном фланге ее прикрывали 5-я югославская армия и 20-я греческая пехотная дивизия, охранявшие греко-югославскую границу. Тем временем англичане в срочном порядке перебрасывали в Грецию подкрепления из Северной Африки.

К северу от горы Олимп располагался 1-й австралийский корпус, состоявший из 6-й австралийской, 2-й новозеландской дивизий и 1-й танковой бригады 2-й британской бронетанковой дивизии, которые первоначально держались в резерве. Корпус этот был в состоянии блокировать немецкий удар по долине реки Альякмон к западу от горы Олимп в том случае, если Листу удастся обойти «линию Метаксаса». К западу от англичан располагались основные греческие силы (14 дивизий), сконцентрированные против стоящей в Албании 11-й итальянской армии. 3-я югославская армия (4 дивизии) также была подтянута к албанской границе для участия в совместном греко-югославском наступлении против итальянцев¹⁷. На карте 12 показана диспозиция сил союзников и последующее вторжение Листа.

Для вторжения в Грецию Лист располагал 40-м танковым корпусом генерала Георга Штумме и 9-й танковой и 73-й пехотной дивизиями, а также получившим подкрепление 1-м моторизованным полком СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»; 18-м горным корпу-

ГРЕЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ, 1941

ГРЕЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ, 1941 ГОД.

Сломив 6 апреля сопротивление 6-й югославской армии, фельдмаршал Зигмунд Вильгельм Лист сумел обойти 1-й австралийский корпус, отрезать 1-ю греческую армию и двинуть маршем на Афины. Тем временем его пехотные части овладели Салониками, вынудив сдаться 2-ю греческую армию. К концу мая Греция была полностью очищена от союзников.

сом генерала Франца Бёме со 2-й танковой, 5-й и 6-й горными и 72-й пехотными дивизиями и 125-м пехотным полком; 30-м корпусом генерала Отто Хартманна с 50-й и 164-й пехотными дивизиями. 50-й корпус генерала Георга Линдемманна (46-я, 76-я и 198-я пехотные дивизии) все еще находился в пути, а 16-я танковая дивизия стояла в Болгарии на тот случай, если турки вступят в войну на стороне союзников.

Первоначально под командованием Листа находилась танковая группа Клейста, но поскольку ее планировалось послать на Белград, ее вскоре перевели во 2-ю армию к Вейхсу, и в этой главе мы больше не будем рассматривать ее действия¹⁸.

Операцию «Марита» можно с полным правом назвать «шедевром» Листа. Он тотчас разглядел, что слабым звеном в плане союзников является 5-я югославская армия. Не дожидаясь прибытия 50-го корпуса, Лист 6 апреля нанес удар по югославам, прежде чем они успели завершить мобилизацию. Нанеся удар вдоль реки Струмы, 2-я танковая дивизия, встретив на своем пути лишь слабое сопротивление, уже к ночи форсировала реку, после чего двинулась дальше, обходя стороной «линию Метаксаса». 30-й корпус вторгся в Западную Фракию, а 18-й горный корпус (за исключением 2-й танковой дивизии) напал на 2-ю греческую армию и с тяжелыми боями прорвался через «линию Метаксаса». 9 апреля пали Салоники, а 2-я греческая армия оказалась в окружении. На следующий день греки сложили оружие. Не желая обременять себя пленными, Лист отпустил всех греческих солдат сразу после того, как они были обезоружены¹⁹.

Тем временем 40-й танковый корпус прорвался через позиции 5-й югославской армии. Вместо того, чтобы двигаться в направлении долины Альякмона,

как ожидали союзники, Лист распорядился, чтобы 40-й танковый корпус через Монастирское ущелье нанес удар по Козани, то есть гораздо западнее. Подобный прием позволил ему обойти австралийский корпус и окружить в Южной Албании 1-ю греческую армию. Для осуществления этого маневра Лист добился переброски в Грецию 5-й танковой дивизии из танковой группы Клейста. Дивизия была отдана под начало Штумме, чей корпус двинулся на юг, 10 апреля овладел Монастирским ущельем и направился на Козани. Англичане попытались остановить его продвижение на холмистой местности у деревни Птолемес, однако были разбиты 9-й танковой дивизией, потеряв 32 танка и противотанковых орудия, а также несколько грузовиков. Потери немецкой стороны составили два танка Т-IV, один Т-I и один Т-II. Козани пал на следующее утро, однако британцам удалось организованно отступить²⁰.

1-я греческая армия осознала нависшую над ней опасность уже 13 апреля и в срочном порядке начала покидать южную Албанию. Но итальянская 11-я армия вела себя довольно нерешительно. Лист, со своей стороны, не терял ни минуты. 15 апреля 73-я пехотная дивизия отрезала грекам пути к отступлению через хребет Пинд и к 20 апреля завершила окружение.

К этому времени 1-й моторизованный полк СС с тяжелыми боями овладел перевалом Метсовон. На следующий день 1-я греческая армия сдалась на милость победителя. В знак признания проявленной греками доблести Лист распорядился не считать их военнопленными. Офицерам было разрешено оставить при себе холодное оружие, а солдат, как только закончилось разоружение, а их части расформированы, отпустили по домам²¹.

Позиция Листа привела к международному конфликту, поскольку он намеренно действовал независимо от итальянцев. 21 апреля взбешенный Муссолини

связался с Гитлером и нагло потребовал, чтобы греки признали свое поражение и перед итальянцами. Ведь, в конце концов, Муссолини за полгода войны с греками на территории Албании потерял 63000 человек и до сих пор вынужден был держать на фронте еще 500000. Гитлер с великой неохотой уступил его требованиям и приказал Йодлю отменить распоряжение Листа. 23 апреля в Салониках грекам вторично пришлось пройти через позор и унижение капитуляции — на этот раз они складывали оружие перед командующим 11-й итальянской армии. Но даже после этого, к великому неудовольствию итальянцев, греческим офицерам было позволено оставить при себе кортики и сабли²².

В армии были возмущены действиями Гитлера, отменившего приказы Листа ради спасения чести итальянского мундира. Даже Кейтель осмелился высказать по этому вопросу свое несогласие, и лишь министр иностранных дел фон Риббентроп поддержал фюрера²³. Тем временем 12-я армия сражалась в битве за Грецию.

Лист, используя в основном трофейные запасы, быстро перегруппировал свои силы, намереваясь уничтожить единственное крупное соединение союзников, которое все еще оставалось в целости, а именно 1-й австралийский корпус. Разумеется, генерал Мейтленд Вильсон, командующий британскими экспедиционными силами в Греции, отлично понимал безнадежность ситуации и 13 апреля отдал приказ об эвакуации. Лист попытался отрезать ему путь к отступлению, нанеся танковый удар по Фермопилам и сбросив 26 апреля десант 2-го парашютного полка на Коринфский Перешеек, однако немцам удалось отсечь лишь несколько арьергардных частей. 50000 из 62500 человек Британского экспедиционного корпуса успели вовремя добраться до острова Крит. Там они были вынуждены уничтожить большую часть своего тяжелого снаряже-

ния и танки 1-й танковой бригады, а также около 8000 машин²⁴. В результате этой поспешной акции в следующем месяце немецкие парашютисты успешно высадились на Крите с воздуха. Тем временем 7 апреля пали Афины, а 30 апреля боевые действия прекратились.

Во время покорения Греции Лист захватил в плен 90000 югославов, 270000 греков, более 12000 англичан, австралийцев и новозеландцев²⁵. Его собственные потери равнялись 1100 человек убитыми и 4000 ранеными или пропавшими без вести²⁶.

После падения Афин 12-я армия оставалась в Греции в качестве оккупационной. 10 июня 1941 года Гитлер назначил Листа главнокомандующим Юго-восточным направлением. Эту должность Лист занимал до 15 октября, когда, по всей видимости, заболел и был заменен генералом инженерных войск Вальтером Кунтце²⁷, которого позднее сменил генерал-полковник Александр Лер (1942–1943 гг.) и фельдмаршал фон Вейхс (1943–1945 гг.). Фельдмаршал Лист на протяжении девяти месяцев оставался без командной должности. В этот период он изучал положение на германском арктическом фронте в Лапландии, Финляндии и Норвегии и сделал несколько существенных рекомендаций, касавшихся укрепления линии береговой обороны, усиления подразделений береговой артиллерии и улучшения внутренних коммуникаций²⁸.

* * *

Последняя кампания Листа началась в конце июня 1942 года, когда, как мы уже увидели выше в гл. 6, Гитлер разделил группу армий «Юг» на две — «А» и «Б» — и отправил их в разных направлениях. Листу было поручено командование вновь созданным штабом группы армий «А». Произошло это 26 июня, то есть

всего за две недели до введения армии в активные действия, начавшиеся 9 июля. Первоначально вверенная Листу группа состояла из 11-й армии генерал-полковника Манштейна, 4-й танковой армии генерал-полковника Гота, 1-й танковой армии генерал-полковника фон Клейста и 17-й армии генерал-полковника Рихарда Руоффа. Первая миссия Листа заключалась во взятии Ростова, после чего ему было приказано оккупировать все восточное побережье Черного моря и тем самым уничтожить советский Черноморский флот, захватить нефтяные месторождения Кавказа, в особенности Майкоп и Грозный, после чего двинуться на Баку — нефтяную столицу западного побережья Каспийского моря²⁹. Тем временем 11-я армия должна была захватить Севастополь, важную морскую крепость русских на юго-западной оконечности Крымского полуострова, которая, начиная с октября 1941 года, находилась в блокаде. Одновременно группа армий «Б» (командующий генерал-полковник фон Вейхс) должна была наступать к Волге и Сталинграду.

Вверенные Листу силы были не столь внушительны, как могло показаться вначале, ведь ему предстояло иметь дело как с бескрайними российскими пространствами, так и с гитлеровской стратегией, лишенной какого бы то ни было смысла.

Севастополь пал 2 июля, но вместо того, чтобы послать подкрепление Листу или Вейхсу, фюрер перебросил 11-ю армию в группу армий «Север», намереваясь захватить Ленинград. 23 июля Лист с боем взял Ростов и захватил в плен 240000 человек³⁰, но через неделю был вынужден передать 4-ю танковую армию (за исключением 40-го танкового корпуса под командованием барона фон Гейр фон Швеппенбурга) в группу армий «Б» для броска к Волге³¹. Таблица №3 показывает составленный Листом план операций на 12 августа.

ТАБЛИЦА

3

**БОЕВОЙ ПОРЯДОК, ГРУППА АРМИЙ «А»,
АВГУСТ 12, 1942**

Армейское подразделение Руофф (Штаб, 17-я армия)

3-я румынская армия (генерал Думитреску): три
румынских кавалерийских дивизии и 298-я
немецкая пехотная дивизия

5-й корпус: 183-я, 125-я, 73-я, 9-я пехотные дивизии

1-я танковая армия (Клейст):

49-й горный корпус: 1 и 4-я горные дивизии и 2-я
румынская горная дивизия

57-й танковый корпус: 5-я моторизованная диви-
зия СС и словацкая дивизия сил безопасности

3-й танковый корпус: 16-я моторизованная и 19-я
танковая дивизии

44-й корпус: 97-я и 101-я егерские дивизии

40-й танковый корпус: 3-я и 25-я танковые дивизии

52-й корпус: 111-я и 370-я пехотные дивизии

Тыловое командование: 444-я и 454-я дивизии и 4-й
полк сил безопасности

Резерв группы армий: моторизованная дивизия «Вели-
кая Германия» и итальянская пехотная дивизия «Три-
дентина».

Следуют в группу армий «А»: итальянский альпийский
корпус (две дивизии) и 13-я румынская пехотная диви-
зия.

Общие силы: 19 немецких дивизий (6 из них подвиж-
ных) плюс 9 иностранных дивизий.

Лист не испытывал особого «энтузиазма» относительно своего нового назначения. В его распоряжении имелось менее 400 танков, а противостояли ему два полных советских фронта (группы армий) и еще два находились в резерве. От Ростова до Баку было более семисот миль, а фронт Листа растянулся на восемьсот. На пути лежало несколько рек, степь за ними была практически безводной, местность труднопроходимой, у русских имелось преимущество в воздухе, а машинам немецкой армии не хватало горючего еще до начала наступления. Что еще хуже, советское командование оставило практику 1941 года — стоять до конца везде и повсюду. После Ростова советские войска продолжали оказывать упорное сопротивление, но как только они чувствовали угрозу окружения, тотчас отступали³².

Наступление на Кавказ началось 25 июля 1942 года. Группа армий «А» — Руофф на левом, а Клейст на правом фланге — переправилась через низовья Дона и стремительным броском приблизилась к северным отрогам гор. При температуре 100 градусов по Фаренгейту (примерно 35°C) пехота проходила до тридцати миль в день (генерал Плочер впоследствии назвал это невероятно высокой скоростью) и вскоре заняла плацдарм на другом берегу реки Кубань. 10 августа был взят Краснодар, столица Кубани. В тот же день танки вошли в Майкоп, центр нефтедобычи Западного Кавказа, однако застали только горящие скважины. Теперь немецкие войска находились в Азии. 22 августа горное подразделение подняло над шестикилометровым Эльбрусом боевое знамя рейха. 6 сентября пали морская база в Новороссийске и полуостров Тамань, и в тот же самый день 1-я танковая армия переправилась через Терек и начала с тяжелыми боями продвигаться вдоль северных отрогов Кавказа к нефтяным месторождениям Грозного³³.

Группа армий «А», однако, в конце августа наступала гораздо медленнее как вследствие упорного со-

противления русских, так и вследствие плохого снабжения. Впоследствии генерал Курт фон Типпельскирх писал: «Линия снабжения растянулась настолько, что машины практически потребляли все горючее, чтобы только покрыть столь огромные расстояния. В конечном итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда для транспортировки горючего пришлось прибегнуть к верблюдам и караванам».³⁴

31 августа Гитлер вызвал Листа в Винницу и был весьма разочарован, когда обнаружил, что Лист привез с собой лишь карты мелкого масштаба (1:1000000) без всяких пометок. Гитлер проигнорировал тот факт, что он лично запретил генералам во время авиационных перелетов иметь при себе карты с пометками. В присутствии Листа Гитлер старался держаться дружелюбно, с пониманием и даже одобрительно отозвался о его планах продолжить наступление через Терек к нефтяным месторождениям Грозного. Однако, как только фельдмаршал отбыл, вслед ему раздалась гневная тирада. Гитлер тут же обрушился на Кейтеля и Гальдера за то, что именно они порекомендовали ему Листа на командный пост³⁵.

Гитлеру с самого начала не хотелось поручать Листу командование группой армий, поскольку фюрер никогда не питал к нему особых симпатий. В начале сентября он отправил в Кавказский сектор Йодля, чтобы тот изучил сложившуюся там обстановку и оценил действия Листа. Когда 7 сентября Йодль, вернувшись в ставку фюрера, сказал, что фельдмаршал делает все, что в его силах, гневу Гитлера не было предела. Однако, к великому удивлению фюрера, Йодль не дал себя в обиду. Гитлер был настолько взбешен, что решил сразу после Сталинградского сражения заменить Йодля Паулюсом. Он даже подумывал о том, а не отправить ли ему Йодля под трибунал. Кроме того, Гитлер задумал заменить Кейтеля Кессельрингом и, как уже говорилось выше, прекратил обедать вместе с Йодлем и Кей-

телем и на протяжении нескольких месяцев не подавал руки ни тому, ни другому. Генерал-полковник Франц Гальдер, из-за того что поддерживал Листа, лишился своего поста и остаток войны вообще провел в концлагере.

Разумеется, судьба Листа была предreshена. Гитлер отправил к нему в штаб Кейтеля принять прошение об отставке, которое было датировано 9 сентября 1942 года. Гитлер временно возложил на себя обязанность главнокомандующего группой армий «А». Генерал-лейтенант Ганс фон Грейфенберг, служивший у Листа начальником штаба еще с Балкан, был оставлен в качестве исполнительного представителя Гитлера³⁶. В конечном итоге вакантное место главнокомандующего было отдано Клейсту.

Лист удалился от дел и, всеми забытый, больше не участвовал ни в каких операциях. В 1945 году он был арестован и как второстепенный военный преступник предстал перед военным трибуналом в Нюрнберге. В феврале 1948 года он был приговорен к пожизненному заключению главным образом за преступления, совершенные им на Балканах и в Греции. К Рождеству 1952 года он был помилован и выпущен на свободу. Умер Лист 18 июня 1971 года в Германии в возрасте 91 года³⁷.

* * *

Хотя Зигмунд Вильгельм Лист является наименее известным из фельдмаршалов Гитлера, любой беспристрастный и объективный военный исследователь наверняка даст его талантам высокую оценку.

Лист был пехотинцем, но он также весьма успешно командовал танковыми соединениями, за исключением, пожалуй, наступления 9 июня 1940 года. Лист весьма умело действовал в Польше и Франции и с блеском провел операции в Югославии и Греции. Им восхища-

лись даже самые неуживчивые из его подчиненных, в том числе Гудериан и Роммель, которые неизменно высоко отзывались о фельдмаршале. Кроме того, Лист обладал бесспорными дипломатическими талантами. Никто, кроме него, не умел добиться от своих солдат максимальной скорости передвижения, как то бывало во время всех кампаний, которыми он командовал. Особенно наглядно это умение проявилось в 1940 году, а также во время Кавказской кампании. Мы не можем сказать, смог бы Лист столь же эффективно командовать оборонительными операциями, поскольку ему ни разу не пришлось возглавлять отступление. По моему мнению, этот баварец совершенно незаслуженно оказался преданным забвению, а его талант не получил должной оценки.

БАРОН МАКСИМИЛИАН ФОН ВЕЙХС

Барон фон Вейхс родился в Дессау (провинция Ангальт) 12 ноября 1881 года и всю свою жизнь оставался ревностным католиком. 15 июля 1900 года он вступил в качестве фанен-юнкера во 2-й баварский полк тяжелой кавалерии, и большая часть его карьеры так или иначе оказалась связана с кавалерией. 9 марта 1902 года он получил звание младшего лейтенанта, а в начале 1908 года назначен адъютантом командира полка. Два года фон Вейхс провел в штабе кавалерийской школы (1908—1910 гг.), после чего, в 1910 году, был направлен в военную академию, где проходил подготовку по линии генерального штаба. В 1911 году ему присвоили звание лейтенанта, а в начале 1914 года повысили до ротмистра. Когда началась первая мировая война, фон Вейхс служил бригадным адъютантом в баварской кавалерийской дивизии. Позднее в качестве офицера генштаба он состоял при 5-й пехотной дивизии (1915—1917 гг.) и при 2-м корпусе (1917—1920 гг.)¹.

После окончания первой мировой войны Вейхса оставили в рядах 4-тысячного офицерского корпуса сухопутных сил. В 1920 году он возвратился в кавалерию, в 1920—1922 гг. служил в качестве штабного офицера при 3-й кавалерийской дивизии в Веймаре, а затем вступил в 18-й кавалерийский полк, возможно, как командующий эскадроном (1922—25 гг.). С февра-

ля 1925 по октябрь 1927 года он состоял в личном составе пехотной школы, после чего снова вернулся в свой 18-й кавалерийский заместителем командира. С 1 февраля 1928 по 1 марта 1930 года он служил полковым командиром, после чего в качестве офицера генштаба состоял при 1-й кавалерийской дивизии во Франкфурте-на-Одере. В 1923 году ему было присвоено звание майора, в 1928 году — подполковника и в 1930 году — полковника².

28 июля 1928 года, будучи уже относительно немолодым, сорокашестилетний барон фон Вейхс обзавелся семьей, однако это событие, судя по всему, мало отразилось на его привычках и карьере. Это был профессиональный военный, который страшно не любил, когда к военной службе примешивают политику, и, разумеется, его нельзя отнести к тем, чьими силами совершаются перевороты. Когда в январе 1933 года к власти пришел Гитлер, полковник фон Вейхс был штабным офицером при Вильгельме фон Леебе, который командовал в Касселе 2-й группой армий³. В отличие от Лееба, Вейхса можно скорее назвать «не-нацистом», нежели «антинацистом», и, судя по всему, он неплохо уживался с Гитлером и его партией. Более того, постепенно он проникся к ним известной симпатией, несмотря на свой профессионализм, религиозность и аристократическое происхождение. Надо сказать, Вейхсу пришлось по душе весьма успешно осуществляемые Гитлером программы по резкому сокращению безработицы и расширению армии.

В то же время Вейхс продолжал продвигаться по службе. В феврале 1933 года он был назначен заместителем командующего 3-й пехотной дивизией в Берлине и 10 апреля 1933 года произведен в генерал-майоры. В декабре 1933 года фон Вейхс получил назначение, казавшееся ему пределом всех желаний — пост командующего 3-й кавалерийской дивизией в Веймаре, который он занимал до 15 октября 1935 года, когда его

перевели командовать 1-й танковой дивизией там же, в Веймаре. В 1936 году, пока Рейхенау находился в Китае, фон Вейхс исполнял обязанности командующего седьмым военным округом, а 12 октября 1937 года получил под свое начало тринадцатый округ в Нюрнберге. Здесь ему довелось принимать участие в организации съезда нацистской партии, где, по его собственным словам, он исполнял на плацу роль, среднюю между унтер-офицером и кинорежиссером. Благодаря этому ему удалось избежать устроенной Браухичем в 1938 году чистки. В 1935 году фон Вейхс удостоился звания генерал-лейтенанта, а 1 октября 1936 года получил чин генерала кавалерии⁴.

В августе 1939 года Максимилиан фон Вейхс повел в бой основные соединения тринадцатого военного округа, называвшиеся теперь 13-м корпусом (вспомогательные части оставались в Нюрнберге и перешли под командование генерала Франца Кресса фон Крессенштейна). В Польше Вейхс имел под своим началом 10-ю и 17-ю пехотные дивизии 8-й армии группы армий «Юг» и играл в захвате равнинной Польши лишь второстепенную роль. Он принимал участие в окружении Познани, Лодзи, разгроме армий «Приморье» при Кутно и в последующем наступлении 8-й армии на Варшаву⁵. К 5 сентября он находился уже внутри внешнего круга фортификаций на юго-западе польской столицы. На следующий день при поддержке интенсивного артиллерийского огня его части так потрепали поляков, что командующий гарнизоном генерал Руммель предложил перемирие. Варшава капитулировала на следующее утро⁶.

После успешных действий в Польше фон Вейхс вернулся в Германию и 29 октября 1939 года получил в командование 2-ю (бывшую 8-ю) армию, сменив на этом посту генерал-полковника Йоганна Бласковица, который оставался в Польше в качестве главнокомандующего силами на Востоке⁷.

Первоначально вверенная Вейхсу армия находи-

лась в резерве группы армий «А» и поэтому не принимала участия в первой фазе французской кампании, закончившейся 4 июня 1940 года падением Дюнкерка⁸. Во время второго этапа, которой по своей сути был операцией по полной очистке страны, фон Вейхс командовал девятью пехотными дивизиями 6-го, 24-го и 9-го корпусов, то есть опять-таки его роль была второстепенной⁹. После капитуляции Франции Вейхс был награжден Рыцарским крестом и повышен до генерал-полковника во время массового присвоения званий, которое имело место 19 июля 1940 года¹⁰. Затем его штаб был переведен в Мюнхен. Здесь фон Вейхс отвечал за подготовку дивизий, размещенных в южной части Германии и протекторате Богемии и Моравии, то есть большей части бывшей Чехословакии¹¹.

В начале весны 1941 года Вейхс получил свое первое независимое командование¹²: он и его штаб были переведены в Австрию, в Грац, для осуществления вторжения в Северную Югославию. Это вторжение последовало вскоре после неожиданного военного переворота 26–27 марта, в результате которого был свергнут пронацистски настроенный принц-регент Павел. В этой операции под началом Вейхса находились четыре корпуса, состоявшие в свою очередь из четырех пехотных, двух танковых дивизий, пограничных сил, одной горной, одной легкой и одной моторизованной дивизий. Их боевой порядок приведен в таблице 4.

Поскольку вторжение проводилось второпях, пехотные дивизии 52-го корпуса не сумели вовремя подоспеть к началу действий. В любом случае Вейхс прекрасно обошелся и без них. Его 49-й горный и 51-й корпуса 6 апреля быстро прорвались через линии приграничной обороны югославы — то есть буквально в первый же день операции — и двинулись на столицу Хорватии Загреб, который пал 11 апреля. Югославская армия, состоявшая главным образом из хорватов, не испытывавших особой преданности к белградскому

ТАБЛИЦА

4

**БОЕВОЙ ПОРЯДОК 2-Й АРМИИ. ЮГОСЛАВИЯ,
1941 ГОД.**

- 2-я армия: генерал-полковник барон Максимилиан фон Вейхс
- 49-й горный корпус: генерал Людвиг Кюблер
 - 1-я горная дивизия
 - 538-я пограничная дивизия
- 51-й корпус: генерал Ганс Рейнхардт
 - 101-я легкая дивизия
 - 132-я пехотная дивизия
 - 183-я пехотная дивизия
- 52-й корпус: генерал Курт фон Бризен
 - 179-я пехотная дивизия
 - 125-я пехотная дивизия
- 46-й танковый корпус: генерал Генрих фон Фитингофф
 - 8-я танковая дивизия
 - 14-я танковая дивизия
 - 16-я моторизованная дивизия
- 1-я танковая группа: генерал-полковник Эвальд фон Клейст*
 - 14-й танковый корпус: генерал Густав фон Виттерсгейм
 - 5-я танковая дивизия
 - 11-я танковая дивизия
 - 294-я пехотная дивизия
 - 4-я горная дивизия
- 11-й корпус: генерал Иоахим фон Корцфлейш
 - 60-я моторизованная пехотная дивизия
 - Различные подразделения

* В составе 2-й армии с 13 апреля.

правительству, развалилась буквально на глазах. Германскую пехоту задержали скорее паводок и снегопады, нежели солдаты противника. Вейхс перевел свой штаб в Загреб и оттуда направлял наступление на Сараево, где 15 апреля 2-я югославская армия была вынуждена сложить оружие. Тем временем 46-й танковый корпус двигался в юго-западном направлении вдоль долины реки Сава и вместе с отдельным 41-м танковым корпусом и 14-м танковым корпусом танковой группы Клейста (часть 12-й армии Листа) вышел на Белград, который пал 13 апреля. После этого танковая группа Клейста до конца кампании была передана под начало Вейхса (см. карту 8)¹³.

Под вечер 14 апреля югославы предложили перемирие, и Верховное главнокомандование поручило Вейхсу провести переговоры о капитуляции. В полдень 18 апреля Югославия подписала безоговорочную капитуляцию. С начала кампании прошло всего 12 дней. Во время наступления немцы (в основном 2-я армия) потеряли 558 человек, из них убитыми 151. Они взяли 254000 пленных, в том числе живших в Югославии хорватов, фольксдойче, венгров и болгар, которые вскоре были выпущены на свободу¹⁴.

Предполагалось, что 2-я армия примет участие в нападении на Советский Союз, однако в день начала вторжения, 22 июня 1941 года, армия Вейхса не участвовала в военных действиях против СССР. 4 июля большая часть ее соединений все еще находилась на пути к России, несмотря на то, что уже с 27 июля 2-я армия официально числилась в резерве группы армий «Центр»¹⁵. 30 июня штаб 4-й армии Клюге временно взял на себя командование 3-й и 4-й танковыми группами, которые тогда приближались к Днепру, а штаб Вейхса подчинил себе пехотные дивизии, ранее при-

надлежавшие 4-й армии¹⁶. Вейхс принимал участие в ликвидации Белостокского котла (вместе с 9-й армией под командованием Штрауса). Окружение завершилось 3 июля. К 8 июля немцы взяли в плен 290000 человек, 2500 танков, 1500 орудий, что примерно равнялось двум стрелковым дивизиям, семи танковым и шести механизированным бригадам¹⁷.

Вейхс в срочном порядке отправил за танками свою пехоту и во второй половине августа атаковал силы советского Центрального фронта у Гомеля при поддержке 24-го танкового корпуса под командованием Гейра фон Швеппенбурга в составе 2-й танковой группы Гудериана. Когда 24 августа сражение завершилось, еще 84000 советских солдат пополнили лагеря для военнопленных¹⁸. После этого Вейхс оставался на южном фланге группы армий «Центр». Силами 13-го и 43-го корпусов и 35-го корпусного соединения (семь пехотных дивизий) он поддерживал удар Гудериана в тыл советских армий, защищавших Киев, где в плен было взято еще 667000 человек¹⁹. И снова, действуя совместно с Гудерианом, он сыграл важную роль в уничтожении советских 3-й, 13-й и 15-й армий у Брянска во время гигантской операции по окружению, длившейся со 2 сентября по 17 октября²⁰.

Максимилиану фон Вейхсу исполнилось 60 лет, и постоянное напряжение стало сказываться на его здоровье. В конце 1941 года, вскоре после начала зимней кампании, он заболел и был временно заменен генералом Рудольфом Шмидтом. Когда в середине января 1942 года он вернулся к исполнению своих обязанностей, его 2-я армия находилась на северном фланге группы армий «Юг». Вейхс принимал участие в отражении зимнего наступления русских между Орлом и Курском, хотя основные бои обошли его стороной²¹.

В конце июня 1942 года Гитлер развернул летнее наступление, и барон командовал группой «Вейхс», временным соединением, в состав которого входили как

его 2-я армия, так и 4-я танковая (генерал Гот) и 2-я венгерская (генерал Яни). В этом качестве Вейхс 2 июля принял участие в неудачном ударе фельдмаршала фон Бока по Воронежу. И хотя в конечном итоге 8 июля город был взят (28000 было захвачено в плен плюс тысяча танков)²², задержка привела Гитлера в бешенство, и он отстранил фон Бока от командования. В это время было принято решение о разделении группы армий «Юг», и Вейхс получил под свое начало группу армий «Б». Так он получил самое важное и самое роковое назначение в его жизни.

Вверенная Вейхсу группа армий первоначально включала 2-ю и 6-ю немецкие армии, 2-ю венгерскую, 8-ю итальянскую и 3-ю румынскую армии, причем последняя находилась в стадии формирования²³. 2-я армия, не имея ни одной моторизованной дивизии, должна была оставаться в районе Воронежа. Поскольку в распоряжении Вейхса не было надежных немецких частей, он не смог до конца июля форсировать Дон. Но даже и тогда в обороне русских оставались три выступа. Гитлер значительно осложнил ситуацию тем, что отправил группу армий «А» (1-я и 4-я танковые и 17-я армии) на юг, в направлении Ростова и Кавказа. Немецкие эшелоны с продовольствием и вооружениями были просто не в состоянии обеспечивать две группы армий одновременно, поэтому Гитлер, отдав предпочтение группе армий «А», лишил Вейхса половины имевшихся у него транспортных средств. Испытывая острую нехватку горючего и боеприпасов, Вейхс до 7 августа был не в состоянии направить 6-ю армию против Калачского выступа. Сражение закончилось 11 августа почти полным уничтожением советских 1-й танковой и 62-й армий. К 8 августа 6-я армия заняла плацдармы на левом берегу Дона, однако солдаты были слишком обес-

силены боями, армия испытывала нехватку горючего, что помешало тогда осуществить тридцатимильный бросок на Сталинград²⁴.

Решив наступать сразу в двух направлениях, Гитлер тем самым лишил своих подчиненных необходимых для достижения побед сил. Затем он еще больше подрывал их возможности, разделив 4-ю танковую армию. Фюрер перебросил 24-й танковый корпус в 6-ю армию, 40-й танковый корпус — в группу армий «А», а моторизованную дивизию «Великая Германия» отправил во Францию, оставив в распоряжении генерала Гота только 43-й танковый корпус в составе одной танковой и одной пехотной дивизии, 4-й корпус (две танковые дивизии) и 6-й румынский корпус (две румынских дивизии). Затем Гитлер приказал 6-й армии (вместе с 7-м, 14-м, 24-м танковыми и 17-м и 51-м корпусами) двигаться в направлении Волги и Сталинграда²⁵. Тем временем Гот (с остатками 4-й танковой армии) был переведен в группу армий «Б» и получил приказ наступать на город с юга. 23 августа 14-й танковый корпус достиг окраин Сталинграда и началось сражение за город. Сталинград, словно магнит, притягивал к себе боевые части. Гитлер, то и дело менявший свои решения, на этот раз загорелся идеей во что бы то ни стало взять город Сталина, которого, в свою очередь, видимо, вполне устраивало длительное, изнуряющее сражение. Он сумел набрать 1400000 призывников 1925 года рождения, в то время как Гитлеру удалось поставить под ружье лишь около 500000 человек призывного возраста²⁶.

Пока 6-я армия растрачивала силы в тяжелых уличных боях, Вейхс должен был прикрывать ее с флангов. Для этого ему пришлось задействовать иностранные армии, несмотря на то что в душе он сильно сомневался в их способности противостоять решительным атакам русских. С севера на юг, вдоль Дона и Волги, его боевой порядок выглядел следующим образом: 2-я армия, 2-я венгерская, 8-я итальянская, 3-я румынская,

6-я армия, 4-я танковая и 4-я румынская армии. Уже 29 октября Вейхс призывал обратить внимание на угрозу его южному флангу²⁷.

Однако Верховное командование проявило к положению Вейхса полное равнодушие — согласно прогнозам разведки, русские в конечном итоге должны были предпринять наступление, однако не против группы армий «Б», а против группы армий «Центр» под командованием Клюге.

Вейхс не был согласен с этим мнением. Особенно его беспокоил советский плацдарм на правом берегу Дона у Серафимовича, однако 31 октября разведка предсказывала лишь местные операции. Гитлер, как ни странно, сумел оценить ситуацию более трезво. 26 октября он отдал распоряжение перебросить на Дон несколько из недавно сформированных полевых подразделений люфтваффе, чтобы усилить оборонительные позиции итальянских, венгерских и румынских соединений. 2 ноября его тревога возросла — фотографии, сделанные воздушной разведкой, показали наличие на Дону нескольких новых переправ у Серафимовича. Через два дня он приказал перебросить с Ла-Манша в группу армий «Б» 6-ю танковую и две пехотные дивизии в качестве резервного подкрепления 8-й итальянской и 3-й румынской армиям. На их подготовку и переброску в Россию потребовалось около пяти недель. Гитлер, однако, не ожидал от русских каких-либо значительных действий до начала декабря, так что, по его расчетам, подкрепление должно было прийти вовремя²⁸. На карте 13 показана ситуация, сложившаяся в середине сентября 1942 года на немецком восточном фронте.

Ко второй неделе ноября Вейхс узнал о появлении на плацдарме у Серафимовича частей 5-й танковой армии русских и сделал вывод, что в зоне 3-й румынской армии готовится крупное наступление. Возможно, оно будет направлено и против 4-й танковой армии.

КАРТА 13

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, СЕРЕДИНА НОЯБРЯ 1942Г.

Накануне сталинградского окружения немецкие армии удерживали чрезмерно растянутую линию фронта, уходившую далеко на восток. Для сдерживания критических участков Гитлер был вынужден полагаться на ненадежные и плохо экипированные иностранные армии. Ряд секторов вообще оставался неоккупированным. Ни группа армий «Б», ни ОКХ, ни ОКВ не располагали достаточными ресурсами.

Поскольку все его резервы находились под Сталинградом, Вейхс принял решение сформировать новую группировку в составе 48-го танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Фердинанда Гейма. Вейхс перевел слабую 22-ю танковую дивизию из тыла 8-й итальянской армии в 48-й танковый корпус, который он, в свою очередь, поставил позади 3-й румынской армии. Он также передал Гейму 3-ю румынскую бронетанковую дивизию и даже собрался перевести к нему 29-ю моторизованную дивизию 4-й танковой армии, однако передумал, поскольку ожидал наступления также и в секторе Гота²⁹.

Однако все предпринимаемые Вейхсом усилия оказались явно недостаточными, поскольку командование группой армий «Б» было скорее заинтересовано в наращивании мощи 6-й армии для решающего сражения за Сталинград, нежели в укреплении слабых флангов. Последнее наступление немецких войск началось 11 ноября и уже 18 ноября было приостановлено ввиду тяжелых потерь. Тем временем русские выставили против 3-й румынской 5-ю танковую, 1-ю гвардейскую и 21-ю армии. Только одна 5-я танковая насчитывала шесть стрелковых дивизий, два танковых корпуса, один кавалерийский корпус и несколько артиллерийских, авиационных и ракетно-зенитных полков³⁰. В секторе протяженностью сорок миль они сосредоточили более миллиона человек, которых поддерживали 900 только что сошедших с конвейера танков Т-34. Такой концентрации боевой техники на восточном фронте еще не бывало. Сюда же были подтянуты 57-я, 51-я и 64-я армии, противостоявшие слабой 4-й танковой и 4-й румынской на южном фланге Вейхса³¹. То есть всего в Сталинградском секторе 250000 немецких и 250000 ненадежных солдат из армий стран оси противостояли с советской стороны более миллиона человек³².

Расположенная позади румынской, 22-я немецкая танковая дивизия по сути дела была не более чем

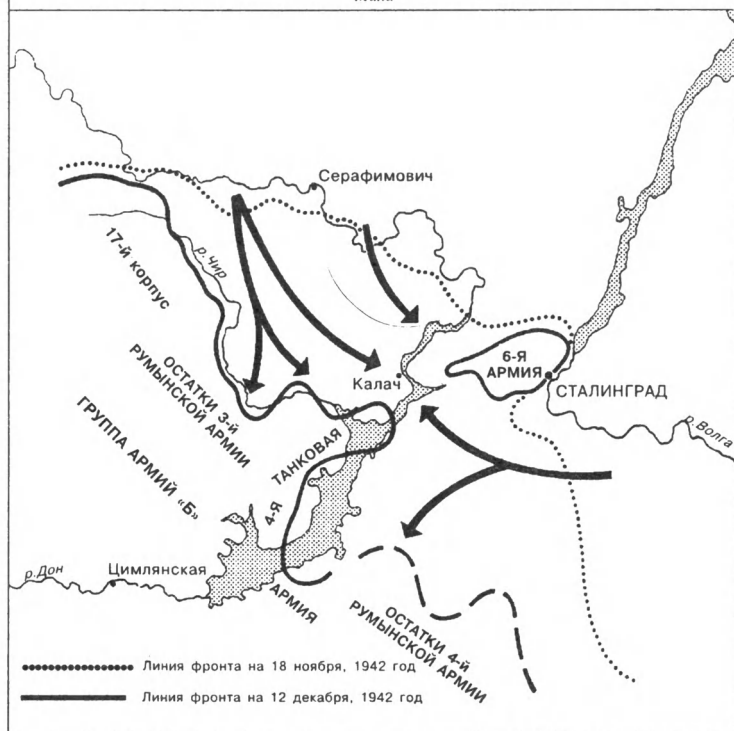
полком. Она насчитывала всего 46 танков, из которых на ходу оставалось лишь тридцать восемь³³. Румынская 1-я бронетанковая дивизия имела лишь 92 чехословацких танка, причем, естественно, устаревшей модели Т-38, весом всего около 9 тонн, то есть абсолютно бесполезных против 26-тонных советских боевых машин³⁴. Пока 6-я армия медленно истекала кровью под Сталинградом, русские терпеливо дожидались установления морозов, а также высадки во французской Северной Африке, то есть в тылу у Роммеля, англичан и французов, что и произошло 9 ноября. Гитлер, как и надеялись Советы, тотчас перебросил туда свои стратегические резервы, расположенные до этого во Франции. Затем в 7.20 утра 19 ноября русские подвергли расположение 3-й румынской армии массированной бомбардировке. Через полтора часа в наступление перешла пехота. Наземные соединения применяли новую тактику — пехота, сосредотачиваясь на небольших участках, создавала коридор для прохождения танков. Одна только 5-я танковая армия ввела в действие два танковых корпуса и один механизированный (примерно 550 танков и 37000 человек). Сопротивление румын было быстро сломлено. Вейхс надеялся, что они все-таки сумеют продержаться до тех пор, пока к месту сражения подойдет 48-й танковый корпус, но русские развеяли эти надежды³⁵.

Гот, чья 4-я танковая армия (четыре немецких дивизии) была перемешана с 4-й румынской, также оказался в серьезном положении. Подвергнувшись атаке со стороны мощных советских соединений, он попросил разрешения отступить. Вейхс ответил на его просьбу отказом, заметив, что если румыны начнут отступление, то их уже никто и ничто не остановит³⁶. На карте 14 показано расположение войск в ходе этих событий.

Той ночью Вейхс приказал Паулюсу приостановить операции против последнего плацдарма русских в Сталинграде. Он отдал распоряжение вывести из города

ОКРУЖЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК ПОД СТАЛИНГРАДОМ

0 50 100
Мили

СТАЛИНГРАДСКИЙ КОТЕЛ, ноябрь 1942 года.

Прорвавшись 19 и 20 ноября сквозь позиции 3-й и 4-й румынских армий, а также довольно слабой 4-й танковой армии, русские 22 ноября взяли под Сталинградом в окружение 6-ю армию под командованием Паулюса. 27 ноября фельдмаршал фон Манштейн во главе сформированной незадолго до этого группы армий «Дон» принял этот сектор под свой контроль у группы армий «Б» под командованием фон Вейхса.

три танковых и одну пехотную дивизии и передать их в состав 14-го танкового корпуса, после чего начать контратаку. Этот приказ был выполнен уже на следующий день, что дало возможность контролировать внутренний фланг русских. Тем не менее, из-за перебоев с горючим и превосходящих сил противника, 14-й танковый корпус не сумел прорвать более важный внешний фланг русских.

20 ноября стало решающим днем сражения. Из всей румынской 3-й армии сопротивление с завидным мужеством продолжала лишь дивизия генерала Михаила Ласкара. Гейм контратаковал силами своего танкового корпуса, чем спас Ласкара и его 6000 солдат, однако вскоре он был вынужден отступить, а позднее вообще потерял контакт со своими двумя дивизиями. В конечном итоге остаткам 47-го танкового корпуса с большим трудом удалось найти спасение на другом берегу реки Чир. Своими действиями Гейм привел Гитлера в столь неописуемую ярость, что тот отдал приказ о его аресте и бросил в тюрьму. В лучшем случае Гейму удалось задержать русских не более чем на 24 часа³⁷.

Тем временем 4-я танковая армия оказалась разделена на две части. На севере 29-я моторизованная дивизия и 4-й корпус угодили в ловушку в Сталинграде. На юге у Гота остались лишь штаб и разваливающиеся на глазах 6-й и 7-й румынские корпуса, да еще 16-я моторизованная дивизия, попавшая в окружение. Правда, ей удалось прорваться и присоединиться к отступающим частям генерала Гота, однако 4-я танковая армия сжалась до размеров одной неполной немецкой дивизии и не могла сдерживать южное крыло двойного наступления русских³⁸.

Русские прорвались через линию фронта Вейхса к северу и к югу от боевых порядков 6-й армии. Фельдмаршал уже задействовал и потерял все имеющиеся у него резервы. Оба советских крыла теперь двигались вдоль Дона в направлении на Калач, оставляя 6-ю

армию глубоко в тылу. Было совершенно очевидно, что если они дойдут до Калача, то это будет означать, что 6-я армия окружена. Вейхс не имел сил предотвратить ее окружение, он не мог сформировать даже более или менее сплошной фронт к западу от Чира с тем, чтобы приостановить дальнейшее продвижение русских. Ясно, что в данной ситуации единственно верным решением было отдать 6-й армии приказ осуществить немедленный прорыв.

21 ноября Гитлер отверг просьбу Вейхса о прорыве, приказав 6-й армии насмерть стоять в Сталинграде, несмотря на очевидную угрозу окружения. Кроме того, Гитлер дал понять, что сомневается в способностях Вейхса справиться с возникшей кризисной ситуацией, переименовав штаб 11-й армии Манштейна в штаб группы армий «Дон» и перебросив его на юг для руководства сражением. Однако этот приказ вступил в силу лишь 27 ноября. Тем временем клещи советских армий сомкнулись под Калачом. 6-я армия численностью 230000 человек угодила в котел.

Поскольку командование на Дону и Чире перешло в руки Манштейна, группа армий «А» теперь контролировала лишь 2-ю германскую и 6-ю итальянскую армии, находившиеся между группой армий «Центр» и Доном.

Вверенные Вейхсу силы были крайне слабыми, поскольку итальянцы считались еще менее надежными, нежели румыны, а 2-я армия практически лишилась мобильных подразделений. 20 декабря правое крыло Вейхса подверглось атаке, в результате которой от итальянских дивизий «Челере» и «Сфорцеско» практически ничего не осталось, как и от двух румынских дивизий на левом фланге Манштейна. Чтобы прикрыть образовавшуюся брешь, объединенное командование перебросило из группы армий «Север» 30-й корпус (генерал Максимилиан Фреттер Пико) и, что говорит о многом, поставило его под начало Манштейна³⁹. Рус-

ские еще на протяжении нескольких недель продолжали атаковать группу армий «Б». 8-я итальянская армия полностью прекратила свое существование.

12 января 1943 года Вейхс послал Гитлеру донесение о том, что у него на весь двухсотмильный фронт осталось лишь семь дивизий. Он просто не в состоянии сдерживать продвижение русских на запад, сообщал Вейхс, а 2-й армии угрожает окружение⁴⁰. Обычно одна полностью укомплектованная дивизия способна противостоять решительным действиям противника на отрезке фронта протяженностью до шести миль. Обескровленным частям Вейхса приходилось, в среднем, защищать двадцативосьмимильные участки.

К 21 ноября брешь между Вейхсом и Манштейном достигла в ширину двухсот миль, и остатки группы армий «Б» по глубокому снегу отступали в направлении реки Айдар, в сорока милях к западу. При мастерски проведенной поддержке с воздуха русские 25 января прорвались в образовавшийся коридор. Через пару дней два из трех корпусов 2-й армии оказались в окружении под Воронежем, третий понес тяжелое поражение, однако сумел отступить на север за позиции группы армий «Центр»⁴¹.

Командующий 2-й армией генерал Ганс фон Зальмут повел свои части на прорыв Воронежского котла. Большинству из них после 120-мильного броска на Рыльск при тридцатиградусных морозах удалось спастись, однако во время отступления пришлось бросить всю тяжелую технику⁴². Тем временем Вейхс продолжал в меру своих возможностей защищать левый фланг группы армий «Дон», однако для этого у него оставалась только одна дивизия⁴³.

Несмотря на то, что 1 февраля 1943 года, то есть в день капитуляции Паулюса, он был произведен в фельдмаршалы, Вейхс, как командующий группой армий, безусловно, потерпел на восточном фронте фиаско. 14 февраля его штаб был практически ликвидирован.

Остатки вверенных ему сил передали в группы армий «Центр» и «Дон». 10 июля 1943 года было принято решение об официальном упразднении его штаба, а самого Вейхса перевели в резерв фюрера⁴⁴.

Отставка барона Максимилиана фон Вейхса оказалась недолгой. 26 июля 1943 года, после высадки союзников на Сицилию, его назначили главнокомандующим юго-восточного сектора и одновременно главкомом группы армий «Ф», в задачи которой входил контроль за действиями союзников на Балканах. Здесь Вейхс столкнулся с рядом серьезных проблем: партизанским движением, возможным предательством итальянцев, которое ожидалось со дня на день, а также вероятной высадкой союзников на Балканах⁴⁵.

Под началом Вейхса на 26 декабря находилась группа армий «Е» (командующий генерал-полковник люфтваффе Александр Лер), размещенная в Греции и на прибрежных островах, с двумя легкими дивизиями, одной воздушно-десантной, одной полевой авиационной, одной моторизованной СС и тремя болгарскими дивизиями. В состав группы входили 2-я танковая армия генерала Лотара Рендулича в Сербии и Хорватии (9 пехотных дивизий, 3 легких, 2 горных (одна из них эсэсовская) и 1-я казачья кавалерийская дивизия), а также четыре болгарских пехотных дивизии в Сербии под началом командующего Юго-западным сектором⁴⁶.

За исключением 1-й горной и 22-й воздушно-десантной, ни одну из вверенных Вейхсу дивизий нельзя было назвать первоклассной. Все они были недоукомплектованы и состояли в основном из рецидивистов или фольксдойче.

Когда 8 сентября 1943 года Италия перешла на сторону союзников, у нее на Балканах оставалась 31 диви-

зия (380000 человек). Некоторые из советников Гитлера рекомендовали ему покинуть Южные Балканы, однако фюрер отказался это сделать и не без причины: почти весь необходимый Германии хром, 60% бокситов, 24% сурьмы, более половины нефти и 21% меди добывались именно на Балканах⁴⁷.

Многие опасались, что итальянские части просто перейдут на сторону партизан. Некоторые так и поступили, но большинство из них опасались мести со стороны партизан даже сильнее, чем со стороны немцев. Дивизия Бренnero объявила о своей готовности и дальше сражаться на стороне «третьего рейха», хотя чаще всего итальянцы просто капитулировали и их отправляли в батальоны трудармии. С другой стороны, в Албании дивизия «Фиренце» вместе с командиром в полном составе перешла на сторону партизан. Дивизия «Акви» генерала Гандина до 22 сентября удерживала от немцев остров Кефалония — до тех пор, пока у нее не кончились боеприпасы. Большинство из оставшихся в живых были расстреляны сразу после капитуляции. Дивизия «Бергамо» генерала Чигала-Фульгози в течение 19 дней удерживала Сплит от 7-й горной дивизии СС «Принц Евгений», которая затем устроила итальянцам массовую бойню.

Вверенные Вейхсу части — в большинстве своем пехотные — совершили в сентябре впечатляющие маршброски, но, что самое главное, им удалось свести к минимуму тот ущерб, который повлекло за собой предательство итальянцев. Значительные внутренние горные районы Балкан находились в руках у партизан, поскольку Вейхс просто не располагал достаточным количеством живой силы, чтобы оставлять свои гарнизоны в местах бывшей дислокации итальянских частей. Тем не менее поставки сырья в Германию осуществлялись в прежнем объеме⁴⁸.

Для того, чтобы справиться с партизанским движением, Вейхс ввел в действие мобильные брониро-

ванные патрули и карательные отряды, в состав которых входили более молодые бойцы, главным образом ветераны Восточного фронта. Вейхс также получил поддержку фельдмаршала Кессельринга в виде танков и бронемашин, захваченных в Италии. Эта техника была явно слаба, чтобы успешно отражать атаки вооруженных до зубов союзников, однако вполне годилась против плохо вооруженных партизан Тито в Югославии⁴⁹.

В конце 1943 года Вейхс провел против партизан три крупные операции, ранив или взяв в плен около 12000 человек из девяностотысячной армии Тито. Когда партизаны казнили на острове Корчула 29 немецких солдат (среди них одного кавалера Рыцарского креста), Вейхс отомстил тем, что приказал расстрелять 220 человек из числа пленных. Позднее, в мае 1944 года, когда греческими коммунистами был убит генерал-майор Крех, командовавший 41-й дивизией, по приказу Вейхса были расстреляны еще 525 человек, подозреваемых в симпатиях к коммунизму. В конце того же месяца во время операции «Ход конем» вверенные Вейхсу подвижные подразделения нанесли серьезный удар по партизанам, в результате чего те потеряли убитыми и ранеными около 6000 человек, а сам Тито был вынужден искать спасения на острове Вис, который в ту пору удерживали англичане⁵⁰.

И хотя Вейхс так и не смог до конца нейтрализовать действия партизан, надо признать, что ему удалось превратить их жизнь в сплошные мучения, и, несомненно, на Балканах ему сопутствовал гораздо больший успех, чем когда он командовал группой армий на юге России.

* * *

В августе 1944 года советские войска вошли в Румынию, а 24 августа на сторону русских перешла Бол-

гария*. Тыл группы армий «Ф» оказался оголенным. Исходя из этого, Вейхс отдал приказ об эвакуации с Балкан. Правда, он был вынужден временно оставить на греческих островах 20000 человек, поскольку на их эвакуацию не хватало плавсредств. На Пелопоннесе англичане, включая 2-ю воздушную дивизию, объединили все свои силы с греческими партизанами и безуспешно пытались отрезать отступление группы армий «Е». 4 октября генерал Фельми, командующий 68-м корпусом, передал Афины мэру города. Вверенные Вейхсу части покинули Грецию быстро и практически без потерь⁵¹.

Вейхсу удалось сохранить сплошной фронт, несмотря на то, что его войскам пришлось отступать, искусно лавируя между партизанами, подразделениями англичан, советской и болгарской армий. 1 октября русские у Турку-Северина форсировали Дунай, отбросив 34-й корпус под командованием Фридриха Вильгельма Мюллера (1-я горная и 7-я горная дивизии СС), а 14 октября болгары заняли Ниш, отрезав группе армий «Е» самый удобный путь к отступлению. В результате этого генерал Лер был вынужден предпринять довольно хитрый обходной маневр по труднопроходимой местности у Адриатического побережья. Тито пытался задержать Лера, с тем чтобы русские успели дойти до Адриатики и замкнули кольцо окружения. Но этот план не удался⁵².

20 октября части Красной армии и партизанский корпус Тито взяли Белград, отбросив тыловые подразделения группы армий «Ф», однако фельдмаршалу Вейхсу к этому времени удалось успешно вывести большую часть своих войск⁵³. Группа армий «Ф» покинула Балканский полуостров и к январю 1945 года уже сражалась в Венгрии.

* Болгарское правительство 25 августа заявило о разрыве отношений с Германией, а в сентябре объявило войну «третьему рейху».

В начале декабря 1944 года Вейхс получил приказ перевести 2-ю танковую армию в группу армий «Юг», ранее стоявшую на юге Украины⁵⁴. Те несколько второстепенных дивизий, которые все еще оставались под его началом, вряд ли оправдывали существование штабов двух групп армий «Е» и «Ф». Генерал-полковник Гейнц Гудериан, глава генштаба, планировал перевести Вейхса и его штаб на восток Германии для защиты Берлина и упрочения немецкой обороны на Восточном фронте, однако Гитлер 24 января 1945 года отклонил эту идею после того, как генерал-полковник Йодль насмешливо отозвался насчет глубоко религиозных убеждений Вейхса. В результате фюрер поручил выполнение этих одинаково важных задач человеку, совершенно не созданному для их выполнения, — Генриху Гиммлеру⁵⁵. Возможно, что в качестве утешения Вейхс 5 февраля получил к своему Рыцарскому кресту «Дубовые листья». 22 марта его штаб был упразднен за ненадобность, штабные офицеры переведены в штаб группы армий «Висла», а самого Вейхса отправили в отставку. После падения «третьего рейха» Вейхс какое-то время провел в тюрьме, однако серьезно заболел и в 1947 году был выпущен на свободу. Практически единственный из оставшихся в живых фельдмаршалов, Вейхс, тем не менее, избежал суда в качестве военного преступника. После выхода на свободу он вел уединенную жизнь в Западной Германии. Скончался он 27 сентября 1954 года в Ресберг-Кельне⁵⁶.

* * *

Высокий и жилистый, в очках с толстыми стеклами в металлической оправе, с замашками и манерами урожденного аристократа, коим он и являлся, барон Максимилиан фон Вейхс скорее смахивал на университетского профессора истории, нежели на нацистского фельдмаршала. Гудериан как-то заметил, что он был

«столь же умен, сколь полон гордости и мужества»⁵⁷. Старый кавалерист, он наверняка был вынужден балансировать между своими глубокими религиозными убеждениями, с одной стороны, и своей приверженностью Гитлеру — с другой. Тем не менее ему удалось сохранить уважение фюрера почти до самого конца войны, а по ее окончании избежать военного трибунала. Фон Вейхс отличился, командуя корпусом в Польше и как командующий армией на Балканах и в России. Пост командующего группой армий «Б» оказался ему не по силам, и Вейхс несет частичную ответственность за поражение у Сталинграда. Позднее он неплохо проявил себя на Балканах и в результате заслужил себе репутацию основательного и умелого, хотя отнюдь не блестящего профессионального военного.

ГЛАВА II

Ф Р И Д Р И Х

ПАУЛЮС

Его имя навсегда останется связано со Сталинградом, одной из самых крупных катастроф в немецкой военной истории и поворотным моментом второй мировой войны. Германия без труда пережила бы Эль-Аламейн или битву за Англию. Ужасной зимой 1941—1942 годов она пережила Москву, Ростов, Тихвин. Дюнкерк — несмотря на возражения некоторых исследователей — вообще нельзя отнести к крупным немецким поражениям. И если бы 230000 закаленных в боях ветеранов 6-й армии остались в строю со всеми их танками, артиллерией, саперными и противотанковыми батальонами, а не полегли навеки в российских снегах, кто знает, может, и не было бы тогда Курска, Нормандии, Крыма, Витебска, Фалеза, не было бы разгрома ни во Франции, ни на Украине, и уж конечно, ни Румыния, ни Болгария и думать не смели бы разорвать отношения со странами «оси». Вопрос, разумеется, риторический, но, с другой стороны, вполне допустимо, что двадцать боеспособных дивизий наверняка могли бы изменить ход событий, разве что за исключением Витебска-Минска. И, наконец, следует задать такой вопрос: в какой степени ответственность за сталинградскую катастрофу лежит на том, кто командовал 6-й армией?

Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс родился вечером 23 сентября 1890 года в приходе Брейтенау-Герсхаген в провинции Гессен-Нассау. Его отец был бухгалтером, поэтому, согласно терминологии «третьего рейха», Паулюс считался «выходцем из народа». Будущий фельд-маршал получил образование в гимназии имени кайзера Вильгельма в Касселе, которую окончил в 1909 году. Он подал прошение о зачислении его курсантом во флот, однако получил отказ по причине недостатка аристократических кровей. Некоторое время он изучал право в Мюнхенском университете, после чего 18 февраля 1910 года вступил в 3-й Баденский пехотный полк маркграфа Людвига Вильгельма в Раштатте. 18 октября 1911 года ему было присвоено звание младшего лейтенанта¹.

В 1912 году лейтенант Паулюс женился на Елене Росетти-Солеску, девушке из семьи румынских аристократов. На момент их бракосочетания «Коке», как ее называли, исполнился 21 год. Она была хороша собой, изящна, настойчива и питала честолюбивые надежды относительно карьеры мужа. «Кока» подарила мужу трех детей: в 1914 году родилась дочь Ольга, которая впоследствии вышла замуж за барона, а в 1918-м близнецы — Фридрих и Александр. В гитлеровской армии они оба служили в чине капитана. Фридрих погиб в сражении при Анцио, а Александр получил ранение во время Сталинградской кампании. Когда их отец в 1944 году перешел на сторону русских, Александр подвергся аресту и был отправлен в лагерь, где и провел остаток войны².

Начало первой мировой войны застало Паулюса в качестве адъютанта командира батальона 3-й Баденской пехотной дивизии. Одним из ротных командиров в этом батальоне был капитан (позднее генерал-лейте-

нант) Йоганн Бласковиц, который во время следующей войны командовал армиями и группами армий. Позже Паулюс получил назначение в штаб 2-го прусского егерского полка, а затем (в 1917 году) в штаб Альпийского корпуса. Получив в 1915 году³ звание лейтенанта и отслужив на Восточном и Западном фронтах, а также в Румынии, к концу первой мировой войны Паулюс был уже в чине капитана. После перемирия он находился при штабе 48-й резервной дивизии и помогал создавать пограничные части добровольческого корпуса «Ост»⁴.

Паулюс был оставлен в четырехтысячном офицерском корпусе, разрешенном Германии в соответствии с Версальским договором. Первое назначение он получил на должность адъютанта 14-го пехотного полка в Констанце, причем полковником там был его старый приятель Йоганн Бласковиц. Позднее, в октябре 1922 года, Паулюс посещал в Берлине курсы «Р», где тайно получал подготовку офицера генштаба. На следующий год он (неофициально) служил при штабе 2-й группы армий в Касселе. С 1924 по 1927 год состоял в качестве офицера генштаба при пятом военном округе в Штутгарте, после чего проходил там полевую службу (1928–1929 гг.), командуя 2-й ротой 13-го пехотного полка. Другой будущий фельдмаршал — Эрвин Роммель — служил в том же полку командиром пулеметной роты.

Большой интерес представляют для нас служебные характеристики Паулюса периода 20-х годов. В одной из них, в частности, говорится: «Он изо всех сил старается не нажить себе врагов... Медлителен, но весьма методичен... проявляет заметные практические способности, хотя и склонен тратить слишком много времени на раздумывания, прежде чем отдать приказ». В отчете о состоянии его здоровья говорится, что Паулюс слишком любит работать по ночам, поддерживая работоспособность кофе и сигаретами. Другой инспектор жало-

вался: «Этому офицеру недостает решительности»⁵. То есть уже тогда давали о себе знать те качества его характера, которые со всей силой проявились во время Сталинградской битвы.

В 1930 году Паулюс был назначен инструктором по тактике (то есть представителем генштаба) при 5-й пехотной дивизии. Вскоре после этого он получил звание майора. В 1934 году, уже в чине подполковника, он удостоился весьма почетной должности — командира 3-го моторно-транспортного подразделения. Эта часть одной из первых в Германии была преобразована в танковый (разведывательный) батальон. 1 июня 1935 года Паулюсу присвоили звание полковника, и в сентябре он стал главой штаба при командующем механизированными силами (генерал Освальд Лутц) в Берлине⁶, сменив полковника Гейнца Гудериана, который незадолго до того принял командование 2-й танковой дивизией. Возможно, именно на этом посту Паулюс привлек к себе внимание генерала Вальтера фон Рейхенау, главы управления военного министерства. Будучи, как и Паулюс, сторонником широкомасштабного использования бронетехники, Рейхенау, как мы увидим, сыграл в карьере будущего фельдмаршала особую роль.

Последним предвоенным назначением Паулюса стал пост начальника штаба 16-го моторизованного корпуса, отвечавшего за подготовку и формирование первых четырех немецких мобильных дивизий, включавших два или три моторизованных пехотных полка, один танковый батальон (за исключением 1-й дивизии, имевшей в своем составе танковый полк), полк разведки и моторизованный артиллерийский. Снискав себе репутацию эксперта в области моторизованных военных действий, а также способного офицера генерального штаба, Фридрих Паулюс в 1939 году получил звание генерал-майора⁷.

26 августа 1939 года, то есть за пять дней до начала войны, Паулюс был назначен начальником шта-

ба 10-й армии, которой командовал Рейхенау и которой надлежало нанести главный удар по Польше. Медлительный методичный штабист как нельзя лучше подходил энергичному, решительному Рейхенау, который терпеть не мог бумажную работу и штабную рутину. Паулюс, напротив, мог днями не вылезать из-за рабочего стола. Вот почему они отлично работали и весьма успешно осуществили вторжение в Польшу, Бельгию и Францию. (После падения Варшавы 10-я армия была переименована в 6-ю.) После капитуляции Франции Паулюсу было присвоено звание генерал-лейтенанта, и в сентябре 1940 года его назначили заместителем начальника Генштаба сухопутных сил⁸.

На новом посту Паулюс отвечал за организационные вопросы и подготовку кадров. Он ездил с инспекцией к Роммелю в Северную Африку (где критически отзывался о своем бывшем сослуживце), а также договаривался с венгерскими властями о вторжении в Югославию. Главной его задачей, однако, было проведение стратегического исследования возможностей вторжения в Советский Союз⁹.

Согласно выводам, сделанным Паулюсом, немецким войскам ни в коем случае не следовало допускать отступления русских в глубь страны. То есть применяемая тактика должна была основываться на создании брешей в критических районах и сражениях с последующим окружением. Основной удар при этом направлялся к северу от болот Припяти на единственный стратегический объект — Москву. По мнению Паулюса, эту кампанию следовало успешно завершить к концу октября, то есть к тому времени, когда в России начнутся осенние дожди. Однако Паулюс так и не сумел убедить своим докладом Гитлера, что взятие Москвы является решающим фактором всей кампании¹⁰.

Зимнее наступление на Россию шло полным ходом, когда 1 декабря 1941 года фельдмаршал Рейхенау был назначен главнокомандующим группы армий «Юг». В тот вечер во время вегетарианского обеда с Гитлером Рейхенау порекомендовал фюреру, чтобы тот поставил во главе 6-й армии Паулюса. Гитлер уступил его просьбе. Паулюс, которому уже давно не терпелось получить в свои руки командование, пришел в восторг от своего нового назначения¹¹. 1 января 1942 года ему было присвоено звание генерала бронетанковых войск и уже через четыре дня он приступил к исполнению новых обязанностей¹².

Не терпящий возражений Рейхенау, несомненно, предполагал направлять своего бывшего начштаба в его новой деятельности, однако 12 января с ним случился сердечный приступ, а 17 января он умер. Вместо него на пост главнокома был поставлен менее талантливый Федор фон Бок.

Трудно представить себе генерала, менее соответствующего своему высокому назначению, чем Фридрих Паулюс в 1942 году. Никто не станет возражать, что это был основательный, грамотный штабист, но за всю свою карьеру он имел опыт командования разве что моторизованным батальоном. Он был до мозга костей «штабной крысой». Высокий, подтянутый, аккуратный, Паулюс неизменно носил перчатки, поскольку терпеть не мог грязь. Он дважды в день принимал ванну и переодевался, за что удостоился таких язвительных прозвищ, как «Благородный лорд» или «Наш самый элегантный джентльмен», как называли его закаленные в боях сослуживцы¹³. (Не следует забывать, что, в отличие от американцев, европейцы, как правило, не принимают ежедневных ванн.) Но что значительно хуже, ему не доставало решительности, а

еще он убедил себя в непогрешимости военного гения фюрера — словом, фатальное сочетание. Вполне вероятно, что будь жив Рейхенау, он наверняка заставил бы Паулюса игнорировать распоряжения Гитлера, однако сам Паулюс никогда не осмелился бы на подобную вольность.

Свое первое сражение в качестве командующего 6-й армией Паулюс провел в секторе Днепропетровска, где группа армий «Юг» сдерживала наступление на Днепр маршала Тимошенко. Ему удалось приостановить зимнее продвижение советских войск в южном секторе. К 10 февраля обе стороны были уже порядком измотаны боями, но, тем не менее, немецким частям удалось поставить заслон на пути русских возле Изюма. После чего противники начали подготовку к дальнейшим действиям. Все понимали, что во время весенней кампании преимущество наверняка будет у той из сторон, которая сможет первой нанести удар.

Первыми перешли в наступление русские. Произошло это 9 мая у Волчанска. Главный удар при этом был произведен 1 мая у Алексеевки. У Тимошенко было 640000 человек и 1200 танков. 6-я армия отступила к Харькову. К 15 мая советские подразделения угрожали взять город в клещи с севера и юга. Генерал Плочер оценивал силы русских следующим образом: к северу от города шесть или семь пехотных дивизий, три или четыре бронетанковых, одна кавалерийская с четырьмя пехотными дивизионами, моторизованной бригадой плюс от четырех до шести бронетанковых, а также восемь кавалерийских дивизий в резерве; на южных подступах — двенадцать пехотных и три бронетанковых дивизии, с тремя кавалерийскими и одной пехотной плюс в резерве две моторизованные бригады. Паулюс имел под своим началом лишь десять пехотных дивизи-

зий, венгерскую легкую дивизию и словацкий артиллерийский полк. Один только 8-й корпус подвергся атаке со стороны трех русских армий¹⁴.

6-ю армию спасло быстрое вмешательство группы «Клейст» в составе 1-й танковой и 17-й армий, которая 17 мая нанесла удар по оголенному южному флангу Тимошенко. К 19 мая давление на Харьков удалось ослабить, поскольку русские перенесли свои действия против Клейста. 20 мая Паулюс нанес контрудар восточнее Харькова и через четыре дня соединился с Клейстом западнее города, окружив основные ударные силы противника. К 28 мая сопротивление русских было сломлено. Всего в харьковском котле было захвачено или уничтожено 240000 советских солдат, 2026 танков и 1249 орудий¹⁵. За свой вклад в эту победу Паулюс удостоился Рыцарского креста¹⁶.

Летом 1942 года 6-я армия приняла участие в наступлении на Воронеж и вышла к Дону. Однако вскоре Гитлер принял решение о разделении группы армий «Юг». Группа армий «А» под командованием Листа получила приказ двигаться к Ростову и Кавказу, а вверенная Вейхсу группа армий «Б» должна была продолжать натиск на восток — через Дон к Волге и Сталинграду. На острие этого удара стояла 6-я армия. Правда, поначалу Гитлер отдавал приоритет соединениям, направленным на Кавказ.

Паулюс повел наступление на Сталинград, имея в своем распоряжении 20 дивизий, 250000 человек, 500 танков, 7000 орудий и 25000 лошадей¹⁷. Его продвижение было крайне медленным, поскольку Гитлер снабжал горючим в первую очередь группу армий «А», которая, по его мнению, на тот момент наносила главный удар.

Нарушение Гитлером принципа конкретной задачи фатально сказалось на исходе всей летней кампании. По мнению Клейста, Сталинград можно было взять без боя уже к концу июля, но у Паулюса, когда тот находился в 150 милях к западу от Калача, кончилось горю-

чье. Он стоял без движения до 7 августа, когда, наконец, получил возможность нанести удар по двум советским армиям, державшим оборону у Калача западнее Дона. К 11 августа были уничтожены большая часть советских 1-й танковой и 62-й армий, 50000 советских солдат были убиты или захвачены в плен. Кроме того, русские потеряли около 270 танков и бронемашин и 600 орудий¹⁸.

К 18 августа Паулюс уже стоял на расстоянии 35 миль от Сталинграда, но у него снова возникли перебои с горючим. Кроме того, он считал, что его армия выдохлась и не в состоянии совершить последний рывок к городу¹⁹. Паулюс выждал еще пять дней, а затем, не обращая внимания на плацдармы русских у Кременской и, к северу, у Серафимовича, снова перешел в наступление — но лишь силами одного-единственного корпуса — 14-го танкового под командованием Витерсгейма. Витерсгейм преодолел пятьдесят миль и 24 августа вышел к Волге севернее Сталинграда, в результате чего оказался в конце коридора длиной в тридцать миль и шириной всего в две. Русские атаковали вдоль всего коридора, а также со своих плацдармов у Серафимовича и Кременской, где силами 63-й, 21-й и 1-й гвардейских дивизий нанесли удар по левому флангу Паулюса. Тот решил, что у него недостаточно пехоты для того, чтобы закрепиться в коридоре до прихода 4-й танковой армии Гота, наступавшей на Сталинград с юга, и поэтому освободил свой правый фланг. В результате контакт с 14-м танковым корпусом был утрачен до конца августа, когда русские отступили назад, за кольцо внутренней обороны Сталинграда. Надежный коридор для Витерсгейма не был открыт до 2 сентября²⁰.

Однако у Гитлера снова переменялось настроение, и теперь ключевой точкой летней кампании 1942 года стал Сталинград. На этот момент в городе проживало около полумиллиона человек и это был третий по ве-

личине промышленный центр Советского Союза. Здесь выпускалось около четверти всех советских танков и бронемашин, а также значительное количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Город Сталина находился на западном берегу Волги. Он растянулся в длину на 12 миль, однако в ширину имел всего две с половиной. С архитектурной точки зрения Сталинград представлял собой пеструю смесь внушительных административных зданий, некрашенных деревянных хибар и домишек, а также крупных заводов и фабрик. По мнению Паулюса, Сталинград был очень легкой целью²¹. На карте 15 показана первоначальная диспозиция немецких войск и основные объекты города.

Осада Сталинграда началась 2 сентября, когда советский генерал Чуйков со своей 62-й армией отступил внутрь города. 64-я армия генерала Шумилова, находившаяся также под началом Чуйкова, отступила на позиции рядом с его правым флангом и оказалась, таким образом, лицом к лицу с северным крылом 4-й танковой армии. Обе советские армии получали мощное подкрепление — на протяжении всего сражения Волжская флотилия доставляла им провиант, боеприпасы и пополнение, которые паромами переправлялись через реку²².

Вейхс склонялся к тому, чтобы нанести немедленный удар, прежде чем русские сумеют организовать оборону, однако Паулюс на несколько дней оказался связан отражением контратак со стороны Сталинградского фронта (1-й гвардейской, 24-й, 66-й армий) на своем северном фланге. При таких обстоятельствах Паулюс медлил с нанесением удара по городу. Эта нерешительность впоследствии стоила ему тысячных потерь и, возможно, исхода битвы, поскольку Сталин воспользовался предоставившейся передышкой для того, чтобы перебросить в город многотысячные подкрепления. Наконец, 7 сентября генерал Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, собрав у Гумрака две дивизии своего

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА, 1942–1943 ГГ.

В сентябре генерал Паулюс, возглавлявший 6-ю армию, повел по широкому фронту наступление на город и обескровил свои части в ожесточенных уличных боях. Когда 6 ноября 6-я армия попала в окружение к русским, в ее руках находилось около 90% территорий города. 31 января 1943 года в районе Красной площади Паулюс признал капитуляцию. Буквально за несколько часов до этого ему было присвоено звание фельдмаршала. Он стал первым полководцем такого ранга, сдавшимся в плен врагу.

51-го корпуса, бросился на штурм Мамаева кургана. Этот стометровый холм в центре города являлся топографической доминантой всего сектора обороны советских войск. Зейдлиц-Курцбах осуществлял наступление весьма методично: он двигался узким фронтом, чтобы за один раз брать всего один квартал, поскольку русские сражались за каждое здание, за каждый дом, принимая многочисленные контратаки. 13 сентября силами 51-го корпуса курган был взят, и на следующий день началось наступление к железнодорожной станции «Сталинград-1», находившейся всего в полукилометре от Волги. После этого начались ожесточенные уличные бои. 6-й немецкой армии понадобилось еще шесть дней, чтобы, наконец, выйти к Волге, в результате чего 20 сентября 62-я советская армия оказалась разрезанной на две части²³.

Тем временем 10 сентября в пяти милях к югу 48-й танковый корпус под командованием генерала Вернера Кемпфа также вступил в сражение. Он приближался к окраинам города вдоль линии, разделявшей позиции 62-й и 64-й армий советских войск, то есть фактически продирался через кустарник, преодолевал рвы и глубокие овраги, а также фанатичное сопротивление противника. Корпусу еще ни разу не приходилось участвовать в столь тяжелых боях, и тем не менее солдаты Кемпфа сумели подбить несколько десятков замаскированных советских танков Т-34 и Т-60*, уничтожить множество огневых точек, дотов, дзотов и других позиций. К 14 сентября 48-й корпус Кемпфа соединился с 51-м корпусом Зейдлица к югу от поймы Царицы, тем самым отрезав силы Шумилова от армии Чуйкова²⁴. После этого 48-й танковый был передан в распоряжение Паулюса, который использовал его для того, чтобы овладеть южной частью города — миссия, к которой корпус был совер-

* С начала 1942 года на основе легкого танка Т-60 выпускался танк Т-70.

шенно не приспособлен. Паулюс растрачивал драгоценные мобильные части для осуществления задач, вполне посильных пехоте. Потери немцев были огромными, но тем не менее к 26 сентября приказ был выполнен. В тот же самый день подразделения 6-й армии водрузили на административном здании на Красной площади флаг со свастикой. Увы, битва еще далеко не закончилась.

Сражение за Сталинград шло среди руин. Самолеты люфтваффе за два месяца до этого в ночь с 23 на 24 августа нанесли по городу сильный бомбовый удар. Во время этого ужасного налета погибло несколько десятков тысяч мирного населения. Воронки и разрушенные здания представляли собой удобные огневые позиции, чем и воспользовались бойцы Красной армии. 6-й армии Паулюса в городе противостояли целые отряды снайперов. Любая крупная операция в конечном счете превращалась в разрозненные боевые действия против отдельных позиций, причем в самых нечеловеческих условиях. Ни та, ни другая сторона не желала обременять себя пленными. Немецкие солдаты прозвали эти уличные бои «крысиной войной».

Гитлер возлагал на взятие Сталинграда большие надежды, ибо от этого, в конечном итоге, зависела его репутация. «Можете спать спокойно, — вещал он по радио немецкому народу, — никто никогда не сможет изгнать нас из Сталинграда»²⁵. С этого момента, уверял Гитлер, немецкая армия больше никогда не отступит от Волги.

Поскольку группа армий «А» была отвлечена для наступления на Кавказ, для защиты Паулюса с флангов просто не хватало резервных сил. 6-я армия оказалась теперь на острие гигантского выступа, протянувшегося от Дона к Волге. Ее фланги прикрывали румыны, итальянцы и венгры — ненадежные и плохо вооруженные союзники, чья способность противостоять тяжелым атакам русских представлялась весьма сомнительной.

Генерал Виктор фон Швельдер, командовавший 4-м корпусом, так и заявил. Он призывал Гитлера оставить затею со Сталинградом и сосредоточить удар где-нибудь еще, за что и был тотчас отправлен в отставку. На его место поставили генерал-лейтенанта Эрвина Йенекке²⁶. Генерал Густав фон Витерсгейм тоже выражал недовольство ходом сражения. 15 сентября Паулюс отстранил его от командования, заменив Гансом Валентином Хубе, суровым одноруким командиром 16-й танковой дивизии²⁷. Битва за город продолжалась.

Сталин, несомненно, был в восторге от того, что Гитлер позволил втянуть себя в затяжную уличную войну, где каждая сторона стремилась взять противника измором: ведь рельеф местности и диспозиция только играли на руку обороняющимся. Тактическое превосходство закаленной боями немецкой 6-й армии в этой ситуации оказалось сведено до минимума — ее подразделениям просто негде было развернуться для осуществления маневра, отчего боевые действия свелись к уличным схваткам с применением винтовок, пистолетов, пулеметов и ручных гранат. Сталин в начале октября подбросил Чуйкову подкрепление в виде девяти пехотных дивизий, двух танковых бригад и одной стрелковой. Когда и эти резервы истощились, он прислал новые. А 6-я армия в то время истекала кровью среди развалин Сталинграда.

Паулюс, не в состоянии, а может быть и отказываясь признать, что позволил завлечь себя в ловушку, в конце сентября бросил все свои силы напрямик в пекло, передав самый край левого фланга под контроль 3-й румынской армии. С 20 сентября по 4 октября он отправил четыре отдельных доклада, в которых сообщал об истощении резервов с призывом к Гитлеру в срочном порядке прислать ему подкрепление. 6 октября Паулюс был вынужден приостановить активные действия ввиду недостатка сил. После форсирования Дона он потерял 40000 человек, главным образом пехоты. В

одной дивизии пешие батальоны насчитывали теперь в среднем по три офицера и не больше сотни солдат и унтер-офицеров. Положение с боеприпасами было также катастрофическим. С начала сражения было израсходовано 25 миллионов ружейных патронов, 500000 противотанковых и 750000 артиллерийских снарядов²⁸.

Битва за Сталинград велась и за пределами города. К северу от города, на перешейке между Доном и Волгой, Сталин задействовал еще три армии. Для предотвращения угрозы прорыва туда пришлось перебросить 8-й и 11-й корпуса. Наступление русских было временно приостановлено. Тем не менее, советские войска продолжали контратаки, для отражения которых пришлось отвлечь еще пять дивизий. И хотя русские несли куда более тяжелые потери, нежели немцы, Сталин мог себе позволить подобную роскошь. Чего нельзя было сказать о Паулюсе. Тем временем румынская 4-я армия (6-й и 7-й корпуса) под командованием генерала Константинеску взяла на себя оборону бывшей зоны 4-й танковой армии южнее Сталинграда²⁹.

Командующий 4-м воздушным флотом барон Вольфрам фон Рихтгофен уже начал критически отзываться о том, каким образом Паулюс ведет сражение. Кроме того, он докладывал об утрате 6-й армией ее некогда знаменитого боевого духа. Рихтгофен также призвал начальника генштаба генерала Курта фон Цейтцлера заменить Паулюса на какого-нибудь более решительного командующего³⁰. Увы, ничего подобного не произошло. В течение второй недели октября Гитлер прислал 6-й армии подкрепление в виде пяти батальонов³¹ и танковой дивизии из 4-й танковой армии. Кроме того, Паулюс перебросил еще одну пехотную дивизию с левого фланга и 14 октября возобновил боевые действия,

используя при этом свою старую тактику: вместо решительного наступления вдоль всей линии противостояния он предпочел серию локальных боев в обозначенных им местах. Русские постепенно теряли свои позиции, отчего их сопротивление с каждым днем становилось все ожесточеннее. Последующие две недели стали временем самых жестоких уличных боев за всю войну³².

15 октября, несмотря на мощный артиллерийский обстрел, который русские вели с восточного берега Волги, 14-му танковому корпусу, несмотря на его истощенные силы, удалось взять Сталинградский тракторный завод в северной части города. Погода тем временем становилась все холоднее. Мощный ливень 18 октября на следующий день сменился мокрым снегом. К западу от боевых позиций 6-й армии дороги снова превратились в непролазные болота, и транспорты с провиантом и боеприпасами увязли по самые ступицы колес. Тем не менее Паулюс продолжал атаковать, используя запасы, полученные им в первой половине октября³³. Фюрер дал ему приказ, и Паулюс намеревался выполнить его во что бы то ни стало! Ведь фюрер, если на то пошло, всегда прав! К 23 октября пал завод «Баррикады», и половина металлургического предприятия «Красный Октябрь» оказалась в руках немцев. К 1 ноября у русских осталось лишь несколько небольших плацдармов на левом берегу Волги. 90% разрушенного города находились под контролем армии Паулюса, однако тот был вынужден отказаться от нанесения заключительного удара. Силы его были истощены, вооружение на исходе. Сталин ввел в действие свежие подкрепления. Паулюс произвел перегруппировку и 10 ноября атаковал снова, в четырех отдельных боевых операциях, которые возглавляли четыре вновь прибывших инженерных батальона. В одном месте атакующим удалось прорваться сквозь северный плацдарм русских, уничтожив остат-

ки дивизии противника. Однако в течение сорока восьми часов от подкреплений Паулюса тоже практически ничего не осталось³⁴. Его последнее наступление провалилось.

Контрнаступление русских против 3-й румынской армии началось 19 ноября. На следующий день 48-й танковый корпус, которым теперь командовал генерал-лейтенант Фердинанд Гейм — до недавнего времени начштаба Паулюса — был наголову разбит, а румынская 4-я армия на южном его фланге развалилась буквально на глазах, отчего 4-я танковая армия оказалась расколота надвое. Паулюс собрал остатки 14-го танкового корпуса с тем, чтобы прикрыть тылы, и перебросил 11-й корпус на левом крыле на более удобные и не столь растянутые оборонительные позиции, однако был бессилён предотвратить грозившее ему окружение. На следующий день, 21 ноября, расположенные к северу силы Красной армии развернулись на 90 градусов, нацелившись прямо в тыл 6-й армии, и к полудню передовые бронированные части русских находились уже в пределах видимости командного пункта Паулюса у Голубинского. Генерал Паулюс вместе со своим штабом в срочном порядке бросился искать спасения южнее, устроив новый командный пункт на аэродроме Гумрак. В этот же самый день Гитлер отдал роковой приказ: 6-я армия, несмотря на опасность окружения³⁵, должна стоять до последней капли крови. При этом Гитлер пообещал наладить снабжение армии с воздуха силами люфтваффе.

Позднее, в тот же день, Паулюс и начальник его штаба генерал-майор Артур Шмидт встретились с генералом Мартином Фибигом, командиром 8-го авиакорпуса, который честно признался им, что не сможет организовать воздушный мост. Паулюс и, в особенно-

сти, Шмидт ему не поверили³⁶. В Артуре Шмидте Паулюс нашел сильную личность, способную направлять и поддерживать своего командующего. До самого конца сражения Паулюс останется под действием исходящей от Шмидта энергии.

22 ноября стал роковым днем в истории нацистской Германии. Передовые части русских, наступавшие с двух сторон, соединились под Калачом, взяв 6-ю армию в котел, протяженностью в 30 миль и 24 мили в ширину (с севера на юг). На севере под мощными ударами русских дрогнул и был вынужден отступить к городу 11-й корпус. В 6 часов вечера Паулюс и Шмидт встретились с Готом и генерал-майором люфтваффе Вольгангом Пикертом, то есть с командующими 4-й танковой армии и 9-й зенитно-артиллерийской дивизии. Во время совещания Паулюс не проронил ни единого слова, разве что только поддакивал Шмидту. Начальник штаба сказал Готу и Пикерту, что 6-я армия просто не располагает достаточным количеством горючего, чтобы вырваться из Сталинграда, и поэтому ее придется снабжать с воздуха. Пикерт настаивал на том, что армия должна немедленно осуществить прорыв в юго-западном направлении, поскольку считал, что в условиях русской зимы невозможно будет осуществлять снабжение армии с воздуха в столь гигантских масштабах. «И тем не менее придется, — возразил Шмидт. — Оказавшиеся в окружении могут помочь тем, — добавил он, — что первое время будут питаться кониной», дав таким образом люфтваффе время наладить воздушный мост³⁷. Паулюс поддержал его. Он обманывал самого себя.

Любому младшему лейтенанту известно, что самый удобный момент для прорыва из окружения бывает сразу после того, как вы в него попали, поскольку противник, как правило, не успевал укрепиться на новых позициях и ликвидировать слабые места. Разумеется, было это известно и командующему 6-й армией. 27 ноября в

штабе армии все дружно пытались уговорить Паулюса на свой страх и риск осуществить прорыв. Генерал фон Зейдлиц-Курцбах призывал его последовать по «стопам льва», намекая на генерала Карла фон Литцмана, который 1 ноября 1914 года попал в окружение, но, презрев все приказы, осуществил дерзкий прорыв. Генерал Ханс Хубе, однорукий командир 14-го танкового корпуса, заявил: «Прорыв — наш единственный шанс». Генерал Штрекер (командующий 11-м корпусом) умолял Паулюса: «Мы просто не можем остаться здесь и погибнуть!» Генерал Вальтер Гейтц (командир 8-го корпуса) призывал к немедленному прорыву, независимо от возможных потерь. Гораздо разумнее, доказывал он, осуществить прорыв, даже если живыми из него выйдут всего пять дивизий, чем загубить в окружении все двадцать. Генерал Йенеке заметил: «Рейхенау наверняка отмел бы в сторону всякие сомнения».

«Я не Рейхенау», — мрачно отозвался Паулюс.

Спор продолжался. Йенеке, личный друг Паулюса, давил на него как мог. «Да мы пройдем сквозь русских, как горячий нож через масло», — уверял он. Зейдлиц признался, что он уже отдал приказ своим частям уничтожать излишки снаряжения, которое невозможно будет взять с собой во время броска. Он первым подал пример, бросив в огонь все, что имел, оставив на себе одну только форму. Все командующие корпусами выразили свое одобрение и, несмотря на приказ Гитлера, требовали немедленного прорыва.

«Мы должны подчиниться», — стоял на своем Шмидт.

«И подчинимся», — вторил ему Паулюс.

Позднее генерал Йенеке, которому в самый последний момент удалось спастись во время Сталинградской катастрофы, писал: «Несмотря на весь его ум, генерал-полковник Паулюс был слишком робок, чтобы противостоять Гитлеру. Я убежден, что это и есть истинная, глубинная причина его провала».

Генерал Зейдлиц отказался принимать к исполнению приказ Паулюса. Эта строптивость явно могла считаться семейной традицией Зейдлица. Один из его предков, генерал Фридрих Вильгельм фон Зейдлиц, одержал во время Семилетней войны победу при Цорндорфе благодаря именно тому, что проигнорировал приказ Фридриха Великого. Позднее генерал-майор Флориан фон Зейдлиц во время наполеоновских войн тайком принимал участие в переговорах с русскими. Эти переговоры привели тогда к заключению российско-прусского соглашения и, в конечном итоге, к выходу Пруссии в 1813 году из наполеоновской коалиции. И вот теперь генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц в обход Паулюса потребовал, чтобы командующий группой армий «Б» барон Максимилиан фон Вейхс взял на себя смелость отдать приказ о прорыве³⁸. «Бездействовать, — предупреждал Зейдлиц, — с военной точки зрения значит совершать преступление. Это — преступление перед немецким народом»³⁹. Вейхс не внял его призывам. 6-я армия не сдвинулась с места.

Затея с воздушным мостом провалилась, как, впрочем, и предсказывал Рихтгофен и другие эксперты. 4-й воздушный флот, не имея в своем распоряжении достаточного количества машин, в обстановке скверных метеоусловий и угрозы нападения со стороны советских самолетов, по данным на 11 декабря поставлял в день лишь до 70 тонн провианта и боеприпасов. И это при том, что ежедневно 6-й армии требовалось 750 тонн и еще минимум 300 тонн, чтобы покрыть уже образовавшийся дефицит⁴⁰. В тот день Паулюс и Шмидт снова встретились с Фибигом. По их словам, с конца ноября солдаты получали лишь треть положенного им пайка. С 16 декабря им придется начать расходовать

последние «неприкосновенные» запасы, а к 18 декабря и те будут исчерпаны. К моменту этой встречи почти все лошади были пущены на мясо. Общее физическое состояние солдат ухудшалось буквально на глазах. Из попавших в котел 270000 солдат лишь 40000 были в состоянии держать оружие. Советские войска на линии блокады уже ничего не опасались, зная, что немецкие солдаты не произведут по ним ни единого выстрела, поскольку в армии Паулюса теперь на счету был каждый патрон. Многие солдаты спали в воронках или же прямо на мерзлой земле, укрывшись одним одеялом, поскольку землянок хватало лишь для трети личного состава. Десятки тысяч человек получили обморожения, и еще тысячи замерзли насмерть. Топливо, разумеется, не поставлялось, а имевшиеся запасы давно израсходовали⁴¹. На 7 декабря в окруженной армии стали выдавать полбуханки черствого хлеба на пять человек. 26 декабря Вильгельм Хоффман из 267-го пехотного полка 94-й пехотной дивизии писал в своем дневнике: «Лошади давно съедены. Я бы съел и кошку. Говорят, что у них вкусное мясо. Солдаты скорее похожи на трупы или на лунатиков. Они больше не прячутся от русских снарядов. У них нет сил ходить, бегать и прятаться»⁴². Но и теперь у Паулюса оставалась последняя возможность хотя бы частично спасти свою армию.

* * *

Штаб группы армий «Дон» (бывший штаб 11-й армии) в конце ноября с целью спасения 6-й армии был передан под командование фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Несмотря на неблагоприятную раскладку сил, Манштейн создал ударную группировку в составе 4-й танковой армии, которая смогла дойти на расстояние 30 миль от Сталинграда, но затем была остановлена. Манштейн призвал Паулюса осуществить

прорыв. Даже Гитлер на этот раз не возражал, но Паулюс медлил. По его прикидкам, у него оставалось горючего на 18 миль, не больше. Генерал-полковник (он получил повышение 1 ноября) не сдвинулся с места.

Манштейн отправил к Паулюсу майора Эйсмана, чтобы тот убедил упрямого генерала, но безрезультатно. «Что в конечном итоге определило позицию штаба 6-й армии, — писал позднее Манштейн, — так это мнение ее начштаба». «Шестая армия, — заявил Шмидт, — останется на занимаемых позициях до самой Пасхи. Главное, чтобы вы как следует наладили ее снабжение». Манштейн сделал вывод, что все аргументы Эйсмана «отскакивали как от стены горох»⁴³.

С момента окружения и до Рождества 1942 года, то есть менее чем за месяц, под Сталинградом умерло 28000 человек. Теперь 6-я армия насчитывала 246000 человек, включая 13000 румын. Пехота была ослаблена до предела и ее пытались укрепить за счет вспомогательных войск, хотя они не слишком годились для ведения боевых действий. Тем временем в Сталинграде стояли лютые морозы, все сильнее подрывавшие боеспособность солдат⁴⁴. В довершение ко всем бедам аэродромы 4-го воздушного флота у Морозовской и Тацинской перешли в руки противника, что еще больше затруднило функционирование воздушного моста.

27 декабря 4-я танковая армия, сопровождавшая колонну с продовольствием, начала отход, чтобы самой не попасть в окружение. 6-я армия дважды — 8 и 9 января 1943 года — отклонила предложения о капитуляции, после чего подверглась наступлению со стороны семи советских армий. Через два дня был потерян Питомник, лучший из двух аэродромов, все еще оставшихся в распоряжении 6-й армии. На линии фронта появились бреши, и Паулюс, у которого оставалось менее сотни танков и в обрез горючего и боеприпасов, был бессилён ликвидировать их. Тем не менее, несмотр-

ря на тающие на глазах ресурсы, он продолжал оказывать сопротивление. Последний имевшийся у него аэродром, Гумрак, пал 22 января.

Русские тем временем прорвали в юго-западном секторе трехмильную брешь, которую Паулюс не смог закрыть. На следующий день русские хлынули внутрь котла с запада и дошли до тракторного завода. Группировка немцев оказалась разрезанной надвое, а 11-й корпус был окружен на севере. Паулюс доложил в ставку Гитлера о более чем 12000 раненых, многие из которых оставались лежать на улицах города⁴⁵. Вскоре после этого Паулюс издал приказ, запрещающий кормить раненых. Паек получали только те, кто еще мог держать оружие. Гитлеру он отправил следующее донесение: «Ваши приказы исполняются. Да здравствует Германия!»⁴⁶.

Паулюс был в отчаянии. Как-то раз он пожаловался одному пилоту люфтваффе, что его солдаты не ели вот уже четыре дня. «Вы можете себе представить, чтобы солдаты набросились на труп лошади, размозжили ей череп и стали есть сырой мозг?»⁴⁷ Однако фюрер не позволил ему капитулировать, а солдату полагалось безукоризненно подчиняться, все равно какой ценой. 6-я армия продолжала сражаться. К 25 января на улицах города валялись уже 20000 брошенных на произвол судьбы раненых⁴⁸.

28 января южный котел оказался разрезан надвое. Штаб 6-й армии теперь располагался к югу от остальных двух групп в развалинах большого универмага на Красной площади. Охраняли его остатки 71-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Александра фон Хартманна⁴⁹. Через два дня Паулюс радировал оттуда Гитлеру: «В годовщину Вашего прихода к власти 6-я армия шлет своему фюреру горячие поздравления. Над Сталинградом по-прежнему реет знамя со свастикой. Пусть наша борьба станет для еще не родившихся поколений примером того, как стоять до конца, каки-

ми бы безысходными ни казались нам обстоятельства. Германия будет и дальше побеждать! Хайль, мой фюрер!»⁵⁰.

В тот же самый день 76-я пехотная дивизия прекратила свое существование. Возле железнодорожной станции Сталинград-1 попал в окружение и был вынужден капитулировать 14-й танковый корпус. За несколько дней до этого самолетом был отправлен в Германию генерал Хубе. Его заменили на генерал-лейтенанта Гельмута Шлемера, который и сдал корпус. В северном котле советские танки Т-34 прорвались к командному бункеру 8-го и 51-го корпусов. Вальтер фон Зейдлиц, Вальтер Гейтц и еще пять генералов капитулировали⁵¹.

В ту ночь, по рекомендации генерала Цейтцлера, хотя и не без внутренних колебаний, Гитлер возвел Паулюса в фельдмаршалы и послал ему напоминание о том, что до сих пор еще ни один фельдмаршал не попадал в плен к врагу. То есть Гитлер недвусмысленно предлагал Паулюсу взять в руки пистолет и свести счеты с жизнью.

Тем временем была разбита 71-я пехотная дивизия, а генерал фон Хартманн погиб. Не исключено, что он нарочно подставил себя под русские пули. В 6.15 утра 31 января радист штаба 6-й армии передал сообщение о том, что русские уже у самого порога. Последнее донесение поступило в Берлин в 7.15. В нем говорилось, что защитники уничтожают свою радиостанцию⁵². Вскоре после этого фельдмаршал Паулюс капитулировал. Гитлер никогда не простил его, заметив, что Паулюс пал лицом в грязь на самом пороге истории.

В 8.40 утра 2 февраля 1943 года генерал Карл Штрекер сдал русским последний котел с остатками 11-го корпуса⁵³. Битва за Сталинград окончилась. Из 274000, попавших 22 ноября в окружение, 13000 были румынами и 19700 русскими из вспомогательных сил. 25000 больных и раненых немецких солдат удалось вывезти по

воздушному коридору и 90000 сдались в плен на милость неприятеля. Это означает, что за время блокады погибли или скончались от голода и обморожения 150000 немцев. Таким образом, общее число жертв превышает 240000 (не считая тех, кого удалось эвакуировать). Однако и Паулюс, и Манштейн настаивали на цифре 220000.

По оценкам советских экспертов, потери немецкой стороны убитыми и захваченными в плен составляют от 258000 человек до полутора миллионов⁵⁴. Самой общераспространенной является цифра 230000. Разумеется, сюда не входят потери, имевшие место до и после окружения. Но по любым меркам, это была настоящая катастрофа.

Русские до сих пор не обнародовали данные о своих потерях под Сталинградом. 8-й и 3-й кавалерийские корпуса потеряли соответственно 36 и 45% живой силы⁵⁵. Так что, если потери этих двух корпусов принять за основу, напрашивается вывод, что русские также несли колоссальные жертвы.

Остаткам 6-й армии предстояло совершить несколько вынужденных марш-бросков, мало чем уступавших «Батаанскому»*. Лишь половина из них дошла в Сибирь до лагерей для военнопленных. И лишь 7000 было суждено снова увидеть Германию. Однако и они провели на чужбине более десятка лет.

Мужественное сопротивление 6-й армии имело для немцев одно позитивное значение: оно позволило выиграть время Манштейну. Поскольку в районе Сталинграда у русских было задействовано целых семь армий, это дало Манштейну возможность значительно укрепить фронт.

* В апреле 1942 г. японские войска, захватившие остров Лусон (Филиппины), оттеснили американцев и филиппинцев на полуостров Батаан. Попав в безвыходное положение, защитники Батаана сдались. По дороге от места капитуляции до сборного пункта военнопленных погибло несколько тысяч солдат и офицеров.

пить южный сектор Восточного фронта, который в декабре 1942 года грозил полным коллапсом.

* * *

Первоначально Фридрих Паулюс отказывался сотрудничать с русскими, предлагавшими ему выступить с антигитлеровскими речами, которые затем транслировались через линию фронта, но в 1944 году он не выдержал. В середине июля Паулюс призвал офицеров группы армий «Север» дезертировать или же не слушаться «убийственных приказов Гитлера стоять насмерть и не сдаваться русским»⁵⁶. Паулюс стал членом Национального Комитета «Свободная Германия»*. В результате вся его семья была арестована по личному распоряжению Гитлера, согласно доктрине коллективной семейной ответственности, которая широко практиковалась нацистами⁵⁷.

В 1946 году генерал-фельдмаршал Паулюс появился в качестве свидетеля советской стороны на процессе в Нюрнберге, однако из плена был выпущен лишь в 1953 году. Его жена умерла в Баден-Бадене четырьмя годами ранее. Паулюс поселился в Дрездене, в Восточной Германии, и какое-то время служил инспектором в народной полиции**. Умер он (предположительно от рака) 1 февраля 1957 года⁵⁸.

* В августе 1944 года Паулюс заявил о присоединении к Союзу немецких офицеров, который был частью движения «Свободная Германия».

** Данное утверждение не имеет ничего общего с действительностью.

ЭРИХ ФОН

МАНШТЕЙН

«Уважение, испытываемое Гитлером к Манштейну, граничило со страхом», — писал в 1977 году Дэвид Ирвинг¹. Что ж, у фюрера имелись основания опасаться Манштейна.

«Общее мнение среди генералов, которых мне довелось допрашивать в 1945 году, — писал в январе 1958 года Б. Х. Лиддел Гарт, — сводилось к тому, что фельдмаршал фон Манштейн проявил себя как самый талантливый командир во всей армии и именно его они в первую очередь желали бы видеть в роли главнокомандующего»². Так считал, например, Герд фон Рундштедт, самый старший из немецких фельдмаршалов, Гейнц Гудериан и многие другие. Даже Гитлер как-то раз заявил: «Возможно, что Манштейн — это лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус генштаба»³. Именно по этой причине Гитлер его и опасался. Манштейн пользовался всеобщим уважением, более того, немецкие генералы испытывали перед ним нечто вроде священного трепета — а ведь представителей этой касты никак не заподозришь в недооценке собственного «я». Так что, если кто и был способен на успешный военный переворот, то это наверняка Манштейн.

Фриц Эрих фон Левински родился 24 ноября 1887 года в Берлине. Его отец, генерал артиллерии Эдуард фон Левински, впоследствии командовал корпусом в германской имперской армии. Военные традиции этой прусской семьи берут начало еще во времена тевтонских рыцарей. Эрих, однако, оказался десятым ребенком в семье, а поскольку его тетка, сестра матери, была бездетна, отец Эриха позволил ей усыновить мальчика. Отчимом Эриха стал генерал-лейтенант Манштейн, дивизионный командир в кайзеровской армии. Эрих в конечном итоге взял его фамилию и стал называться *Фриц Эрих фон Левински названный фон Манштейн* — короче, *Эрих фон Манштейн*⁴.

Манштейн получил образование в Страссбурге в нескольких кадетских школах. В 1906 году он, как само собой разумеющееся, поступил в качестве соискателя офицерского звания в элитный 3-й прусский пехотный гвардейский полк и 1 июля 1907 года получил первый офицерский чин. В 1913—1914 годах младший лейтенант Манштейн учился в военной академии, где удостоился похвального отзыва генштаба. Когда началась первая мировая война, Манштейн, уже лейтенант, служил адъютантом во 2-м гвардейском резервном полку⁵.

Молодой Манштейн сражался в Бельгии, затем в Восточной Пруссии и в Польше (под началом своего дяди, фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга) и был тяжело ранен в ноябре 1914 года. Он вернулся в строй в мае или первых числах июня 1915 года, после чего служил в качестве адъютанта при штабе 12-й армии, а затем офицером генштаба при 2-й и 1-й армиях на Восточном и Западном фронтах. После сражения при Вердене Манштейна назначили начальником оперативного управления 4-й кавалерийской дивизии в Эстляндии и Курляндии, а с мая 1918 года он исполнял ту же

должность в 213-й ударной пехотной дивизии на Западном фронте. Первую мировую войну Манштейн закончил в звании капитана, имея такие награды, как Железный крест первого класса и орден Дома Гогенцоллернов⁶.

Природная одаренность Манштейна, его врожденный военный талант теперь получили подкрепление в виде бесценного боевого опыта. Годы Веймарской республики Манштейн провел на различных штабных должностях, за исключением трех лет, когда он командовал ротой пехоты (1921–1924 гг.) и еще одного года в качестве командира пехотного батальона (1931–1932 гг.). В 1933 году Манштейн получил звание полковника, а в начале 1934 был назначен начштаба третьего военного округа в Берлине. На следующий год он уже занимал должность начальника отдела боевых операций генштаба армии. 1 октября 1936 года ему было присвоено звание генерал-майора. В октябре 1937 года генерал Бек назначил Манштейна замначальника генерального штаба⁷.

В начале 1934 года Манштейн впервые испытал неприязнь к нацистам — тогда военный министр генерал Бломберг издал первые откровенно расистские приказы, касающиеся армии. Манштейн написал письмо протеста Рейхенау, в котором заявил, что со стороны армии является низжайшей трусостью идти на поводу у нацистской партии, проводя политику дискриминации против военнослужащих-евреев, которые в годы войны показали свою готовность жертвовать жизнью ради Германии. Рейхенау был взбешен. Он показал это письмо Бломбергу, которого Манштейн обвинял в трусости. Бломберг вызвал к себе главнокомандующего армией генерала Фрича и потребовал, чтобы тот приструнил Манштейна. Но Фрич, этот закаленный в боях пруссак, проигнорировал эти команды. Возможно, он и сам был согласен с Манштейном. Как бы там ни было, Фрич заявил Бломбергу, что вопросы армейской дисциплины его не касаются. К Манштейну он не предпринял никаких мер⁸.

Когда в начале 1938 года Гитлер имел встречу с Браухичем, имя генерал-майора Манштейна находилось у фюрера в черном списке. В тот же самый день Браухич сменил на посту Фрича, а сам Манштейн был снят с занимаемой должности. Однако, по всей видимости, опальный генерал был слишком талантлив, чтобы от него окончательно избавляться, поэтому ему поручили командование 18-й пехотной дивизией в Лейпциге, иными словами, отправили в ссылку. Тем не менее в сентябре 1938 года его рекомендовали на пост начштаба 12-й армии под командованием Лееба, предназначенной для вторжения в Чехословакию, а 1 апреля 1939 года Манштейну было присвоено звание генерал-лейтенанта⁹.

В апреле 1939 года Манштейна назначили начальником оперативного штаба Рундштедта, и вместе с полковником Гюнтером Блюментриттом он принимал участие в разработке планов вторжения в Южную Польшу и захвата Варшавы¹⁰. Манштейн оставался командовать дивизией до августа. Во время вторжения в Польшу он исполнял обязанности начштаба группы армий «Юг».

Как мы уже видели (в главе 2), именно Манштейн и стал автором плана, приведшего в 1940 году к капитуляции Франции. Не исключено, что из соображений мести за то, что Манштейн сильно подпортил ему карьеру, фон Браухич «дал ему под зад» и перевел командовать 38-м корпусом, который в то время формировался в Штеттине. Когда началось вторжение во Францию, Манштейн находился в отпуске в Лейпциге. О начале военных действий он узнал по радио.

Вскоре после этого 38-й корпус был приписан к группе армий «А», и Манштейну пришлось играть второстепенную роль по проведению мелких, завершающих операций после Дюнкерка. Последующие восемь месяцев он провел в оккупационных силах на Ла-Ман-

ше¹¹. 1 июня 1940 года ему было присвоено звание генерала от инфантерии¹².

В конце февраля 1941 года Манштейн получил назначение на пост командующего 56-м танковым корпусом, который еще только формировался в Германии¹³. Первоначально он включал 8-ю танковую, 3-ю моторизованную, 3-ю моторизованную СС и 290-ю пехотную дивизии и во время вторжения в Советский Союз входил в 4-ю танковую группу Хепнера, находившуюся в составе группы армий «Север»¹⁴. Манштейн отличился в России тем, что сумел прорваться вперед на 200 миль и уже на пятый день кампании без боя занял мост через Западную Двину у Двинска (Даугавпилса). Его действия по спасению 10-го корпуса и последующее уничтожение 3-й советской армии у Демянска являются наглядным подтверждением его военных талантов (см. гл. 5). После этого Манштейну пришлось отбивать советские контратаки между озером Ильмень и Чудским озером.

Тем временем 12 сентября, в тысяче миль к югу, на борту самолета связи «Шторх» находился генерал-полковник кавалерии риттер Евгений фон Шоберт. Он с воздуха направлял наступление 11-й армии на Перекопский перешеек, открывающий путь в Крым, когда неожиданно отказал мотор. Пилот попытался совершить вынужденную посадку, однако угодил прямо в минные поля. И летчик, и генерал погибли мгновенной смертью¹⁵. Наступление провалилось. Вечером того же дня Манштейн получил в свое командование 11-ю армию.

Как только Манштейн взял бразды в свои руки, оказалось, что ему поручены сразу две операции — захват Крыма и взятие Ростова. На тот момент в распоряжении Манштейна имелись следующие подразделения:

54-й, 44-й горный и 30-й корпус, то есть шесть пехотных и две горные дивизии, 1 моторизованная дивизия СС «лейбштандарт Адольф Гитлер», а также 3-я румынская армия (три горных и три кавалерийских бригады). Единственным мобильным подразделением была 1-я дивизия СС¹⁶. Манштейну с первого взгляда стало ясно, что для осуществления обеих задач у него просто недостаточно сил, поэтому в первую очередь он решил атаковать Крым, поскольку тот представлял собой удобный плацдарм для нанесения русскими удара по нефтяным месторождениям Румынии, а также являл собой значительную угрозу правому флангу группы армий «Юг»¹⁷.

24 сентября 1941 года Манштейн силами 54-го корпуса генерала Эриха Ханзена повел наступление на Перекоп. 49-й горный корпус генерала Людвига Кублера находился поблизости в резерве, готовый осуществить прорыв к Севастополю, этой морской твердыне русских на юго-западной оконечности полуострова. Манштейну для защиты левого фланга оставался лишь 30-й корпус генерала Ганса фон Зальмута и шесть надежных румынских бригад.

После ожесточенной схватки с шестью советскими дивизиями, Ханзену с его 54-м корпусом удалось 28 сентября штурмом взять Перекоп. Во время операции было захвачено 10000 пленных, 112 танков и 135 орудий. Однако победой так и не пришлось воспользоваться, поскольку русские 26 сентября атаковали левый фланг Манштейна силами сразу двух армий. 30-й корпус устоял, а румыны дрогнули, и Манштейн был вынужден в срочном порядке бросить в Ногайскую степь корпус Кублера.

Своим наступлением русские части к северу от Азова спасли Крым, однако одновременно оголили свой правый фланг, сделав его удобной мишенью для атак со стороны 1-й танковой армии Клейста. Тот вместе с Манштейном осуществил 5–10 декабря крупномасш-

табную операцию по окружению сил русских у Азовского моря. Ими была уничтожена советская 18-я армия, командующий которой погиб во время сражения, сильно обескровлена 9-я, в плен попали 65000 русских, захвачено или уничтожено 212 танков и 672 орудия¹⁸. Однако цена победы оказалась слишком высока, и русские получили трехнедельную передышку, давшую им возможность укрепить Севастополь и Крым.

К югу от Перекопа советское командование сосредоточило восемь пехотных и четыре кавалерийских дивизии, заблокировав тем самым путь на Севастополь. 49-й горный корпус был переведен из 11-й армии в состав группы армий «Юг», после чего у Манштейна остались лишь шесть дивизий, все пехотные, и практически никакой возможности для маневрирования. Сражение продолжалось десять дней – русские отступили лишь 28 октября. Манштейн стремительно преследовал их и сумел захватить более 100000 пленных, 700 орудий и 160 танков¹⁹. Овладеть Севастополем ему, однако, не удалось.

Оборона Севастополя продолжалась 247 дней. 30 октября Манштейн повел свои силы в наступление и сумел взять Балаклавские высоты. 17 декабря он предпринял, как ему казалось, заключительный штурм, однако, как только операция вступила в критическую стадию, русские предприняли удар с востока со стороны Керченского полуострова, вынудив тем самым Манштейна приостановить штурм крепости и перебросить подразделения от Севастополя к Керчи, где они и оставались на протяжении всей зимы.

На Новый год Манштейн удостоился чина генерал-полковника. В этом новом звании ему теперь пришлось вести действия на ограниченном участке между Севастополем и советским плацдармом в Керчи. В первых числах мая он неожиданно перебросил основные свои силы на восток, обрушив на Керченский плацдарм пять пехотных дивизий, 22-ю танковую дивизию и румынс-

кий корпус. С воздуха его поддерживал 8-й воздушный корпус Вольфганга фон Рихтгофена, оснащенный пикирующими бомбардировщиками «Ю-87».

За 10 дней Манштейн уничтожил две советские армии, захватил 170000 пленных, 1133 орудия и 258 танков. При этом его собственные потери составили всего 7500 человек²⁰. То была блестящая победа. Теперь, обезопасив тылы, Манштейн мог вновь перейти к штурму Севастополя.

3 июня он нанес по крепости мощный артиллерийский удар, задействовав при этом 1300 орудий. Затем при поддержке бомбардировщиков 8-го воздушного корпуса вперед пошла пехота. Несмотря на фанатичное сопротивление русских, Севастополь пал 3 июля. Были уничтожены еще 2 советских армии, захвачено в плен 90000 человек плюс 467 орудий, 758 пушек, 26 танков, 141 самолет и 155 противотанковых орудий. Вскоре после этого Гитлер произвел Манштейна в фельдмаршалы. Приказ был датирован 1 июля 1942 года²¹.

Гитлер не стал перебрасывать 11-ю армию ни в группу армий «А», ни в группу «Б», чтобы тем самым придать дополнительные силы летней кампании 1942 года. Вместо этого он передал армию Манштейна в группу армий «Север» для нанесения удара по Ленинграду. Гитлер ничуть не сомневался, что сумеет взять город. Однако Манштейн был настроен не столь оптимистично. Его наступление было запланировано на 14 сентября, однако русские опередили и 27 августа развернули собственные наступательные действия против правого фланга 18-й армии под командованием генерал-полковника Георга Линдемманна. 11-ю армию пришлось срочно перебросить в оказавшийся под угрозой сектор. Манштейну быстро удалось приостановить продвижение русских. Его войска уничтожили семь пехотных бригад и четыре бронетанковые бригады элитной 2-й ударной армии. Безуспешно пытаясь отойти назад, русские понесли крайне тяжелые потери, глав-

ным образом, убитыми. В плен попало лишь 12000 человек, были уничтожены и захвачены более 300 орудий, 500 гаубиц и 244 танка²².

По окончании сражения Манштейн присутствовал на похоронах собственного сына, двадцатилетнего Гера Эриха фон Манштейна, лейтенанта 51-го танкового гренадерского полка, который погиб от русского снаряда в последние дни битвы. Его похоронили на берегу озера Ильмень. После этого фельдмаршал уехал в отпуск, к жене, в Лейпциг, дабы утешить ее горе. По возвращении на фронт он буквально через несколько дней узнал о том, что русские, прорвавшись через позиции 3-й и 4-й румынских армий, 22 ноября окружили под Сталинградом 6-ю армию²³. Штаб Манштейна получил новое назначение в группу армий «Дон». Ему было поручено спасение 6-й армии, а также восстановление Южного сектора Восточного фронта. Военная карьера Манштейна вступила в свой самый критический сложный этап.

Еще до того как 27 ноября его штаб начал работать, Манштейн уже намекал Цейтцлеру и ОКХ, что 6-й армии надо разрешить прорыв. Однако Гитлер отказался дать разрешение на это, вследствие чего Манштейну предстояло решить сразу три задачи: 1) восстановить линию фронта, от которой практически ничего не осталось; 2) не допустить русских к Ростову и тем самым не дать им отрезать находившуюся на Кавказе группу армий «А»; 3) спасти от уничтожения 6-ю армию. Для выполнения всех этих задач Манштейн располагал (с севера на юг) лишь 17-м корпусом по реке Чир, остатками 48-го танкового корпуса, слабой 4-й танковой армией, а также остатками 4-й румынской армии. На таблице №5 дан весь боевой порядок на 1 января 1943, после того, как Манштейн получил подкрепление. Ему

ТАБЛИЦА

5

БОЕВОЙ ПОРЯДОК ГРУППЫ АРМИЙ «ДОН» НА 1 ЯНВАРЯ 1943 Г.

6-я армия: в окружении под Сталинградом.

Армейское подразделение Гота:

4-я танковая армия:

57-й танковый корпус:

17-я танковая дивизия

23-я танковая дивизия

Части 16-й моторизованной дивизии

5-я танковая дивизия СС*

Резерв:

16-я моторизованная дивизия (-)**

15-я полевая дивизия люфтваффе

4-я румынская армия:

Остатки шести румынских дивизий.

Армейское подразделение Холлиута:

Корпус особого назначения:

336-я пехотная дивизия

7-я полевая дивизия люфтваффе

3 различных боевых подразделения

17-й корпус:

22-я танковая дивизия

294-я пехотная дивизия

8-я полевая дивизия люфтваффе (-)

18-й танковый корпус:

6-я танковая дивизия

Элементы 306-й пехотной дивизии

29-й корпус:

Части 62-й пехотной дивизии

Части 298-й пехотной дивизии

Остатки восьми румынских и

итальянских дивизий

Резерв:

11-я танковая дивизия

306-я пехотная дивизия (-)

Тыловые части группы «Дон» — 403-я дивизия сил безопасности (-)

Резерв группы армий: танковая дивизия (в пути)

* В пути из группы армий «А»

** «(-)» — означает, что некоторые из частей данной дивизии отозваны или уничтожены.

противостояли десять советских армий, одна танковая, четыре воздушных, несколько отдельных кавалерийских, танковых и механизированных корпусов, а также более ста отдельных танковых, артиллерийских, противотанковых, саперных и других полков²⁴.

Манштейн с блеском провел операцию. Он оставил позиции в секторе Чира (когда ему ничего другого не оставалось), однако сумел сохранить в целости практически весь фронт. Бросив в бой свои последние резервы, он приостановил русских у Ростова и подошел на расстояние 30 миль к Сталинграду. Паулюс, однако, отказался осуществить прорыв, а Гитлер не пожелал дать ему соответствующий приказ. 6-я армия приказала долго жить. Манштейн, однако, еще долго удерживал путь к отступлению открытым, пока в этот «коридор» не прошла 4-я танковая армия. Если бы Гитлер прислал Манштейну подкрепление, о котором тот просил, да еще предоставил фельдмаршалу свободу действий — Манштейн наверняка сумел бы вызволить из окружения значительную часть 6-й армии.

Было бы полезным более подробно остановиться на боевых операциях Манштейна, однако объем книги не позволяет это сделать. В целом же их отличает гениальность, тонкая продуманность и даже некая эмоциональность. Чтобы как следует их понять, необходимо досконально изучить ежедневные передвижения каждого боевого подразделения. Правда, это могло бы стать сюжетом для целой книги, а не всего одной главы.

Невозмутимость Манштейна вошла в легенду. Например, 7 января 1943 года к нему в комнату вбежал его ординарец капитан Аннус: «Герр генерал-фельдмаршал, советские танки переправились через Дон всего в двенадцати милях отсюда и движутся прямо на нас... Казаки дрогнули... У нас ничего не осталось».

«Неужели? — спокойно отозвался Манштейн и улыбнулся. — Почему же, Аннус, у нас осталось еще немало

разных войск. Например, ремонтная мастерская по соседству, наверняка там найдется несколько более или менее исправных танков. Соберите все, что может пригодиться, и идите, бейте Советы. Пусть штаб займется организацией обороны. Мы не сдвинемся с места. Я поручаю вам устранить эту незначительную угрозу». И действительно, капитану Аннусу удалось остановить продвижение русских в десяти милях от ставки фельд-маршала²⁵.

Ростов стал воистину ключевой точкой кампании. Гитлер не успел вовремя дать приказ об отступлении группы армий «А», а русские силами девяти армий прорвались к Азовскому морю. Сумей Красная армия дойти до Ростова, как 4-я и 1-я танковые и 17-я армии, а также 4-я румынская армия — в общей сложности около 900000 человек — оказались бы отрезанными. Подобная катастрофа была бы сравнима только с той, что постигла немцев у Сталинграда. Осознав нависшую опасность, Манштейн произвел перегруппировку, задействовал резервы и остановил русских всего в двадцати милях от города²⁶.

* * *

Соппротивление у Сталинграда было сломлено ко 2 февраля 1943 года. Манштейн вылетел в ставку к фюреру, намереваясь потребовать от Гитлера, чтобы тот сложил с себя полномочия верховного главнокомандующего. Он, однако, не стал предъявлять этих требований, увидев настроение диктатора, а также узнав, что Гитлер признает свою ответственность за гибель 6-й армии. После четырехчасового совещания Гитлер уступил просьбе Манштейна, позволив ему оставить Восточный Донец, с тем чтобы высвободить для контрнаступления силы 4-й танковой армии²⁷.

Зимняя кампания значительно ослабила группу армий «Дон», однако при сложившихся обстоятельствах

можно было ожидать и худшего. Несколько танковых подразделений еще располагали достаточными силами для ведения активных наступательных действий. Манштейн собрал все танки в одном месте, передав их Готу в 4-ю танковую армию. Кроме того, ему удалось верно определить, что стремительное наступление русских на Харьков в конечном итоге приведет к тому, что они останутся практически без резервов, и что вряд ли советское командование ожидает от противника каких-либо решительных операций. В этом Манштейн не сомневался.

А вот Гитлер мучился сомнениями относительно исхода столь дерзкого плана. 16 февраля он вылетел в ставку группы армий «Дон» в Запорожье и уже был готов отменить всю операцию, однако в тот момент ему стало известно, что русские осуществили прорыв, причем совсем рядом. Ну а поскольку вражеские танки беспрепятственно наступали на расстоянии каких-то шести миль, Гитлер в срочном порядке ретировался, а Манштейн получил полную свободу проводить все операции по собственному усмотрению²⁸.

Контрнаступление Манштейна оказалось на редкость успешным. Ему удалось приостановить зимнее наступление русских, заново захватить Харьков, уничтожить советскую 3-ю танковую армию и приданные ей формирования, захватить или уничтожить 615 танков, 354 орудия, а также большое количество снаряжения на участке между Донцом и Днепром. 10 марта Гитлер снова прилетел в ставку Манштейна, на этот раз, чтобы наградить его «Дубовыми листьями» к Железному кресту²⁹.

По окончании немецкого наступления в районе Курска все еще сохранялся крупный выступ, который Гитлер хотел во что бы то ни стало ликвидировать. Манштейн же склонялся к тому, чтобы в первую очередь вернуть Донец, однако в конечном итоге согласился провести наступление у Курска — при условии, что

оно начнется в мае 1943 года, прежде чем Сталин успеет перебросить на выступ подкрепления. Гитлер, однако, тянул до самого июля. В результате под Курском произошло самое крупное танковое сражение, закончившееся поражением немцев. Русским удалось осуществить прорыв через южный фланг группы армий «Центр» и устремиться на запад. Так закончилось последнее крупное наступление Гитлера на Востоке.

С этого времени все дороги Манштейна были дорогами отступления. 17 июля вверенным Манштейну 20 пехотных дивизиям и 13 танковым или танковым гренадерским противостояли 10 советских пехотных дивизий, 10 танковых корпусов, 7 механизированных и 7 кавалерийских, 20 отдельных танковых бригад, 8 противотанковых плюс прочие разнообразные части. К началу сентября к ним были переброшены подкрепления в виде еще 55 пехотных дивизий, 2 танковых корпусов и более 10 танковых бригад. На 7 сентября превосходство русских над Манштейном составляло примерно 6:1. Группе армий «Юг» (как теперь называлась ставка Манштейна) противостояли 21 армия русских³⁰.

Манштейн отступил от Миуса к Донцу, а затем к Днепру. К 24 августа в его распоряжении оставались всего 257 танков и 220 орудий на фронте протяженностью в 1300 миль³¹. Гитлер то и дело требовал, чтобы Манштейн не сдавал ни пяди земли, но, увы, это было ему не под силу. Правда, он отстранил от занимаемой должности генерала Франца Вернера Кемпфа (командующего армейским подразделением «Кемпф», позднее 8-я армия). Это произошло после сдачи Харькова, хотя сам Манштейн отлично понимал, что в данной ситуации город все равно удержать не удалось бы.

И пусть Эрих фон Манштейн был великим полководцем, его характер далеко не всегда соответствовал его гению. В августе 1943 года он использовал Кемпфа в качестве «козла отпущения» за потерю Харькова, точ-

но так же как в декабре 1941 поступил с генералом графом Гансом фон Шпонеком, командовавшим 42-м корпусом, свалив на того всю вину за потерю Керчи и провал под Севастополем. Несомненно, Манштейн отдавал себе отчет, что Шпонец был не в состоянии силами одной-единственной дивизии сдержать натиск двух армий противника, и тем не менее он уволил генерала, а позднее не стал возражать, когда Гитлер упрятал проштрафившегося Шпонека за решетку. После 20 июля 1944 года Шпонека казнили без суда и следствия³². Кроме того, в России в отношении Манштейна к евреям также произошли заметные перемены. По крайней мере, прежде он проводил черту между евреями-иностранцами и немецкими солдатами, которым не повезло родиться евреями. Как мы помним, в 1934 году Манштейн угодил в немилость к нацистам именно за то, что открыто выступил в защиту солдат-евреев в немецкой армии. Однако уже 20 ноября 1941 года им был подписан приказ, в котором говорилось, что немецкий солдат на востоке должен стать «носителем безжалостной национальной идеологии, вследствие чего каждый солдат обязан до конца осознать необходимость сурового, но справедливого возмездия недочеловекам-евреям»³³. Правда, Манштейн не одобрял и не принимал участия в массовых зверствах, проводимых нацистами³⁴.

Не исключено, что причиной перемены в его отношении к евреям стал компромисс с властью — во имя собственного продвижения. Манштейна обуревало честолюбие, и он отнюдь не скрывал того, что был бы не прочь занять пост главнокомандующего Восточным фронтом, и, кстати, в этом стремлении его поддерживали многие генералы. 3 сентября 1943 года при поддержке Клюге Манштейн высказал Гитлеру несколько радикальных предложений. Они включали в себя пункт об объединенном командовании на Востоке (разумеется, под началом самого Манштейна), упразднение ОКВ

и передачу всех фронтов под начало генштаба сухопутных сил. Гитлер, разумеется, отмел все эти требования³⁵.

В начале октября 1943 года группа армий «Юг» насчитывала 37 дивизий средней численностью в тысячу человек каждая, то есть в среднем по восемьдесят человек на каждую милю фронта. Манштейн был не в состоянии удерживать позиции вдоль Днепра. Он отступил с прежних позиций и совершенно неожиданно предпринял еще одно блестящее наступление, разбив у Кривого Рога советскую 5-ю гвардейскую армию. Когда 28 октября остатки 5-й гвардейской обратились в бегство, они оставили после себя 350 танков, 350 орудий, 5000 пленных и около 10000 убитыми. Благодаря умелым действиям Манштейна обстановка на Восточном фронте временно стабилизировалась³⁶.

Советское зимнее наступление 1943–44 годов началось 24 декабря, и уже 31 декабря пал Житомир. 4 января 1944 года Манштейн прилетел в Растенбург и попросил разрешения отвести назад целиком весь южный фланг, но Гитлер ответил отказом. Тогда Манштейн попросил всех, кроме Гитлера и Цейтцлера, выйти из комнаты. После чего последовала сокрушающая критика действий фюрера на Восточном фронте. Гитлер высокомерно попытался поставить Манштейна на место, но тот продолжал говорить так, словно распекал беспомощного младшего лейтенанта. Закончил Манштейн свою речь тем, что в который раз потребовал назначения главкома Восточного фронта (разумеется, имея в виду прежде всего себя). В ответ на это Гитлер заявил, что даже он, фюрер, и то иногда не может добиться от фельдмаршалов исполнения всех своих приказов. Так неужели Манштейну это удастся лучше? «Да, — ответил тот, — моим приказам всегда подчиняются». Этого Гит-

лер никак не ожидал и быстро свернул встречу. Он отклонил обе просьбы Манштейна — как о назначении главкома, так и о разрешении отвести правый фланг³⁷. Как и следовало ожидать, 42-й и 11-й корпуса 8-й армии попали в окружение под Черкассами. Гитлер приказал командующему попавших в окружение частей, генералу Вильгельму Штеммерманну, держаться до конца и ни в коем случае не предпринимать прорыва.

27 января по предложению генерала Шмундта в Познани были собраны все ведущие командующие Восточного фронта, чтобы на протяжении двух дней слушать речи Геббельса, Розенберга и прочих. Устроители этого сборища поставили себе задачу заново разжечь в генералах боевой дух и веру в дело национал-социализма. После этого военачальников отправили в Растенбург, где сам Гитлер произнес перед ними прочувствованную речь об офицерском долге. «Если случится так, — вещал он, — что в один прекрасный день он как верховный главнокомандующий останется в одиночестве, первый долг офицерского корпуса собраться вокруг него с обнаженными кортиками, точно так же, как долг вверенных им полков, дивизий, корпусов и армий сплотиться вокруг своих командиров в минуты кризиса». «Так оно и будет, мой фюрер!» — выкрикнул Манштейн. Гитлер, судя по всему, не ожидал, что его прервут и был явно растерян. Ситуация складывалась в высшей степени двусмысленная. Было ли то со стороны Манштейна спонтанным выражением его личной преданности? Или же он намекал, что события будут развиваться именно таким образом, как и описывал Гитлер? Кто знает? Гитлер, разумеется, надеялся, что Манштейн имел в виду первое. Однако позднее Борман и личные адъютанты сказали ему, что генералы поняли это как раз иначе³⁸. Генерал кавалерии, граф Эрвин фон Роткирх-унд-Трах, командовавший тыловыми частями в Белоруссии, описывал, что произошло после этого:

«Это оказалось просто ужасно. Наступила такая тишина, что было слышно, как пролетит муха. А после того как речь закончилась, старина Кейтель завершил собрание обычной трепотней о фюрере, и нам пришлось кричать «Зиг Хайль!», но все это прозвучало ужасно неубедительно. Фюрер разделил завтрак с половиной генералов, а затем со второй должен был пить кофе — я оказался в числе приглашенных к завтраку, но до второй половины трапезы очередь так и не дошла»³⁹.

Вскоре после этого Гитлер вызвал к себе Манштейна и строго-настрого запретил ему прерывать его выступления.

Манштейн, несмотря на непролазную грязь русских дорог и перебои с горючим, сумел-таки протолкнуть колонны с провиантом и боеприпасами на расстояние пяти миль от Черкасского котла — невзирая на ожесточенные контратаки противника. Будучи не в состоянии двигаться дальше, Манштейн отдал Штеммерманну приказ преодолеть оставшиеся пять миль собственными силами. В ночь на 17 февраля 11-й и 42-й корпуса прорвали окружение, бросив все свои танки, артиллерию и тяжелое снаряжение. При прорыве пришлось пожертвовать арьергардом. Спасти удалось 30000 из 54000, при этом сам Штеммерманн погиб, а оба корпуса были разбиты. Всех, кто остался в живых, Манштейн отправил в Польшу заживать раны⁴⁰.

19 марта Манштейн снова полетел в ставку в Оберзальцберг, требуя, чтобы ему развязали руки. И в который раз Гитлер ответил отказом. Через четыре дня на Буге в окружение попала 1-я танковая армия (теперь под командованием генерала Ганса Хубе). И снова фюрер издал приказ «ни шагу назад», но Манштейн громко выразил свое возмущение. 25 марта, после нескольких ожесточенных споров по телефону, Гитлер вызвал его к себе в Бергхоф, и там Манштейн пригрозил отставкой. Гитлер скрепя сердце пошел на попятную и дал

разрешение на прорыв. Хубе сформировал крупные подвижные соединения и 6 апреля достиг немецких позиций, чем спас десять дивизий⁴¹. Однако когда он вернулся, Манштейна уже там не было.

30 марта 1944 года Гитлер вызвал Манштейна и Клейста к себе в Оберзальцберг, где наградил каждого из них Рыцарским крестом с Дубовыми листьями и шпагой, после чего отстранил от командования. На место Манштейна был поставлен фельдмаршал Вальтер Модель. А еще через несколько дней группа армий «Юг» была переименована в группу армий «Северная Украина».

Манштейн оставил свой пост без каких-либо обид. Гитлер сказал, что если еще задумает начать крупное наступление, то обязательно пригласит командовать им Манштейна. А когда фюрер в последний раз протянул ему для пожатия руку, Манштейн выразил надежду, что принятое фюрером в этот день решение окажется верным. Говорят, что в ту осень Гитлер пожаловал отставного фельдмаршала крупным именем⁴².

В конце войны фельдмаршал фон Манштейн попал в руки англичан и, после четырех лет тюрьмы, в 1949 году предстал в Гамбурге перед британским военным трибуналом. С него сняли два обвинения, касающихся истребления евреев, однако ему было инкриминировано нежелание защищать мирное население. Надо сказать, что этот суд заставляет усомниться в правомерности принятых на нем решений. Во-первых, дело первым представляло обвинение, а не защита (как то было принято во время военных трибуналов после второй мировой войны), а кроме того, после выступления защиты, обвинению разрешили изменить формулировки. Б. Х. Лиддел Гарт, «отец» теории бронетанковой войны и один из первых советников израильской армии, «был

до глубины души возмущен этим процессом и публично осудил его как пример вопиющего невежества или вопиющего лицемерия»⁴³.

19 декабря 1949 года Манштейн был признан виновным и приговорен к 18 годам заключения. Позднее ему сократили срок до 12 лет, а в августе 1952 года условно выпустили на свободу по медицинским показаниям. Окончательно освободившись из тюрьмы в мае 1953 года, Манштейн работал советником западногерманской армии. Им также были написаны мемуары «Потерянные победы». Надо сказать, что это прекрасная книга, несмотря на то, что Манштейн приукрасил ряд событий, в частности увольнение графа фон Шпонекка и Курскую битву. Эрих фон Манштейн скончался в Иршенхаузене (Бавария) 12 июня 1973 года в возрасте восьмидесяти пяти лет⁴⁴.

ГЛАВА IЗ

ГЕОРГ ФОН

КЮХЛЕР

Бретт-Смит писал: «Из всех фельдмаршалов Гитлера самой темной фигурой для нас сегодня является Георг фон Кюхлер»¹. Вся его карьера во время второй мировой войны, за исключением кампании 1940 года, была связана с Восточным фронтом. Несмотря на то, что с начала войны до 1944 года он занимал в армии самые высокие посты, его имя в наши дни никому не известно.

Георг фон Кюхлер был отпрыском старинной прусской юнкерской семьи. Родился он в замке Филипсруэ 10 мая 1881 года, образование получил в военных школах, а 12 марта 1900 года² поступил в имперскую армию в 25-й полевой артиллерийский полк в Дармштадте. В следующем году ему было присвоено офицерское звание. Кюхлер прослужил в артиллерии до 1907 года, после чего на два года был направлен в военную кавалерийскую школу в Ганновере. В 1910 году ему было присвоено звание оберлейтенанта, после чего он три года провел в Берлине, в военной академии, где проходил подготовку по линии генштаба. По окончании академии в 1913 году он был направлен в топографический сектор Большого генштаба в Берлине. Когда началась первая мировая война, Кюхлер, уже в чине капитана, получил в свое командование артиллерийскую батарею³.

В первую мировую войну капитан Кюхлер воевал на Западном фронте и принимал участие в битвах на Сомме, при Вердене и в Шампани. Он служил в штабах 4-го и 8-го корпусов, а в 1916 году был назначен первым офицером штаба 206-й пехотной дивизии. Позднее он служил в этом качестве в 8-й резервной дивизии в Германии, а в 1918 году состоял офицером генштаба при генерале графе фон дер Гольге в Прибалтике. В конце войны он все еще оставался в Прибалтийском секторе, сражаясь против русских и поляков в составе «добровольческого корпуса». В 1919 году Кюхлер вступил в рейхсвер и первоначально был прикомандирован к 1-му корпусу (позднее первый военный округ) в Кенигсберге, Восточная Пруссия⁴. Послевоенную карьеру Кюхлера отличает медленное, но верное продвижение по служебной лестнице. Он служил командиром батареи в 5-м артиллерийском полку, а в 1924 году был назначен комендантом Мюнстера. Позднее Кюхлер исполнял обязанности инспектора училищ в военном министерстве⁵ и в 1930 году состоял в штабе артиллерийской школы в Ютеборге. В 1924 году ему было присвоено звание майора, в 1929 — подполковника и в 1931 — полковника. В 1932 году Кюхлер получил пост заместителя командующего 1-й пехотной дивизии в Восточной Пруссии. 1 апреля 1934 года ему было присвоено звание генерал-майора. В 1935 году Кюхлер был назначен инспектором военных училищ и повышен в звании до генерал-лейтенанта. В 1937 году Георг фон Кюхлер сменил на посту командующего первым военным округом Вальтера фон Браухича и 1 апреля того же года удостоился звания генерала артиллерии⁶.

Поскольку Восточная Пруссия с трех сторон была окружена территорией Польши, можно сказать, что Кюхлер занимал весьма ответственный пост. Ему приходилось координировать с нацистами свою деятельность относительно обустройства линий приграничной обороны, а также наращивать военную мощь вверенно-

го ему округа. В 1938 году, во время кризиса Бломберга-Фрича, Кюхлер занял сторону Гитлера. При поддержке Гиммлера и гауляйтера Эриха Коха Кюхлер 13 марта 1939 года со своими войсками занял литовский порт Мемель (Клайпеду), сделав его частью «третьего рейха». То была последняя бескровная победа Гитлера⁷.

В сентябре 1939 года первый военный округ был переименован в 3-ю армию, состоявшую из семи пехотных дивизий, одной только что сформированной танковой дивизии и четырех бригад. Кюхлер разделил вверенные ему силы на три корпуса: 21-й (228-я и 21-я пехотные дивизии) под командованием Николая фон Фалькенхорста; 11-я и 61-я пехотные дивизии под командованием генерал-лейтенанта Вальтера Петцелля и танковая дивизия Кемпфа; корпус под командованием генерал-лейтенанта Альберта Водрига (1-я и 12-я пехотные дивизии). Кюхлер использовал «бригаду Эберхарда» для взятия Данцига, а остальные силы оставил в резерве армии или же для защиты юго-восточной границы Пруссии⁸.

Нельзя сказать, чтобы роль 3-й армии в Польской кампании сводилась к обороне, но, с другой стороны, взятие Данцига вовсе не являлось ее первоочередной задачей, так же как и соединение с остальными частями группы армий «Север», которая 1 сентября нанесла удар в направлении Восточной Пруссии. На свой крайний правый фланг для продвижения на юго-запад Кюхлер поставил только 21-й корпус, а сам силами 1-го корпуса и корпуса Водрига (всего 5 пехотных дивизий и 1 танковая) нанес основной удар в южном направлении против польской армии «Модлина», находившейся в районе Млавы, в направлении Варшавы. 3 сентября, то есть в день, когда группа армий «Север» и 21-й корпус соединились под Грауденцем (Грудзянцем), Кюхлер уже успел взять 10000 пленных и оттеснил армию «Модлина». Танковая дивизия Кемпфа сумела осуществить прорыв, и теперь ее передовые части находились

на расстоянии всего 50 миль от Варшавы⁹. Однако вряд ли одной дивизии было достаточно для взятия города — для решения этой задачи Кемпф получил подкрепление в виде 19-го корпуса Гудериана и 2-го корпуса генерала Адольфа Штраусса, после чего был направлен в Восточную Польшу с тем, чтобы не дать основным польским армиям отступить на восток и сформировать новый фронт. Армия Кюхлера напала на польских защитников у Нарева и Буга и соединилась с русскими, которые 17 сентября вступили в Восточную Польшу. Позднее 2-й корпус овладел Модлином (у слияния Вислы и Нарева, примерно в 20 милях к северу от Варшавы), захватив в плен 24000 человек¹⁰.

Кюхлер оставался в Польше до середины октября в качестве командующего приграничной армией «Север». После этого он был назначен командующим 18-й армии и направлен на север Германии, на правый фланг группы армий «Б» для участия в Западной кампании.

18 мая 1940 года на Кюхлера были возложены задачи по захвату Голландии. Ключевыми моментами этой операции были скорость, неожиданность и численное превосходство в воздухе, ведь в распоряжении Кюхлера имелось лишь пять пехотных, одна моторизованная и одна весьма слабая танковая дивизия (9-я, укомплектованная главным образом трофейными чехословацкими танками). Будь у голландской армии достаточно времени привести свои силы в полную боевую готовность, она ни в чем бы не уступила 18-й армии Кюхлера. Увы, этого не произошло. С 9-й танковой моторизованной дивизией СС и учебным брандербургским батальоном в авангарде вверенные Кюхлеру силы 10 мая в 5.30 утра вторглись на территорию Голландии¹¹. Основные города и мосты в отдаленных частях страны были взяты силами 7-й воздушной и 2-й воздушно-десантной дивизий, очистившими путь для наступления моторизованных частей. К 13 мая сопротивление голландцев было сломлено, 14 мая Нидерланды согласились на капиту-

ляцию¹². После этого Кюхлер повернул свои подразделения на юг и занял Антверпен. Затем он предпринял решающий бросок на Дюнкерк¹³, взяв при этом в плен 40000 французских солдат, которых не успел эвакуировать Британский королевский флот.

На Георга фон Кюхлера и его 18-ю армию во второй фазе французской кампании была возложена «историческая» миссия — взятие Парижа. Первоначально шесть дивизий Кюхлера находились в резерве. Их ввели в действие лишь после того, как французы отступали уже полным ходом. 13 июня французская сторона объявила Париж открытым городом, а уже утром 14-го 218-я пехотная дивизия прошагала парадным маршем по Елисейским полям¹⁴. Это событие стало высшей точкой в карьере Кюхлера. 19 июля за боевые операции в Польше и на Западе ему было присвоено звание генерал-полковника.

Генерал фон Кюхлер блестяще справился с поставленной перед ним задачей: сидя в люльке мотоцикла, он лично возглавлял свою армию в Нидерландах и Франции. Кюхлер пользовался любовью солдат — по словам американского корреспондента Луи Лохнера, возглавлявшего Берлинское бюро «Ассошиэйтед Пресс» (позднее Лохнеру также довелось частично редактировать дневники Геббельса), Кюхлер со своей стороны проявлял по отношению к своим солдатам «отеческую заботу». Случалось, генерал мог попасть под вражеские пули, бросаясь на помощь своим раненым бойцам. Надо сказать, что эта его привычка и была рассчитана на то, чтобы вызвать восхищение солдат¹⁵.

После падения Франции Кюхлера снова направили на север Польши, где он охранял восточные границы рейха от возможных провокаций советской стороны¹⁶. Для вторжения в Россию 18-я армия была введена в состав группы армий «Север» под командованием фельдмаршала Вильгельма фон Лееба и имела в своем составе восемь пехотных дивизий 1-го, 25-го и 38-го корпу-

сов¹⁷. Действуя на левом (северном) фланге немецких сил, Кюхлер захватил прибалтийские государства — Литву, Латвию и Эстонию, — а также уничтожил большую часть 8-й армии русских. Кюхлеру также удалось подойти к Ленинграду, однако взять город он так и не смог (см. гл. 5). 12 января 1942 года, когда полным ходом шло советское зимнее наступление, разочарованный фон Лееб попросил освободить его от командования. На его место 17 января заступил Георг фон Кюхлер.

В январе 1942 года группа армий «Север» состояла из 18-й армии (теперь под командованием Георга Линдемманна) и 16-й армии (генерал-полковника Эрнста Буша). С севера на юг 18-я армия включала в себя 26-й корпус, ведущий осаду 8-й советской армии у Ораниенбаума, 50-й, 28-й и 1-й корпуса, сдерживающие подступы к Ленинграду; к югу от озера Ильмень 38-й, 10-й, 2-й и 39-й танковые корпуса 16-й армии удерживали тонкую линию от озера Ильмень к Осташкову. Линдемманну противостояли советские 42-я, 54-я и 55-я армии, в то время как Буш отражал атаки на Волховском фронте (со стороны 4-й, 52-й, 59-й и 2-й ударных армий) и на Северо-западном фронте (со стороны 11-й, 34-й, 3-й ударной и 4-й ударной армий)¹⁸.

Ситуация, в которой оказался Кюхлер, была практически безвыходной (см. карту 16). У него не осталось никаких резервов, а его армия была не готова к ведению войны в зимних условиях. Морозы достигали 30°C. Кюхлер потерял несколько тысяч солдат вследствие обморожений; многие раненые замерзли из-за нехватки одеял.

Зимнее наступление в северном секторе вылилось в сражение за дороги. Кюхлер просто не располагал достаточным количеством живой силы, чтобы сохранять непрерывный фронт под яростными атаками русских. По этой причине он был вынужден удерживать только главные дороги.

Боевые действия сосредоточились на таких важных транспортных узлах, как Новгород, Холм, Демянск и Старая Русса. 281-я дивизия сил безопасности (значительно ослабленная) 21 января попала в окружение под Холмом, а весь 2-й корпус — всего 100000 человек — был окружен 8 февраля под Демянском. Но несмотря на тяжелые погодные условия и ожесточенные атаки русских истребителей, оба гарнизона снабжались силами люфтваффе с воздуха¹⁹. Контрнаступление русских у Старой Руссы было остановлено только после рукопашных уличных боев.

Кюхлеру пришлось прибегнуть к временным мерам с тем, чтобы предотвратить или сдержать прорывы русских и не потерять ключевых позиций. Для этого он задействовал недавно сформированные латвийские добровольческие батальоны СС, превращенные в пехоту вспомогательные части, силы наземного базирования люфтваффе и другие наскоро сколоченные боевые единицы. В результате основные позиции остались у него в руках. К началу марта ситуация оказалась уже более или менее под контролем, и Кюхлер предпринял серию контратак, направленных на ликвидацию советских выступов и восстановление линии фронта.

Первое успешное контрнаступление имело место в Волховском секторе, где двум советским армиям удалось продвинуться на пятьдесят пять миль, несмотря на то, что основание этого выступа было в ширину не более пяти миль. Кюхлер направил в этот сектор 58-ю пехотную дивизию под командованием генерал-лейтенанта Фридриха Альтрихтера, приказав тому нанести удар по южному основанию выступа, в то время как моторизованная дивизия СС атаковала русских с севера. Наступление началось 15 марта, и уже через четыре дня обе дивизии соединились, взяв в кольцо две советских армии. Сражение в Волховском котле шло не на жизнь, а на смерть, и продолжалось до июля, и тем не менее 17 русских дивизий и восемь отдельных бригад

прекратили свое существование. Большинство русских сражались до конца; в плен сдалось лишь 32000 человек²⁰.

В Холме пятитысячный гарнизон под командованием генерал-лейтенанта Теодора Шерера был окружен войсками 3-й ударной армии русских. Обе попытки помочь осажденным потерпели неудачу, но 5 мая генерал-лейтенант барон Хорст фон Уккерман со своей 122-й пехотной дивизией подошел к разрушенному городу и спас оставшихся в живых. После 103-дневной осады у Шерера уцелело лишь 1200 человек, способных держать оружие, и 2200 раненых²¹.

Тем временем Кюхлеру также удалось восстановить контакт со 2-м корпусом генерала графа Вальтера фон Брондорфф-Альфельдта у Демянска. Кюхлер сформировал у Старой Руссы пять специальных ударных дивизий под командованием генерал-лейтенанта Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха и 21 марта отправил их в бой. Продвижение было медленным, поскольку русские возвели пять отдельных линий оборонительных сооружений, способных остановить любые попытки снять осаду крепости. И тем не менее 20 апреля группа Зейдлица двинулась по весенней распутице на подмогу 2-му корпусу. Ко 2 мая немцам удалось закрепиться на отвоеванных позициях, и вскоре в Демянск пришел первый наземный транспорт²².

За вклад в остановку зимнего наступления русских 1941—1942 годов Гитлер 30 июня 1942 года присвоил Кюхлеру звание фельдмаршала²³. Однако проблема Ленинграда все еще оставалась нерешенной.

В августе 1942 года Гитлер перебросил 11-ю армию Манштейна из Крыма в северный сектор с тем, чтобы попытаться осуществить новое наступление на Ленинград. На 15 ноября Манштейн имел под своим началом четыре пехотных, две танковых дивизии и две дивизии люфтваффе плюс одну горную²⁴. Русские, однако, перешли в наступление первыми, и 11-я армия оказалась

связана оборонительными боями. Когда Сталинград попал в окружение, Манштейн и несколько его дивизий были переброшены на юг. В результате ни о каком крупном наступлении на Ленинград не могло быть и речи.

В октябре русские силами нескольких армий пытались прорвать блокаду Ленинграда, однако были отброшены. Однако, несмотря на неудачу, они тотчас начали готовиться к новому наступлению. 12 января 1943 года силами двенадцати дивизий они нанесли удар по Шлиссельбургу и через неделю пробили шестимильный коридор к Ленинграду. Впервые за семнадцать месяцев город получил связь с внешним миром. 41-я и 277-я пехотные дивизии 26-го корпуса под командованием Водрига были практически уничтожены. Русские продолжали атаковать вплоть до начала апреля 1943 года, однако без особых успехов. Весь «ленинградский коридор» находился в пределах досягаемости немецкой артиллерии, но силы группы армий «Север», удерживающей осаду города, находились на исходе²⁵.

Надо сказать, что в 1943 году Гитлер словно вообще позабыл о существовании группы армий «Север», как, впрочем, и все германское верховное командование. Некоторые из лучших дивизий Кюхлер были переброшены на юг, в ту пору самый слабый участок Восточного фронта. На таблице 6 видно, как убывали силы Кюхлера с 22 декабря 1942 года по 10 октября 1943 года. Обратите внимание, что он лишился всех своих танковых подразделений и всех, кроме одной, мобильных дивизий. На их место Кюхлер получил части наземного базирования люфтваффе, состоявшие из излишков живой силы авиации, то есть людей, не имевших достаточной подготовки для ведения наземного боя. К середине июля в группе армий «Север» оставалось лишь сорок девять танков против тысячи боевых машин у русских. Кроме того, Красная армия добилась по всей зоне военных действий относительного превосходства в

ТАБЛИЦА

6

**БОЕВАЯ МОЩЬ ГРУППЫ АРМИЙ «СЕВЕР» /В
ДИВИЗИЯХ/, 2 ЯНВАРЯ 1942 ГОДА -
10 ОКТЯБРЯ 1943 ГОДА**

Дата	Тех.	Танк.	Мотор.	Горн.	Егерск.	Возд.	Пол.	Безопасн.	Всего
дек. 22/42	33	2	3	2	3	4	1	3	51*
январ. 1/43	30	0	2	1	3	4	1	3	44*
апр. 9/43	31	0	2	1	3	6	1	3	47*
июль 7/43	32	0	2	1	3	6	1	3	48**
окт. 10/43	30	0	1	1	3	4	1	3	43

* за исключением 2-й бригады СС и 17-го полицейского полка

** за исключением бригады СС «Латвия».

воздухе. В июле и августе русские предприняли против Кюхлера очередное наступление, но к середине сентября стало ясно, что оно не принесет результатов. Тем не менее, когда наступление советских войск окончилось, у Кюхлера оставалось лишь семь годных танков²⁶.

Осенью 1943 года Сталин перебросил в северный сектор Восточного фронта целую группу армий, и Кюхлер не сомневался, что его ждет еще одно мощное наступление русских. Гитлер, однако, уже повсюду исчерпал свои резервы и был просто не в состоянии прислать Кюхлеру даже необходимые тому шесть пехотных дивизий²⁷. Вместо этого он возложил на Кюхлера ответственность за Невельский сектор, ранее относившийся к северному флангу группы армий «Центр». Этот шаг увеличил боевую мощь группы армий «Север» на «целых» три дивизии, увеличив при этом протяженность фронта на 48 миль, что, естественно, только усугубило бедственное положение Кюхлера²⁸.

6 октября 3-я ударная армия Советов нанесла удар по 2-й дивизии люфтваффе на крайнем левом фланге группы армий «Центр» под командованием Ключе. Не имевшая боевого опыта дивизия была разбита вдребезги. Быстро двигаясь вперед, русские повернули на северо-запад и уже вечером того же дня захватили ключевой город Невель на южном фланге группы армий «Север». Между обеими группами немецких армий образовалась пятнадцатимильная брешь²⁹.

Гитлер потребовал ответа, почему пал Невель. Ключе объяснил, что 2-я полевая дивизия люфтваффе дрогнула в первом своем бою и добавил, что Верховное командование должно отдавать себе отчет в том, что воюющие в России армии все чаще бывают вынуждены бросать в бой силы, совершенно не пригодные для сдерживания тяжелых атак. Ключе попросил слить 2-ю полевую с любой армейской дивизией, однако Гитлер отнесся к этой идее неодобрительно по той причине, что он якобы не желает разбавлять отборные воздуш-

ные части никуда не годными армейскими³⁰. Вскоре после этих событий Ключе попал в автомобильную аварию, и на его место был поставлен фельдмаршал Буш.

По настоянию Гитлера, Кюхлеру в первой половине ноября пришлось задействовать у Невеля силы, эквивалентные пяти пехотным дивизиям. И хотя он горячо протестовал против истощения резервов (поскольку опасался неизбежного наступления русских в Ленинградском секторе), Гитлер не стал слушать его возражений. Кюхлеру так и не удалось вернуть Невель, и в конечном итоге немецким войскам пришлось закрепиться к западу от города. Для этого Кюхлер использовал 19 смешанных батальонов сил полиции и безопасности, а также латвийские части, поместив их под командование жестокого генерал-майора СС Эриха фон дем Бах-Целевски³¹.

Гитлер возлагал ответственность за провал у Невеля на «мелкий эгоизм» командующих группами армий, и в особенности Кюхлера. Возможно, эти обвинения не были лишены оснований, поскольку Кюхлер никогда не ладил с Бушем, который прежде командовал под началом Кюхлера 16-й армией. Более того, через две недели после вступления в должность командующего группой армий «Север», Кюхлер обратился с прошением уволить пронацистски настроенного Буша, но его просьбу отклонили. Совместные действия обоих командующих в конце 1943 года наглядно свидетельствуют об отсутствии у них взаимопонимания и желания к сотрудничеству³².

В конце декабря 1943 года Верховное командование перебросило еще две дивизии из группы армий «Север» на левый фланг группы армий «Центр». Тем временем генералиссимус Франко потребовал, чтобы отборная 250-я испанская пехотная дивизия вернулась домой, что и было сделано. На ее место прибыло пополнение из не-немецких частей сомнительного качества³³.

Группа армий «Север» теперь насчитывала лишь 40 дивизий, явно недостаточных для защиты фронта протяженностью в 500 миль. Некоторые из этих формирований были крайне слабыми в боевом отношении или же являлись полевыми подразделениями люфтваффе, на большинство из которых не следовало особенно полагаться. Лучшие немецкие части были сосредоточены в составе 16-й армии в Невельском секторе, примерно в 500 милях от Ленинграда. На всей протяженности зоны военных действий не имелось ни единой танковой дивизии или бригады³⁴.

30 декабря в ставке фюрера Кюхлер попросил разрешения отойти на оборонительный рубеж «Пантера», примерно еще на сто миль западнее. Этот маневр позволил бы сократить фронт до 440 миль, 120 из которых находились по ту сторону Чудского озера, а еще пятьдесят — позади устья Нарвы, где она впадает в Финский залив. Сооружение этой оборонительной линии шло полным ходом начиная с сентября, и она была практически готова. По мнению Кюхлера, ему не составило бы труда удержаться на этих позициях, однако Гитлер не желал даже слушать об отступлении, поскольку знал, что финны уже ведут с русскими в Стокгольме переговоры о мире, и поэтому отступление немецких войск могло ускорить выход Финляндии из войны. Тем временем Верховное командование перевело закаленную в боях 1-ю пехотную дивизию из состава 18-й армии в группу армий «Юг»³⁵. Кроме того, Кюхлер лишился своих опытных 96-й и 254-й пехотных дивизий, которые прошли дорогами войны, начиная с боев на Западном фронте в 1940 году. Все три дивизии забрали у 18-й армии, осуществлявшей тогда блокаду Ленинграда. Кюхлер попробовал было возражать, но безрезультатно³⁶.

Возможно, Кюхлеру и удалось бы отстоять 30 декабря 1943 года свою точку зрения, не соверши он ошибку, а именно — он взял собой на совещание генерал-полковника Георга Линдемманна. Тот был убежден,

что сумеет продолжить блокаду Ленинграда силами своих хорошо укрепленных частей, даже несмотря на потерю двух-трех дивизий. 4 января 1944 года Кюхлер посетил ставку Линдеманны и едва ли не умолял командующего пересмотреть свою позицию, но Линдеманны по-прежнему был настроен оптимистично³⁷.

14 января советские части атаковали пять полевых дивизий люфтваффе и пятнадцать недоукомплектованных армейских дивизий 18-й армии. У русских имелось численное превосходство 3:1 в пехоте и артиллерии, и 6:1 в танках и самолетах. Первые три дня могло показаться, что сражение складывается в пользу Линдеманны, но вскоре перевес противника дал о себе знать. 17 января Линдеманны вынужден был задействовать целиком весь свой резерв — 61-ю пехотную дивизию, чтобы только как-нибудь сохранить остатки 10-й полевой дивизии люфтваффе. В то утро Линдеманны попросил разрешить ему отступление, но Гитлер ответил отказом. На следующее утро Линдеманны докладывал, что участки фронта к востоку от Ораниенбаума и западу от Ленинграда на грани полного коллапса. Под угрозой уничтожения оказались две дивизии 3-го танкового корпуса СС между Ораниенбаумом и Ленинградом³⁸.

В тот вечер Кюхлер информировал Верховное командование о своем намерении отступить независимо от того, как отнесется к тому Гитлер. На этот раз фюрер одобрил этот шаг, но только после того, как генерал Цейтцлер известил его о том, что отступление идет полным ходом. Правда, фюрер не возражал только против небольшого отхода назад. Крупномасштабное отступление к укрепленной линии «Пантера» так и не было санкционировано.

Приказ об отступлении пришел к двум дивизиям между Ораниенбаумом и Ленинградом с опозданием, когда они уже попали в ловушку и были уничтожены советскими 2-й ударной и 42-й армиями. Тем временем 5 пехотных батальонов 38-го корпуса попали в окруже-

ние под Новгородом, на правом фланге 18-й армии. Это поражение существенно подорвало южный фланг Линдеманна и отрезало его от 16-й армии. Кюхлер понимал, что надо разрешить 18-й армии отступление хотя бы до реки Луга, а иначе ей грозит неминуемое окружение³⁹.

По всему фронту сражение напоминало окопные схватки времен первой мировой войны. Полевые части люфтваффе развалились на глазах, а армейские дивизии были разбиты наголову под натиском советской пехоты и бронетехники. Некоторые дивизии лишились всех своих полковых командиров, а их численность сократилась примерно до пятисот человек. 18-й армии грозило полное уничтожение.

27 января 1944 года Кюхлер присутствовал на совещании верхушки национал-социалистов в Кенигсберге. На состоявшемся позже заседании за закрытыми дверями Кюхлер доложил фюреру, что 18-я армия уже понесла потери в 40000 человек, и, хотя она продолжает оказывать упорное сопротивление, необходимо позволить ей отступить к Луге. Гитлер, однако, выразил несогласие с мнением Кюхлера и оставил за собой право отдать приказ об отступлении⁴⁰.

После Кенигсбергского совещания Кюхлера уже вряд ли можно было назвать командующим. На следующий день его начальник штаба генерал-лейтенант Эберхард Кинцель, взяв дела в свои руки, отдал 18-й армии устный приказ к отступлению, как если бы это распоряжение исходило от самого Кюхлера. 30 января Гитлер одобрил это решение, однако потребовал, чтобы позиции у Луги удерживались до конца. Это удалось бы тремя днями ранее, но теперь было практически неосуществимо. 18-я армия оказалась расколота на три части, численный состав ее пехоты вследствие тяжелых потерь сократился с 58000 до 17000 человек. Только убитыми было потеряно 14000 человек⁴¹.

Гитлер сделал из Кюхлера козла отпущения за всю

случившуюся катастрофу. 31 января он вызвал его к себе в ставку на совещание высшего командования и освободил от занимаемой должности. Временно на место Кюхлера был поставлен фельдмаршал Вальтер Модель⁴². В марте 1944 года Модель приостановил наступление советских войск на линии «Пантера», как Кюхлер это планировал полугодом раньше. Тем временем было потеряно две трети численного состава 18-й армии. На карте 17 показаны позиции, оставленные 18-й армией за этот период.

* * *

Уйдя в отставку, Кюхлер оказался практически забыт. Правда, доктор Карл Герделер и Иоганн Попиц предлагали ему принять участие в антинацистском заговоре. Кюхлер выразил свое сочувствие их целям, однако от участия отказался⁴³.

* * *

Кюхлер с его неизменным моноклем имел репутацию «типичного пруссака», как по рождению, так и по складу характера, несмотря на «забавную, совершенно не прусскую неряшливость во внешности»⁴⁴. Во время второй мировой войны Кюхлер цивилизованно обращался с мирным населением. В Польше он отказался сотрудничать с карательными отрядами СС и не раз имел ожесточенные споры с гауляйтером Эрихом Кохом относительно того, как вели себя нацисты в этой стране⁴⁵. Осенью 1943 года Кюхлер приказал приостановить эвакуацию гражданского населения из Восточной Эстонии, поскольку это причинило мирным жителям много страданий⁴⁶. Совершенно иное дело партизаны. В России тылы его армий кишели партизанами, и он принимал к ним крутые меры, поскольку считал их преступниками.

ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕР», ЯНВАРЬ–МАРТ 1944 ГОДА.

Под командованием фельдмаршала Георга фон Кюхлера группа армий «Север» на протяжении девятист дней осуществляла блокаду Ленинграда. Русским удалось прорвать ее лишь в январе 1944 года, после чего Кюхлер был с позором отправлен в отставку. Его сменил генерал-полковник Модель, который вскоре был вынужден отступить к линии «Пантера». Модель вышел на новые оборонительные позиции 10 марта 1944 года. Русские не могли с ходу преодолеть оборонительные укрепления этой линии, и их контрнаступление было временно приостановлено. У немцев во время отступления особенно тяжелые потери понесла 18-я армия.

В конце войны Кюхлер был арестован и как второстепенный военный преступник предстал перед Нюрнбергским судом. 27 октября 1948 года он был приговорен к двадцати годам тюрьмы за «жестокое и безжалостное» обращение с партизанами в России⁴⁷. В феврале 1955 года Кюхлера выпустили на свободу, и вскоре он был позабыт⁴⁸. В 1961 году Кюхлер, согласно имеющимся данным, проживал вместе с женой в деревне неподалеку от Гармиш-Партенкирхена⁴⁹. Умер Кюхлер в 1969 году⁵⁰.

ЭРНСТ

БУШ

Обычно самым тяжелым поражением гитлеровских армий считается их разгром в битве под Сталинградом, но на самом деле это отнюдь не так. В Сталинградском сражении потери Паулюса составили только 230000, потери Эрнста Буша в ходе операций в районе Витебска и Минска равнялись по меньшей мере 300000. Эти сражения Пауль Карелл назвал «Каннами» группы армий «Центр»¹. Вот история жизни этого офицера.

Эрнст Буш родился 6 июля 1885 г. в Эссен-Штееле в промышленном Руре на западе Германии. Буш получил обычное для будущего немецкого офицера образование, в 1904 г. закончил военную академию в Гросс-Лихтерфельде и, получив первое офицерское звание, поступил в имперскую армию в Вестфальский 13-й пехотный полк в Мюнстере. В 1908 г. ему присвоили звание младшего лейтенанта в 57-м пехотном полку, а в 1913 году, повысив в звании до старшего лейтенанта, направили в военную академию в Касселе для продолжения образования².

Почти всю первую мировую войну Буш прошел пехотным командиром на Западном фронте. С началом военных действий он был назначен ротным командиром, а в 1919 году повышен до капитана. Некоторое время спустя Буш получает командование батальоном в 56-м пехотном полку. Он принимал уча-

стие в сражениях под Реймсом и Намюром, в секторе Артуа, во Фландрии, под Ля Басс, Аррасом, Верденом и в районе Шампани в 1918 году. За исключительную храбрость его наградили орденом «Pour le Merite». В период с 1919 по 1932 год Буш занимал различные штабные и командные посты, находясь в составе сотысячной армии, разрешенной Германии после окончания первой мировой войны. В 1925 году он был назначен инспектором транспортных войск рейхсвера, а в 1930 году, будучи командиром батальона в 9-м пехотном полку, он получает звание подполковника. Через два года Бушу передается командование 9-м пехотным полком в Потсдаме³.

Эрнст Буш был нацистом до мозга костей, слепо повиновавшимся Гитлеру. Он был жесток и часто признавался, что ему нравится заседать в «народном трибунале»⁴, часто выносившем смертные приговоры. Его биография не отличалась никакими чрезвычайными событиями до прихода Гитлера к власти в 1933 году, после чего он начал быстро продвигаться по служебной лестнице. Буш был подполковником и числился под номером 176 в списке старших офицеров немецкой армии в 1932 году⁵. Тем не менее, вскоре после прихода Гитлера к власти он получает звание полковника, а в 1935 году генерал-майора и должность командующего 23-й пехотной дивизией в Потсдаме. В 1937 году он становится генерал-лейтенантом и активно поддерживает Гитлера в ходе кризиса Бломберга-Фрича. Вскоре после этого в возрасте пятидесяти трех лет (довольно ранний возраст для подобного назначения) Буш заменил Эвальда фон Клейста на посту командующего восьмым военным округом в ходе чисток, проведенных фон Браухичем⁶. Тогда же он слепо поддержал планы Гитлера по вторжению в Чехословакию, несмотря на связанный с этим риск и возражения со стороны более высокопоставленных и опытных офицеров.

Во время вторжения в Польшу 8-й корпус Буша

(8-я, 28-я и 239-я пехотные дивизии, 5-я танковая дивизия и полк СС «Германия») находился на левом фланге 14-й армии Листа в составе группы армий «Юг». Он занял Краков, далее продвигался вдоль Вислы и завершил военную кампанию неподалеку от Львова⁷.

Буш заменил Георга фон Кюхлера на посту командующего 16-й (в прошлом 3-й) армией в ходе вторжения во Францию. Он не разбирался в танковой тактике и не верил, что танковый прорыв, предлагавшийся Гудерианом, позволит продвинуться немецким войскам дальше Мааса, не говоря уже о Ла-Манше, но главная задача Буша в ходе начавшегося наступления в рамках этой кампании состояла в том, чтобы прикрывать левый фланг сил Гудериана⁸. На втором этапе операции (очищение захваченной территории от войск противника) Буш руководил тринадцатью дивизиями (все — пехотные) и следовал за танковыми войсками на юг, вглубь французской территории⁹. После капитуляции Франции 19 июля 1940 года Буша производят в генерал-полковники¹⁰.

16-я армия Буша оставалась во Франции до весны 1941 года, когда ее передислоцировали в Польшу. В ходе вторжения в Россию 16-я армия находилась на южном фланге группы армий «Север». На 27 июня 1941 года в ней было семь дивизий, и все — пехотные¹¹. Позднее в том же году она получила значительное подкрепление. Армия Буша перешла советскую границу и продвигалась к Старой Руссе, которую на второй неделе августа заняли три дивизии 10-го корпуса 16-й армии после кровопролитных уличных боев. Затем в середине августа 10-й корпус был контратакован советской 34-й армией (восемь пехотных дивизий, кавалерийский корпус и бронетанковый корпус). 56-й танковый корпус Манштейна пришлось снять с наступления на Ленинград для оказания помощи в сложившейся здесь ситуации¹². 16 августа, делая доклад в ставке 16-й армии, Манштейн охарактеризовал сложившееся там

положение как «проигрышное». Однако блистательно-му Манштейну удалось изменить ситуацию, окружить 34-ю советскую армию и разгромить ее к 23 августа¹³.

Буш встречал зимнее наступление русских 1941—1942 годов с 38-м, 39-м танковыми корпусами, 10-м и 2-м корпусами: девятью пехотными дивизиями, одной моторизованной дивизией и одной моторизованной дивизией СС, находившимися на передовой, и с 18-й моторизованной дивизией в резерве¹⁴. 9 января в лютый мороз четыре советских армии (52-я, 11-я, 34-я, 3-я ударная) перешли в контрнаступление. Буш сообщил своему командованию, что не располагает никакими резервами и будет вынужден оставаться на прежних позициях. 2-й корпус под командованием генерала графа фон Брокдорф-Алефельдта попал в окружение около Демянска 8 февраля вместе с 30-й, 32-й и 123-й пехотными дивизиями, остатками 290-й пехотной дивизии и моторизованной дивизии СС «Мертвая голова», а также частями 12-й пехотной дивизии. 28 января генерал-лейтенант Шерер был окружен южнее, в районе Холма, вместе со штабом 281-й разведывательной дивизии и примерно 5500 личного состава из различных подразделений. Стойко сопротивлявшаяся в окружении 290-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Теодора фон Вреде в течение нескольких недель удерживала большую часть 34-й советской армии к югу от озера Ильмень, но в конечном итоге была почти полностью уничтожена. Буш сумел сохранить жизненно важный населенный пункт и источник продовольствия — город Старую Руссу — за счет своих последних резервов (18-й моторизованной дивизии под командованием полковника Вернера фон Эрдмансдорфа), но даже после этого в городе еще долго шли уличные бои, порой переходившие в рукопашную даже у ворот главного склада продовольствия и боеприпасов 16-й армии. В ходе этих сражений была практически утрачена всякая связь с левым флангом группы армий «Центр».

Кюхлер, незадолго до этого назначенный главнокомандующим группы армий «Север», был до такой степени недоволен действиями Буша, что даже запросил у руководства полномочий освободить его от командования. Впрочем, их ему так и не дали. К счастью для немцев, основные ударные силы русских повернули на юг, нацеливаясь в тыл группы армий «Центр», в сторону Витебска и Смоленска,¹⁵ но были остановлены неподалеку от цели своего наступления генералом Моделем (см. главу 17).

По мере того, как советские войска истощали свои силы, пытаясь наступать по всему фронту и разгромить все три группы немецких армий вместо того, чтобы удовольствоваться менее амбициозными целями, Гитлер и Кюхлер сумели укрепить ослабевшую 16-ю армию. Тем летом Бушу удалось спасти группу Шерера у Холма и восстановить наземную связь со 2-м корпусом у Демянска. Тем не менее, 2-й корпус так и не смог обрести прежнюю свободу действий до марта 1943 года, когда немецкие войска оставили «Демянский выступ»¹⁶.

С весны 1942 года до 1944 года советские армии вели операции в основном против 18-й армии, осаждавшей Ленинград. Бушу приходилось отражать лишь второстепенные наступления русских и, кроме потери Невеля в начале октября, у него на счету больше не было серьезных поражений. Но и крупных побед у него тоже не имелось. Как бы то ни было, но 1 февраля 1943 года он становится фельдмаршалом, несмотря на свои весьма посредственные успехи¹⁷. Буш был обязан продвижением исключительно своей репутации человека, верного нацизму, и благосклонности Гитлера, а отнюдь не каким-то выдающимся достижениям в области военного искусства.

28 октября 1943 года фельдмаршал Гюнтер фон Клюге получил серьезную травму в автомобильной катастрофе. На следующий день после этого Гитлер назначил Эрнста Буша его преемником на посту главнокоманду-

ющего группой армий «Центр». Буш по своим военным дарованиям явно не дотягивал до подобного назначения. И катастрофические последствия этого необдуманного шага не замедлили проявиться, как мы увидим несколько позже. Гитлер высоко ценил Буша как преданного национал-социалиста и человека, без колебаний готового выполнить любой приказ. Буш, со своей стороны, понимал, что он до сих пор никак не доказал свою способность оправдать это высокое доверие фюрера, и потому был склонен во всем полагаться на мнение Гитлера, даже в тактических вопросах. Приказ фюрера для Буша означал повиновение без лишних вопросов, без малейших сомнений и без мысли о том, чтобы как-то уклониться от его выполнения. Естественно, в результате Буш показал себя совершенно некомпетентным командующим группой армий — факт, в справедливости которого не останется и тени сомнения еще до завершения 1944 года.

В направлении с севера на юг группа армий «Центр» состояла из 3-й танковой армии генерал-полковника Георга-Ганса Рейнхардта (пять пехотных дивизий и четыре дивизии люфтваффе); 4-й армии генерал-полковника Готтарда Хейнрици (18 пехотных дивизий и 4 дивизии люфтваффе плюс 18-я танковая и 25-я танково-гренадерская дивизии) и 2-й армии генерал-полковника Вальтера Вайсса (11 пехотных и 4 танковых дивизии, плюс дивизия сил безопасности). Кроме того, Буш имел в своем распоряжении шесть венгерских пехотных дивизий, две учебных дивизии, три немецких и одну словацкую дивизию, всего — 76 дивизий. Эта цифра, однако, весьма обманчива. Венгерские дивизии и подразделения люфтваффе были практически бесполезны, а дивизии сил безопасности и учебные дивизии не обладали достаточной оснащенностью для ведения боевых действий. Дивизии СД, к примеру, состояли обычно из двух полков, небольших разведывательных, инженерных и сигнальных подразделений,

и не имели никакой артиллерии. Из оставшихся 55 дивизий ни одна не обладала полной численностью, а 22 могли считаться лишь остатками дивизий, сократившимися из-за многочисленных потерь до «боевых групп», отличавшихся тем не менее определенными боевыми достоинствами¹⁸. К следующему лету Буш провел слияние нескольких подобных подразделений и на 15 июня 1944 года располагал 38 пехотными дивизиями. Средняя численность пехотной дивизии на передовой к этому времени составляла всего 2000 человек (шесть батальонов)¹⁹.

Зимой 1943–44 гг. советские войска несколько раз атаковали группу армий «Центр», и Бушу удалось выиграть ряд оборонительных сражений. В зоне 4-й армии русские предпринимали четыре попытки взять Оршу (с октября по конец декабря 1943 года), но всякий раз после тяжелых и упорных боев терпели поражение, а 3-й танковой армии удавалось удерживать Витебск и противостоять трем советским армиям. Однако роль Буша во всех этих победах была, в основном, пассивной. Когда Рейнхардт запросил разрешения отвести свою самую северную дивизию, Буш направил его просьбу Гитлеру, который отклонил ее. В результате дивизия попала в окружение и спаслась только благодаря приказу Рейнхардта прорываться, несмотря на явное нарушение воли фюрера. Дивизия понесла совершенно бессмысленные потери, потеряла всю артиллерию, тяжелое вооружение и средства передвижения²⁰.

Гитлер отдал приказ 2-й армии на южном фланге Буша любой ценой удерживать свои позиции, несмотря на то, что группа армий «Северная Украина» под командованием Моделя отступала к Днепру, обнажая правый фланг группы армий «Центр». Ничуть не усомнившись в правильности решения фюрера, Буш удерживал растянутую линию фронта и направил основную часть своих танковых дивизий на юг. В результате этого приказа «удержаться любой ценой» между 2-й армией

и северным флангом Моделя образовался разрыв в шестьдесят миль²¹.

Зимой 1943–44 гг. велись тяжелые бои, но группе армий «Центр» удавалось удерживать Витебск и Оршу, доминировавшие над пятидесятимильным сухопутным «мостом» между Двиной и Днепром – историческим «ключом» к сердцу России. И это имело большое пропагандистское значение для немцев, но в других районах их дела обстояли значительно хуже. В середине января русские прорвали блокаду Ленинграда; группа армий «Север» была отброшена назад и потеряла связь с северным крылом группы армий «Центр»; а весной 1944 года немцы оставили Украину²². Когда из-за весенней распутицы на Восточном фронте наступило некоторое затишье в военных действиях, стратегическая ситуация у немцев была весьма плачевной.

В мае 1944 года Германия держала на Восточном фронте 2242649 человек личного состава – наименьшая цифра со времени начала войны с Россией. Им противостояли советские войска в количестве 6077000 – самая высокая цифра за все это время. «Третий рейх» полностью утратил инициативу на всех участках фронта. Советские военно-воздушные силы располагали преимуществом в воздухе, особенно над группой армий «Центр», где 6-й военно-воздушный флот имел всего сорок действующих истребителей против 3000 самолетов у русских. Группа армий «Центр» находилась в особенно тяжелом положении. При том, что это была самая сильная из групп армий с 792196 личного состава при 540965 у группы армий «Север» и 400542 у группы армий «Северная Украина», она занимала выступ, в котором оба фланга были обнажены, и она преграждала русским прямой путь на Берлин. Группу армий «Центр» на самом глубоко вдававшемся в советскую территорию выступе продолжали отделять от Москвы каких-нибудь 290 миль. Самое близкое рас-

стояние, на которое к этому времени русские подошли к Берлину, было значительно большим и составляло целых 550 миль²³.

В начале мая 1944 года разведка Верховного командования предсказывала, что летнее наступление советских войск будет проходить к югу от Припятских болот в направлении Румынии, Венгрии и Словакии и оттуда на Балканы, если все будет развиваться успешно. Разведка высказывала предположение, что обстановка на фронтах к северу от Припяти останется спокойной, даже несмотря на беспокоившие Буша признаки концентрации русских войск на Ковельско-Тернопольском участке. Цейтцлер соглашался, что к этой концентрации не следует относиться легкомысленно, и предложил создать резервную армию на правом фланге армий Буша с тем, чтобы противостоять возможной атаке. Верховное командование провело ряд мер по усилению 56-го танкового корпуса под командованием генерала Фридриха Хоссбаха (ядра резервной армии), находившегося на правом фланге армий Буша, танками, артиллерией и штурмовыми орудиями²⁴.

10 мая, когда Цейтцлер предложил использовать названную резервную армию для внезапного наступления, Модель, главнокомандующий группы армий «Северная Украина», ухватился за возможность отнять 56-й танковый корпус у своего 'значительно' менее влиятельного коллеги Буша. 15 мая он попросил у фюрера отдать ему этот танковый корпус, пообещав перейти в наступление. Эта идея, конечно же, очень понравилась диктатору, бредившему наступлениями. На протяжении нескольких следующих недель Модель буквально бомбардировал Гитлера сообщениями разведки (из его собственных источников), указывавшей на то, что наступление к северу от Карпат придется именно на район расположения группы армий «Северная Украина» и никак не затронет группу армий «Центр». Это вполне убедило Гитлера, и 29 мая он передал 56-й

танковый корпус Моделью. Группа армий «Центр» уступила только 6% своего фронта, но при этом потеряла 15% своих дивизий, 88% танков, 23% штурмовых орудий, половину противотанковых орудий и 33% тяжелой артиллерии. Генерал Вайсс предупреждал Буша о том, что Модель пытается похитить у него 56-й танковый корпус, но Буш не обратил на эти предупреждения никакого внимания. Он отдал корпус без единого возражения²⁵.

Тем временем 1-й Прибалтийский, 1-й, 2-й и 3-й Белорусские фронты наращивали силы против группы армий «Центр». Сталин увеличил мощь своих войск здесь на 60%, количество танков и самоходных орудий выросло на 300%, артиллерии — на 85%, а и без того уже значительных воздушных сил — на 62%. К 21 июня против 700000 солдат группы армий «Центр» сосредоточилось 2500000 русских при поддержке 4000 танков, 24400 орудий и минометов и 5300 самолетов²⁶.

Штаб 9-й армии встревожила упомянутая концентрация сил, но Буш на это практически никак не отреагировал. Его гораздо больше заботил его правый фланг и возможность вернуть 56-й танковый корпус после того, как Модель завершит свое наступление. Буш отклонил просьбу генерала Рейнхардта оттянуть свой левый фланг для того, чтобы выровнять линию фронта и получить больше дивизий. Воспользовавшись одним из любимых аргументов Гитлера, он сказал Рейнхардту, что подобное перемещение освободит больше русских войск, нежели немецких. «При Буше, — писал Цимке, — штаб группы армий «Центр» превратился в бездушный инструмент передачи воли фюрера»²⁷.

В апреле Гитлер обозначил Витебск, Оршу, Могилев и Бобруйск как «крепости», которые надлежало защищать до последнего человека. К каждому из названных городов была приписана фронтовая дивизия, за исключением Витебска, который должен был защищать корпус из, по меньшей мере, трех дивизий. И

Буш вновь воспринял приказ фюрера без вопросов и сомнений²⁸.

Генерал Ганс Йордан, командующий 9-й армией, обратился к Бушу с просьбой отказаться от концепции «крепостей» и отступить к Днепру или Березине, на сорок пять миль к западу. Такое перемещение позволяло сократить фронт на 150 миль²⁹. Вероятно, аргументы Йордана оказались достаточно убедительными, так как 20 мая Буш посетил ставку Гитлера и запросил разрешения оттянуть войска к Днепру или Березине, хотя при этом он не подвергал ни малейшему сомнению правильность идеи о защите «крепостей». Гитлер холодно отверг просьбу Буша, цинично заметив, что никогда не предполагал, что Буш относится к числу тех генералов, которые постоянно опасливо оглядываются через плечо. Это замечание очень точно било в цель и решительным образом повлияло на отношение Буша к происходящим событиям и на его поведение. «Больше никогда, — видимо, сказал он себе, — он не проявит подобной «нелояльности»: он будет всегда принимать заявления и приказы фюрера без малейших сомнений и вопросов и заставит своих генералов делать то же самое, даже если указания фюрера и будут противоречить его представлениям о здравом смысле»³⁰.

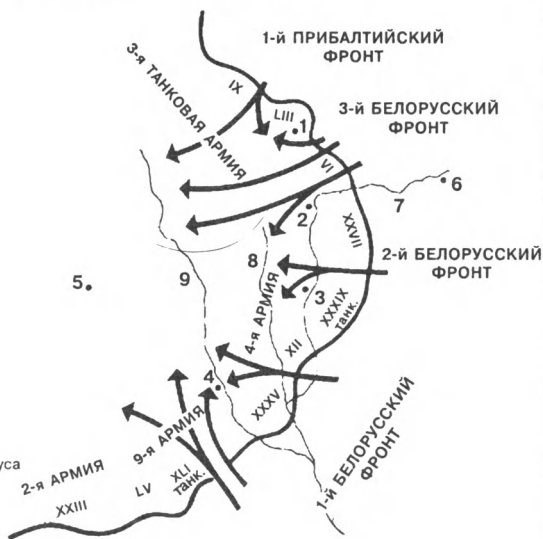
Сталин не начинал наступления до высадки союзников в Нормандия. И вот 22 июня после опустошительного артобстрела и бомбардировки с воздуха советские войска начали наступление по всей 300-мильной линии фронта. На северном фланге 10-й корпус 3-й танковой армии принял на себя удар 29 советских пехотных и танковых дивизий. 6-й корпус к югу от Витебска был атакован восемнадцатью пехотными и девятью танковыми дивизиями. Их цель была ясна: русские намеревались окружить 53-й корпус генерала Фридриха Голльвитцера у Витебска, уже взятого на тот момент в кольцо 43-й и 39-й советскими армиями (см. карту 18). Одновременно мощное наступление русских приходи-

РАЗГРОМ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР», июнь 1944

0 50 100

- 1: Витебск
- 2: Орша
- 3: Могилев
- 4: Бобруйск
- 5: Минск
- 6: Смоленск
- 7: р. Днепр
- 8: р. Друт
- 9: р. Березина

XXXV Немецкие корпуса

СРАЖЕНИЕ ЗА ВИТЕБСК-МИНСК, июнь 1944 года.
Разгром группы армий «Центр» явился прямым следствием того, что фельдмаршал Буш настаивал на буквальном и последовательном исполнении приказов Гитлера «держаться любой ценой». 4-я и 9-я армии были практически полностью уничтожены, а 3-я танковая армия разгромлена наголову. Из Буша сделали «козла отпущения» за это поражение, и ему пришлось уйти в позорную отставку 28 июня. Его заменил фельдмаршал Модель.

лось выдерживать 4-й армии, находившейся в центре расположения группы армий. 27-му корпусу генерала Пауля Фелькерса противостояли 25 пехотных и 11 танковых дивизий противника, а 39-му танковому корпусу — 16 пехотных и 2 бронетанковых дивизии. На следующий день наступление охватило район расположения 9-й армии, где 41-й танковый корпус был просто раздавлен 23 пехотными и 7 танковыми дивизиями, а 35-й корпус пытался выдерживать натиск 27 пехотных и 6 танковых дивизий Красной армии³¹. К этому времени Сталин имел здесь почти 200 дивизий с 6000 танков и штурмовых орудий, которые поддерживали с воздуха 7000 самолетов. Русским противостояло всего тридцать четыре дивизии с несколькими истощенными танковыми полками и сорока самолетами³². Советские войска теперь превосходили по вооружению войска группы армий «Центр» в 5,5 раз³³.

Генерал-полковник Готтард Хейнрици, отличившийся в боях ветеран, командующий 4-й армией, находился в отпуске по болезни, поэтому его заместитель генерал Курт фон Типпельскирх, предложил разрешить его армии отступить за Днепр, но Буш отказался даже рассматривать эту просьбу. «Любой намеренный отход от существующей ныне линии фронта на каком угодно участке совершенно исключается», — заявил он³⁴.

Типпельскирху ничего не оставалось, как попытаться удержать русских. Он выставил свой главный резерв — недавно прибывшую 60-ю танковую гренадерскую дивизию «Фельдхернхалле» под командованием генерал-лейтенанта Фридриха-Карла фон Штайнкеллера — на участок, занимаемый 39-м танковым корпусом. Он отдал приказ закрыть брешь, образовавшуюся к востоку от Могилева. Генерал Роберт Мартинек, командир танкового корпуса, не располагавший ни единым танковым подразделением, спросил Штайнкеллера, какую из брешей предполагается закрыть. «У нас тут одни только бреши, — сказал он. — Ваше место там,

позади, на Березине, чтобы у нас была линия обороны, когда мы больше не сможем удерживаться на Днепре. А это произойдет уже очень скоро!»

Но Буш продолжал настаивать на сохранении существующей линии фронта. 60-я танковая гренадерская дивизия стала еще одной бессмысленной жертвой в ходе массированного наступления советских войск. Три дня спустя Штайнкеллеру удалось спастись, перейдя Днепр вместе с остатками своей дивизии, но позже он все-таки попал в плен у Березины. Генерал Мартинек погиб в бою. Его заменил генерал-лейтенант Отто Шюнеманн, попытавшийся прорваться на запад, но было уже слишком поздно. Шюнеманн тоже погиб, 39-й танковый корпус распался, и его дивизии прекратили свое существование³⁵.

24 июня Буш встретился с Цейтцлером в ставке группы армий в Минске. Но и теперь фельдмаршал не решался обратиться с просьбой об общем отступлении, однако его прежняя непробиваемая решимость уже несколько ослабла, и он запросил разрешения оставить Витебск и оттянуть 3-ю танковую армию на юго-запад. В тот же день после полудня Цейтцлер представил эту просьбу Гитлеру, но она была отклонена. Единственное, что сделал фюрер, — это передал группе армий «Центр» 212-ю пехотную и 5-ю танковую дивизии. Но для их прибытия к месту назначения требовалось несколько дней. Буш лично связался с Гитлером по телефону тем же вечером, однако ничто не могло убедить фюрера. «52-й корпус должен оставаться в Витебске», — приказал Гитлер³⁶.

«Но что я могу сделать? Что я могу сделать?» — бормотал Буш своему начальнику штаба, генерал-лейтенанту Гансу Кребсу. Ему ни на мгновение не приходило в голову взять все в свои руки. Но в любом случае было уже слишком поздно: «крепость» Витебск была уже окружена, и русские войска продолжали быстро

вытеснять остатки 3-й танковой армии — 9-й и 6-й корпуса — из Витебска³⁷.

В эту ночь Гитлер все-таки принял решение позволить генералу Голльвитцеру прорываться из Витебска с его тремя из четырех дивизий, оставив там только 206-ю пехотную дивизию под командованием генерал-лейтенанта Альфонса Хиттера. 25 июня Голльвитцеру удалось вырваться из города, но, пройдя всего какой-нибудь десяток миль, он на следующий день вновь попал в окружение. Погибли генерал-лейтенанты Писториус и Рудольф Пешель, командующие 4-й и 6-й полевых дивизий люфтваффе. Голльвитцер сдался, то же сделал и Хиттер. Потери составили 35000 убитых, большинство из которых погибли в ходе прорыва³⁸.

На южной оконечности этого «котла» основное наступление 1-го Белорусского фронта началось 24 июня. Генерал Йордан колебался целые сутки, прежде чем решил отправить в бой свой резерв — 20-ю танковую дивизию. В результате советские войска прорвали оборону 41-го танкового корпуса генерала Эдмунда Хофмейстера своими мощными бронетанковыми силами и устремились на Бобруйск. Буш отстранил Йордана от командования за нерешительность и заменил его генералом Николаусом фон Форманном. И опять оказалось слишком поздно: русские взяли Бобруйск 29 июня и развернулись веером за местом расположения 9-й армии³⁹. Из 100000 человек, бывших в ее составе, спаслись удалось только 30000. Хофмейстер и генерал-лейтенант барон Курт-Юрген фон Лютцов, командующий 35-м корпусом, попали в плен. Генерал-лейтенанты Эрнст Филипп и Карл Цутаферн, командующие, соответственно, 134-й пехотной и 18-й танково-гренадерской дивизиями, предпочли самоубийство русскому плену⁴⁰.

25 июня 4-я армия оказалась в совершенно безвыходной ситуации. Ее центр (39-й танковый корпус)

был прорван врагом и раздавлен, а армии на севере и юге — 3-я танковая и 9-я — разваливались на глазах. Генерал фон Типпельскирх взял руководство в свои руки и приказал отступать к Днепру, приняв на себя всю ответственность за это решение. Буш немедленно отменил этот приказ и отдал указание 4-й армии возвратиться на свои позиции, но Типпельскирх не обратил на него никакого внимания и продолжал отступление. Только 28 июня Буш приказал Типпельскирху отойти за Березину. Но к этому времени тот уже находился там, потеряв при этом 130000 человек из своих 165000⁴¹. В окружении к востоку от Минска остались 27-й корпус Феккерса и 12-й корпус генерал-лейтенанта Мюллера. Они попытались прорваться, но безуспешно, и им пришлось разделиться на мелкие боевые группы. Однако почти никому из них не удалось добраться до немецких позиций. Феккерс и Мюллер были захвачены в плен⁴². Если бы Типпельскирх так же подчинялся приказам Буша, как Буш подчинялся Гитлеру, 4-я армия была бы полностью уничтожена. И без того от 4-й и 9-й армий оставались одни осколки, а 3-я танковая армия сократилась до трех изрядно потрепанных дивизий, имевших всего не более 70 орудий⁴³.

28 июня Гитлер отстранил Буша от командования и заменил его фельдмаршалом Моделем. Буша эта отставка глубоко оскорбила, так как он заслужил ее ничем иным, как послушным исполнением приказов фюрера. Выполняя приказы, он потерял 300000 человек и 28 дивизий⁴⁴, 215 танков и более 1500 орудий⁴⁵. Это была самая крупная катастрофа из всех, которые перенесла Германия на Восточном фронте. К тому времени, когда Моделю удалось остановить продвижение советских войск, они уже прошли к западу на 435 миль и находились у Мемеля и Вислы — у самых границ рейха⁴⁶.

После сражений у Минска и Витебска Буш отходит в тень, и казалось, что его карьера на этом завершилась. В июле 1944 года его характеризовали как человека «сломленного и подавленного»⁴⁷. 10 сентября, однако, Рейнхардт, сменивший Моделя на посту главнокомандующего группой армий «Центр», писал Гудериану: «Ходит много слухов относительно судьбы Буша. Поговаривают даже, что он покончил с собой или даже перешел на сторону русских». Рейнхардт просил Гудериана уговорить Гитлера показать Бушу, что он не полностью утратил уважение своего фюрера. В начале следующего месяца генерал Рудольф Шмундт, начальник отдела личного состава армии и главный адъютант Гитлера, скончался от ран, полученных 20 июля во время попытки покушения на Гитлера. Гитлер разрешил Бушу выступить на похоронах Шмундта⁴⁸. Постепенно к Бушу начала возвращаться благосклонность фюрера, и 20 марта 1945 года он был назначен главнокомандующим группы армий «Северо-Запад»⁴⁹.

И хотя это звание звучало впечатляюще, под командованием Буша находилась одно-единственное боевое подразделение, несколько батальонов «Трудовой армии», приписанных к армии, инженерная команда, несколько подразделений «Гитлерюгенда», «Фольксштурма» и другие разнородные подразделения⁵⁰. Район операции включал побережье Северного моря, Шлезвиг-Гольштейн и узкую полосу восточной Голландии, все еще удерживаемую немцами. Западный фронт уже разваливался. И хотя Буш пытался держать в руках доверенный ему участок, устраивая военно-полевые суды и издавая директивы, которые невозможно было выполнить, он уже ничего не мог изменить. Его люди были полностью деморализованы, и даже немногие солдаты и младшие офицеры, которые продолжали сра-

жаться с безумным упорством, не испытывали к своему командующему и его методам командования никакого уважения. Последним шагом его военной карьеры стало подписание акта о капитуляции Германии в присутствии британского фельдмаршала Монтгомери 4 мая 1945 года*⁵¹.

Вывезенный в Великобританию, Буш пережил своего фюрера всего на несколько недель. Он скончался 17 июля 1945 года, будучи совершенно разбитым и сломленным человеком. Его похоронили без всяких почестей — на пустыре в Олдершоте в безымянной могиле, выписав свидетельство о смерти с явными ошибками⁵². Таким был бесславный конец Эрнста Буша.

* 4 мая 1945 года был подписан акт о «частной капитуляции» — в районе действий группы армий «Северо-Запад».

ГЕРД ФОН

РУНДШТЕДТ

К числу наиболее пожилых военачальников немецкой армии во время второй мировой войны можно отнести *Карла Рудольфа фон Рундшtedта*. Он родился в Ашерслебене, неподалеку от Галле, в старинном юнкерском семействе из Мекленбурга. Первые упоминания о его предках можно найти в средневековых хрониках 1109 года. Отец Рундшtedта был генерал-майором. Герд поступил в начальное военное училище в Ораниенштайне в 1888 году в возрасте двенадцати лет¹. 3 марта 1892 года он начал службу в армии в 83-м (2-м Верхне-Эльзасском) пехотном полку в Касселе в качестве соискателя офицерского звания, а в следующем году получил звание младшего лейтенанта². В это время Эриху фон Манштейну исполнилось только шесть лет, Гитлеру — всего три года, а Эрвин Роммель был еще младенцем в пеленках.

До получения звания старшего лейтенанта и накануне поступления в военную академию в 1902 году для подготовки к работе в генштабе Рундшtedт служил батальонным и полковым адъютантом. В том же году он женился на Луизе фон Гетц, дочери отставного майора. У них родился сын, впоследствии порвавший с семейной традицией и ставший историком. Д-р фон Рундшtedт, лейтенант резерва, во время второй миро-

вой войны служил адъютантом у своего отца, но... мы забежали немного вперед³.

После получения красных лампасов офицера генштаба Герд фон Рундштедт три года прослужил в Большом генеральном штабе в Берлине (1907—1910 гг.) и два года в генштабе 11-го корпуса (1910—1912 гг.), после чего получил назначение в 171-й пехотный полк в качестве ротного командира (1912—1914 гг.). Первые месяцы первой мировой войны он провел как представитель генштаба в 22-й резервной дивизии, участвовал в битве при Марне и в конце ноября 1914 года получил звание майора⁴. В конце 1914 года Рундштедта ввели в состав военной администрации Антверпена, но уже весной следующего года он со своей дивизией был переброшен на Восточный фронт, где участвовал в наступлении на реке Нарев в России. В конце года его назначают офицером в органы оккупационных властей в Польше⁵.

В 1916 году майора фон Рундштедта направляют в Венгрию в качестве начальника штаба корпуса⁶. В начале 1917 г⁷. он совершает краткую деловую поездку в Турцию, для знакомства с работой турецкого генерального штаба. Осенью того же года он возвратился на северный участок Восточного фронта в качестве начальника штаба 53-го корпуса и принял участие в боях на Чудском озере. В 1918 году его направили во Францию начальником штаба 15-го корпуса. На этом посту во Франции его и застал конец войны⁸.

Рундштедта, вероятно, особенно ценили, так как он блестяще владел французским языком. Рундштедт закончил войну с Железным крестом 1-й степени и орденом Дома Гогенцоллернов⁹. Совершенно естественно, что в 1920 году его зачислили в рейхсвер.

Рундштедт, считавшийся в высшей степени способным офицером генерального штаба, быстро продвигался по служебной лестнице рейхсвера, ему давали самые сложные и ответственные поручения, включая

задание изучить причины поражения Германии. (Кстати, он пришел к выводу, что главная причина этого — экономическая мощь Великобритании.) Рундштедта назначают вначале начальником штаба 3-й кавалерийской дивизии (1920—1923 гг.), а затем второго военного округа на восточной границе Германии (конец 1923—1925 гг.). После этого он становится командиром 18-го пехотного полка (1925—1926 гг.), во главе которого Рундштедт жестоко подавил коммунистические и левацкие волнения в Тюрингии (средняя Германия) в ходе гражданских конфликтов в середине 20-х гг. Затем он вернулся в Кассель в качестве начальника штаба 2-й группы армий (1926—1928 гг.), командовал 2-й кавалерийской дивизией в Бреслау (1928—1932 гг.), третьим военным округом (1932 г.), а на момент прихода Гитлера к власти в 1933 году являлся командующим 1-й группы армий в Берлине. Рундштедт получил звание подполковника в 1920 году, полковника в 1923 году, генерал-майора в 1927 году, генерал-лейтенанта в 1929 году и генерала от инфантерии в 1932 году¹⁰.

Герд фон Рундштедт был аристократом, считавшим, что армия должна стоять вне политики. Он сумел не допустить весьма политизированного сторонника нацистов генерала Вальтера фон Рейхенау на пост главнокомандующего армии в 1934 году и в 1938 году. В первые годы нацистского режима Рундштедт пользовался значительным влиянием, наложившим отпечаток на структуру и организацию вермахта. Он был сторонником военной экспансии, прусской дисциплины и моторизованных средств ведения войны. Тем не менее, между ним и нацистами постепенно возникло отчуждение из-за его поддержки антинацистски настроенных генералов Фрича и Бека, а потом из-за резкого протеста против того, как поступили с Фричем в 1938 году. Рундштедт не одобрял подготовку к войне за Судеты (по его мнению, Германия была не готова к этой войне)¹¹. Кроме того, он глубоко оскорбил Гитлера, грубо

посоветовав ему не связываться с этой «негритянской задницей» Муссолини¹². В результате всего этого в ноябре 1938 году Рундштедта отправили в отставку в звании генерал-полковника. Как оказалось впоследствии, это была первая из его четырех отставок¹³.

Генерал-полковника фон Рундштедта призвали на активную службу в мае 1939 года в качестве главного военного советника Гитлера по вопросам вторжения в Польшу. Он сказал фюреру, что поляки должны быть разгромлены к западу от рек Висла и Нарев путем концентрического наступления с двух сторон: со стороны Силезии и Померании. Лучшим методом будет неожиданное нападение с быстрым продвижением вперед, так как оно не позволит полякам мобилизоваться и отступить за реки. Наступление 3-й армии Кюхлера из Восточной Пруссии на Варшаву было собственной идеей Гитлера. Рундштедт доверил детальную проработку планов нападения другим членам «Оперативного штаба Рундштедта»: генерал-лейтенанту Эриху фон Манштейну и полковнику Гюнтеру Блюментритту¹⁴. Манштейн вспоминал, каким Рундштедт был в тот период:

«Как представитель «большой тактики» он был великолепен: талантливый военный, мгновенно схватывающий суть любой проблемы. И кроме этого его больше ничего не интересовало, он проявлял полное безразличие к мелким деталям. Он был аристократом старой школы... Генерал обладал шармом, которому не мог противостоять даже Гитлер. Фюрер, кажется, испытывал к нему искреннюю симпатию... Гитлера, вероятно, привлекала необъяснимая аура человека из славного прошлого, окружавшая генерала. Ее природа и источник были Гитлеру непонятны и недоступны».¹⁵

Подобно большинству немецких генералов, Герд фон Рундштедт совершенно определенно поддерживал идею вторжения в Польшу. Эти офицеры соглашались с генерал-полковником фон Зееком, главнокомандую-

щим рейхсвера, говорившим: «Существование Польши нетерпимо и несовместимо с насущнейшими нуждами Германии: эта страна должна исчезнуть... с нашей помощью». ¹⁶ Рундштедт сыграл ключевую роль в этом «исчезновении», возглавив почти миллионную армию в ходе вторжения в Польшу. Его группа армий «Юг» включала 8-ю, 10-ю и 14-ю армии, а также многочисленные танковые и моторизованные соединения, поддерживаемые люфтваффе. Основная часть польской армии была разгромлена войсками Рундштедта, а 8-я армия генерал-полковника Иоханнеса Бласковица, находившаяся под общим командованием Рундштедта, 28 сентября 1939 года заняла Варшаву. После этого Рундштедта перевели на запад, где поручили возглавить группу армий «А», которой предстояло сыграть ключевую роль в захвате Франции.

Как раньше, так и на протяжении всей своей карьеры командующего группой армий Герд фон Рундштедт не интересовался деталями операции на Западном фронте, оставляя мелочную рутинную работу своему штабу и подчиненным. Один штабной офицер вспоминал его любовь к дешевым детективным романам, пристрастие, очень удивлявшее этого офицера. Рундштедт всегда читал их при открытом ящике стола, чтобы можно было быстро спрятать книгу, если кто-нибудь войдет в кабинет ¹⁷.

Кроме того, его отличала странная привычка носить полковничью форму. Когда Рундштедта отправляли в отставку в 1938 году, ему была оказана исключительная честь — присвоено звание почетного полковника 18-го пехотного полка, — и он часто одевал эту форму даже после того, как был произведен в фельдмаршалы. Когда его не узнавали и обращались к нему как к «полковнику», Рундштедт довольно смеялся.

Он не был инициатором и создателем плана, который, в конечном итоге, привел к разгрому Франции. Автором этого плана стал его начальник штаба генерал

Эрих фон Манштейн. Тем не менее Рундштедт способствовал немедленному претворению в жизнь всего, что Манштейн запланировал. Ведение боевых действий он доверил подчиненным ему командирам, в основном Клейсту (танковая группа «Клейст»), Клюге (4-я армия) и Бушу (16-я армия). И даже когда Гудериан, командовавший авангардом танковых войск, был отстранен Клейстом от командования, Рундштедт не стал вмешиваться лично, а направил генерала Листа уладить дело, что тому, кстати говоря, вполне удалось. Менее удачным было решение Рундштедта задержать 23 мая танки на канале Аа, чтобы дать время пехоте соединиться с бронетанковым авангардом. Командующий группой армий явно нервничал после неудачной контратаки англичан у Арраса 21 мая, и благодаря его консервативным указаниям союзники получили двое суток для реорганизации своей обороны. Эта задержка сыграла главную роль в том, что в дальнейшем британским экспедиционными силами удалось ускользнуть. После войны Рундштедт, совершенно неоправданно, всю вину за эту «невероятную ошибку»¹⁸ переложил исключительно на фюрера, который все-таки первоначально действовал, прислушиваясь к советам Рундштедта¹⁹. План ликвидации этого «мешка» только силами люфтваффе принадлежал одному Герингу и никому больше.

После падения Франции Рундштедт был произведен в фельдмаршалы 19 июля 1940 года и его назначили командующим 6-й, 9-й и 16-й армий (возглавляемых, соответственно, Рейхенау, Штраусом и Бушем), готовившихся к вторжению в Британию. Но люфтваффе не смогла добиться необходимого превосходства в воздухе, и от планов вторжения пришлось отказаться в октябре. Некоторое время Рундштедт исполнял обязанности главнокомандующего на Западе, а в апреле 1941 года²⁰ его вновь перевели на восток в качестве командующего группы армий «Юг» в ходе вторжения в СССР.

Герд фон Рундштедт был с самого начала против

этой авантюры в России. По сравнению со всеми другими командующими группами армий у Рундштедта была самая сложная задача — ему противостояли два советских фронта под общим командованием маршала Семена Михайловича Буденного. Группа армий «Юг» состояла из (с севера на юг) 1-й танковой группы под командованием Клейста, 6-й армии Рейхенау, 17-й армии Генриха фон Штюльпнагеля, 3-й румынской армии, 11-й армии Шоберта (позже Манштейна) и 4-й румынской армии, то есть 26 пехотных, 5 танковых, 3 моторизованных, 6 горно-гренадерских дивизий, 3 дивизий сил безопасности и 14 румынских дивизий, а всего — 43 немецких и 14 румынских дивизий²¹. Рундштедту противостояли пятьдесят одна пехотная, двадцать одна кавалерийская и пять бронетанковых дивизий плюс четырнадцать механизированных или моторизованных бригад²².

Из-за упорного сопротивления Красной армии и сложной, покрытой лесами местности, по которой он продвигался, Рундштедту не удалось добиться того успеха, который выпал на долю его «северного соседа» Федора фон Бока. Рундштедту приходилось отбивать гораздо более серьезные и частые контратаки противника. Большую часть боевых подразделений вермахта на этом участке фронта составляла немоторизованная пехота. Джеймс Лукас позднее писал: «Несмотря на все пропагандистские версии и байки относительно военной мощи Германии, невозможно согласиться с тем, что немецкая армия периода второй мировой войны была в полном смысле слова современной, т.е. моторизованной силой, так как передвижение огромной массы ее подразделений осуществлялось либо пешком, либо с помощью лошадей, и поэтому основная ее часть перемещалась со скоростью, не намного превосходившей скорость передвижения армии кайзера Вильгельма во время первой мировой войны».²³

Рундштедт захватил в плен 150000 человек, 1970 тан-

ков и 2190 орудий на русско-румынской границе.²⁴ В боях под Уманью, закончившихся 8 апреля 1941 года, ему удалось окружить и уничтожить большую часть 6-й и 12-й советских армий и часть 18-й армии (около 20 дивизий). Он захватил 103000 пленных, более трехсот танков и восемьсот орудий²⁵. В следующем месяце армии Рундштедта, а также войска, переданные ему из группы армий «Центр», окружили основные силы Буденного около Киева и захватили 667000 пленных, 884 танка и 3178 орудий²⁶. После этого по приказу Рундштедта Клейст нанес удар, нацеливаясь в тыл советских войск, сосредоточенных в районе Днепропетровска. В ходе завязавшихся боев подразделения Красной армии были окружены в районе Мариуполя на Азовском море. 1-я танковая группа и 11-я армия захватили на Перекопском перешейке более 100000 пленных, 212 танков и 672 орудия²⁷ и продолжили движение к Севастополю на южной оконечности Крымского полуострова, но не смогли взять город²⁸.

К началу ноября 1941 года Рундштедт захватил всю Украину, Крым и Донецкий промышленный бассейн и считал, что теперь следует остановиться, пока по-настоящему не установилась холодная русская зима. Но вместо этого Гитлер приказал группе армий «Юг» взять Ростов-на-Дону — город, занимавший стратегически важное положение на пути к Кавказу. Рундштедт очень точно просчитал, что он сможет взять Ростов, но не сумеет его удержать. И все же у него не оставалось другого выхода, как послать 1-ю танковую армию Клейста захватить город. Клейст успешно справился с этим заданием. Но дальше события развивались так, как Рундштедт и предполагал. В конце ноября русские перешли в контрнаступление, и Клейст оставил Ростов. 28 ноября Рундштедт приказал начать общее отступление²⁹.

1 декабря, когда отступление уже началось, Рундштедт получил от фюрера первый приказ «держаться

любой ценой». Несмотря на все аристократическое воспитание, у Рундштедта был довольно крутой нрав, который он проявлял в тех случаях, когда считал, что кто-то пытается вмешиваться в его дела. И Рундштедт немедленно ответил Гитлеру, что подобный приказ — это настоящее «безумие». Если Гитлер не отменит его, говорилось дальше в меморандуме, то ему придется искать другого исполнителя. В ту же ночь Рундштедт был отстранен от командования³⁰. Одиннадцать дней спустя он отпраздновал свое шестидесятишестилетие, но уже в отставке. Его заменил на этом посту фельд-маршал Вальтер фон Рейхенау.

Через двадцать четыре часа после принятия командования Рейхенау запросил и получил разрешение продолжать отступление. В начале декабря Гитлер лично посетил ставку Клейста, чтобы своими глазами увидеть, что происходит на фронте, и с намерением отстранить Клейста и его начальника штаба (генерал-майора Курта Цейтцлера) от командования. К своему великому удивлению, он обнаружил, что решение Рундштедта на деле оказалось совершенно правильным; даже бывший начальник личной охраны Гитлера генерал СС Зепп Дитрих, командовавший 1-й моторизованной дивизией в Ростове, отметил это. Гитлер признался Йодлю, что был не прав. Его доверие к старому прусскому фельд-маршалу было вновь восстановлено³¹.

* * *

8 марта 1942 года³² Гитлер назначил фон Рундштедта главнокомандующим вооруженными силами на Западе и главнокомандующим группой армий «Д». Эта группировка гитлеровских войск включала 15-ю и 7-ю армии на французском и бельгийском побережье Атлантики и 1-ю армию внутри страны. Это назначение очень устраивало Рундштедта, так как ему нравился маршал Петен и французы, возможно, потому, что с

материнской стороны в его жилах текла кровь гугено-
тов³³. Тем не менее, Рундштедт сделал очень немного
для того, чтобы подготовить французское побережье к
обороне на случай вторжения союзников. Отчасти это
случилось из-за нехватки строительных материалов и
строительных батальонов и отчасти из-за отсутствия
энергичности и предвидения у самого командующего.

Прибыв во Францию, Рундштедт начал проводить
сравнительно либеральную политику. В отличие от Ром-
меля, он никогда не верил в то, что англичан и амери-
канцев можно будет остановить на побережье, и потому
его особенно и не заботил «Атлантический вал», кото-
рый он называл «Пропагандистским валом». Рундштедт
полагал, что решающая битва должна произойти на
французской территории за пределами досягаемости
орудий больших калибров американских и королевских
военно-морских сил. По сути дела, он готовился к
сражению в стиле 1941 года, забывая о том, что на
дворе уже 1944 год, и не понимая того, что англо-
американские ВВС отодвинули в прошлое дни великих
танковых побед. Кроме того, ему внушали отвращение
Гитлер и ОКВ, не позволявшие перемещать резервы
без разрешения фюрера. Рундштедта отличали частые
вспышки сарказма по адресу нацистов и самого Гитле-
ра, которого он часто называл «богемским ефрейто-
ром», но Рундштедт отказался присоединиться к заго-
вору против фюрера. Впрочем, в ту пору его часто
охватывали апатия, ощущение неудовлетворенности и
отвращение ко всему вокруг.

Начинал сказываться возраст Рундштедта, и он это
понимал. К 1944 г. он провел в армии уже целых пять-
десят два года, был предельно измотан физически. Ис-
сякали и его интеллектуальные возможности, хотя было
бы большим преувеличением сказать, что он впадал в
старческий маразм. Большую часть времени он практи-
чески ничего не делал. Барон Гейр фон Швеппенбург,
командующий танковой группой «Запад», характеризо-

вал его как «невероятно ленивого» человека³⁴. Когда Эрвин Роммель попытался вовлечь Рундштедта в антигитлеровский заговор, тот ответил: «Вы молоды. Люди знают и любят вас. Вы и сделаете это».

В начале 1944 года Германия располагала 304 дивизиями на всех фронтах: 179 из них находились в России, 26 на Балканах, 22 в Италии, 16 в Скандинавии и 8 в Финляндии. У Рундштедта имелось всего 53 дивизии³⁵. К 6 июня их число выросло до 58, причем, хотя некоторые дивизии были прекрасно обучены и экипированы, большинство соединений группы армий «Запад» представляли собой довольно жалкое зрелище. Десять из них были танковыми или моторизованными. Боевой распорядок в силах Рундштедта на день «D» показан в таблице 7.

Рундштедт доверил проработку деталей сражений в ходе нормандской кампании своему талантливому подчиненному Эрвину Роммелю. Официальная история американской армии так излагает это:

«Свидетельства указывают на то, что Роммель обладал энергией и силой убеждения, которые часто обеспечивали ему поддержку Гитлера, в то время как Рундштедт, склонный при любой возможности к компромиссу и к уходу от острых споров и столкновений... ослабил командование, прерогативы которого формально оставались в его руках. Возможно, конечно, что он также подпал под влияние Роммеля, так как его вполне устраивало, что Роммель принял на себя основной груз ответственности. В любом случае ясно, что после января 1944 года Роммель являлся наиболее значительным лицом на Западе, обладавшим влиянием, которое значительно превосходило масштабы его официальных командных полномочий».³⁶

В отличие от Рундштедта Роммель намеревался дать решающее сражение союзникам на побережье у самой кромки воды, совершенно справедливо полагая,

**БОЕВОЙ ПОРЯДОК ГРУППЫ АРМИЙ «ЗАПАД»,
6 ИЮНЯ 1944 ГОДА.**

Группа армий «Запад»: Фельдмаршал Герд фон Рундштедт

Группа армий «Б»: фельдмаршал Эрвин Роммель

15-я армия: генерал-полковник

Ганс фон Зальмут

7-я армия: генерал-полковник Фридрих

Дольман

Группа армий «Г»: генерал-полковник Йоханнес
Бласковиц

19-я армия: генерал Георг фон Зодерштерн

1-я армия: генерал Курт фон дер Шеваллери

Танковая группа «Запад»: генерал барон Лео Гейр фон
Швеппенбург

1-я парашютная армия: генерал-полковник люфтваффе
Курт Штудент

что немцам никогда не одолеть противника, если у того будет время закрепиться на первоначальном береговом плацдарме. Следовательно, по мнению Роммеля, все зависело от того, насколько стремительно будет проведена танковая контратака. Когда 6 июня 1944 года союзники высадились на континенте, Роммель был далеко от своего поста. Рундштедт взял на себя руководство передвижением в Нормандию для контратаки 12-й танковой дивизии СС и танковой дивизии Лера, несмотря на то, что это перемещение проводилось в соответствии с планами Роммеля, а не с его собственными. Более того, оно производилось и вопреки приказам самого Рундштедта, так как предполагалось, что эти подразделения нельзя перемещать без одобрения со стороны Гитлера. Когда ОКВ позже в тот же день отменило приказы Рундштедта, старый фельдмаршал буквально «кипел от ярости, его лицо побагровело, а речь сделалась нечленораздельной от гнева»³⁷. В результате задержек, вызванных поведением высшего командования и отсутствием Роммеля, контрнаступление не удалось начать раньше 9 июня, и оно провалилось.

«Я все это время прекрасно понимал, что положение немцев во Франции совершенно безнадежно, — говорил позднее Рундштедт, — и что война в конце концов обязательно будет проиграна. Но если бы мне была предоставлена свобода проводить операции по моему собственному усмотрению, я полагаю, что сумел бы заставить союзников заплатить страшную цену за их победу. Я планировал проводить сражение с медленным отступлением, взимая тяжелую дань за каждую пядь отданной мною земли. Я надеялся, что это может способствовать политическому решению конфликта, которое спасло бы Германию от полного и окончательного разгрома. Но мне не позволили поступить по своему...»³⁸

Рундштедта все больше и больше возмущало посто-

янное вмешательство Гитлера и его лакеев в сражения за Нормандию. 1 июля Рундштедт позвонил в Берлин и сообщил фельдмаршалу Кейтелю о провале контрнаступления. После этого они начали обсуждать общую стратегическую ситуацию, казавшуюся абсолютно безнадежной.

«Что нам делать? Что нам делать?» — простонал шеф ОКВ.

«Заключать мир, идиоты! — крикнул Рундштедт. — Что же еще вы сможете сделать?» После этих слов он повесил трубку³⁹.

На следующий день полковник Генрих Боргманн прибыл в штаб Рундштедта в Париже, наградил его Дубовыми листьями к его Рыцарскому кресту и вручил письмо, в котором сообщалось, что престарелый фельдмаршал освобождается от своих полномочий командующего⁴⁰. Его на этом посту сменил фельдмаршал Гюнтер фон Клюге.

Третья отставка Рундштедта длилась всего два месяца. За это время тяжелое ранение получил Роммель, фронт в Нормандии был прорван, Париж пал, большая часть Франции и Бельгии была безвозвратно потеряна, и враг уже стоял у голландской границы, Клюге покончил с собой, и обязанности главнокомандующего силами на Западе оказались непосильным грузом для его преемника фельдмаршала Моделя, кроме того командовавшего еще группой армий «Б».

20 июля группа армейских офицеров, возглавляемая генерал-полковником Беком и полковником графом Клаусом фон Штауффенбергом, совершила покушение на Гитлера, которое чуть было не увенчалось успехом. Минимум три фельдмаршала: Вицлебен, Роммель и даже Клюге — были либо причастны, либо

непосредственно участвовали в заговоре. Теперь даже такой «пораженец», как Рундштедт, казался обезумевшему фюреру приемлемым при условии его полной лояльности. Гитлер понимал, что старик-фельдмаршал испытывает к нему и нацистам только презрение, но, по мнению фюрера, Рундштедт был настолько аполитичен, что это свое презрение он ни при каких обстоятельствах не претворил бы в активные действия. 4 сентября Рундштедт вновь становится главнокомандующим силами на Западе, штаб которых теперь располагался в самой Германии в Кобленце. Модель не был смещен, просто его полномочия несколько ограничили — он остался главнокомандующим группы армий «Б».

Почти сразу же после того, как Рундштедт принял на себя командование, Западный фронт стабилизировался. Эйзенхауэр перевел большую часть своих ресурсов в 21-ю группу армий Монтгомери, оставив Брэдли и Паттона в таком положении, при котором они не могли продолжать широкомасштабное наступление. Затем Модель отразил осуществлявшееся с большим размахом наступление Монтгомери у Арнема. Гитлер, со своей стороны, готовился провести ряд глобальных мероприятий по усилению армии: он восстановит свои во много раз сократившиеся танковые дивизии, выдвинет резервы, создаст новую танковую армию (6-ю, позднее 6-ю СС под командованием генерал-полковника СС Зеппа Дитриха) и начнет крупное наступление в Арденнах. Его стратегической целью был Антверпен. Если вермахт сможет захватить этот порт, то удастся отодвинуть вторжение союзников в Германию еще на несколько месяцев. А к тому времени, заявлял Гитлер, будет готово его «чудо-оружие», которое поможет Германии выиграть войну.

Пока Гитлер собирал силы, Рундштедт воспользовался относительно спокойным периодом, последовав-

шим за сражением у Арнема, и принялся за строительство «Западного вала». Его войска вели двухмесячное сражение у Аахена, закончившееся 21 октября, что давало ему еще некоторое время на строительство оборонительных сооружений⁴¹. 15-я армия (генерал Густав фон Цанген) вела затяжные боевые действия в устье Шельды, которое Монтгомери не мог очистить от немецких войск до 8 ноября⁴². В тот же день Паттон начал наступление против группы армий «Г» генерала Германа Балка.

Несмотря на то, что союзники в три раза превосходили по численности немцев, Паттону за восемь дней удалось продвинуться всего на 15 миль из-за дождя, грязи, минных полей, недостатка горючего и маневренной обороны Балка. Наступление Паттона захлебнулось в районе укреплений у Метца⁴³. Другие операции армии Эйзенхауэра в октябре и ноябре имели некоторый чисто локальный успех, в особенности в районе Аахена, но Рундшtedт сохранил «Западный вал» практически непоколебимым, не прибегая к танковым резервам Гитлера. Все было готово к его самой знаменитой битве.

Фельдмаршалу Герду фон Рундшtedту идея наступления на Арденны не нравилась с самого начала. Он с первого взгляда понял, что планы этого наступления слишком амбициозны для тех сил, которыми располагал здесь его штаб. Рундшtedт полагал, что будет вполне достаточно «обрубить» выступ в линии фронта, образованный силами союзников у Аахена, и уже одно это само по себе станет крупным поражением американцев, но Гитлер настаивал на захвате Антверпена. Рундшtedту этот план казался «глупым», и он решительно отказался иметь к нему какое бы то ни было отношение.

А позднее этот план стал для фельдмаршала источником постоянного раздражения, особенно после того,

как союзники прозвали битву за Арденнский выступ «наступлением Рундштедта». Престарелый фельдмаршал просто-напросто перепоручил ведение сражения талантливому и преданному нацистам подчиненному — фельдмаршалу Вальтеру Моделю, так же, впрочем, не верившему в успех всего этого предприятия, но командовавшему с типичной для него решительностью и верностью своему фюреру.

Сражение началось 16 декабря 1944 года. Рундштедт 24 декабря позвонил Гитлеру, пытаясь получить разрешение остановить его, так как 47-й танковый корпус не смог отбить у окруженной 101-й американской авиадивизии важный центр коммуникаций Бастонь. Гитлер не желал и слушать об этом и бросил в бой свои последние невосполнимые резервы. Неудачи начали преследовать немцев уже с 26 декабря. К 9 января 1945 года даже Гитлер согласился признать поражение и перевести 6-ю танковую армию на Восточный фронт. Вермахт потерял 103000 человек и почти 600 танков и наступательных орудий⁴⁴. Война была проиграна.

Поражение в битве за Арденнский выступ подрывало боевой дух немецкой армии на Западном фронте. 2 февраля Эйзенхауэр начал свое решающее наступление. Неделю спустя 25000 солдат и офицеров 19-й армии попали в окружение у Кольмара на западном берегу Рейна. Союзники прорвали «линию Зигфрида» 20 февраля, и Рундштедт отступил за Рейн. 7 марта 9-я американская бронетанковая дивизия захватила железнодорожный мост через Рейн у Ремагена. На следующий день пал Бонн, и местные резервы Моделя не смогли ликвидировать плацдарм американцев у Ремагена. 9 марта фельдмаршал фон Рундштедт, ощущавший на себе последствия поражения в не меньшей степени, чем его подчиненные, был смещен со своего поста.

* * *

Герд фон Рундштедт был арестован американцами 2 мая 1945 года в госпитале в Бад Тольце, где он проходил курс лечения от артрита⁴⁵. В 1948 году ему было предъявлено обвинение в военных преступлениях, и он должен был предстать перед британским военным судом, но был освобожден уже в следующем году по причине ухудшившегося состояния здоровья. Он скончался в Ганновере 24 февраля 1953 г⁴⁶.

* * *

Насколько хорошим военачальником был фельд-маршал Герд фон Рундштедт? Без сомнения, он был способным полководцем, хотя и не первоклассным. Он почти никогда лично не выезжал на фронт, редко пользовался телефоном, а повседневное рутинное руководство операциями передоверял своим штабным офицерам и главным подчиненным, а сам занимался только наиболее общими вопросами. И хотя есть что сказать в пользу подобного подхода, Рундштедт явно злоупотреблял им, он нередко терял контакт со своими людьми на фронте и не всегда правильно «ощущал» ход сражения. До конца 1941 года он проявлял себя неплохим полководцем, но после этого ему не доводилось проводить активных действий — он просто реагировал на выпады противника. А порой даже этого не делал.

Период времени, когда Рундштедт находился в оккупированной Франции, характеризовался его полным равнодушием как командующего и запущенностью всех дел. Атлантическое побережье оказалось не подготовленным к вторжению союзников, и за это Рундштедт должен нести полную ответственность, наряду с Гитлером. Кессельринг говорил о нем как о «далеком от всех Великом Жреце, имя которого произносилось с трепе-

том и благоговением»⁴⁷. Вывод, сделанный полковником Ситоном, представляется вполне обоснованным: «Фон Рундштедт обладает определенной репутацией стратега, но, отличаясь значительными способностями, маловероятно, чтобы он когда-либо был первоклассным военачальником или по-настоящему значительной и сильной личностью. Он был весьма импозантен, и, возможно, по этой причине его очень ценил фюрер, который, по сути дела, почти совсем Рундштедта не знал».⁴⁸

ГЮНТЕР ФОН

К Л Ю Г Е

Гюнтер Ганс фон Клюге родился в Познани (Пруссия*) 30 октября 1882 года. Завершив учебу в военных училищах, он поступает в имперскую армию в самом конце XIX века, а 22 марта 1901 года его производят в младшие лейтенанты в 46-м артиллерийском полку в Вольфенбойттеле. К началу 1910 года он уже был старшим лейтенантом и батальонным адъютантом. В этот период его направляют в военную академию для прохождения подготовки к службе в генштабе. В 1913 году Клюге получил назначение в генеральный штаб, в 1914 году отправился на войну в звании капитана 21-го корпуса. Клюге командовал батальоном на Западном фронте (ноябрь 1915 г.—апрель 1916 г.), затем вновь вернулся к исполнению обязанностей представителя генштаба в 89-й пехотной дивизии (1916—1918 гг.) и Альпийском корпусе (1918 г.)¹. Капитан Клюге принимал участие в сражениях у Артуа и во Фландрии и получил серьезное ранение под Верденом в 1918 году².

На войне Гюнтер фон Клюге показал себя блестящим штабным офицером. Он остался на службе в эпоху Веймарской республики и в 1921 году был включен в состав штаба 3-й пехотной дивизии. Клюге служил на

* Познань — польский город, был захвачен Пруссией в 1793 году, в 1945 году возвращен Польше.

штабных постах в министерстве обороны (1923—1926 гг.), был командиром 5-го батальона 3-го артиллерийского полка (1926—1928 гг.), начальником штаба 1-й кавалерийской дивизии во Франкфурте-на-Одере (1928—1930 гг.). Клюге стал преемником барона фон Фрича на посту командующего 2-м артиллерийским полком в 1930 году, а 1 октября 1931 года был назначен заместителем командующего артиллерией 3-й пехотной дивизии. Он последовательно получает звания майора (1923 год), подполковника (1927 год) и полковника (1930 год). В феврале 1933 года Клюге становится генерал-майором и назначается инспектором войск связи. В следующем году ему присвоили звание генерал-лейтенанта (1 апреля 1934 года) и назначили командующим 6-й пехотной дивизии в Мюнстере (октябрь 1934 г.). Быстрое продвижение по службе продолжалось, и в сентябре 1934 года Клюге получил пост командующего шестым военным округом в Мюнстере, в состав которого входили подчиненные ему 6-я пехотная дивизия и 9-я пограничная зона. Позднее под его руководством были сформированы 16-я и 26-я пехотные дивизии (соответственно в Рене и Кельне). 1 августа 1936 года Гюнтер фон Клюге становится генералом артиллерии³.

Клюге был твердым сторонником Вернера фон Фрича, главнокомандующего армией с 1934 по 1938 год и смещенного со своего поста на основании сфабрикованного обвинения в гомосексуализме в феврале 1938 года. Клюге отправили в отставку несколько позже во время чистки, проведенной Браухичем. Тем не менее, из-за очевидного приближения войны, в октябре 1938 года у Гитлера возникла потребность в опытных военачальниках, и Клюге был возвращен в армию. Ему доверяется командование только что созданной 6-й группой армий, штаб которой располагался в Ганновере. На севере Германии он командовал девятым, десятым и одиннадцатым военными округами с их шестью пехотными дивизиями⁴.

Генерал Клюге был прусским офицером — приверженцем традиций военной касты, обладавшим значительными способностями в избранной им сфере деятельности. Его также отличали, как писал Роберт Уистрич, «нерешительный характер и оппортунизм, граничивший со слабостью воли»⁵. Своим проницательным умом Клюге понимал всю чудовищность нацистского режима, но при этом видел значительную личную и профессиональную выгоду от сотрудничества с ним. На протяжении всей второй мировой войны Клюге знал, что ему следует присоединиться к антигитлеровскому заговору, но колебался между требованиями долга и личной выгодой. Он так и не принял окончательного решения.

* * *

Перед вторжением в Польшу Браухич реорганизовал 6-ю группу армий в 4-ю армию. Герман Геринг ненавидел Клюге и убедил Гитлера наложить вето на его назначение. Гитлер так и сделал, но оставил Клюге на посту командующего армией. Гитлер все еще сомневался в способностях Клюге, и польская кампания была чем-то вроде испытания для этого прусского генерала⁶.

Клюге блестяще выдержал этот экзамен, за три дня перерезав Польский коридор и затем продолжив путь на Варшаву с северо-запада. Он убедил Гитлера в своих способностях, в которых фюрер никогда больше не усомнился. Правда, в авиакатастрофе Клюге получил травмы, которые вывели его из строя до завершения кампании⁷.

Но, получив звание генерал-полковника после Польши, Клюге быстро поправил здоровье и в ходе французской кампании командовал 4-й армией, хотя выступал при этом во второстепенной роли. Он сыграл определенную роль в приостановке боевых действий у Дюнкерка, посоветовав Рундшtedту задержать танки

Клейста 23 мая⁸. Значение этой ошибки было полностью осознано значительно позже, и она никак не помешала продвижению Клюге. После завершения Французской кампании 19 июля 1940 года Клюге становится фельдмаршалом. Ему на тот момент исполнилось пятьдесят семь лет.

Гюнтер фон Клюге принадлежал к числу тех немногих немецких генералов, которые поддержали идею вторжения в СССР, начавшегося 22 июня 1941 года. Поначалу его 4-я армия была самой крупной, в ней насчитывались 21 пехотная дивизия и две дивизии сил безопасности. 26 июня, тем не менее, Гитлер отдал приказ Клюге взять на себя прямое командование 2-й и 3-й танковыми группами и передать свою пехоту в подчинение штаба 2-й армии, что явно противоречило желанию фельдмаршала Федора фон Бока, командующего группой армий. Клюге командовал пятью танковыми корпусами в ходе наступления на Смоленск и подвергся резкой критике со стороны Гудериана за то, как он использовал свои танки. Замечаниям Гудериана не стоит полностью доверять, поскольку этот военачальник отличался гиперкритичностью по отношению к тем людям, которые ему не нравились, а отношения с Клюге вообще были у него отвратительными. (Был момент, когда они даже собирались драться на дуэли, но вмешались менее горячие головы и не позволили им довести дело до конца.) Другое дело — более объективный генерал Гот, командующий 3-й танковой группой; он также достаточно критично оценивал Клюге, наступавшего по слишком широкому фронту и не замкнувшего кольцо вокруг Смоленска, что позволило уйти целому ряду советских формирований⁹. К началу августа Клюге снова командовал пехотным корпусом.

В сентябре Клюге выступил против решающего наступления на Москву, видимо, ясно понимая, что зима слишком близка, а войска вермахта к ней совсем не

готовы. Тем не менее, Бок приказал начать наступление. Клюге руководил боевыми действиями основных сил пехоты, но продвигался вперед так медленно и с таким нежеланием, что подвергся критике, особенно со стороны генерал-полковника Эриха Хепнера, командующего 4-й танковой армии, на плечи которого свалились основные тяготы наступления на Москву, в то время как Клюге не проявлял никакой активности¹⁰. 6 декабря русские перешли в контнаступление, а 18 декабря фельдмаршал фон Бок был снят с командования группой армий «Центр». Его заменил на этом посту Гюнтер фон Клюге.

Во время отступления от Москвы Клюге сполна отомстил тем генералам, с которыми у него были столкновения. Не прошло и недели, а он связался со ставкой Гитлера и заявил, что либо его, либо Гудериана следует отстранить от командования. Так как Клюге дрался буквально за каждый метр земли в соответствии с указаниями Гитлера, а Гудериан без колебаний оставлял безнадежные позиции, одобрялось это наверху или нет, то Гитлер решил пожертвовать Гудерианом, который и был отстранен от командования 25 декабря.¹¹ Так Германия лишилась одного из лучших командиров танковых войск.

Клюге слепо повиновался приказаниям Гитлера. «Если возникала необходимость в «козлах отпущения», — писал позднее полковник Альберт Ситон, — их мог найти фон Клюге; если требовалось снести несколько голов, фон Клюге умел неплохо позаботиться о том, чтобы его головы среди них не было»¹². Среди смещенных со своих постов оказались генерал Людвиг Кюблер, командующий 4-й армией, Хепнер и генерал-полковник Адольф Штраус, командующий 9-й армией. «По сути дела, Клюге заменил фон Браухича в должности передатчика воли фюрера», — отмечал Ситон¹³. Но следует отдать должное фон Клюге: он, как правило, умел добиться разрешения на необходимые отступления, по крайней мере, в 1941 году, даже в тех случаях, когда фюрер давал его с величайшей неохотой.

Большая часть весьма потрепанной группы армий «Центр» избежала разгрома у Москвы, несмотря на приказы Гитлера и температуру, опускавшуюся ниже 25 градусов по Фаренгейту, еще и потому, что Сталин также игнорировал рекомендации своих генералов и приказывал вести наступление широким фронтом вместо того, чтобы сосредоточить свои силы на наступлении против ослабленной группы армий «Центр». Но в любом случае цена, заплаченная за ошибки, оказалась грандиозной. В ходе зимнего наступления вермахт потерял 981895 человек убитыми, ранеными и захваченными в плен — 30,68% от 3200000 солдат, участвовавших в военных действиях на Восточном фронте¹⁴.

Из-за больших потерь летнее наступление 1942 года Гитлер смог начать только на одном участке фронта. Он избрал южное направление. Фон Клюге и здесь сыграл значительную роль, проведя успешную операцию по отвлечению сил противника. Он очень удачно провел Сталина, заставив его поверить, что основной удар немцев вновь придется на Москву, а не на Сталинград и Кавказ. Русские сконцентрировали свои силы против Клюге. И когда началось немецкое наступление, огромные резервы Сталина оказались не там, где надо.

В 1942 году группе армий «Центр» пришлось вести бои местного значения и отражать незначительные контратаки Красной армии. Наиболее значительными победами фон Клюге были разгром советского кавалерийского корпуса Белова (20000 человек) под Кировом* после того, как этот корпус прорвал линию фронта, а также разгром 39-й советской армии и 11-го кавалерийского корпуса (40000 человек) у Белого, также прорвавшихся в тыл немецких войск. 9-я армия и 2-я танковая армия вермахта успешно отразили крупные наступления соответственно под Ржевом и Белевом. 2-я танковая (теперь под командованием генерал-полковника

* Г. Киров (Песочня) Калужской области.

Рудольфа Шмидта) уничтожила за шесть дней 289 советских танков¹⁵.

Но Клюге сам провел одно не очень крупное наступление и против собственной воли. В начале августа Гитлер приказал отсечь выступ линии фронта, образованный советскими войсками у Сухиничей, и придал ему для этого 9-ю и 11-ю танковые дивизии из группы армий «Б». Клюге заявил, что наступление не достигнет нужной цели, так как силы наступающих слишком слабы. Гитлер не обратил внимания на возражения фельдмаршала, после чего тот напрямую заявил, что вся ответственность за провал наступления ляжет исключительно на фюрера. И наступление действительно провалилось в середине августа. Гитлер, тем не менее, выговорил Клюге за эту неудачу¹⁶. Но, скорее всего, фюрер не слишком сердился на своего военачальника, так как 30 октября он вручил фельдмаршалу чек на 250000 рейхсмарок в качестве некоей премии и подарка к дню рождения. Половина этой суммы предназначалась для приведения в порядок поместья Клюге¹⁷.

Зимой 1942–43 гг. группа армий «Центр» вела несколько ожесточенных оборонительных сражений, особенно на левом фланге в зонах ответственности 3-й танковой и 9-й армий. Советские войска отбили у немцев Великие Луки с 7-тысячным гарнизоном, но большей частью немцам удалось сохранять свои позиции.

Клюге любил вести двойную игру, за что и получил прозвище «хитрый Ганс». Лучшим примером проявления этой черты его характера, вероятно, может служить его отношение к операции «Цитадель» — наступлению под Курском в 1943 году. В начале мая он прибыл в ставку фюрера с намерением добиться отсрочки начала наступления. И тут он получил сведения, что Гитлер уже принял решение об отсрочке. Встретившись с Гитлером, Клюге стал выступать против задержки операции с той целью, чтобы снять с

себя ответственность на тот случай, если планируемое наступление провалится¹⁸.

Фельдмаршал фон Клюге пытался вести подобную же двойную игру и во время антигитлеровского заговора, который он одобрял, но активного участия в нем не принимал. В высшей степени талантливый военачальник генерал-майор Хеннинг фон Тресков являлся одним из руководителей заговора, и Клюге говорил ему о своем сочувствии целям заговорщиков, но так никогда и не заявил о своей готовности присоединиться к ним. Для него это было очень типично. Тресков покончил с собой 21 июля 1944 года, на следующий день после провала заговора.

Еще раньше провалилась операция «Цитадель». Клюге никогда не принадлежал к числу ее активных сторонников, поэтому он охотно уступил командование северной частью «клещей» генерал-полковнику Моделю. Группа армий «Юг» под командованием Манштейна отвечала за другую часть «клещей», а сам фон Клюге в результате сумел выйти сухим из воды, когда операция в начале июля 1943 года провалилась. Клюге был первым, кто высказался за прекращение наступления¹⁹.

После Курска Германия полностью утратила инициативу на Восточном фронте. 15 июля мощные советские силы прорвали фронт группы армий «Центр» у Орла. Фон Клюге удалось несколько замедлить, но не остановить советское наступление с помощью большей части уже крайне истощенных танковых подразделений, которые Модель некоторое время назад использовал в сражении под Курском. Несмотря на тяжелые потери, Клюге постепенно отходил к линии «Хаген» на Днепре, которой он достиг 17 августа. Три дня спустя верховное командование забрало пять дивизий из 9-й армии и направило их группе армий «Юг». Клюге сообщил, что не может гарантировать удержание своих позиций без этих соединений, но положение Манштейна было еще более отчаянным. Русские прорвали

линию «Хаген» 29 августа. К 7 сентября у Клюге осталось всего 108 танков и 191 штурмовое орудие. Советские войска вступили в Брянск 17 сентября, а 24 сентября освободили Смоленск и Рославль. После этого Клюге отступил к линии «Пантера» в Белоруссии²⁰.

6 октября советские войска возобновили свое наступление против группы армий «Центр». И хотя численно они превосходили силы фон Клюге, основной удар русские нанесли в южном направлении против армий Манштейна. Но у Клюге все еще была самая сильная немецкая группа армий (сорок две пехотных и восемь танковых или танково-гренадерских дивизий, из которых двенадцать пехотных и четыре танковых дивизии находились в составе боевой группы)²¹. Клюге потерял Гомель и Невель, но на всех других участках ему удалось отразить наступление русских.

28 октября 1943 года автомобиль фон Клюге занесло на обледеневшей дороге. Клюге получил тяжелую травму, и его пришлось отправить домой, в Германию. На лечение ушло значительное время, и к активной службе он возвратился только через восемь месяцев.

* * *

В конце июня 1944 года Клюге был вызван в Берхтесгаден и 2 июля получил пост главнокомандующего силами на Западе. Его войска включали группу армий «Б» под командованием фельдмаршала Роммеля, тогда отчаянно сражавшуюся в Нормандии. Гитлер и его подручные убедили Клюге, что поражения Германии на Западном фронте — результат плохого или недостаточно решительного командования. Фон Клюге направился в Париж 4 июля, убежденный в том, что он сможет изменить положение к лучшему, вдохнуть энергию в своих подчиненных, воспользовавшись для этого собственной исключительной активностью. Его голова была забита подобным вздором.

Гюнтер фон Клюге не имел представления о том, что он будет делать на посту главнокомандующего Западным фронтом. Под влиянием фюрера Клюге полагал, что главным виновником тяжелого положения вермахта является Эрвин Роммель. Поэтому, едва они встретились, между ними произошло столкновение. 5 июля Клюге приветствовал Роммеля словами: «Теперь вам придется привыкать выполнять приказы!» Роммель не пропустил это явное оскорбление мимо ушей, и между ними началась грубая словесная перепалка. Клюге пытался уличить Роммеля в излишнем пессимизме и в том, что он не исполнял приказы Гитлера с той самоотдачей, с какой должен это делать. Роммель предложил Клюге вначале посетить фронт, а потом уже делать выводы. Спор между фельдмаршалами принял настолько личный и оскорбительный оборот, что фон Клюге приказал всем остальным присутствующим покинуть помещение²².

Но Клюге вскоре после этого все-таки посетил фронт. «Фельдмаршал фон Клюге относился к числу крепких солдат агрессивного склада, — вспоминал позднее генерал-лейтенант Гюнтер Блюментритт. — Поначалу он был преисполнен оптимизма и уверенности, подобно всем только что назначенным командирам... Он вначале полагал, что степень опасности сильно преувеличена, но его точка зрения вскоре изменилась... Уже через несколько дней его мысли приняли значительно более трезвый оборот. Гитлеру же не понравилась изменившаяся интонация его донесений».²³

Клюге не очень часто вмешивался в разработку Роммелем боевых операций с начала июля до того момента, когда «Лис пустыни» был тяжело ранен 17 июля. После этого Клюге взял на себя командование группой армий «Б» дополнительно к своим обязанностям главнокомандующего силами на Западе. Можно совершенно определенно сказать, что его последнее сражение началось именно в этот день. Его боевой порядок в июле 1944 года показан в таблице 8. На карте 19 изображены позиции

**БОЕВОЙ ПОРЯДОК ГРУППЫ АРМИЙ «ЗАПАД»,
ИЮЛЬ 1944 ГОДА.**

Группа армий «Запад»: фельдмаршал Гюнтер фон Клюге

Группа армий «Б»: фельдмаршал Эрвин Роммель*

15-я армия: генерал-полковник

Ганс фон Зальмут

7-я армия: генерал-полковник СС Пауль

Хауссер**

Танковая группа «Запад»: генерал Лео Гейр

фон Швеппенбург***

Группа армий «Г»: генерал-полковник Йоханнес
Бласковиц

19-я армия: генерал Фридрих Вайзе

1-я армия: генерал Курт фон дер Шеваллери

1-я парашютная армия: генерал-полковник люфтваффе

Курт Штудент

* Ранен 17 июля; заменен Клюге.

** Генерал-полковник Дольман умер от сердечного приступа 29 июня.

*** Заменен генералом Гансом Эбербахом 2 июля. 2-я танковая группа «Запад» переименована в 5-ю танковую армию 6 августа.

противостоящих сторон на 24 июля, а также территория, утраченная немцами с начала месяца, с того времени, как Ключе принял на себя командование на Западе.

20 июля 1944 года фон Ключе отправился в штаб танковой группы «Запад» в Миттуа (13 миль к северо-востоку от Фалеза) для совещания с генералом Генрихом Эбербахом и генерал-полковником СС Хауссером, командующим 7-й армией. Он возвратился в штаб группы армий «Б» в Ля-Рош-Сюр-Йон только в 18.15, и там его уже ожидали два донесения. Одно — от Вицлебена, отосланное в 17.00, в котором говорилось, что Гитлер — мертв; второе (более позднее) было передано по радио, и в нем сообщалось, что фюрер жив и сегодня вечером выступит с обращением к нации²⁴.

Было очевидно, что механизм давно ожидавшегося заговора пущен в действие, но результаты его остались весьма сомнительными. Ключе выжидал, не желая присоединяться ни к одной из сторон до тех пор, пока не будет окончательно ясно, кто победил. Позднее тем же вечером он позвонил Кейтелю, который заверил его, что фюрер находится в добром здравии. Несколько минут спустя появился генерал Карл Генрих фон Штюльпнагель, военный губернатор Франции, вместе со своим начальником штаба, подполковником люфтваффе Цезарем фон Хофаккером. Они попытались подтолкнуть Ключе к активным действиям, но фельдмаршал решительно отрицал, что ему что-либо известно о заговоре, и сказал, что все замыслы против фюрера провалились: Гитлер — жив. Вслед за этим он спокойно пригласил их к обеду. За столом говорил только Ключе²⁵. «Они ели в полном молчании при свете свечей, так, словно в этом доме кто-то только что умер, — позднее вспоминал генерал-лейтенант Ганс Шпайдель, начальник штаба группы армий «Б» и участник заговора. — Те, кому удалось выжить, навсегда запомнили ту жуткую атмосферу».²⁶

Ключе сохранял полное спокойствие до того мо-

мента, когда после обеда Штюльпнагель сообщил ему, что он уже отдал приказ арестовать всех находившихся в Париже эсэсовцев и гестаповцев. Фон Клюге был потрясен — удастся ли ему как-то это «загладить»? После этого вмешался Хофаккер, напомнивший фон Клюге о его согласии присоединиться к заговорщикам, которое он дал год тому назад в России. Да, согласился совершенно растерявшийся фельдмаршал, но в качестве условия ставилась смерть Гитлера.

«Господин фельдмаршал, — сказал Хофаккер, — судьбы миллионов немцев и честь армии находятся в ваших руках!»

«Нет!» — воскликнул фон Клюге. Вслед за этим он лишил Штюльпнагеля полномочий командующего и приказал ему освободить всех оказавшихся под арестом людей из СС и гестапо²⁷. В частном порядке фон Клюге посоветовал бывшему военному губернатору укрыться в каком-нибудь безопасном месте. Штюльпнагеля на его посту временно заменил генерал Блюментритт.

Вскоре после того, как Штюльпнагель и Хофаккер ушли, фон Клюге направил донесение Гитлеру, в котором заговорщиков 20 июля называл «безжалостными убийцами» и заверял фюрера в своей «неизменной верности»²⁸.

Тем не менее, фон Клюге опоздал с попытками скрыть свою нерешительную и половинчатую поддержку заговора. Арестованный Хофаккер при допросе выдал и фон Клюге, и Роммеля. С этого момента поступки фон Клюге напоминают шаги канатоходца. Он не мог не заметить, что послания фюрера к нему начали носить все более и более оскорбительный характер. Теперь на карту ставилось нечто значительно большее, чем просто победа или проигрыш в сражении — сама его жизнь висела на волоске. Он не смел еще раз подвести или разочаровать фюрера! И подобное отношение отличало все его шаги в ходе решающих сраже-

ний июля и августа 1944 года, когда немецкие армии, наконец, потерпели полный крах на Западном фронте.

* * *

Незадолго до своего ранения Эрвин Роммель, вероятно, боясь наступления американцев на своем левом (западном) фланге, приказал 2-й и 116-й танковым дивизиям перейти в резерв, на юг и запад от Сен-Ло. Фон Клюге, однако, направил эти подразделения против британско-канадских войск, наступавших в районе Кана, в зоне ответственности танковой группы «Запад». Он и не предполагал, что это наступление вовсе не является основным: основное наступление должно было начаться к западу от Сен-Ло, в районе расположения 7-й армии.

24 июля 2-й британской армии в районе Кана противостояли семь танковых дивизий и четыре тяжелых танковых батальона, но всего две истощенных танковых дивизии находились напротив 1-й армии США под командованием генерала Омара Брэдли в районе Сен-Ло. 7-я армия располагала 23 пехотными батальонами в семи дивизиях на фронте и всего тремя в резерве. За двенадцать дней благодаря действиям 7-й армии потери американцев составили 10000 человек. Генерал Дитрих фон Холтиц, командующий 84-м корпусом, назвал это сражение «грандиозной кровавой баней». Однако собственные потери в 7-й армии также были довольно высоки, и солдаты в ней находились на грани полного истощения сил. Танковые дивизии 7-й армии — 2-я дивизия СС и танковая дивизия Лера — располагали всего 109 танками, а все пехотные дивизии находились в составе боевой группы. Им противостояли пятнадцать американских дивизий с четырьмя дивизиями из резерва 3-й армии США под командованием генерала Джорджа С. Паттона²⁹.

Погода 24 июля была настолько плохой, что тяже-

лые бомбардировщики союзников сбрасывали свой смертоносный груз в тылу расположения своих войск. Генерал Хауссер был убежден в том, что затевается нечто непредвиденное, и хотел начать отступление, но фон Клюге не осмелился испросить разрешения Гитлера на этот шаг. Кроме того, он сохранял уверенность в том, что очередное крупное наступление следует ожидать в районе Кана — и потому в тот же день направил 2-ю танковую дивизию в этот район³⁰. Хауссер должен был защищаться, полагаясь только на собственные силы.

На следующий день, 25 июля, начиная с 9.40 утра, танковая дивизия Лера (под командованием генерал-лейтенанта Фрица Байерляйна) к западу от Сен-Ло была атакована бомбардировщиками, совершавшими налет за налетом. Почти 3000 самолетов, практически все воздушные силы 8-й и 9-й армий США в полном составе, едва ли не полностью стерли с лица земли дивизию, волна за волной налетая на ее позиции и подвергая их ковровому бомбометанию. В общей сложности на одну-единственную немецкую дивизию было сброшено более 3300 тонн бомб³¹. Командный пост 902-го танкового гренадерского полка принял на себя непосредственный удар и был уничтожен в полном составе. Танки взлетали в воздух как игрушечные; все машины в авангарде дивизии пришли в полную негодность. Потери элитной танковой дивизии Лера составили более 70% общего состава. Пейзаж поля битвы напоминал поверхность Луны. И когда позднее в тот же день 7-й корпус США начал наступление, многие подразделения задерживались в большей степени сотнями бомбовых воронок, чем немногочисленными уцелевшими немцами, продолжавшими спорадическое сопротивление.

Но Клюге не торопился реагировать на происходящее. Он пообещал прислать Байерляйну танковый батальон СС из 60 танков, однако когда подкрепление прибыло тем же вечером, в нем оказалось всего пять

исправных машин. Байерляйну удалось наскрести еще четырнадцать. Но на следующий день, 26 июля, американцы пустили в ход свои бронетанковые части. Девятнадцать потрепанных танков и несколько сотен оглушенных гренадеров противостояли пяти американским дивизиям, две из которых были бронетанковыми. Американцы продвинулись в тот день всего на три мили, но танковая учебная дивизия практически прекратила свое существование.

Единственное, что направил фон Клюге Байерляйну 26 июля, было послание с приказом удерживать свои позиции. Байерляйн, бывший начальник штаба Африканского корпуса, взглянул на посланца фон Клюге и с горечью в голосе ответил: «Там, на поле боя, держится каждый, герр оберлейтенант. Каждый. Мои гренადеры, мои механики и члены моих танковых экипажей — все они удерживают свои позиции. Ни один не оставляет своего поста. Ни один! Они лежат в своих окопах и воронках, немые и неподвижные, ибо они мертвы. Мертвы! Вы понимаете? Вы можете сообщить фельд-маршалу, что учебная танковая дивизия уничтожена».³²

Хауссер, осознававший опасность, бросил в бой свои последние резервы: боевую группу Хайнца, включавшую оставшиеся три батальона 275-го пехотного полка. Но к наступлению ночи она тоже была уничтожена³³.

На следующий день, 27 июля, 7-й корпус США (1-я, 4-я и 30-я пехотные и 2-я и 3-я бронетанковые дивизии) начал быстро продвигаться вперед. Наконец фон Клюге отдал приказ 2-й и 116-й танковым дивизиям как можно скорее передислоцироваться в район, оказавшийся под угрозой, и контратаковать противника, но прежде чем они успели прибыть к месту назначения, 84-й корпус был разбит, а фронт был прорван³⁴.

На следующий день основное преследование отступающего противника вела 3-я армия генерала Паттона. Он отдал приказ 7-му корпусу расширить прорыв и

направил через него 8-й корпус в сторону побережья. Его передовая часть, 4-я бронетанковая дивизия США, продвигалась со скоростью двадцать пять миль за тридцать шесть часов и вечером 30 июля взяла Авранш на побережье. А на следующий день она уже вышла в глубокий тыл 7-й армии и развернулась там веером. Некоторые подразделения даже проникли в Бретань, которую во время битвы за Нормандию оказалось практически некому защищать. 2-я и 116-я немецкие танковые дивизии нанесли удар по 7-му корпусу США и не позволили ему продвинуться дальше на восток (таким образом спасая правый фланг 7-й армии), но эти дивизии не сумели предотвратить катастрофу на левом фланге. Генерал Паттон, довольно свободно толковавший приказы, «протолкнул» семь дивизий по одной-единственной дороге за семьдесят два часа. Они направлялись на север — в Бретань, на юг — вглубь французской территории, и на восток — в тыл групп армий «Б». Охват становился все более очевидным³⁵.

Тем временем фельдмаршал фон Клюге вел себя очень характерным для него образом: он нашел очередного «козла отпущения». Генерал Дитрих фон Холтиц, 84-й корпус которого был отрезан из-за быстрого наступления американцев, прорвался с некоторой частью своих войск: остатками 2-й танковой дивизии СС и 17-й танково-гренадерской дивизии и 6-м парашютным полком. Сквозь силы наступавшего противника сумели «просочиться» и другие остатки разбитых соединений, небольшими группами и даже в одиночку, но основная часть 243-й и 353-й пехотных и 91-й военно-воздушной десантной дивизий была уничтожена. Фон Клюге совершенно незаслуженно обвинил в этой катастрофе Холтица и отстранил его от командования. Его заменил на этом посту генерал-лейтенант Отто Эльфельдт³⁶.

И пока Паттон очищал от немцев Бретань, Брэдли взял Мортен и прочно там закрепился. Брэдли к этому

времени принял на себя командование 12-й группой армий США, а командование 1-й армией передал генерал-лейтенанту Кортни Ходжесу. Он приказал Паттону своими главными силами нанести удар в восточном направлении по глубокому тылу группы армий «Б».

Гитлеру казалось, что этим можно воспользоваться. Все, что должен сделать фон Клюге, — это разгромить 1-ю армию США у Мортена и взять Авранш. В этом случае Паттон будет отрезан, а фронт восстановлен. В «блаженном» забвении о продвижении Паттона на восток и о сильнейшем наступлении Монтгомери с севера так же, как и о громадном преимуществе союзников в воздухе, 4 августа Гитлер приказал фон Клюге начать наступление восемью танковыми дивизиями³⁷.

Фон Клюге ничуть не заблуждался по поводу этого приказа и с самого начала понимал его безумие, но послушаться не посмел. Пять из тех танковых дивизий, которые ему было поручено собрать, уже сражались против 21-й группы армий Монтгомери (2-я британская и 1-я канадская армии). Единственной дивизией, которую удалось бы в этой ситуации высвободить, была 1-я танковая дивизия СС. И так как фон Клюге не посмел выжидать в ситуации все более явного окружения противником, он запросил разрешения начать наступление в ночь с 6 на 7 августа и получил его³⁸. Немаловажно отметить, что Гитлер уже направил заместителя Йодля, генерала Вальтера Варлимонта, в штаб Клюге, чтобы «присутствовать» при операции. Генерал Вальтер Буле, человек, которому доверял Гитлер, также находился в пути для «наблюдения» за наступлением³⁹. На карте 20 показано положение сил фон Клюге на 6 августа 1944 года.

В ту ночь фон Клюге пребывал «почти в отчаянии»⁴⁰, когда генерал барон Ганс фон Функ (47-й танковый корпус) вел наступление силами 116-й танковой, 2-й танковой, 2-й танковой дивизии СС и 1-й танковой дивизии СС. Боевой порядок Функа выглядел внуши-

СИТУАЦИЯ В НОРМАНДИИ. 6 АВГУСТА 1944 ГОДА.

Когда 3-я армия США под командованием генерала Паттона уже продвигалась вглубь французской территории и в тыл группы армий «Б», Гитлер отдал приказ фельдмаршалу Гюнтеру фон Клюге изменить ситуацию на фронте, проведя контратаку, вновь овладев Авраншем и таким образом отрезав американцев от их передовых сил. В ходе контратаки, проводимой 47-м танковым корпусом, у союзников был отбит Мортен, но вскоре после этого наступление было остановлено. Гитлер возложил всю ответственность за провал наступления на фон Клюге и одиннадцать дней спустя лишил его полномочий командующего.

тельно, но все эти соединения несколько недель провели в непрерывных боях. Более того, 84-я пехотная дивизия не прибыла вовремя с тем, чтобы высвободить 116-ю танковую дивизию с фронта, как планировалось, поэтому эта последняя практически не изменила своего местоположения. По свидетельству полковника фон Клюге, сына фельдмаршала и свидетеля этого наступления, Функ ввел в бой только 80 танков. Ему удалось нанести удар по слабому месту в обороне американцев и отбить у них Мортен, но вслед за этим наступающие немецкие войска были буквально стерты с лица земли американскими истребителями.

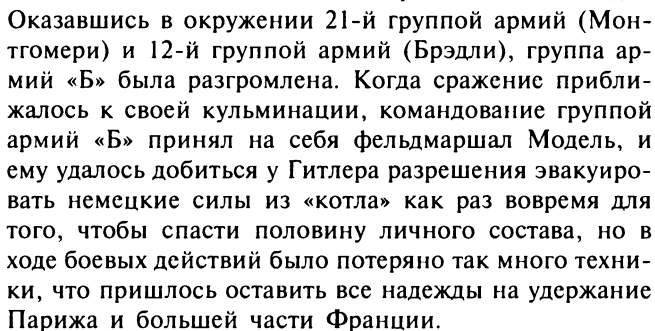
К часу дня 7 августа Функ потерял пятьдесят танков и подвергся контратаке со стороны четырех пехотных дивизий и бронетанковой дивизии 7-го корпуса США⁴¹. Функ остановился. Гитлер подвел итог всему происшедшему одной злобной фразой: «Наступление провалилось потому, что Клюге хотел, чтобы оно провалилось».⁴² Он отдал приказ о втором наступлении, назначив его на 11 или 12 августа. Оно должно было проводиться Эбербахом под командованием временного штаба (танковая группа Эбербаха, ранее штаб 47-го танкового корпуса). Зеппу Дитриху предписывалось временно принять на себя командование 5-й танковой армией. На этот раз необходимо было собрать все подразделения, повелел фюрер, и провести продуманное и осторожное наступление. Не следует выступать до тех пор, пока все не будет готово.

События очень скоро опередили стратегические соображения как фюрера, так и фон Клюге. 15-й корпус армии Паттона за три дня продвинулся на семьдесят пять миль и 6 августа взял Ле Ман. Его задержала лишь 9-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Эрвина Йолассе, которая быстрым маршем двигалась с юга Франции на воссоединение с группой армий «Б», но, к счастью для немцев, оказалась втянутой в сражение на южном фланге, столкнувшись с четырьмя

сильными дивизиями армии Паттона. Если бы не это удачное совпадение, Паттона вообще ничто не смогло бы остановить. Йолассе, тем не менее, удалось 12 августа предотвратить взятие Алансона американцами. Теперь они находились на расстоянии каких-нибудь двадцати миль от передовых частей Монтгомери. Чтобы помешать союзникам замкнуть кольцо окружения, Эбербаху пришлось направить свои наступательные силы на Аржантан, к северу от Алансона. Естественно, помыслы о какой бы то ни было новой контратаке отбросили все, за исключением, конечно, берлинских стратегов из рейхсканцелярии⁴³.

5-я танковая и 7-я армии, а также танковая группа Эбербаха, оказались в непосредственной опасности окружения, и единственным путем отступления, который у них оставался, был узкий проход между Фалезом и Аржантаном. Было самое время уходить, но фон Клюге вновь не осмелился испросить на это разрешения. Он просил только о возможности сконцентрировать все свои танковые силы около Аржантана, чтобы удерживать открытым основание выступа, но Гитлер не разрешил ему даже этого. Фюрер продолжал настаивать на наступлении на Авранш. К ночи 14 августа британские и американские передовые части разделяло менее восемнадцати миль (карта 21)⁴⁴.

На следующий день фон Клюге выехал из своего штаба для совещания с Хауссером и Эбербахом в «фалезском котле» — и исчез на целых двенадцать часов. Он прибыл в штаб Эбербаха тем же вечером «предельно взволнованным» и заявил, что подвергся налету истребителей, в ходе которого был уничтожен его грузовик с рацией, и ему пришлось большую часть дня провести в окопе. Однако Гитлер заподозрил его в том, что он пытался установить связь с неприятелем, чтобы подготовить капитуляцию. Фюрер послал за Кессельрингом и Моделем с намерением подыскать постоянного приемника фон Клюге⁴⁵.

Ничего не зная обо всем этом, фон Клюге (под давлением со стороны Хауссера, Эбербаха и Дитриха) в конце концов нашел в себе достаточно сил и решимости для того, чтобы запросить разрешения покинуть «котел» прежде, чем все его 23 дивизии окажутся в окружении⁴⁶. Он даже по собственной инициативе разрешил нескольким подразделениям выйти из «котла». ОКВ не подтвердило, но и не ответило отказом на его запрос. Фон Клюге получил приказ покинуть «котел» для руководства дальнейшим ходом сражения из штаба 5-й танковой армии, теперь располагавшегося восточнее угрожаемой территории. Командование всеми силами внутри «котла» переходило к генералу Хауссеру. А вечером 17 августа явился фельдмаршал Модель с письмом, освобождавшим фон Клюге от полномочий командующего.

В дальнейшем сражением в «фалезском котле» руководил Вальтер Модель. Убежденный нацист, которому доверял Гитлер, он действовал без тех ограничений, которые постоянно мешали фон Клюге. Модель достаточно быстро эвакуировал вверенные ему части до закрытия «котла», которое совершилось 19 августа; после этого Хауссер получил приказ немедленно прорываться с теми силами, которые у него еще остались, пока кольцо окружения окончательно не замкнулось. Модель также отдал приказ Дитриху атаковать в направлении Фалеза силами 2-го танкового корпуса СС, чтобы помочь спасти оставшихся в живых.

Из 100000 человек, участвовавших в прорыве, около 10000 погибли, 40000 попали в плен. Половине удалось уйти. Хауссер был серьезно ранен в ходе операции, также как и генерал Ойген Майндль, несгибаемый командующий 2-го парашютного корпуса. 84-й корпус был уничтожен, а генерал Эльфельдт сдался в плен. Немцы потеряли 344 танка, самоходных орудия и бронетранспортеров, 2447 автомобилей; 252 орудия, тысячи транспортных средств на лошадиной тяге и самих

лошадей. Примерно 50000 ветеранов войны на Западном фронте удалось спастись, чтобы участвовать в будущих сражениях,⁴⁷ но это уже будет не во Франции. После Фалеза «третий рейх» безвозвратно утратил эту страну. Однако Гюнтеру фон Клюге не суждено было узнать об этом: к этому времени он был уже мертв.

* * *

19 августа фон Клюге отправился в обратный путь в Германию, не испытывая при этом никаких иллюзий по поводу того, что его там ждет. Он приказал шоферу остановиться в Меце, там, где он воевал во время первой мировой войны. Здесь он расстелил одеяло и спокойно проглотил ампулу с цианистым калием. Фон Клюге оставил предсмертную записку. В ней говорилось:

«Мой фюрер,
когда вы получите эту записку, меня уже не будет... Не знаю, сможет ли фельдмаршал Модель, хорошо зарекомендовавший себя в самых разных ситуациях, изменить положение к лучшему. Я от всего сердца хотел бы на это надеяться. Если же этого не случится и если новое оружие — особенно то воздушное оружие, которое вы с таким нетерпением ожидаете, — не принесет вам успеха, тогда, мой фюрер, вы должны решиться закончить эту войну. Немецкий народ перенес столь невыразимые страдания, что пришло время положить конец его мукам. Должны найтись пути, ведущие к такому решению, и, прежде всего, для того, чтобы предотвратить низвержение рейха в ад большевизма... Я всегда восхищался вашим величием и вашей железной волей, сохранявшей вас и национал-социализм. И если ваша судьба окажется сильнее и вашей воли, и вашего гения, то только потому, что этого пожелало Провидение. Вы вели прекрасную

и достойную битву. История будет свидетельницей этого. И если это когда-нибудь станет необходимым, докажите свое величие и положите конец битве, ставшей безнадежной.

Я покидаю вас, мой фюрер, как тот, кто был вам значительно ближе, чем вы, возможно, думали, с сознанием до конца исполненного долга».

Гитлер прочел это послание, не комментируя его. Он приказал, чтобы фон Клюге похоронили тихо, без воинских почестей, и чтобы гроб несли военные. В качестве официальной причины смерти было названо кровоизлияние в мозг⁴⁸.

ГЛАВА I7

ВАЛЬТЕР

МОДЕЛЬ

О его военных кампаниях следовало бы написать отдельную книгу. Военные операции Моделя были наиболее успешными по сравнению с операциями других нацистских генералов. Он был тем, кого Гитлер снова и снова направлял в самые слабые участки своей разваливающейся империи. Другие фельдмаршалы обычно ассоциируются с конкретными регионами. Рундштедт — с Западным фронтом, фон Бок — с Москвой, Паулюс — со Сталинградом, Вейхс — с Балканами, Роммель — с Северной Африкой, Манштейн — с Южной Россией и т. д. Модель ассоциируется со второй половиной войны. Он получал только самые опасные поручения.

Вальтер Модель родился в Гентине, рядом с Магдебургом, 24 января 1891 года в семье учителя музыки. Он рос в совершенной бедности. Модель был пруссаком, и, как пишет Джон Эйзенхауэр, он и внешне очень походил на типичного пруссака: плотно сбитый, ниже среднего роста, но с крепким телосложением, белым ежиком коротко остриженных волос и, конечно же, с моноклем, с которым он никогда не расставался¹.

Если называть вещи своими именами, то следует сказать, что Модель был просто уродлив. 27 февраля

1909 года он вступил в имперскую армию как претендент на офицерское звание в 52-й пехотный полк и 22 августа 1910 года становится младшим лейтенантом². Большую часть войны он прослужил в пехоте на Западном фронте. Модель был несколько раз ранен и награжден за храбрость «Железным Крестом» 1-й степени³. В конце войны его перевели в генеральный штаб в Берлине без прохождения необходимого для этого обучения в военной академии, что было совершенно необычным признанием заслуг молодого военного. Несмотря на то, что Модель не был аристократом, его включили в состав рейхсвера в 1919 году и приписали ко 2-му пехотному полку в Алленштайне, в Восточной Пруссии⁴. Впервые он становится по-настоящему известен, когда, будучи еще молодым офицером, написал книгу о фельдмаршале Августе Нейтхардте Гнейзенау (1760—1831 гг.)⁵. Модель медленно продвигался по служебной лестнице в рейхсвере, достигнув звания подполковника лишь 1 ноября 1932 года, за два месяца до прихода Гитлера к власти. А уже 1 октября 1934 года он получает звание полковника⁶.

В период между двумя мировыми войнами Модель стал известен как специалист в технических вопросах. Он посещал Советский Союз с целью изучения технических аспектов перевооружения⁷. Модель занимал пост начальника отдела подготовки личного состава министерства обороны, а затем стал начальником технического отдела армии. Он всегда был верным сторонником нацистов, а позднее даже фанатичным их приверженцем. Он познакомился с Геббельсом, на которого произвел весьма благоприятное впечатление, а тот, в свою очередь, представил его Гитлеру, мнение которого оказалось не менее благоприятным. В 1938 году Модель получает звание генерал-майора, и его собирались назначить начальником штаба армии в ходе вторжения в Чехословакию, но после Мюнхена эта кампания потеряла смысл. В ходе Польской кампании Модель выпол-

нял обязанности начальника штаба 4-го корпуса генерала Виктора фон Швельдера, а во Франции в 1940 году он стал начальником штаба 16-й армии Эрнста Буша. Став генерал-лейтенантом в ноябре 1940 года, он повел в Россию 22 июня 1941 года 3-ю танковую дивизию,⁸ как составную часть 2-й танковой группы Гудериана.

С того момента, как он принял на себя командование, Вальтер Модель демонстрировал большое личное мужество, четкость и определенность цели, блестящее понимание тактических ситуаций, но прежде всего его отличала невероятная энергия. Постоянно находясь на фронте или рядом с ним, он вдохновлял свои войска, любившие его. Модель со своей 3-й танковой дивизией форсировал Буг, затем Березину и Днепр, взял Бобруйск, принимал участие в сражениях при Белостоке, у Минска и Смоленска. Именно Модель шел на острие танковой группы Гудериана в сентябре 1941 года. Когда же он соединился с 9-й танковой дивизией 1-й танковой группы Клейста 15 сентября, то тем самым завершил крупнейшую операцию по окружению за всю вторую мировую войну. Явно готовый к осуществлению более значительных дел, Модель стал всего лишь командующим 41-м танковым корпусом 3-й танковой группы в верховьях Волги в октябре 1941 года и принял участие в последующем наступлении на Москву,⁹ в ходе которого его производят в генералы танковых войск.

12 января 1942 года 9-я армия на северном фланге группы армий «Центр» оказалась под угрозой окружения. Ее командующий, генерал-полковник Адольф Штраус, был освобожден от командования по болезни. К всеобщему удивлению, его на этом посту заменил Вальтер Модель, всего три месяца назад бывший дивизионным командиром и довольно молодой для подобного назначения¹⁰.

«Очень странно, — писал позднее Пауль Карелл, —

но стоило Моделю принять на себя командование армией, как в частях словно прибавилось сил. И дело было не только в суховатой точности приказов нового главнокомандующего, а в том, что он лично находился в тех местах, где требовалось его присутствие... Он внезапно выскакивал из своего командирского джипа рядом с батальонным штабом или верхом выезжал на передовую, воодушевляя, одобряя, критикуя, а порой даже во главе батальона, с пистолетом в руке, участвуя в атаке на противника. Этот живчик-генерал успевал повсюду. И даже там, где его не было, чувствовалось его присутствие».¹¹

С точки зрения вопроса о поддержании боевого духа в армии, генерал Модель оказался для немецкой армии примерно тем же, чем генерал Паттон стал позднее для армии американской. Когда Модель принял на себя командование, 9-я армия, казалось, была обречена на безнадежные оборонительные бои вокруг Ржева. 23-й корпус был отрезан к юго-востоку от Волжского водохранилища и на запад от Ржева. Модель спас 9-ю армию в результате контратаки 22 января и одновременно отрезал, а затем окружил 39-ю советскую армию, которой раньше удалось прорваться к югу. Русские отчаянно пытались освободить окруженные войска. Значительно поредевшие и плохо оснащенные силы Моделя подвергались постоянным атакам со стороны 22-й, 29-й, 31-й, 30-й армий и 1-й ударной армии. Атакуя позиции Моделя, советские военачальники не затрудняли себя тактическими изысками, а просто изнуляли и себя, и противника широкомасштабными лобовыми атаками, подразделение за подразделением, волна за волной, в жуткие морозы. Тем временем советская 39-я армия пыталась прорваться с помощью фанатических контратак.

В ходе этого сражения у Моделя произошла его первая стычка с Гитлером — и генерал победил. 20 января 1942 года он вылетел на встречу с диктатором.

Модель хотел, чтобы ему немедленно прислали корпус для подкрепления его сильно потрепанной армии. Гитлер согласился, но хотел, чтобы это соединение было отправлено в бой в окрестностях Гжатска к северо-востоку от Вязьмы. Модель же собирался использовать положение около Ржева, на расстоянии примерно ста миль к северу. По воспоминаниям генерала Фридриха Вильгельма фон Меллентина, возник «довольно желчный спор». В конце концов Модель холодно воззрился на Гитлера сквозь монокль и спросил: «Кто командует 9-й армией, вы или я?» И не дожидаясь ответа, Модель сообщил потрясенному Гитлеру, что знает ситуацию на фронте лучше Гитлера, который располагает только картами. Удивленный фюрер уступил. Русские атаковали в том самом месте, где предсказывал Модель, и были разбиты¹³.

Во время этого наступления, так же как и во многих других случаях, русские атаковали яростно. Модель ответил им той же фанатичной решимостью — а возможно, даже большей — и с невероятной энергией. Две безжалостные идеологии столкнулись в грязи и снегу подо Ржевом. В критическом месте сражения Модель поставил полк СС «Фюрер» из 2-й моторизованной дивизии СС «Рейх» и отдал приказ держаться любой ценой. И солдаты держались. К моменту окончания сражения в живых осталось только 35 фанатичных эсэсовцев.

Фанатизм. Автору нехорошо злоупотреблять таким понятием, но фанатизм — это единственное слово, которым можно охарактеризовать сражение под Ржевом, где решалась судьба группы армий «Центр» в жестокой зимней кампании 1941–1942 годов. Это определение бывало оправдано снова и снова, когда эсэсовцы с озверелым взглядом безумных глаз и преисполненные не меньшей решимости солдаты вермахта по пояс в снегу отражали волна за волной атаки советских войск в окрестностях Ржева.

Сражение длилось до 24 февраля 1942 года. Из 32000 личного состава 39-й советской армии сдались всего 5000. Оставшиеся погибли в отчаянных схватках подо Ржевом. Шесть советских дивизий были стерты с лица земли, еще четыре были близки к этому, а десятки других разбиты¹³. Усилия советских войск перезать московское шоссе провалились. Зимнее наступление обернулось для Сталина решительным и совершенно неожиданным поражением под Ржевом. Вальтер Модель спас группу армий «Центр» — в этом не сомневался никто. За свою поразительную победу Модель получил звание генерал-полковника и свое четвертое повышение в звании за три года. Гитлер лично повесил ему на грудь Рыцарский крест с Дубовыми листьями¹⁴.

Сталин был все еще преисполнен решимости уничтожить 9-ю армию, занимавшую выступ на расстоянии каких-нибудь 112 миль от Москвы. Советские войска продолжали атаковать позиции немцев в марте, апреле, в конце июля, вплоть до середины октября 1942 года. Модель отразил их все. Но после падения Сталинграда больше не имело никакого смысла удерживать Ржев, так как стало ясно, что этот город больше не будет использован в качестве плацдарма для наступления на Москву. С 1 по 21 марта 1943 года перед лицом десяти советский армий Модель отвел двадцать одну дивизию назад на сорок миль, сократив протяженность фронта с 330 до 125 миль, высвободив целую армию для следующей крупной операции Гитлера на востоке. Что бы ни утверждала официальная советская история, это была одна из наилучшим образом спланированных и проведенных операций по отступлению за весь период войны¹⁵. Войска Моделя понесли не так уж много потерь. Русские не могут сказать того же о себе. Все их попытки справиться с 9-й армией, пока она отступала, привели лишь к новым жертвам.

Вслед за отступлением из-под Ржева 9-я армия была переведена с северного на южный фланг группы армий «Центр», и на нее возложили ответственность за северное крыло операции «Цитадель», последнего крупного наступления Гитлера на Востоке. Ее цель заключалась в том, чтобы отсечь и уничтожить крупный выступ советских войск в районе Курска. Первоначально начало операции было назначено на 3 мая¹⁶.

Битва под Курском была, в основном, битвой Моделя, и он несет львиную долю ответственности за поражение в ней. Он хотел отложить начало операции до того, как будет готово абсолютно все и когда ему будут доставлены обещанные танки новой модели — «фердинанды». Он убедил Гитлера отложить начало сражения до 5 мая, затем до 15 мая, затем до середины июня, затем до 3 июля и, наконец, до 5 июля¹⁷. Манштейн и Цейтцлер, поддерживавшие идею операции «Цитадель», когда начало наступления было назначено на начало мая, к июлю уже хотели на всем этом поставить крест, но Гитлер не желал слышать ни о чем подобном. Гудериан был противником этой операции с самого начала ее разработки, а Клюге, как обычно, соглашался с обеими сторонами.

Модель в самом деле значительно увеличил свою танковую мощь в этот период, но все его пополнения и усовершенствования перекрывались приготовлениями русских. К тому времени, когда Модель наконец вышел на исходные рубежи, русские успели создать три главные линии обороны, от двух до трех миль в глубину каждая. Они располагали тремя полными фронтами (группами армий) в районе Курской дуги при том, что их 11-я, 4-я танковые и 3-я гвардейская танковая армии находились в резерве¹⁸.

Битва под Курском превратилась в крупнейшее танковое сражение в истории. Модель нанес удар по обра-

зованному советскими войсками клину пятью танковыми дивизиями с 47-м танковым корпусом (под командованием генерала Рауса) во главе. В целом он располагал восемью танковыми дивизиями, с более чем сотней танков в каждой, девятью пехотными дивизиями и несколькими отдельными соединениями. Еще у Моделя имелось около 3000 бронированных средств передвижения¹⁹. Манштейн, руководивший южным флангом, располагал еще пятнадцатью сотнями.

Наступление на участке фронта, которым руководил Модель, плохо началось, а развивалось еще хуже. Советские войска были предупреждены о часе «ноль» дезертиром, и за двадцать минут до начала операции по частям Моделя в местах наибольшей их концентрации был нанесен массированный удар советской артиллерии. Вслед за этим выяснилось, что «фердинанды» не оправдывают связанных с ними надежд. Они не только не имели надежных двигателей, но и не обладали пулеметами и поэтому не могли нанести достаточный урон советской пехоте. В первый день наступления Раус смог продвинуться только на шесть миль, а его корпус поддержки, застряв в советских минных полях, прошел еще меньшее расстояние. К концу второго дня наступления 9-я армия углубилась лишь на девятьдесят миль вдоль семимильной линии фронта. 7 июля, всего лишь на третий день наступления, 47-й танковый корпус был остановлен у Ольховатки, менее чем в двенадцати милях от начальной линии. Здесь встала вся 9-я армия²⁰. Потери в ней составили 20000 человек, а продвижение оказалось весьма незначительным. Будучи остановлена, эта армия также позволила русским сконцентрировать свои силы против южного фланга наступающих.

Модель планировал возобновить наступление 12 июля, но Жуков, командующий советскими войсками, опередил его, начав массированное наступление против 2-й танковой армии на северном фланге

Моделя за день до того. Его цель состояла в том, чтобы взять в окружение 2-ю танковую и 9-ю армии. Русские прорвали фронт неподалеку от Орла. Фон Клюге поспешил передать Моделю командование над обеими армиями и отдал приказ остановить прорыв, воспользовавшись подвижными соединениями, занятыми в Курской битве. Операция «Цитадель» была проиграна.

Однако веру Гитлера в Модель поражение под Курском практически не пошатнуло. Фюрер даже позволил ему осуществить «гибкую оборону» в районе Орла. И хотя здесь Моделью противостояли восемьдесят две советские пехотные дивизии, четырнадцать танковых корпусов и двенадцать артиллерийских дивизий, превосходная арьергардная тактика Моделя, которой помогли сильные пыльные бури, способствовала тому, что он сумел сдержать прорыв русских. Затем он медленно отступил к линии «Хаген», которой достиг к середине августа. Во время отступления Модель применял тактику «выжженной земли». Он сжигал готовое к сбору зерно на полях и гнал в западном направлении 250000 гражданских лиц, которые брали с собой только то, что могли унести. По приказу Моделя у них отобрали скот и уничтожили все, что немцы не могли захватить с собой²¹. Модель был, бесспорно, крайне жесток в обращении с советским гражданским населением, он активно сотрудничал с карательными отрядами СС и с их программами «переселения» евреев.

Во второй половине 1943 года Модель еще более прославился как специалист по оборонительным операциям. Гитлер отправил его в продолжительный отпуск в ноябре, надеясь на то, что он вернется с новыми силами и сможет принять на себя командование группой армий «Юг», так как фюрер планировал заменить им Манштейна. Однако в конце ноября Модель вновь возвратился в 9-ю армию после того, как русские осуществили пятидесятимильный прорыв на стыке между

9-й и 2-й армиями. Модель и Вейсс (генерал-полковник, 2-я армия) планировали закрыть прорыв посредством совместного контрнаступления, но не сумели этого сделать из-за скорости продвижения русских. Модель руководил отступлением 9-й армии за Днепр и успешно провел контрнаступление с 21 по 26 декабря. Прорыв, просуществовавший в течение трех месяцев, был закрыт в самом конце года²².

* * *

Гитлер еще раз использовал Моделя в качестве специалиста по выходу из критических ситуаций, назначив его 31 января 1944 года главнокомандующим группы армий «Север» и заменив им фельдмаршала Георга фон Кюхлера. Как мы уже видели (в главе 13), группа армий «Север» (16-я и 18-я армии) была сильно потеснена и потрепана русскими после того, как они несколько ранее в том же месяце прорвали блокаду Ленинграда. 18-я армия генерал-полковника Линдемманна сократилась до 17000 пехотинцев, в полном составе оставались лишь 12-я танковая и 58-я пехотная дивизии. Первым шагом Моделя стала введение тактики «щит и меч», основывавшейся на идее допустимости отступлений, но только в том случае, если они готовили почву для дальнейших контрударов. В этом Модель показал себя блестящим психологом, так как подобные рассуждения делали идею отступления приемлемой для Гитлера. Подобная перемена в настроении приводила в изумление членов штабов. Гитлер вначале отстранял от командования того или иного офицера за предложение начать отступление, затем появлялся Модель, и фюрер одобрял любое его предложение. Через неделю после того, как убежденный сторонник нацистов прибыл в группу армий «Север», фюрер пошел даже на то, что направил ему послание, в котором рекомендовал генерал-полковнику запросить разрешение на отступление

к линии «Пантера», как только возникнет такая необходимость²³.

Модель отчаянно пытался удержать русских на рубеже реки Луга к востоку от линии «Пантера». Он собрал оставших солдат и снова направил их на фронт, отменил все отпуска, отправил тех раненых, которые могли держаться на ногах, в их части и послал 5% тыловых подразделений на фронт. Он пробудил боевой дух на передовой тем, что казался вездесущим. Без малейших колебаний Модель требовал больше дивизий от Гитлера, больше опытных частей СС от Гиммлера, больше береговой артиллерии от адмирала Деница и больше частей люфтваффе у Геринга, все это для того, чтобы справиться с партизанами. 17 февраля он начал отступление к линии «Пантера», которую занял, как и было намечено по плану, 1 марта 1944 года, в тот же день Гитлер произвел его в фельдмаршалы. Русские, быстро преследуя отступавших, нанесли удар по линии «Пантера» силами Ленинградского, Волховского* и 2-го Прибалтийского фронтов. Сражение длилось десять дней до того, как началась весенняя распутица, но все усилия русских оказались напрасны²⁴. Временно, по крайней мере, Вальтеру Моделю удалось стабилизировать северный участок Восточного фронта.

В дополнение к тому, что он был энергичным человеком, любил новшества и обладал несомненным личным мужеством, Модель имел склонность вникать во все мелочи и часто вмешивался во внутренние дела подчиненных ему подразделений, в дела, которые его просто-напросто не касались. Он отличался теплотой и дружелюбием с простыми солдатами, и те его очень любили, зато часто бывал резок и жесток с офицерами. Он мог быть весьма эгоистичен и не гнушался порой

* 15 февраля 1944 года Волховский фронт был расформирован, его войска перешли Ленинградскому и 2-му Прибалтийскому фронтам.

«похищением» частей и подразделений у других командующих. 28 марта 1944 года, например, Модель составил отчет о положении дел на фронте, в котором говорилось, что группа армий «Север» может передать две дивизии группе армий «Юг», которая отражала мощное наступление противника. Вскоре после этого генерал Шмундт, начальник управления кадрами, сообщил Моделю, что через несколько дней он заменит Манштейна на посту главнокомандующего группы армий «Юг». Модель быстро переделал свой отчет, написав в нем теперь, что группа армий «Север» могла бы «поделиться» пятью дивизиями и корпусным штабом, а также 12-й танковой дивизией, как только из Германии им на замену придут две бригады штурмовой артиллерии и танковый батальон. На следующий день он увеличил их общее количество до шести дивизий и приказал генерал-лейтенанту Эберхарду Кинцелю начать передачу немедленно. И только вмешательство генерала Цейтцлера, начальника штаба сухопутных войск, предотвратило насилие над группой армий «Север»²⁵.

* * *

Модель был назначен главнокомандующим группы армий «Юг» 30 марта, менее чем за неделю до того, как она была переименована в группу армий «Северная Украина». Здесь только что завершился очередной кризис: 1-й танковой армии удалось выйти из окружения советскими войсками в Галиции. Модель все-таки направил 9-ю танковую дивизию СС для спасения четырехтысячного гарнизона, попавшего в окружение у Тарнополя, и даже пошел на то, чтобы взять танки у подразделения СС и перевести их под командование армейского офицера, как только их продвижение замедлилось. Тарнополь спасти было нельзя, и всего 53 человека смогли в ночь с 15 на 16 апреля прорваться и достичь линии расположения немецких войск²⁶.

Летнее наступление советских войск на фронте группы армий «Центр» началось 22 июня. Неделью спустя 28 из 37 немецких дивизий были уничтожены или попали в окружение. Гитлер сместил Буша и в тот же день послал Моделя, чтобы свести к минимуму масштабы катастрофы. Модель сохранил за собой командование группой армий «Северная Украина» (его заместителем был генерал-полковник Йозеф Харпе), таким образом, он ближе, чем кто-либо до него, подошел к реализации мечты Манштейна стать главнокомандующим всего Восточного фронта. На 13 июля у Моделя имелось сорок три дивизии (пять из них танковые и одна танково-гренадерская) в составе двух групп армий²⁷.

Учитывая то, что от группы армий «Центр» остались одни обломки, Модель избрал очень простую стратегию: быстрое отступление и спасение того, что еще осталось, до тех пор, пока у русских возникнут проблемы со снабжением армии, а он, в свою очередь, сможет пополнить войска новыми дивизиями, в это время формировавшимися в Германии. 14 июля пал Пинск, 23 июля — Люблин, 27 июля — Белосток и Львов, на следующий день — Брест-Литовск. 31 июля русские достигли Праги — предместья Варшавы на правом берегу Вислы. 1 августа советские войска достигли Кальварии на расстоянии каких-нибудь пятнадцати миль от границы с Восточной Пруссией.

Однако русские находились на пределе своих возможностей, у них кончалось горючее, возникли сложности со снабжением и с поддержкой с воздуха. Тем временем Модель получил подкрепление: танковую дивизию «Герман Геринг», 3-ю танковую дивизию СС, 5-ю танковую дивизию СС и танковую дивизию «Великая Германия», а также несколько пехотных соединений. Модель контратаковал, вновь взял Прагу, разбил

2-ю советскую танковую армию и отбросил русских назад на тридцать миль. Располагая всего примерно сорока пятью потрепанными и изможденными дивизиями, Модель удерживал 143 советские пехотные дивизии, двенадцать кавалерийских дивизий и более 2000 танков — треть всех сил Сталина — вдоль четырехсотмильной линии фронта. Ситуация на Востоке вновь временно стабилизировалась, но с 22 июня советские войска прошли четыре сотни миль и находились на расстоянии всего 350 миль от Берлина. С 1 июня потери немецких войск составили 916860 человек²⁸.

После сражения Гитлер называл Моделя «спасителем Восточного фронта»²⁹. Но в армии он был больше известен как «пожарник фюрера». Теперь он получил самое сложное задание: 16 августа 1944 года он был назначен главнокомандующим группы армий «Б» и командующим войсками на Западе. В группе армий «Центр» его заменил генерал-полковник Рейнхардт. На таблице 9 показан его боевой порядок.

Модель появился в штабе фон Клюге 17 августа, сообщил ему об отставке и сразу же отдал приказ об эвакуации «фалезского котла», приказ, разрешения на который фон Клюге не смог добиться у фюрера. Ему удалось вывести половину 5-й танковой и 7-й армий из котла до того, как союзники сомкнули кольцо окружения, но Модель сразу же после этого столкнулся с тремя другими кризисами.

3-я армия США под командованием Паттона к югу от Парижа двигалась быстрым маршем, и ей практически не оказывалось никакого сопротивления; на средиземноморском побережье Франции высадились 6-я группа армий США (под командованием генерал-лейтенанта Джекоба Л. Деверса) и быстро уничтожила 1-ю армию Курта фон дер Шваллери, угрожая отрезать 19-ю армию Зодерштерна на южном атлантическом берегу Франции. Моделю все еще нужно было с его потрепанными и истощенными войсками переправиться через

Сену при очень быстром темпе преследования победоносных британских и американских войск. Факт восстания в Париже, казалось, совсем не беспокоил Моделя, так как он понимал, что все равно ничего не сможет по этому поводу предпринять. Когда же фюрер приказал ему защищать город, Модель ответил, что двадцатитысячный гарнизон, которым он там располагает, не в состоянии удерживать в повиновении город с населением в 3500000³⁰. Тогда Гитлер в остервенении приказал коменданту города генералу Дитриху фон Хольтицу уничтожить Париж, но тот, к счастью, не выполнил этого приказа. Париж был освобожден союзниками 25 августа 1944 года.

Тем временем Модель кое-как сумел переправить остатки группы армий «Б» за Сену. «С точки зрения количества брошенной техники, — говорил позднее Зепп Дитрих, — переправа через Сену была не меньшей катастрофой, чем «фалезский котел»³¹. По свидетельству генерала Блюментритта, только 100–120 единиц из общего количества 2300 танков и орудий, участвовавших в сражении в Нормандии, переправились через Сену. Мощь танковых дивизий снизилась теперь менее чем до десяти танков на дивизию. В ходе сражения немцы также потеряли по меньшей мере 15000 единиц других видов транспортных средств³².

Парадокс «стратегии» Гитлера во Франции теперь стал совершенно ясен. Он использовал свои танковые дивизии среди живых изгородей Нормандии (идеальная местность для пехоты), в то время как Роммель умолял дать ему пехоту. Теперь же, когда союзники оказались в местности, благоприятной для танковых сражений, у Моделя не осталось ничего, чем бы он мог их остановить, кроме пехоты, ценность которой в подобных условиях была минимальной. Уязвимым становился Рурский бассейн, и если бы пала эта жизненно важная область, способность Германии продолжать войну оказалась бы под большим вопросом.

**БОЕВОЙ ПОРЯДОК ГРУППЫ АРМИЙ «ЗАПАД»,
СЕРЕДИНА АВГУСТА 1944 ГОДА.**

Группа армий «Запад»: Фельдмаршал Вальтер Модель

Группа армий «Б»: Модель

7-я армия: генерал Ханс Эбербах

5-я танковая армия: генерал-полковник СС
Зепп Дитрих

15-я армия: генерал-полковник Ханс фон
Зальмут*

Группа армий «Г»: генерал-полковник Йоханнес
Бласковиц

1-я армия: генерал Курт фон дер Шеваллери

19-я армия: генерал Георг фон Зодерштерн**

1-я парашютная армия: генерал-полковник
люфтваффе Курт Штудент

* позднее генерал Густав фон Цанген

** позднее генерал Фридрих Вайзе

Повсюду прекращалось всякое сопротивление наступающим. К 26 августа англичане форсировали Сену, а 28 августа Паттон пересек Марну, в тот же день на юге Франции пали Марсель и Тулон. 30 августа пали Ницца и Амьен, линия по реке Сомме была прорвана до того, как Модель успел занять ее, был захвачен штаб 7-й армии, и генерал Эбербах оказался в плену. Ницца пала 1 сентября, на следующий день был освобожден Лион, а союзники продвигались по долине Роны, без труда подавляя слабые очаги сопротивления войск противника. Немцы оставили Брюссель 3 сентября, а уже 4 сентября английские танки вошли в важный порт Антверпен³³. В тот же день Гитлер, придя к выводу, что Модель не может в подобных безнадежных обстоятельствах осуществлять эффективное командование группой армий «Б» и войсками на Западе, назначил фельдмаршала Рундштедта на пост главнокомандующего Западным фронтом. Модель сохранил за собой командование группой армий «Б», а также на него была возложена обязанность защищать представляющий первостепенную важность Рурский бассейн от сокрушительных ударов союзников. И тут, словно по волшебству, союзники остановились.

Однако остановка противника вовсе не была результатом чуда: у Эйзенхауэра просто кончилось топливо. Никто не предполагал, что сопротивление немцев будет сломлено так быстро, поэтому союзники не захватили с собой из Англии достаточное количество транспортных средств, и англичане и американцы исчерпали возможности своих тыловых подразделений. Разрушение французской сети железных дорог авиацией союзников имело неоднозначные последствия. С одной стороны, это оказалось одним из главнейших факторов поражения Роммеля в Нормандии в июне и июле, но теперь это разрушение обернулось другой стороной. У Монтгомери был свой план продвижения в сторону Рура: он предполагал высадить воздушный десант 1-й

воздушно-десантной армии союзников одновременно с продолжением продвижения английских наземных сил для обеспечения плацдарма за Рейном у Арнема. В случае удачи все это могло бы завершиться полным разгромом Германии.

В деталях это выглядело так: 101-я, 82-я дивизии США и 1-я британская десантная дивизия высадятся неподалеку от Эйндрховена, Неймегена и Арнема, в то время как 30-й британский корпус с гвардейской бронетанковой дивизией в авангарде прорвет фронт в центре недавно присланной на передовую 1-й немецкой парашютной армии в центре расположения сил Моделя и начнет быстрое продвижение к северу по единственной дороге, ведущей к Арнему, на соединение с парашютно-десантными дивизиями. Ключевой целью являлся мост через Рейн в Арнеме. Как только 30-й корпус достигнет этого места, Монтгомери планировал высадить 52-ю британскую пехотную дивизию для усиления арнемского предмостного плацдарма и продолжать продвижение³⁴. К громадному неудовольствию Паттона, Эйзенхауэр одобрил этот план и предоставил Монтгомери приоритет в снабжении.

Наземная фаза операции «Огород» началась в 2 часа пополудни 17 сентября наступлением 30-го корпуса на дивизию «Вальтер» 1-й парашютной армии под командованием Курта Штудента. Союзные войска довольно быстро прорвались через боевые порядки немцев и направились на север, где уже в час дня началась высадка парашютистов.

Несмотря на то, что в пользу Монтгомери сыграл фактор внезапности, в его смелом плане имелся целый ряд недостатков. Во-первых, данные разведки оказались не очень надежными. Сообщалось, что в районе Арнема-Неймегена есть несколько мелких батальонов, но разведка совершенно упустила из виду 2-й танковый корпус СС (9-ю и 10-ю танковые дивизии СС), перемещавшиеся на северо-восток от Арнема после разгро-

ма у Фалеза. Во-вторых, наступление велось вдоль одной-единственной дороги. Если она будет перерезана — остановится все наступление. В-третьих, британская 1-я воздушно-десантная дивизия была высажена на расстоянии 6—8 миль от своей цели, Арнемского моста. И, наконец, голландскому Сопротивлению не удалось передать информацию о том, что тактический штаб фельдмаршала Моделя теперь располагается в Оостербеке, западном пригороде Арнема, на расстоянии менее мили от восточной зоны высадки³⁵.

Модель обедал, когда десантировалась первая волна парашютистов. Он поспешно выехал в Арнем, чтобы организовать местную оборону и запросить подкрепления. Благодаря немедленному вмешательству энергичного фельдмаршала, реакция немцев оказалась гораздо более быстрой, чем можно было ожидать. 9-й танково-разведывательный батальон СС и танково-гренадерский учебный батальон СС «Крафт» уже выдвигались, чтобы занять блокирующие позиции до того, как британские парашютисты успеют покинуть зону высадки³⁶.

Модель вверил защиту моста пожилому члену своего операционного штаба майору Эрнсту Шляйфенбауму. В боевую группу майора входили ветераны первой мировой войны из 28 различных тыловых команд, но это были войска, которые он мог получить сразу же без промедления в Арнеме. Он вооружил их трофейными винтовками и двадцатью комплектами боеприпасов каждого. Некоторое время ветераны удерживали город, но позднее не смогли помешать 2-му британскому парашютному батальону захватить к полудню северный портал моста. Группа Шляйфенбаума, тем не менее, удержала южный портал и отразила несколько попыток англичан вытеснить их той же ночью³⁷. Во второй половине дня британские зоны высадки уже находились под прямым минометным огнем. К вечеру 9-я танковая дивизия СС полностью отрезала шестьсот парашютистов на мосту от остальной части дивизии и располагала

боевой группой в самом городе, где к ним присоединился 10-й танково-разведывательный дивизион СС и батальон тяжелой артиллерии из 10-й танковой дивизии СС³⁸.

Английские парашютисты были смелы, упорны, великолепно обучены, но явно недостаточно экипированы. Модель и Штудент прекрасно понимали, что 2-я танковая дивизия СС (под командованием генерала СС Вилли Биттриха) уничтожит их, если только вовремя не подоспеет 30-й корпус. Чтобы помешать союзникам, они атаковали Арнемское шоссе всеми резервами, которые только сумели отыскать. Модель также направил в сражение на западной стороне британской зоны высадки дивизию под командованием фон Теттау, формирование, созданное спонтанно из шести батальонов, в основном с невысокой боеспособностью. Модель и Штудент срочно бросили 59-ю пехотную дивизию и 107-ю танковую бригаду в контратаку против 30-го корпуса и двух воздушно-десантных дивизий США. Обе перерезали шоссе в различных пунктах, что вызывало еще большие задержки 18 и 20 сентября, кроме того, даже люфтваффе внесло свою лепту редкими налетами семидесяти самолетов, которые повредили Эйндховенский мост и вызвали пробки и путаницу в передвижении транспортных средств (у англичан было мало опыта боевых действий в ходе тактических воздушных налетов). Гитлер также предоставил Моделю две дивизии (170-ю и 180-ю резервную), и он быстро бросил их в бой в район танкового коридора союзников. К 20 сентября 20000 единиц транспорта 30-го корпуса растянулись на целых тридцать миль на одном-единственном шоссе. Трудности со снабжением достигли кошмарных размеров³⁹.

2-й парашютный батальон отражал атаки врага поистине героически, но 20 сентября у них кончились противотанковые боеприпасы, и им пришлось сдать своих раненых немцам, чтобы те не сгорели

заживо в огне, который охватил эту часть Арнема. 1-й, 3-й и 11-й парашютный батальоны и 2-й батальон из Южного Стаффорда попытались спасти окруженных, но на открытой местности они были уничтожены моторизованными частями СС. Общий состав этих четырех батальонов к тому моменту, когда выжившие вернулись в зоны приземления, сократился до четырехсот человек. В ходе подобной попытки 10-й и 156-й парашютные батальоны понесли еще более тяжелые потери⁴⁰.

Вскоре после рассвета 21 сентября оставшиеся в живых из 2-го парашютного батальона сдались в плен. Честолюбивый план Монтгомери провалился. Финальная фаза сражения заключалась в попытках переправить остатки 1-й британской воздушно-десантной дивизии назад через реку. Сражение закончилось утром 27 сентября, когда фронт 1-й воздушно-десантной дивизии был, наконец, прорван. Примерно в то же время 30-й корпус справился с 59-й дивизией и достиг берега реки.

Из 10-тысячной 1-й британской воздушно-десантной дивизии 2587 человек были успешно эвакуированы, а еще 240 (большую их часть спрятали у себя голландцы) смогли перейти к своим в течение нескольких следующих дней. Остальные числились среди потерь. Потери 2-й британской армии составили еще 3716 человек, а потери 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий США — 3542 человека. Потери 2-й танковой дивизии СС в тяжелом бою составили всего 1100 убитыми и 2200 ранеными⁴¹. Потери других немецких частей, участвовавших в сражении, неизвестны. Хотя 107-ю танковую бригаду потребовалось переформировывать.

Некоторые авторы популярных книг в последние годы пытались затушевать или свести до минимума роль Моделя в этой победе или даже полностью ее игнорировали, потому, вероятно, что Модель симпатизировал нацистам. Британская официальная историо-

графия, тем не менее, значительно более объективна в этом вопросе и отдает Моделю львиную долю заслуг в этой победе немцев. Благодаря скорости его реакции, отмечают английские ученые, всего шестистам из 10000 парашютистов, высадившихся в Арнеме, удалось достичь моста⁴². 1-я воздушно-десантная дивизия после этого боя была расформирована.

В результате Арнемского сражения исчез последний шанс победы союзников над Германией в 1944 году. Гитлер получал теперь необходимое время на консолидацию сил для Арденнского наступления. Но Арнем стал и последней крупной боевой победой Моделя.

Модель с самого начала был противником планов Гитлера начать контрнаступление в Арденнах. Фельдмаршал хотел использовать резервы для уничтожения американского «выступа» у Аахена, но фюрер остался непоколебим. Тогда Вальтер Модель, как добрый армейский служака и преданный нацист, употребил всю свою огромную энергию на то, чтобы добиться успеха операции. Поговаривали, что он стал сильно пить по ночам, но это, однако, не мешало ему ежедневно вставать в 5 утра для проверки войск. Модель продолжал безжалостно выжимать все соки из своих подчиненных и из самого себя⁴³.

Немецкое наступление началось в 5.30 утра 16 декабря 1944 года силами двадцати дивизий на передовой и пяти в резерве. Всего в нем участвовало 300000 человек, которым были приданы 1900 орудий и 970 танков и самоходных дивизий в 7-й, 5-й танковых и 6-й танковых армиях (под командованием соответственно генерала Эриха Бранденбургера, генерала Хассо фон Мантейфеля и генерал-полковника СС Зеппа Дитриха). 106-я пехотная дивизия США была окружена и

уничтожена, 28-я пехотная и 7-я бронетанковая дивизии США были разгромлены, 101-я воздушно-десантная дивизия попала в окружение в Бастони. Наступление достигло кульминации 23 декабря. Затем настал черед американцев. Нелетная погода, считавшаяся основным фактором, который способствовал победам немцев, значительно улучшилась 22 декабря, и многие подразделения Моделя были практически уничтожены боевой авиацией. 3-я армия Паттона с невероятной быстротой изменила направление своего движения, прорвала южный край выступа и освободила Бастонь 26 декабря. Ожесточенные бои продолжались, но к 8 января 1945 года, когда основное наступление американцев было направлено на Уффализ (последний возможный путь для отступления), Гитлер приказал Моделю оставить территорию к западу от этого города. Последнее крупное наступление германских войск провалилось⁴⁴.

Потери американцев составили 76000 человек, но сам Модель потерял около 103000 человек, 600 танков и штурмовых орудий⁴⁵. Но самым тяжелым следствием поражения в этой битве стало падение боевого духа немецких солдат. 8 февраля, когда 9-я армия США (под командованием генерал-лейтенанта Уильяма Х. Симпсона) переправлялась через Рер, немцы оказали ей столь незначительное сопротивление, что потери в четырех дивизиях составили чуть больше ста человек⁴⁶.

И, наверное, не случайно, что «пожарник фюрера», в конце концов, стал жертвой одного из приказов Гитлера «держаться любой ценой». Он приказал защищать Рурский бассейн силами пятнадцати дивизий. У Моделя все еще оставалось 320000 человек личного состава (включая 100000 в зенитной артиллерии), но в основном это были плохо подготовленные мальчишки из «Гитлерюгенда» или пожилые люди, которых недавно призвали в армию и которым совсем не хотелось воевать. Да и самого Моделя охватила странная

апатия, возможно потому, что он понимал, что война проиграна, и знал, что включен в советский список военных преступников за слишком последовательное осуществление им гитлеровской тактики «выжженной земли» на русской территории. Может быть, Модель сделался фаталистом, понимая, что своими действиями он просто продлевает агонию ценою тысяч человеческих жизней. Он верил рассказам Гитлера о его «чудо-оружии», но теперь осознал, что ожидать его бесполезно.

Каковы бы ни были причины, но сражение в «Рурском котле» он вел без присущей ему энергии и даже не очень разумно. К примеру, Модель расположил свой штаб на крайнем правом фланге сражения, откуда он с большим трудом мог руководить действиями на левом фланге группы армий, где шло основное наступление. Он отклонил просьбу генерала фон Цангена дать подкрепление в Ремаген, и 9-я бронетанковая дивизия США захватила там мост 7 марта. Моделю не удалось ответить своевременными контратаками против предмостных плацдармов союзников в Ремагене и Везеле, и когда он все-таки начал их, они оказались не столь мощными, как могли бы быть⁴⁷.

Группа армий «Б», включавшая 5-ю танковую и 15-ю армию, была атакована 1-й, 9-й и 15-й армиями США. Модель сделал всего одну попытку добиться отмены приказа «стоять любой ценой», и то не непосредственно у Гитлера, а у Кессельринга, нового главнокомандующего силами рейха на Западе. Кессельринг, конечно, не имел полномочий отменять приказ, и потому группа армий «Б» продолжала держаться. Модель мог бы воспользоваться своим значительным личным влиянием на Гитлера, чтобы добиться отмены приказа, но он даже не пытался это сделать.

Сражение в «Рурском котле» совершенно определенно стало самой плохой операцией из всех, когда-либо проводившихся Вальтером Моделем. «Даже и по

сей день, — писал позднее Кессельринг, — операции группы армий «Б» остаются для меня совершенно непонятными».⁴⁸ Модель контратаковал не там, где надо, и в неудачное время. Он игнорировал приказы Гитлера «держаться любой ценой» раньше, но не теперь. «Рурский котел» был окружен 1 апреля в час пополудни. Бои длились три недели, и в течение этого времени Модель не выполнил приказов Гитлера уничтожить все предприятия в Рурском бассейне, но в тоже время отказывался рассматривать предложения американцев о капитуляции. Вместо этого он отправлял самых старых своих солдат и совсем юных мальчишек по домам, а 17 апреля, когда у него истощились запасы медикаментов, он распустил свою группу армий⁴⁹. Он и его штаб теперь мало чем отличались от простых беженцев, скитающихся среди развалин промышленного района. «Фельдмаршал, — говорил Модель, — не может быть пленным. Подобное невозможно».⁵⁰

Несколько раз во время сражения Модель выходил на передовую и сознательно старался попасть под огонь противника в надежде погибнуть на поле боя⁵¹. Наконец утром 21 апреля он сказал своему офицеру разведки: «Мой час пробил»⁵². Американцы находились на расстоянии какой-нибудь мили или двух, когда два офицера вошли в лес неподалеку от Дуйсбурга, где фельдмаршал попросил своего адъютанта застрелить его в качестве последней услуги⁵³. Когда же майор ответил на эту его просьбу отказом, Модель вытащил свой пистолет. «Нет ничего хуже, чем попасть в руки русских, — сказал он. — Вы похороните меня». После этого Вальтер Модель выстрелил себе в голову⁵⁴.

Несколько лет он лежал в тайной, ничем не отмеченной могиле неподалеку от Дуйсбурга, до момента создания Федеративной Республики Германия. Его

офицеры опасались, что победители развеют по ветру останки фельдмаршала так же, как они поступили с прахом военных преступников, повешенных в Нюрнберге. Много лет спустя его сын, майор Ганс-Георг Модель, провел перезахоронение останков своего отца на солдатском кладбище в лесу Хюртген, совсем недалеко от места последнего успокоения Джорджа С. Паттона. Теперь Модель лежит среди тех солдат, которыми командовал⁵⁵.

ГЛАВА I8

ЭРВИН ФОН

ВИЦЛЕБЕН

Эрвин Иов фон Вицлебен, отпрыск старинного прусского семейства, родился в Бреслау в Силезии (ныне польский город Вроцлав) 4 декабря 1881 года¹. Он прославился отнюдь не благодаря своим победам или поражениям, а исключительно из-за преданности прусскому военному идеалу служения народу и стране. Он обладал большим личным мужеством, никогда не предавал свои высокие принципы и всегда был готов на самые решительные действия против любого человека или политической группировки, пытавшихся принести офицерский корпус в жертву своим политическим целям. Родись он на столетие раньше, Вицлебен стал бы достойным соратником Герхарда Шарнхорста, Августа фон Гнейзенау и графа Иоганна Йорка фон Вартенбурга, тех офицеров, что освободили Пруссию от Наполеона. Но родившись столетием позже них, он был рожден для виселицы.

* * *

Получив образование в военном училище, Вицлебен 22 марта 1901 года поступил на службу в импера-

торскую армию в возрасте 19 лет, в звании младшего лейтенанта в 7-й гренадерский полк в Лейпциге, где он и оставался в течение семи лет². В конце 1908 года он был назначен адъютантом войскового командования «Хиршберга» и произведен в 1910 году в оберлейтенанты после девяти лет пребывания в звании младшего лейтенанта. С началом войны его назначают адъютантом 19-й резервной бригады, а позднее в том же году он становится капитаном. Он провел всю войну на Западном фронте, получив Железный крест I-й степени. В начале 1915 года он получает командование ротой в 6-м пехотном полку и в течение по меньшей мере полутора лет сражается в окопах. В августе 1916 года он назначается в вышестоящий штаб, но его должности после этого не совсем ясны; очевидно, он оставался в 6-м пехотном полку. В любом случае, Вицлебен принял командование батальоном в этом подразделении 15 апреля 1917 года и не получал никаких штабных назначений до 2 августа 1918 года, когда в последние дни войны он стал представителем генштаба в 108-й пехотной дивизии³.

Капитан Эрвин фон Вицлебен вернулся в свою родную часть — 7-й гренадерский полк — в качестве ротного командира в начале 1919 года, но два месяца спустя получил назначение в генштабе. В январе 1921 года он был назначен командиром 8-го пулеметного полка⁴.

Работа Вицлебена в рейхсвере проходила между штабом и войсками. Она отличалась постоянными, но ничем не примечательными поручениями и продвижением по служебной лестнице. Он числился при штабе четвертого военного округа (1922—1925 гг.), служил в 12-м кавалерийском полку (1925—1926 гг.), состоял при штабе 3-го пехотного соединения в Берлине (1926—1928 гг.), затем был командиром 3-го батальона 6-го пехотного полка (1928 г.). Позже Вицлебен был начальником штаба шестого военного округа в Мюнстере

(1929–1931 гг.), командиром 8-го пехотного полка (1931–1933 гг.) и командующим Ганноверским округом (1933–1934 гг.). В 1923 году его произвели в майоры, в 1929 году – в подполковники, в 1931 году он становится полковником⁵.

Эрвин фон Вицлебен вышел на арену истории 1 февраля 1934 года, когда стал генерал-майором и был назначен командующим третьим военным округом, заменив на этом посту генерала барона Вернера фон Фрича, назначенного главнокомандующим сухопутными силами. Штаб этого важнейшего военного округа располагался в Берлине. Еще до чисток, направленных против «штурмовых отрядов», Вицлебен – этот простой, но мужественный и опытный офицер пехоты – дал понять, что он готов использовать свои войска против СА, если Гитлер сам не займется этой организацией. И Гитлер занялся ею... посредством кровавой резни 30 июня 1934 года⁶. Когда Вицлебен услышал, что руководителей СА расстреливают, он обрадовался и вслух выразил свое сожаление по поводу того, что не может увидеть этого собственными глазами. Позднее он узнал, что во время этой кровавой бани эсэсовцы убили также отставных генералов Курта фон Шляйхера и Курта фон Бредова. Вицлебен потребовал проведения военного расследования обстоятельств их гибели, того же потребовали его начальник штаба полковник Эрих фон Манштейн, генералы Герд фон Рундштедт и риттер Вильгельм фон Лееб. Тем не менее пронацистски настроенный министр обороны генерал Вернер фон Бломберг не допустил расследования⁷.

В конце 1934 года Вицлебен становится генерал-лейтенантом, а 1 октября 1936 года – генералом от инфантерии⁸. Он продолжал неодобрительно относиться к нацистам и был сторонником реставрации монархии, хотя, по сути, большого интереса к политическим делам не испытывал до тех пор, пока его друг Вернер фон Фрич в январе 1938 года не был смещен с поста

главнокомандующего сухопутными силами по надуманному обвинению в гомосексуализме. Вицлебен воспринял это как вызов, брошенный чести всей армии, как нечто такое, чего он никогда не смог ни забыть, ни простить. С этого момента Вицлебен становится убежденным антинацистом, сторонником свержения режима военным путем. Он не исключал использование насилия и политических убийств в случае необходимости.

Гитлеру посчастливилось, что Вицлебен в это время находился в Дрездене в отпуске по болезни, так как полковник Пауль фон Хазе предложил воспользоваться его 50-м пехотным полком, чтобы свергнуть правительство и обезвредить СС и гестапо. На его месте, возможно, мог бы оказаться Вицлебен. Как отмечал позднее Дейч, Вицлебен и подчиненный ему полковник граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд были «двумя наиболее решительными людьми из тех, что когда-либо действовали в рядах оппозиции»⁹. Без Вицлебена «в Берлине не было лидера», пишет Петер Хоффман¹⁰. Гитлеру удалось убрать непоколебимого противника нацизма Фрича и заменить его своей марионеткой Вернером фон Браухичем на посту главнокомандующего армией.

Вицлебена одним из первых отправили в отставку в ходе чисток Браухича, лишив антигитлеровский заговор лучшего лидера из всех возможных. Его вновь призывают в действующую армию в августе 1938 года в качестве командующего 1-й армией на франко-германской границе во время чехословацкого кризиса. Тем временем участники антигитлеровского заговора собрались в Берлине. Среди них были генерал Людвиг Бек, начальник генштаба сухопутных сил, его заместитель генерал Франц Гальдер; адмирал Вильгельм Канарис, руководитель абвера (отдел военной разведки при верховном командовании вооруженными силами), начальник его штаба полковник Ганс Остер,¹¹ а также граф

фон Брокдорф-Алефельд, командующий потсдамским гарнизоном, граф Хельдорф, полицей-президент Берлина, генерал-полковник Курт фон Хаммерштайн, бывший командующий сухопутными силами; и генерал-лейтенант Эрих Хепнер, командующий 1-й дивизией легкой артиллерии (позднее 6-й танковой) в Тюрингии¹².

Ганс Остер прибыл в штаб Вицлебена, чтобы попытаться убедить его присоединиться к заговорщикам. И едва заместитель Канариса начал объяснять причины своего визита (подготовка Гитлером вторжения в Чехословакию), его перебил Вицлебен и заявил ему о своей безоговорочной поддержке. Если Гальдер (неофициальный руководитель заговора) примет решение действовать, сказал Вицлебен, он присоединится к нему; но если Гальдер не примет такого решения, он будет действовать без него. В любом случае он готов подчиняться приказам генерала Бека¹³.

Все быстро согласились, что Вицлебен, на которого можно было положиться с точки зрения его несомненной способности на решительные действия, станет военным руководителем переворота. План был таков: по сигналу Гальдера потсдамский гарнизон при поддержке берлинской полиции захватит резиденцию правительства и арестует Гитлера, как только тот издаст приказ о вторжении в Чехословакию. Танки Хепнера не позволят вмешаться мюнхенским эсэсовцам в том случае, если они попытаются спасти Гитлера. Диктатор должен предстать перед Верховным судом. Тем временем группа медиков должна будет провести тайную психиатрическую экспертизу Гитлера. Им уже удалось заполучить копию старой истории психической болезни Гитлера из Пазевалькского военного госпиталя, и считалось, что она может послужить достаточным основанием для смещения Гитлера с поста и для отправки его в сумасшедший дом¹⁴.

Существовал и второй вариант этого плана. Он

предусматривал, что Вицлебен и еще несколько членов его штаба направятся в рейхсканцелярию и потребуют от Гитлера ухода в отставку. Командир спецподразделения майор Фридрих Вильгельм Хайнц инициирует (или просто инсценирует стычку), в ходе которой Гитлер будет убит, предположительно самим Хайнцем. Очевидно, Вицлебен одобрил именно этот вариант плана¹⁵.

Планируемый переворот 1938 года был лучшим из всех планов, которые когда-либо разрабатывались участниками антигитлеровских заговоров за всю историю немецкого Сопротивления. Роковой недостаток этого плана заключался в непредсказуемости самого Гитлера. Он неожиданно выскакивал в самом неподходящем месте, подобно блохе. Он обладал чутьем крысы. Без предупреждения он внезапно покинул Берлин и руководил всеми дипломатическими шагами против Чехословакии из «Орлиного гнезда» в Баварии¹⁶. Он не вернулся в столицу до тех пор, пока не были подписаны Мюнхенские соглашения и территориальные притязания Германии в Судетах не были удовлетворены без кровопролития. Внезапно Адольф Гитлер снова сделался гением. Предлог для военных действий исчез, переворот не состоялся.

После Мюнхена полковник Остер все еще намеревался довести заговор до конца. Вицлебен прибыл домой к Остеру, где собрались главные заговорщики, и высказался против любых действий, направленных на свержение Гитлера. Он сказал: «Видите ли, господа, для этого несчастного глупого народа он снова «наш горячо любимый фюрер», единственный, посланный Богом, а мы... мы всего лишь жалкая кучка реакционеров и недовольных офицеров и политиков, осмелившихся в момент высочайшего триумфа величайшего политика всех времен бросать камни на его пути. Если мы совершим что-то сейчас, то история, не только немецкая история, скажет о нас как о тех, кто отрекся

от величайшего немца в момент, когда он был действительно величайшим, и когда весь мир признал его величие».¹⁷

* * *

Начало войны застало Вицлебена врасплох¹⁸. Вскоре после этого он поехал в Берлин и попытался начать организацию нового путча, но ни Браухич, ни Гальдер не заинтересовались его предложениями. Особенно перепугался Браухич и даже сообщил по секрету Вицлебену, что и без того боится, как бы его не арестовал Рейнхард Гейдрих, шеф СД. Реакция Вицлебена была очень типична для него. «Но почему же вы сами его не арестуете?» — спросил он напрямую. Ответом на этот вопрос было тяжелое молчание¹⁹.

Вицлебен продолжал поддерживать связь с людьми, еще оставшимися в рядах оппозиции, но постепенно его все больше охватывало разочарование. Небольшое удовольствие доставило ему и производство в генерал-полковники в ноябре 1939 года. В конце 1939 года, когда его 1-я армия размещалась в Крейцнахе, он чувствовал себя ужасно (Вицлебен страдал тяжелой формой геморроя), выглядел усталым и подавленным. Он был абсолютно не уверен в своей способности повлиять на Браухича и Гальдера с тем, чтобы они выступили против Гитлера, и предсказывал, что они ничего не станут делать²⁰. Он был прав.

* * *

1-я армия генерала Вицлебена занимала «линию Зигфрида» во время вторжения в Польшу, а в ходе первого этапа войны на Западном фронте совершала отвлекающий маневр, выйдя на «линию Мажино». Он принимал участие в операциях по очищению захваченной территории от противника в июне 1940 года, ак-

тивно участвовал в окружении 2-й французской группы армий незадолго до окончания военных действий. Возможно, благодаря его большому армейскому стажу, Вицлебен был произведен в фельдмаршалы 19 июля 1940 года. После этого он оставался в составе оккупационных войск во Франции.

В апреле 1941 года, когда немецкие армии начали перемещаться на восток для планируемого вторжения в Советский Союз, Эрвин фон Вицлебен был назначен главнокомандующим группы армий «Д» (одновременно являясь главнокомандующим силами на Западе). Его войска включали сильно сократившиеся численно 7-ю и 15-ю армии, разместившиеся вдоль Атлантического побережья от Антверпена до испанской границы, и 1-ю армию со штабом в Париже, оккупировавшую внутреннюю часть захваченных территорий²¹.

Вицлебен предпринял определенные шаги с целью обезопасить французское побережье от вторжения союзников даже несмотря на то, что эта угроза в 1941 году казалась очень отдаленной. Когда он предложил создать на западе постоянные береговые оборонительные сооружения, верховное главнокомандование сухопутных сил не выделило ему необходимых строительных батальонов. Тогда он отдал приказ подчиненным ему подразделениям самим начать реализацию этого проекта, несмотря на явную нехватку ресурсов для его выполнения. Сделано было, однако, очень немного²².

* * *

В марте 1942 года фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен получил отпуск для того, чтобы лечь на операцию. Гитлер воспользовался этим в качестве предлога и отправил его в отставку 21 марта 1942 года. Его заменил Герд фон Рундштедт, Вицлебена же на активную службу больше не призывали.

Вицлебен удалился в свое поместье Линар в Зеезене в нескольких милях от Потсдама, но и там продолжал вынашивать мысли о заговоре против Гитлера. В июле 1943 года его госпитализировали по поводу язвы желудка, но, несмотря на ухудшающееся здоровье, Вицлебен продолжал числиться в списке заговорщиков в качестве главнокомандующего вооруженными силами антинацистского правительства²³.

Заговор начал осуществляться 20 июля 1944 года в 12.30, когда однорукий и одноглазый полковник граф Клаус фон Штауфенберг, начальник штаба резервной армии, прибыл на совещание к фюреру в Восточной Пруссии с бомбой в портфеле. Он поставил портфель у ног Гитлера, а сам вышел из комнаты. К несчастью, полковник Хайнц Брандт, офицер штаба сухопутных войск и в прошлом олимпийский чемпион по конному спорту, посчитал, что портфель стоит неудобно, переставил его за большую ножку стола и таким образом спас жизнь Гитлеру и погубил свою собственную. Через несколько минут бомба взорвалась. Основание стола отклонило взрывную волну от Гитлера, и тот отделался легкой контузией.

В Берлине заговором руководил генерал Фридрих Ольбрихт, начальник штаба резервной армии. Из-за неудачного начала он не хотел приступать к непосредственному захвату власти до того, как поступят убедительные доказательства смерти Гитлера. Сигнал к началу военного этапа переворота («Валькирия») не подавался до 4 часов дня. В итоге были потеряны три с половиной важнейших часа²⁴.

Вицлебен приехал в полной военной форме на Бендлерштрассе в штаб резервной армии в 4.30 дня в сопровождении майора графа Вильгельма Фридриха цу Линара. Генерал-полковник Фромм, главнокомандующий резервной армией, отказался поддерживать путч и

был арестован. Вицлебен обосновался в кабинете Фромма. Первым действием Вицлебена на посту главнокомандующего вооруженными силами было назначение генерал-полковника Эриха Хепнера командующим резервной армией. Десять минут спустя прибыл генерал Иоахим фон Корцфлейш, командующий третьим военным округом, сторонник нацистов, и потребовал допустить его к Фромму. Он был также арестован. Вицлебен издал приказ, на основании которого генерал-лейтенант барон Карл фон Тюнген-Россбах назначался командующим Берлинским военным округом. В 5 часов дня Вицлебен приказал генералу фон Штюльпнагелю, военному губернатору Франции, арестовать всех сотрудников СС и СД в Париже²⁵. Кроме того, он направил фельдмаршалу Гюнтеру фон Клюге, главнокомандующему силами вермахта на Западе, телеграмму, в которой говорилось: «Фюрер мертв. Выполняйте инструкции по плану». Он подписал ее словами: «Вицлебен, Верховный командующий вермахтом».²⁶ Какое-то время фон Клюге был готов присоединиться к заговорщикам, но его начальник штаба, генерал Блюментритт, сумел дозвониться до генерал-майора Гельмута Штиффа, начальника управления ОКН. Несмотря на то, что сам он принадлежал к числу заговорщиков, Штифф сообщил Блюментритту простую истину: Гитлер только легко ранен. В итоге Клюге сохранил свою «верность» Гитлеру²⁷.

Опоздание с началом операции лишило заговорщиков последних шансов на успех после того, как выяснилось, что Гитлер уцелел. Около 10 часов вечера стало ясно, что заговор проваливается. «Неплохая путаница!» — рявкнул Вицлебен на Штауфенберга. Затем он встретился с генералом Беком в кабинете Фромма. Еще через несколько минут туда был приглашен Штауфенберг, и Вицлебен самым жестким образом «чистил» обоих в течение сорока пяти минут²⁸. То, как в точности проходило это совещание, неизвестно, так как все

его участники погибли через три недели. Вицлебен заявил, что он не будет участвовать в столь плохо организованном предприятии. Сделав это заявление, Вицлебен полностью отмежевался от заговора и вернулся в Зеезен. На следующий день там же он был арестован.

Бек, Ольбрихт и Штауфенберг были казнены Фроммом 20 июля сразу же после того, как стало очевидным, что заговор провалился полностью. Вицлебен был исключен из армии по приговору суда офицерской чести и предстал перед народным судом 7 августа вместе с Хепнером, Штиффом, генералом Паулем фон Хазе (командующим Берлинским гарнизоном) и четырьмя младшими офицерами. Судьей на процессе был Роланд Фрейслер. Вицлебену ничего не простили и обращались с ним самым жестоким образом. Гестаповцы вынули его вставные челюсти и сняли с него ремень. Он был «не брит, без воротничка и выглядел жалко». Кажалось, что за две недели пребывания в застенках гестапо Вицлебен постарел на десять лет, что, конечно же, неудивительно. Он безразлично смотрел в пространство перед собой²⁹.

Роберт Уистрич назвал Вицлебена «самым сломленным и вызывавшим наибольшую жалость среди заговорщиков»³⁰. Брюки были слишком велики, и ему постоянно приходилось их подтягивать. «Ты, грязный старик! — орал на него судья Фрейслер. — Что ты постоянно дергаешь свои штаны?» Специально отобранная публика из нацистов гоготала от злобного удовольствия. Когда его вызвали как первого обвиняемого, он попытался вытянуть руку в нацистском приветствии. И судья снова закричал на него: «Приветствовать фюрера имеют право только те граждане, чья честь не запятнана»³¹. Назначенный судом адвокат, д-р Вайсман, также принял активное участие в этом спектакле. Он восхвалял Гитлера и судью Фрейслера, выкрикивал оскорбле-

ния в адрес Вицлебена и аплодировал «справедливым» решениям суда³².

Фельдмаршал Вицлебен без всякого давления признался в своем участии в попытке убийства Гитлера. Он и все остальные обвиняемые были признаны виновными на следующий день и приговорены к повешению в полдень того же дня. Гитлер приказал, чтобы их повесили, как скотину. «Я хочу видеть их висящими подобно тушам на бойне!»³³ — заявил он. Все это событие снималось на пленку кинокорпорацией рейха. Вицлебена казнили первым. Несмотря на тот жалкий вид, который он продемонстрировал на суде, Вицлебен встретил смерть мужественно и с той мерой человеческого достоинства, которое возможно в подобных обстоятельствах. Ему надели на шею петлю из тонкого провода, другой конец которого был привязан к крюку со скотобойни. Палач и его помощник взяли шестидесятичетырехлетнего фельдмаршала, приподняли и бросили его таким образом, что вся тяжесть тела сконцентрировалась на шее. Затем они сорвали с него брюки так, чтобы он висел голым и корчился в агонии, медленно задыхаясь. Он умирал почти пять минут, но ни разу не издал ни единого крика. Остальные семеро приговоренных были казнены таким же образом в течение следующего часа. За ними в продолжение восьми месяцев последовали сотни и сотни других³⁴.

ФЕРДИНАНД

ШЕРНЕР

Это был самый жестокий из фельдмаршалов Гитлера, человек, по свидетельству одного автора, «расстреливавший за малейшие нарушения рядовых и полковников с одинаковым рвением»¹. Он с равной безжалостностью обращался как с собственными подчиненными, так и с русскими, которых вообще не считал за людей.

Фердинанд Шернер родился 12 июня 1892 года в Мюнхене в мелкобуржуазном семействе. Его отец был офицером полиции². В октябре 1911 года он пошел в армию рядовым в Баварский лейб-гвардейский полк, а к 1914 году получил звание младшего лейтенанта запаса³. Хотя он собирался стать учителем начальной школы⁴ (Шернер учился в университетах Мюнхена, Лозанны и Гренобля)⁵, с началом первой мировой войны он вернулся в свой полк и большую часть войны прослужил в составе германского альпийского корпуса. Он сражался на итальянском фронте в 1915 году и принимал участие в боях под Верденом в 1916 году. В том же году на короткое время Шернер вернулся в Мюнхен, но затем его направили в Румынию, и он воевал в южных Карпатах⁶. Посланный обратно в Италию в качестве командира роты горных гренадеров в 1917 году, он отличился, участвуя в штурме горной крепости Монте-Колонрат и во взятии важной

высоты 1114. За это Шернер получил орден «Pour le Merite», высшую награду в кайзеровской Германии. Затем младшего лейтенанта Шернера посылают обратно на Западный фронт в 1918 году, и он принимает участие в боевых действиях под Верденом и Реймсом, где был тяжело ранен. Незадолго до конца войны он получает звание старшего лейтенанта, и ему дают штабное назначение в Сербии⁷. Там его и застал конец войны.

В 1919 году лейтенант Шернер вступил в добровольческий корпус Эппа и дрался с коммунистами в Руре и поляками в Верхней Силезии. На следующий год вошел в состав рейхсвера и был приписан к 19-му пехотному полку в Мюнхене⁸. После этого большую часть своей военной карьеры он служил в горно-гренадерских войсках. Шернер происходил из южной Германии, так же как и Гитлер, и отличался свойственными фюреру безжалостностью и предрассудками. Ни в малейшей степени он не принадлежал к числу аристократических снобов и офицеров генштаба, и это впоследствии стало источником особого расположения, которое питал к нему Гитлер. Парадокс, но Фердинанд Шернер принимал участие в подавлении «пивного путча» в Мюнхене в 1923 году даже несмотря на то, что сам сочувствовал нацистскому движению и являлся членом нескольких расистских (антисемитских) организаций. Вскоре после того, как Гитлер был в 1924 году освобожден из тюрьмы, Шернер стал активным сторонником нацистского движения⁹.

Лейтенант Шернер попытался войти в состав «войскового управления» (неофициального генштаба), но эта попытка оказалась неудачной. Это, вкупе с его мелкобуржуазным социальным происхождением, послужило главной причиной той ненависти, которую он питал к аристократам из генштаба, смотревших на него свысока. Гитлер разделял эту неприязнь, и она сближала их¹⁰.

В конце 20-х годов Шернер служил ротным командиром в 21-м егерском батальоне и в 19-м пехотном полку, а в начале 1930-х годов он был приписан к Итальянскому альпийскому корпусу. Он служил при генштабе (1934—1937 гг.), а в 1937 году был назначен командующим 98-м горно-гренадерским полком (в 1-й горно-гренадерской дивизии) в Миттенвальде. Он получает звание капитана (1922 г.), майора (1934 г.), подполковника (1937 г.) и полковника (1939 г.)¹¹.

Как командир 98-го горно-гренадерского полка, Шернер отличился 13 сентября 1939 года при взятии высоты 734 и Збольских высот, господствовавших над городом-крепостью Львовом. Он удерживал эти позиции целую ночь, несмотря на отчаянные контратаки польского гарнизона. На следующий день город сдался¹².

Шернер продолжал командовать своим полком в Бельгии и Франции. (После войны бельгийцы попытались привлечь его к суду как военного преступника, но им это так и не удалось — на него было слишком много «претендентов».) Я так и не смог установить, какие жестокости и военные преступления совершил там Шернер.

1 июня 1940 года Шернер был назначен командующим 6-й горно-гренадерской дивизией¹³. Это подразделение было незадолго до того сформировано и, в основном, состояло из австрийцев. 1 августа 1940 года Шернеру было присвоено звание генерал-майора. Зимой 1940—1941 годов его подразделение послали в Польшу в составе оккупационных войск¹⁴. Весной 1941 года 6-я горно-гренадерская дивизия была поспешно переведена на Балканы для участия во вторжении в Грецию. Здесь она сыграла ключевую роль в прорыве «линии Метаксаса», совершив переход через покрытый снегом горный кряж в 7000 футов высотой и осуществив прорыв в том месте, которое греки считали неприступным. Вечером 7 апреля, на второй день вторже-

ния, дивизия Шернера перерезала железную дорогу на Салоники, основную магистраль, по которой проходила снабжение 2-й греческой армии¹⁵.

9 апреля после капитуляции 2-й армии Шернер повел своих людей на Афины, а 27 апреля город был взят его дивизией при поддержке 2-й танковой дивизии. Позднее, в мае, 6-я горно-гренадерская дивизия принимала участие в последних этапах сражения на Крите¹⁶.

После балканской кампании Шернер получил Рыцарский крест. Он оставался в Греции с оккупационными войсками до тех пор, пока Гитлер не отдал приказ о перемещении его дивизии на север в арктический район русского фронта. 6-ю горно-гренадерскую пришлось переправлять сначала в Германию, а затем по Балтийскому морю и Ботническому заливу в северную Финляндию. Из-за английского господства на море дивизия не смогла проплыть в северную Норвегию самым легким путем, и вместо этого войскам Шернера пришлось пройти четыреста миль по северной Финляндии и Лапландии в район Мурманска. Дивизия прибыла на место предполагавшихся операций только в начале октября 1941 года, где заменила уже сильно потрепанные 2-ю и 3-ю горно-гренадерские дивизии. Подразделение Шернера теперь вошло в состав горно-гренадерского корпуса генерала Эдуарда Дитля «Норвегия» и получило задание удерживать 30-мильную линию фронта от Мурманска в течение всей русской зимы в условиях дикой тундры¹⁷.

Русская зима пришла в район Мурманска на восемь недель раньше, чем в Москву. Для Шернера наступили очень тяжелые времена — возникли трудности со снабжением. За несколько недель погибло 1400 его лошадей, а также все карликовые греческие мулы, которых Шернер привез с собой с Балкан. 21 декабря советские войска начали контрнаступление на Крайнем Севере. Но Шернер, однако, был готов их встретить, и русские

были отброшены с ужасными потерями в такой жуткий холод. Они не продвинулись ни на дюйм. После этой одержанной победы, в ходе оборонительных боев, Шернер 15 января 1942 года получил звание генерал-лейтенанта. Одновременно ему поручается командование горно-гренадерским корпусом «Норвегия», который позже был переименован в 19-й горно-гренадерский корпус. Его предшественник, Дитль, стал командовать Лапландской армией (а позднее 20-й горно-гренадерской армией)¹⁸.

Шернер отразил еще одно крупное наступление советских войск в апреле, но не сумел сам начать сколько-нибудь значительное наступление на Мурманск из-за недостатка сил и ресурсов. Тем не менее, ему удалось удержать важные Печенгские никелевые разработки, несмотря на все усилия русских отбить их. Шернер в этих сражениях полагался только на самого себя, так как его ближайшим соседом был 36-й горно-гренадерский корпус, располагавшийся на расстоянии более чем сотни миль южнее. Левый фланг Шернера упирался в побережье Северного Ледовитого океана¹⁹.

Фердинанд Шернер — генерал горно-гренадерских войск с 1 июня 1942 года — был назначен командующим 40-м танковым корпусом 23 октября 1943 года несмотря на то, что не имел ни соответствующей подготовки, ни опыта ведения танковой войны. Из отдаленного района Шернера перевели в центр военных действий на Восточном фронте. И вот здесь-то он раскрылся полностью. С самого начала сочетание в нем нацистского фанатизма с жестокостью произвело на Гитлера весьма благоприятное впечатление, и Шернер стал довольно быстро продвигаться вверх по иерархической лестнице в фашистской армии.

40-й танковый корпус почти сразу же был временно переименован в группу Шернера, а под его командование перевели 30-й, 17-й и 4-й корпуса, оборонявшиеся на Никопольском плацдарме. Плацдарм

сдерживал советские войска, которые не могли начать борьбу за освобождение Крыма, имея на фланге группировку Шернера. С другой стороны, сам плацдарм создавал благоприятные условия для нанесения вермахтом ответного контрудара с последующим двойным охватом сил противника²⁰.

Три моста соединяли группу Шернера с остальным немецким фронтом. Когда в январе 1944 года земля замерзла, советские войска начали здесь полномасштабное наступление. Силы Шернера на бумаге состояли из девяти пехотных дивизий и 24-й танковой дивизии в резерве, но на самом деле все упомянутые пехотные дивизии по численности могли быть приравнены к полкам, а в 24-й танковой дивизии осталось всего пять танков. Против них действовали двенадцать советских пехотных и две танковые дивизии. Сражение началось 10 января и длилось шесть дней. Шернеру, как обычно, удалось удержать свои позиции²¹.

Советские войска перенесли направление главного удара на северное направление, и командующему 6-й армией генерал-полковнику Холлидту пришлось перевести 24-ю танковую дивизию в 8-ю армию, несмотря на слабые и плохо защищенные позиции Шернера. Эта передислокация значительно ослабила группу Шернера. Утром 30 января русские вновь атаковали Никопольский плацдарм силами 4-го Украинского фронта и глубоким клином врезались в расположение сил Шернера. Тем временем другие соединения Красной армии теснили 6-ю армию. Ко 2 февраля русские подошли на расстояние каких-нибудь пяти миль с севера к жизненно важной железной дороге, соединявшей Никополь с остальной частью Восточного фронта. Шернеру следовало срочно выбираться оттуда²². Каким бы он ни был в других отношениях, но оборонительной тактикой Шернер владел превосходно, особенно в тех случаях, когда ему не приходилось слишком много маневрировать. Теперь он столкнулся с проблемой отступления своих

весьма потрепанных частей через вздувшуюся реку при постоянном сильнейшем давлении со стороны противника, одновременно стараясь избежать окружения с тыла. 4 февраля 1944 года железная дорога была перерезана, и Шернер отдал приказ уничтожить все тяжелое вооружение и транспорт, за исключением артиллерии на конной тяге, с тем, чтобы как можно скорее вывести свои войска. На грани окружения, по колено в украинской грязи, он сумел все-таки вывести своих людей из Никополя и одновременно прорваться сквозь русские позиции на запад — несомненно, блистательный успех²³. Чтобы удерживать свои последние части от паники, когда они приближались к последнему остававшемуся в руках у немцев мосту через Днепр, Шернер принял лично на себя командование подразделением легкой зенитной артиллерии и периодически приказывал стрелять поперек голов своих собственных солдат, тем самым ясно показывая, что, не колеблясь, будет стрелять и в них в том случае, если они проявят слишком большое рвение и поспешность при переходе по мосту. Это была жестокая, но весьма эффективная мера. Последним частям удалось уйти в ночь с 15 на 16 февраля. Таким образом, было спасено девять дивизий. «Никто из тех, кто сражался под Никополем, никогда не забудет, чем он обязан Шернеру», — записал в своем дневнике майор Кандуч, штабной офицер разведки 40-го танкового корпуса²⁴.

18 февраля Шернер получил свое единственное штабное назначение в течение всей второй мировой войны. Он был назначен начальником руководящего штаба нацистской партии при армейском командовании. Здесь его работа состояла в том, чтобы распространять нацистскую идеологию в вооруженных силах. Шернер достаточно быстро вступил в конфликт с Мартином Борманом, шефом нацистской партии*. Борман

* Официальная должность Бормана — руководитель партийной канцелярии нацистской партии.

хотел, чтобы места в нацистском штабе при армейском командовании занимали люди из партии, а вовсе не военнослужащие, ставшие нацистами²⁵. В отличие от многих других, Шернеру удалось в целом одержать верх над зловещим Борманом. Но Шернер занимал свой штабной пост менее шести недель. По рекомендации Гимmlера Гитлер сделал его генерал-полковником и назначил главнокомандующим группы армий «А», заменив им на этом посту прусского кавалериста Эвальда фон Клейста, отправленного в отставку. Через шесть дней после этого его войска были переименованы в группу армий «Южная Украина»²⁶.

Когда Шернер принял на себя командование, группа армий «Южная Украина» отступала на запад. Его армии (с севера на юг) состояли из 4-й румынской, 8-й, 6-й и 3-й румынской, а 17-я армия была изолирована на Крымском полуострове. Перед Шернером стояли три большие задачи: спасти свои основные силы перед лицом угрозы советского наступления; сохранить румын в составе «оси»; решить, что делать с Крымом.

С первой проблемой Шернер разобрался, отступив от Буга к Днестру, а затем к Карпатам и румынской границе к середине апреля 1944 года. Вполне удовлетворившись этим своим маневром, Шернер, кроме всего прочего, был рад, что ему удалось выбраться с Украины, сохранив свои силы. Те времена, когда немцы обладали превосходством в скорости передвижения, ушли в прошлое. Русские, при наличии у них теперь американских грузовиков, передвигались значительно быстрее. Большую часть армии Шернера составляли пешие солдаты, и то, что ему удалось сделать, несомненно, само по себе могло считаться большой удачей.

Его беспокоило, что румынский диктатор Ион Антонеску может попытаться забрать свои войска с фронта, поэтому Шернер перемешал их с немецкими частями и установил столь прихотливую систему подчинения, что, по сути дела, подчинил 4-ю румынскую армию 6-й

германской, а 3-ю румынскую 8-й германской. Антонеску не мог теперь увести свои войска, даже если бы захотел²⁷.

С Антонеску была связана и другая проблема. Шернер узнал, что некоторые влиятельные лица в Румынии пытаются установить связь с русскими, и понял, что Антонеску теряет власть над страной. Шернер рекомендовал Гитлеру лично вмешаться и укрепить тем самым положение диктатора, но Гитлер не обратил внимания на это предупреждение²⁸.

А в Крыму дела у немцев обстояли значительно хуже. 7 апреля Шернер осмотрел оборонительные укрепления на Перекопском перешейке и сообщил, что они могут выдерживать наступление неприятеля «в течение достаточно долгого времени». Зимке назвал это «одним из самых неточных прогнозов за всю войну»²⁹. На следующий день русские начали наступление силами 30 дивизий при поддержке 4 бронетанковых корпусов. 17-я армия генерал-полковника Эрвина Йенекке встретила их пятью ослабленными немецкими и семью деморализованными румынскими дивизиями. Немцы удержались, но 10-я румынская пехотная дивизия почти сразу же не выдержала натиска русских. К 10 апреля Йенекке уже отступал в направлении Севастополя³⁰.

16 апреля 17-я немецкая армия уже была в Севастополе, и ее тылы упирались в море. Шернер в сопровождении Йенекке полетел в Берхтесгаден, чтобы лично убедить Гитлера в необходимости эвакуировать немецкие войска из Крыма морским путем. Гитлер ответил отказом. 27 апреля он отправил Йенекке в отставку и заменил его генералом Карлом Альмендингером³¹.

И вот теперь 17-й армии приходилось защищать двадцатипятикилометровый севастопольский периметр, имея в своем составе всего пять дивизий, и все они численно равнялись полкам. Шернер продолжал настаивать на эвакуации города, но при этом принимал энергичные

меры по его защите. Любой солдат, подбивший русский танк, немедленно, на основании приказа Шернера, получал трехнедельный отпуск. А так как отпуск был равнозначен спасению от гибели, этот приказ, без сомнения, стал причиной роста потерь танков русскими. С другой стороны, Шернер отдал приказ, по которому войска, оставившие свои позиции, подлежали расстрелу за трусость³².

Драконовские методы, применяемые Шернером, не возымели сколько-нибудь значительного воздействия на исход Севастопольского сражения, начавшегося 5 мая. К 8 мая сопротивление немецких войск ослабело, и даже Гитлер был готов признать поражение. Он отдал приказ об эвакуации по морю, но, как обычно, опоздал. Когда 13 мая боевые действия здесь завершились, из севастопольской «ловушки» смогли ускользнуть только 26700 человек из 70-тысячной группировки. Потери среди румын составили почти 26000. Гитлер сделал Йенекке и Альмендингера «козлами отпущения» за эту катастрофу, они были отправлены в позорную отставку, что также грозило следствием военной прокуратуры³³. Шернер, конечно, прекрасно понимал, кто должен нести настоящую ответственность за происшедшее, но без колебаний вместе с фюрером возложил всю вину за катастрофу на Йенекке, обвиняя его в недостатке веры в победу³⁴.

Вслед за сдачей Крыма на южный участок фронта пришло затишье, которое прерывалось лишь шернеровскими «программами спортивных тренировок»³⁵. В Белоруссии, тем временем, была разгромлена группа армий «Центр», и к началу июля ее остатки уже отступали. Правый фланг группы армий «Север» оголился, ее командующий генерал-полковник Линдеман также хотел начать отступление. В результате Гитлер 2 июля

отправил Линдемана в отставку и заменил его генералом Иоханнесом Фрисснером, который сам вскоре стал жертвой массированного наступления русских. Оценивая свои шансы в восемь против одного, Фрисснер потребовал предоставить ему свободу действий и разрешить отступление. Гитлера эта просьба привела в ярость. Гейнц Гудериан, в это время занявший место начальника генштаба сухопутных сил, предложил следующее решение: Фрисснер должен поменяться постами с Шернером. Гитлер принял это предложение, и 23 июля 1944 года Шернер был назначен командующим группы армий «Север»³⁶.

Обмен оказался явно не в пользу Фрисснера. 20 августа советские войска атаковали его превосходящими силами; три дня спустя Антонеску был свергнут и арестован, Румыния разорвала отношения с Германией. Оказавшись в союзе с русскими, многие румынские генералы открыли фронт. Авангард советских войск продвинулся уже на много миль в тылы немецких войск, прежде чем те поняли, что произошло. Около двадцати дивизий 6-й армии были окружены и уничтожены, потери составили примерно 180000 человек. Только мобильным 13-й танковой и 10-й танково-гренадерской дивизиям удалось уйти. Защищать Венгрию было практически нечем³⁷. Такой оказалась цена, которую пришлось заплатить Гитлеру за то, что он не обратил внимания на предупреждения Шернера относительно Румынии.

Тем временем у Шернера возникли свои проблемы. Когда он принял на себя командование, у него было тридцать дивизий (с севера на юг): армейская группа «Нарва», 18-я армия и 16-я армия. Образовалась более чем тридцатимильная брешь в его правом фланге, между 16-й армией и остатками 3-й танковой армии, на северном крыле группы армий «Центр». Русские находились совсем близко к Балтийскому морю и угрожали отрезать Шернеру возможность к отступлению из Эсто-

нии и Латвии. Кроме всего прочего, дивизии Шернера уже полгода после прорыва блокады Ленинграда вели непрерывные боевые действия. Они были измотаны боями, истощены, и при этом им приходилось отражать наступление двенадцати советских армий (примерно 80 дивизий)³⁸. К этому времени у Шернера практически не оставалось резервов.

Он поначалу не обращал внимания на свой незащищенный фланг. Его первоочередная задача заключалась в том, чтобы не позволить фронту окончательно развалиться. От своих командиров Шернер требовал принятия «драконовских мер» и «беспоощадности до уровня жестокости». Вот как звучал типичный приказ дивизионному командиру (проецирован известным военным историком Э. Ф. Зимке):

«Генерал-лейтенанта Вальтера Шаль де Болье следует поставить в известность, что он обязан восстановить свою собственную честь и честь своей дивизии мужественным поступком. В противном случае я с позором изгоню его из армии. Более того, к 21.00 он должен сообщить, каких командиров он уже расстрелял или отдал приказ расстрелять за трусость».³⁹

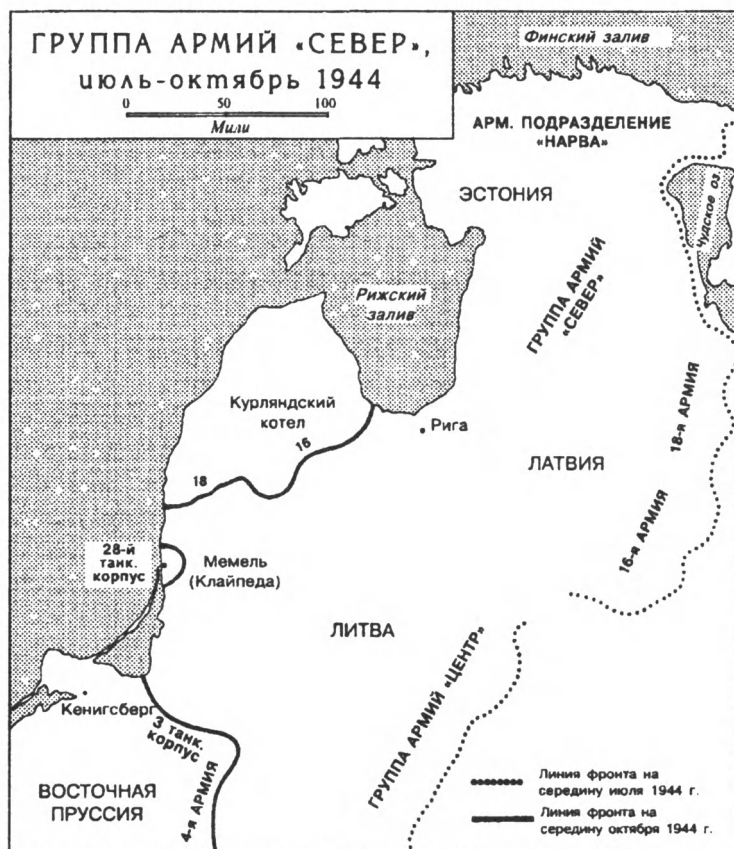
Жестокостью и своим даром выжимать до последней капли силы из боевых дивизий Шернеру, балансируя на грани полного краха, удалось удержать свой фронт от развала. Но даже он не сумел помешать советскому 1-му Прибалтийскому фронту достичь Балтийского моря к западу от Риги в конце июля. Группа армий «Север» оказалась в окружении. Шернер хотел эвакуировать свои войска из Эстонии, но Гитлер потребовал не отдавать ни метра занятой территории. Фюрер лишил группу армий «Южная Украина» последних резервов, состоявших из двух танковых дивизий (всего за три недели до фатального для нее наступления русских, описанного выше), и направил их в 3-ю танковую армию генерал-полковника Рауса, которой он

отдал приказ наступать и восстановить утраченную связь с Шернером⁴⁰.

Раус начал наступление 16 августа, и оно неожиданно оказалось успешным. К 20 августа он прошел 120 миль и наладил прочную связь с 16-й армией. К этому времени, однако, Шернеру противостояли 130 русских дивизий (три полных фронта), у него же было всего 32 дивизии (одна из которых — танковая и две танково-гренадерские) и три бригады СС. Положение осложнялось еще и тем, что Финляндия 25 августа заключила мир с Москвой, высвободив Ленинградский фронт и значительное количество русских армий⁴¹.

После 20 августа в северную часть фронта пришло затишье, но всем было ясно, что долго оно не продлится. Наступление советских войск набирало темпы довольно медленно, и Шернер внимательно следил за ним, пытаясь выяснить направление главного удара противника. Русские планировали осуществить прорыв позиций 18-й армии силами 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, отрезав путь к отступлению как ей, так и армейской группировке «Нарва», при этом 1-й Прибалтийский фронт должен был атаковать 16-ю армию и, прорвавшись к морю у Риги, вновь изолировать группу армий «Север». Тем временем Ленинградский фронт атаковал бы армейскую группировку «Нарва» и очистил от немцев северную Эстонию. А весь 3-й Белорусский фронт остался бы в резерве⁴². На карте 22 показано положение сил Шернера на 1 сентября с их последующим отступлением.

Стратегическое положение генерал-полковника Шернера было чрезвычайно тяжелым. Его войска размещались на узкой полоске береговой линии в 70—80 миль шириной и почти в пятьсот миль длиной. Шернер и Гудериан пытались убедить Гитлера немедленно эвакуировать войска из Эстонии и Восточной Латвии, но Гитлер отверг все их предложения⁴³. И тогда

ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕР», ИЮЛЬ–ОКТЯБРЬ 1944 ГОДА.

Шернер, столкнувшись с предельно осложнившейся ситуацией, мастерски провел отступление, успешно оставив Эстонию, восточную Латвию и Литву. Он удерживал Мемель до января 1945 года. 16-я и 18-я армии оставались в окружении в Курляндии до самого конца войны.

Шернер в тайне от Гитлера разработал свои собственные секретные планы отступления.

14 сентября 1944 года советские войска начали наступление по всему фронту и были остановлены, но атаки продолжались. На следующий день русским удалось подойти на расстояние двадцати пяти миль к Риге, и Шернер обратился за разрешением эвакуировать немецкие войска из Эстонии, заявив, что наступил последний удобный момент для отступления. 16 сентября Шернер вылетел в ставку Гитлера и в конце концов все-таки получил разрешение на отход при том условии, что он подождет два дня, располагая правом в течение этого времени отменить приказ. Шернер согласился на эти условия⁴⁴.

Эвакуация началась 16 сентября и прошла удачно. К 27 сентября Шернеру удалось вывести все немецкие части и 100000 эстонцев впридачу. Тем временем на другом фланге 16-я армия 19 сентября остановила русских на расстоянии каких-нибудь 10 миль от Риги. Советские войска подтянули свои резервы и попытались прорваться к морю 22 сентября. Но к этому моменту Шернер уже мог воспользоваться в Риге теми силами, которые выводились из Эстонии. 11-я танково-гренадерская дивизия СС «Нордланд» за четыре дня форсированным маршем прошла 250 миль и прибыла как раз вовремя, чтобы остановить прорыв, осуществлявшийся советскими войсками, и предотвратить катастрофу. К 27 сентября ширина фронта группы армий «Север» сократилась почти в четыре раза и составляла примерно 70 миль⁴⁵.

До этого момента руководство Шернера обороной северного участка фронта было безупречным. Но тут он совершил серьезную ошибку. Гитлер передал Шернеру 3-ю танковую армию, а Гудериан направил ему директиву, позволявшую сконцентрировать 3-ю танковую на юге для защиты Мемеля (Клайпеды). Шернер отказался это делать, так как считал, что никакой реальной

угрозы Мемелю нет. Он не обратил внимания на призыв Гудериана надежно защитить этот фланг. 5 октября советские войска нанесли удар в том самом месте, где и предсказывал Гудериан, четырнадцатью дивизиями и четырьмя бронетанковыми корпусами (более чем пятьюстами танками). Немецкий участок фронта здесь оборонялся ослабленной 551-й народно-гренадерской дивизией, которая занимала фронт в двадцать четыре мили, а это значило, что по-настоящему были защищены только опорные пункты. 551-я дивизия была сметена, а фронт прорван. Русские ворвались в место расположения командного поста 3-й танковой армии, и офицерам штаба пришлось пробиваться к Мемелю, где 28-й корпус удерживал небольшой прибрежный плацдарм. 3-я танковая армия оказалась разделенной на три части: один корпус держался в Мемеле; еще одному корпусу удалось уйти на север, где в окружении сражались основные силы группы армий «Север»; третий прорвался на юг и присоединился к группе армий «Центр» в Восточной Пруссии. Советские войска вышли на побережье к югу и северу от Мемеля, изолировав группу армий «Север» в «курляндском котле»⁴⁶.

Шернер начал контрнаступление, пытаясь восстановить контакт с 28-м корпусом и Восточной Пруссией. Для того чтобы получить необходимые для этого дивизии, он сократил протяженность линии фронта, эвакуировав войска из Риги 11 октября. Однако до того, как он сумел нанести планировавшийся удар, советское командование начало еще одно наступление на Восточную Пруссию, и Гитлер отменил этот план. Фюрер начал выводить по морю отдельные дивизии группы армий «Север» в конце октября, тем не менее не соглашаясь на полную эвакуацию. Многие соединения так и остались изолированными в «курляндском котле» до самого конца войны.

В районе «курляндского котла» советские войска предприняли шесть операций по разгрому окруженной

немецкой группировки (позже получившей название «Курляндия»). Первое русское наступление началось 27 октября. К одиннадцатому дню сражения солдатам Шернера удалось вывести из строя 522 русских танка, при этом их собственные потери составили всего 20 полевых и противотанковых орудий⁴⁷. Затем последовали второе и третье наступление примерно с такими же результатами.

* * *

17 января 1945 года Гитлер назначил генерал-полковника Шернера командующим группой армий «А» (ранее «Северная Украина»). На этом посту он заменил генерал-полковника Йозефа Харпе, который принял на себя командование 5-й танковой армией на Западе. Шернера в Курляндии заменил генерал-полковник Генрих фон Фитингоф, его в свою очередь заменил генерал-полковник д-р Лотар Рендулич, а затем Карл Хильперт, который и сдался русским вместе с 200000 выживших в конце войны⁴⁸.

Теперь Шернер командовал 9-й, 4-й танковой, 17-й и 1-й танковой армиями (в порядке с севера на юг), удерживавшими трехсотмильную линию фронта, которая начиналась севернее Варшавы и заканчивалась в Карпатах в Чехословакии, в их составе было всего восемнадцать ослабленных пехотных дивизий и остатки шести танковых и танково-гренадерских дивизий. 26 января Гитлер переименовал группу армий «А» в группу армий «Центр»⁴⁹. В ее составе было 400000 человек личного состава, 1150 танков и 4100 орудий. Шернеру противостояли 2200000 русских с 6400 танков и 46000 орудий. Численное превосходство русских составляло примерно 6:1 по личному составу, 6:1 по танкам и более чем 11:1 по орудиям⁵⁰.

Когда Шернер принял командование, генеральное наступление советских войск шло уже полным ходом.

Шернер ответил на него с присущей ему безжалостностью. Когда 18 января пала Варшава, он уволил в отставку с поста командующего 9-й армии генерала барона Смило фон Лютвица и заменил его генералом Теодором Буссе⁵¹. Обычным делом стали военно-полевые суды и дисциплинарные расправы. Десятки солдат были повешены, к их телам прикрепляли надписи «трус» или «дезертир». Однако эти акции уже не могли повлиять на исход последнего сражения, которое вел «третий рейх».

9-ю армию вскоре перевели в группу армий «Висла» для обороны Берлина. Первоначально этой группой командовал Гиммлер, которого 20 марта заменил генерал-полковник Готхард Хейнрици⁵². Главная миссия Шернера заключалась в том, чтобы удержать индустриальный район Силезии, который стал главным регионом, производящим вооружение для Германии, взамен полностью разбитого и разбомбленного Рура. Шернер сражался с невероятной энергией, но не мог сдерживать наступления. Бреслау, сердце Силезии, был окружен 16 февраля⁵³.

Шернер сделал генерал-лейтенанта Германа Нихофа командующим войсками в осажденном городе, так как знал, что у Нихофа пятеро детей, которых можно будет казнить, основываясь на принципе коллективной семейной ответственности, в том случае, если генерал не станет выполнять его приказаний. «Провал в Бреслау будет стоить вам головы», — предупредил Шернер Нихофа, когда тот отправлялся в город, в котором в ловушке оказались 25000 гражданских лиц и около 35000 солдат. Под командованием Нихофа и безжалостного нацистского гауляйтера Карла Ханке, крепость Бреслау выдерживала осаду до 7 мая — когда уже давно пал Берлин, — несмотря на круглосуточные бомбардировки и артобстрел, которые вели русские. Страдания и число погибших и умерших среди гражданского населения достигли немыслимых масштабов так же, как и

по всей Силезии, над которой совершалось насилие и грабеж с чудовищной жестокостью⁵⁴. Русские делали это намеренно, чтобы вызвать массовый исход населения с той территории, которая должна была стать частью Польши как государства-сателлита СССР. Из 4700000 гражданского населения Силезии на начало 1944 года к середине апреля 1946 года в этом районе оставалось всего 620000 человек⁵⁵.

Шернер проиграл битву за Силезию и отступил в Саксонию и Чехословакию. В конце марта Шернер твердил, повторяя за Гитлером, что целью следующего наступления советских войск будет Прага, а не Берлин. Гитлер увеличил силы Шернера до 600000 личного состава, сделав его группу армий самой сильной на Восточном фронте. 5 апреля 1945 года фюрер присвоил Шернеру звание фельдмаршала, и он стал последним офицером немецкой армии, получившим маршальский жезл. 10 апреля Гитлер лично вручил Шернеру этот знак отличия⁵⁶.

Последнее наступление советских войск началось 16 апреля и велось против группы армий «Висла» в направлении на Берлин. Шернер с 19 по 27 апреля провел несколько наступлений, пытаясь помешать продвижению русских, и достиг отдельных успехов, но уже не мог спасти фюрера, находившегося в окружении среди развалин столицы⁵⁷.

27 апреля Гитлер охарактеризовал Шернера как «единственного человека, показавшего себя истинным военачальником на всем Восточном фронте». На следующий день он подписал приказ, на основании которого Шернер назначался главнокомандующим сухопутными войсками после смерти фюрера⁵⁸. В 3.30 дня 30 апреля, когда русские находились на расстоянии менее мили от его бункера, Адольф Гитлер застрелился.

Шернеру так и не пришлось воспользоваться той властью, которой его наделил Гитлер, а его последние дни на посту командующего окутаны тьмой противоре-

чий. Существует две версии его действий в течение последних, полных хаоса и смятения дней «третьего рейха». Одна из версий базируется на свидетельстве генерал-лейтенанта Ольдвига фон Нацмера, начальника штаба группы армий «Центр». Вторая версия — совершенно противоречащая первой — представлена лейтенантом Гельмутом Дирнингом, родственником фельдмаршала и его адъютантом с 17 марта 1945 года до конца войны. Мы приводим здесь обе версии.

В конце апреля или в начале мая группа армий «Центр» столкнулась с сильнейшим наступлением и практически попала в окружение к востоку от Праги. По свидетельству генерала фон Нацмера, в условиях, когда фюрер был уже мертв, а его дело проиграно, Шернер утратил всегда отличавшее его мужество. 7 мая, когда уже было решено, что приказ о прекращении огня, знаменовавший собой конец войны, вступит в силу в 9 часов утра 9 мая, Шернер приказал своим людям бежать на Запад, упаковал свой чемодан с деньгами и вылетел в сторону Баварских Альп. Он сказал генералу Нацмеру, что у него там есть домик, о котором никому не известно. Там он намеревался укрыться.

Нацмер умолял его остаться. На следующий день, свидетельствовал Нацмер, группа армий начала маршманевр на Запад, чтобы попытаться избежать русского плена, и ей больше, чем когда-либо прежде, было необходимо централизованное руководство. Но Шернер думал только о себе. Он дезертировал с поста командующего и, одевшись в народный баварский костюм, вылетел на юго-запад⁵⁹. Большая часть личного состава группы армий «Центр» попала в руки русских. Очень многие из них были впоследствии перебиты чешскими партизанами.

В 1946 году лейтенант Дирнинг рассказал моему другу Фридриху фон Штауфенбергу совершенно иную историю. В это время они оба работали в Аргентине. Хотя Дирнинг соглашался, что Шернер был в дурном

настроении и что он увольнял командиров без достаточного основания, но он настаивал на том, что Шернер в начале мая 1945 года покинул Чехословакию на основании приказа фюрера. Гитлер избрал «Центральный редут» в Баварских Альпах в качестве последнего места пребывания нацистских сил. Накануне самоубийства Гитлер продиктовал свою волю, в согласии с которой Шернер как верховный главнокомандующий должен немедленно вылететь в Альпы и принять на себя командование «армией», которая, как предполагалось, должна была находиться в «Альпийской крепости». Это и было, по словам Дирнинга, тем, что попытался выполнить Шернер⁶⁰.

Сам лейтенант Дирнинг не сопровождал фельдмаршала Шернера в его полете, ему и нескольким другим офицерам удалось ускользнуть от русских и достичь Западной Австрии, где они сдались американцам.

Штауфенберг заключает: «Поведение, описанное Дирнингом, соответствует всему тому, что нам известно об этом фельдмаршале. Бесспорно, тот генерал, который лично участвовал в рукопашных схватках в Финляндии и руководил обороной, а затем эвакуацией «никопольского котла», не мог проявить трусости в 1945 году, критика его Нацмером звучит фальшиво, по крайней мере, в той ее части, которая касается исчезновения Шернера из своей ставки».⁶¹

Пытался ли Шернер добраться до места размещения своей новой армии, или он просто собирался бежать в свое тайное убежище, расположенное в той же местности? Автор этих строк склонен принять точку зрения Дирнинга и Штауфенберга, хотя мы, скорее всего, уже никогда не узнаем наверняка, так как Шернеру не суждено было достичь своей цели. Его маленький самолет совершил аварийную посадку в Восточной Австрии, где фельдмаршал скитался несколько дней, пытаясь избежать плена. Но 18 мая его узнали какие-то местные жители и донесли на него. Он был арестован

военными из 1-й танковой армии. Они выдали его американцам, а те, в свою очередь, передали Шернера русским, давно искавшим его⁶².

Русские приговорили Шернера к двадцати пяти годам тюремного заключения как военного преступника. 25 января 1955 года, отбыв всего девять лет в заключении, Шернер был освобожден и вернулся в Мюнхен. Здесь он обнаружил, что генерал фон Нацмер опорочил его и что его повсеместно презирают как командира, бросившего своих солдат на произвол судьбы в момент опасности ради спасения собственной шкуры. Его преследовал также и Союз возвратившихся военнопленных, который предъявил ему обвинение в массовых казнях тысяч немецких солдат в ходе инициированных им военно-полевых судов в последние годы войны. В 1957 году он был признан виновным в убийствах и приговорен Мюнхенским судом к четырем с половиной годам тюремного заключения за казнь солдата без необходимого судебного разбирательства — этот солдат валялся пьяным у колеса армейского грузовика. После своего освобождения Шернер прожил еще десять лет и скончался в Мюнхене 6 июля 1973 года в возрасте восьмидесяти одного года⁶³.

Фердинанд Шернер был командиром, способным превосходно вести оборонительные сражения, но его действия оказывались значительно менее эффективными, когда ему приходилось вести наступление против решительно настроенного противника. Шернера вряд ли можно назвать гением военного искусства. Конечно, его заслуги ни в коем случае нельзя сравнить с заслугами Манштейна, Гудериана, Роммеля или даже Клейста и Моделя. На его репутации несмываемым пятном навсегда останется воспоминание о его крайней жестокости и его предполагаемом дезертирстве с поста ко-

мандующего группой армий «Центр» в мае 1945 года — притом, что он казнил очень многих за то же самое, в чем его самого обвинили после войны. Если его поступок в начале мая 1945 года и в самом деле являлся дезертирством, то следует отметить, что простые солдаты, казненные по его приказу как дезертиры, не оставляли сотни тысяч своих товарищей на милость русских.

Те методы, которыми пользовался Шернер, вне всякого сомнения, можно охарактеризовать как безнравственные. Нужно признать, что с их помощью он добивался определенных результатов, но при этом не следует забывать, что другие командующие (Манштейн, Хейнрици, Клейст) добивались подобных или даже больших результатов, не опускаясь до такого варварства. Шернер, скорее всего, войдет в историю как командир, неплохо проводивший оборонительные сражения, и как человек, заслуживающий лишь презрения.

ГЛАВА 20

ФЕЛЬДМАРШАЛЫ

ЛЮФТВАФФЕ

История фельдмаршалов люфтваффе связана с совершенно другой сферой, нежели история армейских фельдмаршалов: с операциями в воздухе. Кроме того, операции люфтваффе в большей степени зависели от техники, нежели операции наземной армии. Сражения, которые вели маршалы люфтваффе, станут темой моей следующей книги; тем не менее, они тоже были немецкими фельдмаршалами, поэтому заслуживают хотя бы краткого очерка их деятельности.

* * *

Всего в люфтваффе насчитывалось шесть фельдмаршалов. В порядке старшинства они располагаются следующим образом: *Герман Геринг, Эрхард Мильх, Альберт Кессельринг, Гуго Шперле, барон Вольфрам фон Рихтгофен и риттер Роберт фон Грайм*. Все они принимали участие в первой мировой войне, в ходе которой Геринг, Рихтгофен и Грайм стали воздушными асами. На счету у Грайма было двадцать восемь побед в воздухе, за которые он получил дворянский титул. Геринг сбил двадцать два вражеских самолета и закончил войну

командиром эскадрильи. Вольфрам фон Рихтгофен, племянник Манфреда фон Рихтгофена, знаменитого «красного барона», служил в кавалерии на Восточном фронте и перешел на службу в летный корпус лишь в конце 1917 года. Он «получил крылья» весной 1918 года, вступил в эскадрилью своего дяди и к концу войны на его счету было уже восемь побед. Гуго Шперле руководил разведывательными частями ВВС на Западном фронте и всеми летными подразделениями 7-й армии на Западном фронте в конце войны. Эрхард Мильх был летчиком-наблюдателем в ВВС, а позднее командовал эскадрилей боевых самолетов, хотя сам еще не был летчиком. Вся служба Альберта Кессельринга полностью проходила на земле, в артиллерийских частях или на посту офицера генштаба, хотя у него и имелся некоторый опыт работы в ВВС в качестве наблюдателя за полетами аэростатов в артиллерии.

После войны Герман Геринг участвовал в показательных полетах с выполнением фигур высшего пилотажа, он был пилотом на заказных рейсах в Швеции. В начале 20-х гг. Геринг вернулся в Германию и вступил в нацистскую партию. Он стал ближайшим помощником Адольфа Гитлера и президентом рейхстага. Когда же нацисты пришли к власти, он стал неофициальным министром авиации, а в 1935 году, когда Гитлер денонсировал Версальский договор, запрещавший Германии иметь свои ВВС, он становится главнокомандующим люфтваффе. В 1938 году он стал генерал-фельдмаршалом, а в 1940 году получил звание рейхсмаршала, высшее звание в германской армии, которое было присвоено только ему одному.

Честолюбивый и безжалостный Эрхард Мильх после войны вступил в «добровольческий корпус», а потом ушел в коммерцию и стал руководителем «Люфтваганзы», немецкой государственной авиакомпания. В 1930 или 1931 году он начал давать взятки Герингу, который в то время был депутатом рейхстага. Геринг почувствовал в

нем талант и ввел его в правительство в качестве государственного секретаря по вопросам авиации. Мильх превратился в человека номер два в министерстве и в люфтваффе до 1936 года, когда Герингу стало известно, что Мильх планирует со временем занять его место министра авиации. Но к этому моменту Мильх был уже слишком близок к Гитлеру, чтобы от него можно было легко избавиться, поэтому в начале 1937 года Геринг понемногу начал уменьшать власть, находившуюся в руках Мильха. Геринг создал довольно сложную структуру командования, предназначенную для укрепления его собственного положения. Эта организационная структура привела к постоянным трениям между Мильхом и различными руководителями генштаба люфтваффе, которых с 1935 года по 1945 год сменилось семь человек. Эта перестройка нанесла непоправимый урон люфтваффе, так как Геринг с течением времени стал отличаться все большей ленью, и ВВС остались без централизованного руководства на весь дальнейший срок их существования.

Испания оказалась поворотным пунктом в истории развития люфтваффе. Здесь немецкий «легион «Кондор» под командованием Гуго Шперле и Вольфрама фон Рихтгофена сыграл очень важную роль в победе лидера фашистов генералиссимуса Франко над республиканцами и их сторонниками — коммунистами — во время гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.)¹. В течение этого периода люфтваффе пренебрегали стратегическим совершенствованием и преувеличивали свою роль сил тактической поддержки — ошибка, от последствий которой они так никогда полностью и не оправились. Прекращение работ над четырехмоторным бомбардировщиком в этот период — это всего один из множества примеров, подтверждающих сказанное. Обладая таким бомбардировщиком, они могли бы выиграть «битву за Британию», и именно оружие этого типа превратило немецкие города в груды развалин в

1943—1945 годах. Были отброшены также проекты разработки нескольких типов истребителей с большой дальностью полета, мало обращалось внимания и на разработку первых реактивных самолетов.

Люфтваффе, действовавшие в качестве средств тактической поддержки, сыграли значительную роль в победах немецких войск в Польше, Франции, на Балканах и в России (1939—1941 гг.), но потерпели поражение в небе Британии в 1940 году. Это стало началом их относительного упадка в конце 1941 года, когда внушавшая ужас война на два фронта стала реальностью. Стратегическое наступление союзников с воздуха на «третий рейх» началось в 1943 году. Люфтваффе, предназначавшиеся для ведения коротких операций в поддержку наземных сил, были разбросаны на огромной территории от Северного Ледовитого океана до Северной Африки и от России до «Атлантического вала» во Франции. Постепенно немецкие ВВС были практически полностью разгромлены, а противники Германии получили превосходство в воздухе на всех фронтах.

Честолюбивый Мильх полагал, что ему удастся занять место Геринга в начале 1943 года, после Сталинградской катастрофы, когда Геринг, обещавший организовать пополнение ресурсов 6-й армии по воздуху, полностью провалил выполнение этого задания. Мильх пошел даже на то, что откровенно предложил Гитлеру сместить рейхсмаршала. Но эта попытка Мильха не удалась, и с этого момента Геринг начал систематически подрывать положение своего соперника. В июне 1944 года после того, как Мильх не сумел разработать реактивный истребитель-бомбардировщик, который можно было бы использовать, Геринг добился его смещения с поста госсекретаря по авиации и директора

отдела вооружений ВВС. Мильх сохранил за собой пост генерального инспектора люфтваффе (без реальной власти) до января 1945 года, когда он лишился и его. В мае 1945 года его арестовали англичане и приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения как военного преступника. В 1955 году он был освобожден, после чего проживал в Дюссельдорфе, где работал консультантом по вопросам авиации в фирмах «Фиат» и «Тиссен». Скончался он 25 января 1972 года в Вупперталь-Бармене².

Гуго Шперле командовал 3-й группой люфтваффе (переименованной в 3-й воздушный флот в 1939 году) с 1938 года по 1944 год. Он хорошо проявил себя в военной кампании на Западном фронте в 1940 году, а позднее предложил такую стратегию, которая, будь она принята, помогла бы разгромить королевские ВВС в «битве за Британию». После того, как другие крупные подразделения ВВС были переведены весной 1941 года на Восток, Шперле принял на себя руководство всеми боевыми действиями в небе над Великобританией, но постепенно эти операции становились все менее успешными. Он жил в Париже подобно султану, делаясь все более ленивым и праздным. В августе 1944 года его отправили в отставку за совершенно неэффективные действия ВВС в ходе битвы за Нормандию. Озлобленный неудачами, Шперле больше не возвратился в армию. Он был арестован англичанами 1 мая 1945 года, в 1948 году оправдан на Нюрнбергском процессе, а в 1949 году официально объявлен прошедшим «денацификацию».

Он умер в Мюнхене 2 апреля 1953 г³. Огромных размеров, с тяжелой челюстью и очень похожий на медведя, он был одним из самых устрашающе выглядявших генералов Гитлера.

Вольфрам фон Рихтгофен отличился как командир подразделений воздушной поддержки. В качестве командующего 7-м корпусом ВВС он многое сделал для блистательных побед германской армии во Франции и Польше, но пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» оказались совершенно беспомощными перед современными истребителями британских ВВС во время «битвы за Британию», и его подразделение пришлось снять с боевых действий вскоре после начала кампании. Рихтгофен вновь отличился в ходе вторжения в Югославию и на Крит, когда он нанес ряд весьма ощутимых ударов по судам королевского средиземноморского военно-морского флота. В России (1941–1942 гг.) он также воевал чрезвычайно успешно на всех трех направлениях, за что был в 1942 году назначен командующим 4-м воздушным флотом. Рихтгофен выступал против организации «Сталинградского воздушного моста» и не нес никакой ответственности за его провал. Манштейн восторгался им. В начале 1943 года барон фон Рихтгофен становится фельдмаршалом, и его направляют в Италию как командующего 2-м воздушным флотом, противостоящим англичанам и американцам. В ноябре 1944 года, уже с не подлежащей лечению опухолью головного мозга, он был переведен в «резерв фюрера» и умер в Австрии 12 июля 1945 г⁴.

Альберт Кессельринг, возможно, является самым знаменитым фельдмаршалом ВВС после Геринга. Он был начальником генштаба люфтваффе (1936–1937 гг.), но не смог сработаться с Мильхом и потому попросил об отставке. Вместо этого Геринг сделал его командующим 3-м округом ВВС. Позднее он командовал 1-й группой ВВС, в 1939 году возведенной в ранг 1-го воз-

душного флота. Кессельринг поддерживал с воздуха группу армий «Север» под командованием фон Бока в Польше, затем получил назначение во 2-й воздушный флот, которым он весьма успешно руководил в ходе военных кампаний в Нидерландах и Франции (1940 г.), на Средиземном море и в Северной Африке (1942–1943 гг.). Значительно меньшего успеха он добился во время «битвы за Британию».

Фельдмаршал Кессельринг в 1943 году был назначен командующим группы армий «Ц» и главнокомандующим немецкими войсками на Юге. Он руководил наземными операциями в Сицилии и Италии с июля 1943 года по октябрь 1944 года. Его отступление в Сицилии и Италии и проведенные им операции в Салерно и Кассино несут на себе отпечаток военного гения, но, кроме того, ему в этот период просто сопутствовала удача. Ему почти удалось уничтожить береговой плацдарм союзников у Анцио в феврале 1944 года. В конце концов английский фельдмаршал Гарольд Александер сумел перехитрить его в ходе четвертого сражения при Кассино, и Кессельрингу пришлось 4 июня сдать Рим генералу 5-й армии США Марку Кларку, но при этом самому фельдмаршалу удалось уйти невредимым со всеми своими войсками, что являлось, вне всякого сомнения, довольно значительным успехом. Он без всякой спешки в октябре 1944 года отступил к оборонительной линии «Чингиз-Хан» (между Римом и Флоренцией). Кессельринг планировал дальнейшее отступление за реку По, но 23 октября получил тяжелую травму во время автомобильной аварии⁵.

После успешной нейрохирургической операции 15 января 1945 года Кессельринг вновь вернулся к командованию силами на Юге, но уже 8 марта был назначен главнокомандующим войсками на Западе, заменив на этом посту Рундштедта. Он уже ничего не мог поделать в сложившейся там безнадежной ситуации и сдался американцам в отеле «Берхтесгаден» 15 мая⁶. Его

судили в Италии как военного преступника за расстрел 335 мирных жителей в ардеатинских катакомбах 24 марта 1944 года⁷. Британский военный суд приговорил его к смерти, но в 1947 году приговор был заменен на пожизненное заключение. В 1952 году у Кессельринга обнаружили рак горла, и он был освобожден из тюрьмы из соображений милосердия⁸.

Последние годы жизни Кессельринг работал над воспоминаниями «Солдат до последнего дня». Он стал главой «Стального шлема» — крайне правой националистической организации ветеранов, которую многие считали нацистской. Подобно всем фельдмаршалам люфтваффе, Кессельринг симпатизировал нацистам, хотя формально никогда не был членом национал-социалистской партии. В своих воспоминаниях он не допускает никаких критических замечаний в адрес Гитлера.

В течение нескольких лет Кессильринг страдал от многочисленных болезней и 20 июля 1960 года умер от сердечного приступа в Бад-Наугейме в возрасте семидесяти четырех лет⁹. Его похоронили на небольшом кладбище в Бад-Виззее, неподалеку от Мюнхена. На надгробии можно прочесть лишь его имя и воинское звание¹⁰.

Риттер Роберт фон Грайм был последним, кого Гитлер произвел в фельдмаршалы. Артиллерийский офицер в кайзеровской армии, во время первой мировой войны он был командиром батареи и корректировщиком огня на передовой на Западном фронте, а в 1916 году его перевели в авиацию¹¹. Грайм вернулся в вооруженные силы в 1919 году, но ушел оттуда в 1920 году и стал пилотом на показательных выступлениях с демонстрацией фигур высшего пилотажа. Позже он объявился в Кантоне, Китай, где помогал организовывать военную авиацию в армии Чан Кайши. Фана-

тичный нацист, преданный Гитлеру и боготворивший его, Грайм вновь вернулся на военную службу в 1934 году и сделался командиром первой эскадрильи истребителей люфтваффе¹². Позднее он был назначен инспектором истребительной и бомбардировочной авиации¹³.

Грайм служил начальником отдела кадров люфтваффе (1938–1939 гг.) и командующим 5-й дивизией ВВС (1939 г.), позже преобразованной в 5-й корпус ВВС. В начале 1942 года Грайм был назначен командующим особой Крымской зоны, затем командующим силами люфтваффе на Восточном фронте, а в 1943 году командующим 6-м корпусом ВВС. Грайм хорошо показал себя на Западном фронте, но полностью проявил себя только после вторжения в Россию в 1941 году. Риттер фон Грайм провел четыре года на Восточном фронте (1941–1945 гг.) с одним-единственным коротким перерывом, когда он на небольшой срок был отозван в Бельгию. Он командовал подразделениями ВВС в Восточной Германии, Польше, Словакии, Богемии, Моравии и Хорватии, когда 24 апреля 1945 года его вызвали в ставку фюрера¹⁴.

Берлин уже был окружен, когда там 25 апреля приземлился старенький тренировочный самолет Грайма. Сам Грайм был ранен осколками русского зенитного снаряда, но его второй пилот Ханна Райч, фанатичная нацистка, летчица высочайшего класса и одна из немногих женщин, награжденных Железным крестом, посадила подбитый самолет на изрытой воронками улице рядом с рейхсканцелярией, что само по себе было примером блестящего летного искусства¹⁵.

Раненого Грайма, терзаемого страшной болью, внесли в здание рейхсканцелярии, и здесь он был потрясен, услышав из уст самого Гитлера, что послание, направленное ему Герингом, фюрер (под влиянием Мартина Бормана) считает предательским. Геринг был лишен звания главнокомандующего люфтваффе и смещен со всех постов. А он, риттер Роберт фон Грайм,

назначается главнокомандующим ВВС и получает звание фельдмаршала!

Герман Геринг был арестован гестапо, но ему все-таки удалось сдаться американцам 8 мая в Австрии. Приговоренный к смерти как один из главных военных преступников, он покончил с собой, приняв цианистый калий у себя в камере в Нюрнберге в 10.40 вечера 15 октября 1946 года, за два часа до того, как его должны были повесить.

Для Грайма конец пришел значительно быстрее. По приказу Гитлера 29 апреля он вылетел из Берлина к адмиралу Деницу, которого Гитлер назначил своим преемником. Дениц пытался в это время сформировать нацистское правительство в городе Плён¹⁶. На следующий день Гитлер покончил с собой в своем бункере в Берлине. Русские находились от него на расстоянии всего нескольких сот метров.

После смерти Гитлера жизнь потеряла для Грайма всякий смысл¹⁷. Он возвратился в Южную Германию, где бои с русскими продолжались до 9 мая. После того, как он, несмотря на жуткую боль, причиняемую ему раной, в течение нескольких дней руководил этими последними и совершенно бессмысленными операциями, Грайм попал в плен к американцам, и его отправили в госпиталь в Зальцбург. Здесь, оставаясь верным присяге, фельдмаршал риттер Роберт фон Грайм 24 мая покончил с собой, вероятно, воспользовавшись капсулой с цианистым калием, которую за месяц до того дал ему Гитлер в своем бункере. Грайм командовал люфтваффе менее двух недель.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ТАБЛИЦЫ СООТВЕТСТВИЙ ВОЕННЫХ ЧИНОВ В НЕМЕЦКОЙ АРМИИ, В СС И В АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

Армия США

Генерал армии
Генерал
Генерал-лейтенант
Генерал-майор
Бригадный генерал
Полковник
Подполковник
Майор
Капитан
Старший лейтенант
Младший лейтенант

Звания СС

Рейхсфюрер СС
—
Оберстгруппенфюрер
Обергруппенфюрер
Группенфюрер
Бригаденфюрер
Оберфюрер
Штандартенфюрер
Оберштурмбанфюрер
Штурмбанфюрер
Хауптштурмфюрер
Оберштурмфюрер
Унтерштурмфюрер

Немецкая армия

Фельдмаршал (Generalfeldmarshal)
Генерал-полковник (Generaloberst)
Генерал (General)
Генерал-лейтенант (Generalleutnant)
Генерал-майор (Generalmajor)
Полковник (Oberst)
Подполковник (Oberstleutnant)
Майор (Major)
Капитан (Hauptmann)
Старший лейтенант (Oberleutnant)
Младший лейтенант (Leutnant)

Звания в немецкой армии

Главнокомандующий армии
Фельдмаршал
Генерал-полковник
Генерал
Генерал-лейтенант
Генерал-майор
—
Полковник
Подполковник
Майор
Капитан
Старший лейтенант
Младший лейтенант

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК, ЗВАНИЯ КОМАНДУЮЩИХ, КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ

Войсковые подразделения	Звания командиров*	Количественный состав**
Группа армий	Фельдмаршал	2 или более армий
Армия	Генерал-полковник	2 или более корпусов
Корпус	Генерал	2 или более дивизий
Дивизия	Генерал-лейтенант/ Генерал-майор	10000—18000 солдат, 200—350 танков (если танковая)
Бригада	Генерал-майор/ Полковник	2 или более полка
Полк	Полковник	От 2 до 7 батальонов
Батальон	Подполковник/ Майор/Капитан	Примерно 500 солдат на 1 пехотный батальон; обычно 50—80 танков на танковый батальон
Рота***	Капитан/Лейтенант	От 3 до 5 взводов
Взвод	Лейтенант/ Сержант-майор/ Сержант	Пехота 20—40 человек
Отделение	Горрент-офицер (прапорщик)/ Старший сержант	2 боевых расчета (более или менее)
Боевой расчет	Сержант	Пехота: 7—10 человек/ Танки: 1 танк

* Часто подразделениями командовали офицеры ниже указанного здесь звания, особенно на более поздних этапах войны.

** По мере развития военных действий количество солдат и танков в большинстве подразделений сокращалось. В подразделениях СС обычно было больше солдат и танков, нежели в армейских частях.

*** В артиллерии назывались батареями (4 или 5 орудий на батарею).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ ТАНКОВ ВОДУЩИХ СТОРОН

Модель	Вес, т	Скорость, миль/ч	Дальность (мили)	Вооружение	Экипаж
<i>Британские:</i>					
Марка IV «Черчилль»	43,1	15	120	Одна 6-фунтовая пушка	5 чел.
Марка VI «Крусейдер» («Крестоносец»)	22,1	27	200	Одна 2-фунтовая пушка	5 чел.
Марка VIII «Кромвель»	30,8	38	174	Одна 75-мм	5 чел.
<i>Американские:</i>					
M3A1 «Стюарт»	14,3	36	60	Одна 37-мм	4 чел.
M4A3 «Шерман»	37,1	30	120	Одна 76-мм 3 пулемета	5 чел.
<i>Немецкие:</i>					
T-II	9,3	25	118	Одна 20-мм 1 пулемет	3 чел.
T-III	24,5	25	160	Одна 50-мм 2 пулемета	5 чел.
T-IV	19,7	26	125	Одна 75-мм 2 пулемета	5 чел.
T-V «Пантера»	49,3	25	125	Одна 75-мм 2 пулемета	5 чел.
T-VI «Тигр»	62,0	23	73	Одна 88-мм 2 пулемета	5 чел.
<i>Советские:</i>					
T-34/85	34,4	32	250	Одна 85-мм 2 пулемета	4 чел.
ИС-2 «Иосиф Сталин»	45,3	23	150	Одна 122-мм 4 пулемета	4 чел.
<i>Итальянские:</i>					
L 3	3,4	26	75	2 пулемета	2 чел.
L 11	10,8	21	124	Одна 37-мм 2 пулемета	2 чел.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ШТАБНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ В НЕМЕЦКОЙ АРМИИ

- Ia — Штабной офицер оперативного управления Генштаба
- Ib — Старший офицер по снабжению (начальник материально-технической части штаба)
- Ic — Штабной офицер службы разведки (подчиняющийся Ia)
- IIa — офицер, начальник управления личного состава (адъютант)
- IIb — заместитель начальника управления личного состава (подчиняющийся IIa)
- III — начальник военной прокуратуры
- IVa — начальник административной части (подчиняющийся Ib)
- IVb — начальник медицинской части (подчиняющийся Ib)
- IVc — главный ветеринар (подчиняющийся Ib)
- IVd — капеллан (подчиняющийся IIa)
- V — начальник транспортного отдела (подчиняющийся Ib)

Штабные офицеры других специальностей (начальник артиллерии; начальник ракетно-пусковых установок; старший офицер военной полиции; офицер по защите от газовых атак и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Robert Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany* (New York: Macmillan, 1982), pp. 204-205.
2. Baron Leo Geyr von Schweppenburg, "Panzer Tactics in Normandy," United States Army *ETHINT 13*, an interrogation conducted at Irschenhausen, Germany, 11 Dec. 1947. On file, U.S. National Archives.
3. Personal communication, Friedrich von Stauffenberg, 1988.

ГЛАВА I: ВЕРНЕР ФОН БЛОМБЕРГ

1. Robert Payne *"The Life and Death of Adolf Hitler"* (New York: Praeger Publishers, Inc., 1973, reprint ed., New York: Popular Library, 1973) p. 242; William L. Shirer, *"The Rise and Fall of the Third Reich"* (New York: Simon and Schuster, 1960) pp. 172-177 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Shirer").
2. Shirer, pp. 183-183.
3. Harold C. Deutsch, *"Hitler and His Generals: The Hidden Crisis, January-June 1938"* (Minneapolis: University of Minnesesta Press, 1974), p. 8 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Deutsch 1974").
4. Robert J. O'Neill, *"The German Army and the Nazi Party, 1933-1939"* (New York: James H. Heineman, Inc. 1966), p. 10 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "O'Neill"); Shirer, p. 183.
5. Shirer, p. 183, 207.
6. Norbert A. Huebsch, "Field Marshal Werner von Blomberg and the Politicization of the Wehrmacht" (Ph. D. Dissertation, Cincinnati, Ohio: University of Cincinnati, 1981), pp. 16-17 (в дальнейшем ссылки на эту диссертационную работу даются как "Huebsch").
7. O'Neill, pp. 186-187.
8. Huebsch, pp. 25-31. Бломбергу очень нравилось в Меце, и он был весьма разочарован, когда его перевели в 19-ю резервную дивизию в Ганновере, даже

несмотря на то, что этот перевод означал повышение по службе.

9. Matthew Cooper *"The German Army, 1933–1945"* (Briarcliff Manor, New York: Stein and Day. Publishers, 1978), p. 21 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Cooper"); O'Neill, pp. 186–187.
10. Huebsch, p. 44.
11. O'Neill, pp. 186–187.
12. Telford Taylor, *"Sword and Swastika: Generals and Nazis in the Third Reich"* (New York: Simon and Schuster, 1952; reprint ed., Chicago: Quadrangle Paperback, 1969), p. 61 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Taylor"); O'Neill, pp. 186–187; Huebsch, p. 58.
13. Richard Brett-Smith, *"Hitler's Generals"* (San Rafael, California: Presidio Press, 1977) p. 183 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Brett-Smith"); Taylor, p. 61.
14. John W. Wheeler-Bennett, *"The Nemesis of Power: The German Army in Politics, 1918–1945"* (London: MacMillan and Company, 1964) p. 296 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Wheeler-Bennett"); Louis L. Snyder, *"Encyclopedia of the Third Reich"* (New York: Mc Graw-Hill Book Company, 1976) pp. 29–30 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Snyder").
15. O'Neill, pp. 186–187.
16. Taylor, pp. 61–62; O'Neill, p. 190; Shirer, p. 151.
17. Shirer, p. 151; O'Neill, p. 190; Taylor, pp. 61–62.
18. David Irving, *"The War Path: Hitler's Germany, 1933–1939"* (New York: Viking Press, 1978) p. 28 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Irving 1978"). На самом деле, когда война все-таки началась, части СА воевали с поляками в составе 3-й армии (ранее штаб первого военного округа).
19. Taylor, p. 77.
20. Len Deighton, *"Blitzkrieg: From the Rise of Hitler to the Fall of Dunkirk"* (New York: Alfred A. Knopf, 1979), p. 28 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Deighton"); Wheeler-Bennett, pp. 298–300.

21. Taylor, p. 76. Оскар Гинденбург в конце 1944 года был генерал-лейтенантом и отвечал за заключенных, находившихся в лагерях для военнопленных, которые располагались в первом военном округе.
22. O'Neill, pp. 6-7; Wheeler-Bennett, pp. 298-300.
23. Shirer, pp. 207-208; Irving 1978, pp. 28; O'Neill, p. 34.
24. Bella Fromm, *"Blood and Banquets"* (New York: Harper and Row, 1942), p. 140.
25. O'Neill, p. 33.
26. Ibid, pp. 32-34.
27. Cooper, p. 28; O'Neill, pp. 34-35.
28. Cooper, p. 28.
29. O'Neill, p. 36. Cooper, p. 28, 34.
30. Cooper, p. 34.
31. Ibid, pp. 33-48.
32. O'Neill, p. 17.
33. Wheeler-Bennett, pp. 301-312; O'Neill, p. 35.
34. Shirer, pp. 214-215; Wheeler-Bennett, pp. 313-314.
35. Snyder, p. 32; Shirer, pp. 214-215; Wheeler-Bennett, p. 223.
36. Wheeler-Bennett, p. 326.
37. Robert M. Kennedy, *"The German Campaign in Poland (1939)"*, United States Department of the Army "Pamphlet 20-255" (Washington, D.C.: Department of the Army, 1956), p. 11, (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Kennedy").
38. Taylor, pp. 107-108. Командующими других военных округов были генералы Бласковиц, Гайер, Дольман, Кнохенхаузер, Глекс и Кресс фон Крессенштейн.
39. Kennedy, p. 20; Wheeler-Bennett, p. 340.
40. Taylor, p. 35.
41. David Irving, *"The Rise and Fall of the Luftwaffe. The Life of Field Marshal Erhard Milch"* (Boston: Little, Brown and Company, 1973), p. 31 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Irving 1973").
42. Richard Suchenwirth, "Command and Leadership in the German Air Force", United States Air Force Historical Studies Number 174 (Maxwell Air Force Base, Alabama: United States Air Force Historical Division, Air University,

- 1969) (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "Suchenwirth MS").
43. Heinz Guderian, *"Panzer Leader"* (New York: E. P. Dutton, 1957; New York: Ballantine Book, 1967) p. 25 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Guderian"). Фессман ушел в отставку в звании почетного генерала танковых войск 30 сентября 1937 года. Он вновь был призван на службу в 1939 году и до июня 1941 года командовал 267-й пехотной дивизией, подразделением резервистов. После этого он некоторое время работал в штабе во Франкфурте-на-Одере и вновь ушел в отставку в 1942 году. См. Wolf Keilig *"Die Generale des Heeres"* (Friedberg: Podzum Pallas Verlag, 1983), p. 89 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Keilig").
 44. Taylor, p. 94.
 45. Shirer, pp. 285—293; Irving 1978, pp. 48—49; Cooper, p. 54.
 46. Cooper, p. 54.
 47. Shirer, p. 293.
 48. Taylor, pp. 109—110. Структура первых дивизий легкой артиллерии была очень различной, но в большей или меньшей степени все они являлись чем-то средним между соединением танковых и моторизованных дивизий. Они оказались плохо приспособленными к маневрированию в условиях Польши и зимой 1939—1940 гг. были превращены в танковые дивизии. Позднее дивизии легкой артиллерии в основном являлись частями преследования со всего двумя пехотными полками, за исключением дивизий, находившихся в Северной Африке, которые располагали тремя полками. См. Kennedy, pp. 28—30 и Samuel W. Mitcham, Jr. *"Hitler's Legions: The German Army Order of Battle, World War II"* (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1985), pp. 319—331 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Mitcham 1985").
 49. Irving 1978, p. 63; Wheeler-Bennett, pp. 359—362; Shirer, pp. 303—308.
 50. Cooper, p. 64; Wheeler-Bennett, pp. 363—364.

51. Irving 1978, p. 64.
52. Taylor, p. 147.
53. Irving 1978, p. 48.
54. Cooper, p. 59.
55. Irving 1978, pp. 3–6.
56. Deutsch 1974, p. 96.
57. Wilhelm Keitel *"In the Service of the Reich"*, Walter Goerlitz, ed. (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1966), p. 43 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Keitel").
58. Shirer, pp. 312–313; Deutsch 1974, p. 96; Irving 1978, p. 6 указывает, что нет никаких документов, подтверждающих, что она была проституткой. Тем не менее, почти наверняка какое-то непродолжительное время она занималась этим ремеслом.
59. Irving 1978, p. 5; Wheeler-Bennett, pp. 365–366.
60. Keitel, p. 44.
61. Cooper, p. 60.
62. Shirer, p. 366; Cooper, p. 59.
63. Shirer, p. 314.
64. Harold C. Deutsch *"The Conspiracy Against Hitler in the Twilight War"* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1978) pp. 123–124 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Deutsch 1978").
65. Ibid.
66. Ibid, p. 96.
67. Huebsch, p. 2.
68. Deutsch 1978, pp. 120–121.
69. Ibid, p. 126.
70. Ibid, p. 127.
71. Taylor, p. 151.
72. David Irving *"Hitler's War"* (New York: The Viking Press, 1977), p. 118 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Irving 1977").
73. Huebsch, pp. 3–4; 314–315.
74. Brett-Smith, p. 185.
75. Deutsch 1978, p. 127.
76. Robert Wistrich, *"Who's Who in Nazi Germany"* (New York: Harper and Row, 1965), p. 20. (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Wistrich").

77. Irving 1973, p. 302. Позднее его останки были кремированы и захоронены неподалеку от его дома в Бад-Виззее (Huebsch, pp. 315–316).

ГЛАВА 2.: ВАЛЬТЕР ФОН БРАУХИЧ

1. Brett-Smith, p. 41; Deutsch 1974, pp. 220–221.
2. O'Neill, p. 187.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Irving 1978, p. 79.
6. Deutsch 1974, p. 121.
7. Ibid, p. 221.
8. Ibid, p. 222.
9. Ibid, pp. 221–222.
10. Shirer, pp. 314–316.
11. Taylor, p. 167; Deutsch 1974, pp. 218–219.
12. Deutsch 1974, p. 168.
13. Ibid, pp. 219–220.
14. Taylor, p. 169.
15. Deutsch 1974, p. 261. Ганс Белендорф был назначен командующим артиллерийской командой 31 (“Арко 31”) после того, как он ушел из управления личным составом. Позднее он командовал 34-й пехотной дивизией и 84-м корпусом до своего ухода в отставку в апреле 1943 года в звании генерала от артиллерии. Кунцен руководил 3-й дивизией легкой артиллерии (позднее 8-й танковой), 57-м танковым корпусом и 81-м корпусом до своей отставки в середине 1944 года в звании генерала танковых войск. Оба дожили до конца войны (Keilig, p. 26, 193).
16. Taylor, pp. 170–171, 238; Wheeler-Bennett, p. 373; Irving, 1978, p. 161. Большинство из тех, кто был отправлен в принудительную отставку, с началом войны вновь возвратились на службу. Освальд Лютц занимал незначительную штабную должность в 1941 году, но в 1942 году был вновь отправлен в отставку. Он умер в Мюнхене в 1944 году. Гюнтер фон Погрель занимал несколько командных постов в различных округах до того, как во время вторжения в Данию не возглавил 32-й корпус.

Он оставался на этом посту до своей вторичной отставки в 1942 году. Он умер тоже в 1944 году. Гюнтер фон Нибельшютц был начальником по тылу 3-й армии в Восточной Пруссии во время Польской кампании. Он умер в русском плену в 1949 году. Герман Гайер позднее руководил 9-м корпусом в Польше, Франции и России. Он вновь вышел в отставку в 1942 году и в 1946 году покончил с собой. Вильгельм Глекс позднее командовал 10-м корпусом и первым военным округом до повторного выхода в отставку в 1941 году. Он дожил до конца войны. Хоссбах был переведен на командование 82-м пехотным полком. Во время войны он был начальником штаба 30-го корпуса (1939 г.), вновь командовал 82-м пехотным полком (1939—январь 1942 гг.), являлся командиром 31-й пехотной дивизии (1942 г.) и командиром 82-й пехотной дивизии (1942—1943 гг.). Позднее он был заместителем командующего 56-м танковым корпусом (1943 г.), командующим 56-м танковым корпусом (1943—1944 гг.) и 19 июля 1944 года был назначен командующим 4-й армии. Его отстранили от командования за прямое неповиновение приказу фюрера 28 января 1945 года. В 1958 году он был еще жив и проживал в Геттингене. Вильгельм Кнохенхауэр больше на военную службу не призывался. Он скончался в Гамбурге 28 июня 1939 года, См. Keilig, pp. 106, 151, 175, 213, 242, 260 и 351.

17. Taylor, p. 173.
18. Deutsch 1974, p. 229.
19. Irving 1978, p. 79.
20. Taylor, p. 175.
21. Peter Hoffman, *"The History of the German Resistance"* (Cambridge, Mass.: M. I. T. Press, 1977), p. 50 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Hoffmann"); Irving 1978, p. 94.
22. Wheeler-Bennett, p. 398; Irving 1978, p. 100.
23. Taylor, p. 192.
24. Wheeler-Bennett, p. 399.
25. Cooper, p. 97; Wheeler-Bennett, p. 400.
26. Taylor, pp. 401—402.
27. Taylor, p. 242; Cooper, p. 97.

28. Cooper, p. 97; Taylor, pp. 199–201.
 29. Taylor, pp. 200–201.
 30. Wheeler-Bennett, pp. 402–404; Taylor, pp. 200–201.
 31. Taylor, pp. 208–212.
 32. Wheeler-Bennett, pp. 402–404.
 33. Taylor, pp. 210–212.
 34. Irving 1978, p. 134.
 35. Cooper, p. 102; Hoffmann, pp. 101–103; Wheeler-Bennett, p. 421.
 36. Ulrich von Hassell *"The von Hassell Diaries"* (New York: Doubleday and Company, Inc., 1947), p. 80 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Hassell").
 37. Deutsch 1974, p. 229.
 38. Wheeler-Bennett, p. 449.
 39. Kennedy, pp. 51–54.
 40. Taylor, p. 319.
 41. Kennedy, p. 120; Taylor, p. 324.
 42. Kennedy, p. 120.
 43. Irving 1977, p. 26.
 44. Ibid, p. 30.
 45. Ibid, pp. 47–48.
 46. Ibid.
 47. Erich von Manstein, *"Lost Victories"* (Novato, California; Presidio Press, 1982), p. 87 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Manstein"); Guderian, p. 66.
 48. Brett-Smith, p. 46.
 49. United States Department of the Army, "The German Campaign in Russia Planning and Operations (1940–1942)", U. S. Department of the Army *"Pamphlet 20–261a"* (Washington, D. C.: Department of the Army, 1955), pp. 3–4 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "DA Pam 20–261a").
- Маркс командовал 101-й стрелковой дивизией в 1941 году в России и лишился ноги. Позднее он командовал 337-й пехотной дивизией в России (1942 г.) и 56-м и 87-м корпусами. Командуя 84-м корпусом, он погиб в июне 1944 года неподалеку от Сен-Ло в Нормандии.
50. Ibid, pp. 10–12.

51. Albert Seaton *"The Russo-German War, 1941–1945"* (New-York: Praeger, 1970), p. 54 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Seaton").
52. Manstein, p. 76.
53. Irving 1977, p. 521.
54. Ibid, p. 288.
55. Wheeler-Bennett, p. 524, цитирует Halder "Diary", ноябрь 10, 1941 год.
56. Irving 1977, p. 351.
57. Ibid, p. 360.
58. Wheeler-Bennett, p. 525.
59. Joseph Goebbels *"The Goebbels Diaries"*, Louis P. Lochner, ed. (Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc., 1948; reprint, New York: Universal-Award House, Inc., 1971), p. 157 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Goebbels").
60. Irving 1977, p. 729; Wheeler-Bennett, p. 696.

ГЛАВА 3: ЭВАЛЬД ФОН КЛЕЙСТ

1. См. David G. Chandler *"Dictionary of the Napoleonic Wars"* (New York: MacMillan Publishing Company, 1979), pp. 226, 236–237.
2. Hermann Plocher, "The German Air Force Versus Russia, 1943", United States Air Force Historical Studies Number 155 (Maxwell Air Force Base, Alabama: United States Air Force Historical Division, Air University, 1965) (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как "Plocher MS 1943").
3. C. R. Davies, *"Von Kleist: From Hussar to Panzer Marshal"* (Houston, Texas: Lancer Militaria, 1979), p. 9 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Davies").
4. Ewald von Kleist Personnel Record, Air University Archives, Maxwell Air Force Base, Alabama (в дальнейшем ссылки на эти материалы даются как "Kleist Personnel Record").
5. Davis, p. 9.
6. Kleist Personnel Record.
7. Ibid.

8. Taylor, p. 379.
9. Davis, p. 10 и 106.
10. Snyder, p. 196.
11. O'Neill, p. 206.
12. Davis, p. 10.
13. Ibid.
14. Kennedy, p. 108.
15. Jacques Benoist-Mechin, *"Sixty Days that Shook the West: The Fall of France"* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1963), pp. 69–70 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Benois-Mechin").
16. Ibid, p. 65.
17. Guderian, pp. 75–77.
18. Benoist-Mechin, p. 75.
19. Guderian, p. 77; Cooper, p. 220.
20. A. Goutard, *"The Battle of France, 1940"* (New York: Ives Washburn, Inc., 1959), p. 120, (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Goutard").
21. Deighton, p. 208.
22. Goutard, pp. 120–121.
23. Guderian, p. 78; Goutard, p. 122.
24. Goutard, p. 122.
25. Ibid, p. 127, цитируется Grandsard, *"Le 10 Corps d'Armee dans la Bataille"*
26. Deighton, pp. 218–219.
27. Goutard, p. 134; Deighton, pp. 221–224.
28. Deighton, pp. 226–227.
29. Goutard, p. 136.
30. Deighton, p. 228.
31. Goutard, pp. 156–157; Deighton, pp. 228–229.
32. Goutard, pp. 148–149.
33. Deighton, pp. 228–229; Goutard, pp. 138–139.
34. Deighton, pp. 230–231.
35. Guderian, p. 82.
36. Benoist-Mechin, p. 92.
37. Deighton, pp. 231–232.
38. Ibid, pp. 234–235.
39. Guderian, p. 85.
40. Ibid, pp. 86–87.
41. Deighton, pp. 235–236.

42. Cooper, pp. 222–223; Guderian, p. 87.
43. Guderian, p. 87.
44. Ibid, pp. 87–88.
45. Benoist-Mechin, p. 110.
46. L. E. Ellis, *"The War in France and Flanders"* (London, Her Majesty's Stationery Office, 1953), pp. 76–78 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Ellis 1940").
47. Goutard, pp. 193–194.
48. Irving 1977, p. 117; Goutard, pp. 201–203.
49. Benoist-Mechin, pp. 116–117.
50. Ellis 1940, p. 79; Goutard, pp. 197–198.
51. Cooper, p. 227.
52. Robert Goralski *"World War II Almanac, 1931–1945"* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1981), p. 116 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Goralski").
53. Потери танков в 41-м моторизованном корпусе оценивались в 30%. (Cooper, pp. 230–231).
54. Brett-Smith, p. 165.
55. *"Kriegstagebuch des Oberkommando des Wehrmacht (Wehrmachtsfuhrungsstab)"* (Frankfurt-am-Main: Bernard and Graefe Verlag fur Wehrwesen, 1961), Volume I, p. 1122 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как *"Kriegstagebuch des OKW"*).
56. Ellis 1940, p. 274; Benoist-Mechin, p. 241.
57. United States Military Intelligence Service, "Order of Battle of the German Army" (Washington, D. C.: United States War Department General Staff, October, 1942), p. 160, (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "ОВ 1942"). Ссылки на другие данные Генштаба США о боевом порядке даются с указаниями соответствующего года.
58. United States Department of the Army, "The German Campaigns in the Balkans (Spring, 1941)", Department of the Army *"Pamphlet 20–260"* (Washington, D. C.: United States Army Military History Division, 1953), p. 21, (в дальнейшем ссылки на это издание даются как *"DA Pam. 20–260"*).
59. Ibid, p. 32.
60. Ibid, p. 41.
61. Ibid, pp. 50–52.

62. Snyder, p. 196.
63. DA Pam. 20-260, pp. 50-52.
64. *Kriegstagebuch des OKW* Volume I, I p. 1135.
65. Hermann Plocher, "The German Air Force Versus Russia, 1941", United States Air Force Historical Studies Number 153 (Maxwell Air Force Base, Alabama: United States Historical Division, Air University, 1965) (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как "Plocher MS 1941").
66. B. H. Liddell Hart, *"The German Generals Talk"* (New York: Quill, 1979), p. 175.
67. Seaton, pp. 134-137.
68. Cooper, pp. 307-308.
69. Plocher MS 1941; Seaton, pp. 139-140; также см. James Lucas, *"Alpine Elite: German Mountain Troops of World War II"* (London: Jane's, 1980), pp. 86-126, здесь дается подробное описание сражения под Уманью (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как "Lucas 1980").
70. Alan Clark, *"Barbarossa: The Russian-German Conflict, 1941-45"* (New York: William Morrow and Company, 1965), p. 135 (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как "Clark"); Plocher MS 1941.
71. Paul Carell, *"Hitler Moves East, 1941-1943"* (Boston: Little Brown and Company, 1965; reprint ed., New York: Bantam Books, 1966), pp. 123-129 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Carell").
72. Carell, pp. 303, 322-323; Plocher MS 1941.
73. Plocher MS 1941.
74. Carell, pp. 300, 324-327; Plocher MS 1941; Irving 1977, p. 342.
75. Carell, pp. 487-498.
76. Brett-Smith, p. 167.
77. Carell, pp. 134-156.
78. Paul Carell, *"Scorched Earth: The Russian-German War, 1943-1944"* (Boston: Little, Brown and Company, 1966; reprint ed., New York: Ballantine Books, 1971), p. 168 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Carell 1971").

79. Davis, p. 16, он цитирует книгу Juergen Thorwald "*The Illusion*" (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975), p. 65.
80. Wheeler-Bennett, pp. 612–613.
81. Clark, pp. 318–319.
82. Davis, p. 16.
83. Goebbels, p. 389, 532.
84. Carell 1971, pp. 154–165.
85. Earl L. Ziemke, "*Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East*", United States Department of the Army, Office of the Chief of Military History (Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 1966), p. 285 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "Ziemke"); Brett-Smith, p. 168.
86. Ibid, pp. 285–289.
87. Manstein, pp. 545–546; Ziemke, p. 286.
88. Irving 1977, p. 618.
89. Davis, p. 17.
90. Plocher MS 1943; Snyder, p. 196.
91. Davis, p. 17.
92. Ibid.
93. Ibid, p. 18.

ГЛАВА 4: ВАЛЬТЕР ФОН РЕЙХЕНАУ

1. Brett-Smith, p. 185.
2. Brett-Smith, p. 186.
3. Plocher MS 1941.
4. Walter Goerlitz, "*Paulus and Stalingrad*" (Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1974), pp. 21–22 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Goerlitz 1974"); O'Neill, p. 194; Brett-Smith, p. 185; Otto E. Moll, "*Die Deutschen Generalfeldmarschaeile, 1939–1945*" (Rastatt Baden: Erich Pabel Verlag, 1961), pp. 169–170 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Moll").
5. O'Neill, p. 195.
6. Brett-Smith, p. 185; O'Neill, pp. 18, 194–195.
7. Goerlitz 1974, p. 21.
8. Wistrich, p. 241.

9. Walter Goerlitz, *"The German General Staff"* (New York: Frederick A. Praeger, 1953, reprint ed., (Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1957), (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Goerlitz 1957").
10. Cooper, p. 17.
11. O'Neill, pp. 32–34.
12. Ibid, pp. 35–36.
13. Ibid, p. 37.
14. Ibid.
15. Ibid, p. 38.
16. Shirer, pp. 213–216, там содержатся подробности казни 30 июня.
17. Cooper, p. 48; Shirer, p. 222.
18. O'Neill, p. 194.
19. Taylor, p. 104.
20. Ibid.
21. O'Neill, p. 194; Taylor, p. 149.
22. Keitel, p. 48, 65; Taylor, p. 169.
23. Cooper, p. 22.
24. Goerlitz 1953.
25. Kennedy, p. 74.
26. Kennedy, pp. 78–86.
27. Ibid, pp. 86–87.
27. Ibid, pp. 103–104.
29. Kennedy, p. 104; William L. Shirer *"Berlin Diary"* (New York: Alfred A. Knopf, 1941), pp. 371–373 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Shirer *"Diary"*").
30. Kennedy, pp. 104–106 и Карта 10.
31. Ibid, pp. 111–112, 118.
32. O'Neill, p. 195.
33. Ellis 1940, p. 345; Brett-Smith, p. 187.
34. Hoffmann, p. 133; Irving 1977, p. 37, 43–44.
35. Goutard, pp. 108–109; Deighton, p. 200; Benoist-Mechin, p. 75.
36. Benoist-Mechin, p. 94.
37. Goutard, pp. 111–113.
38. Benoist-Mechin, p. 94.
39. Goutard, p. 114; Benoist-Mechin, p. 103, 110.
40. Shirer *"Diary"*, p. 372.

41. Ellis 1940, карта датирована 27 мая 1940 года.; Benoist-Mechin, pp. 142–143.
42. Ellis 1940, pp. 146–150; Goutard, p. 222.
43. Ellis 1940, pp. 175–177, 182.
44. Goutard, pp. 235–237; Benoist-Mechin, p. 170; Goerlitz 1953, p. 24.
45. *“Kriegstagebuch des OKW”* Volume I, p. 1122.
46. Brett-Smith, p. 187.
47. *“Kriegstagebuch des OKW”* Volume I, p. 1140.
48. O'Neill, p. 18.
49. Irving 1977, p. 327.
50. Wistrich, pp. 241–242.
51. O'Neill, p. 18.
52. Albert Kesselring, *“Kesselring: A Soldier's Record”* (Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1970), p. 11 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Kesselring”).
53. Irving 1977, p. 385.
54. Seaton, p. 197.
55. Goerlitz 1974, p. 44.
56. *“Kriegstagebuch des OKW”* Volume I, p. 1138; Seaton, p. 192.
57. Carell, pp. 314–321.
58. Mitcham 1985, pp. 74–75.
59. Goerlitz 1974, pp. 46–47.
60. Cooper, p. 23.

ГЛАВА 5: ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ЛЕЕБ

1. Wilhelm von Leeb *“Defense”* (Harrisonburg, P. A.: Military Service Publishing Company, 1943), p. ix (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Leeb”).
2. Snyder, p. 207; Wistrich, p. 186.
3. Leeb, p. x.
4. OB 1943, p. 299; OB 1942, p. 153.
5. Chistopher Chant, Rihard Humble, William Fowler and Jenny Shaw, *“Hitler's Generals and Their Battles”* (New York: Chartwell Books, Inc., 1976), p. 98 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Chant *et al.*”).
6. Leeb, p. x; Moll, pp. 103–104.

7. Leeb, p. x; "OB 1942", p. 153; Snyder, p. 207; Wistrich, p. 186.
8. Leeb, p. x; Moll, p. 104.
9. Chant et al., p. 98.
10. Leeb, p. x; Taylor, pp. 377–378; Moll, pp. 104–105.
11. Deutsch 1978, pp. 209–210.
12. Leeb, p. vii.
13. Ibid, p. 2.
14. Ibid.
15. Ibid, pp. ix, 139–151.
16. Ibid, p. ix.
17. Deutsch 1978, pp. 209–210.
18. John Toland, *"Adolf Hitler"* (New York: Random House, 1976; reprint ed., New York: Ballantine Books, 1977), p. 403 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Toland").
19. Brett-Smith, p. 53.
20. Deutsch 1978, p. 255.
21. O'Neill, p. 211. Между 1939–1943 большая часть пограничных команд была реорганизована в пехотные дивизии.
22. Taylor, pp. 170–171, 238.
23. Ibid, pp. 200–227. Штаб 12-й армии первоначально обозначался "Особый штаб "Леиб".
24. Ibid, pp. 274–276. Фридрих Дольман командовал 7-й армией в оккупированной Франции с 1940 по 29 июня 1944 года, когда он умер от сердечного приступа во время битвы за Нормандию. Курт Либман, вернувшийся из отставки для командования 5-й армией, 30 октября 1939 года был вновь отправлен в отставку и больше на службу не призывался. В 1958 году он был еще жив. Вицлебен и Шперле стали фельдмаршалами (см. главы 18 и 20). После того, как его уволил Геринг в январе 1940 года, Гельмут Фелми командовал армейским корпусом на Балканах. Георгу Зоденштерну в феврале 1940 года было присвоено звание генерал-лейтенанта, а шесть месяцев спустя звание генерала от инфантерии. Он был начальником штаба группы армий «Юг» в России (1941–1943 гг.) и командующим 19-й армией в южной Фран-

- ции (1944 г.). Освобожденный от командования в июне, он больше уже на службу не возвращался. Зоденштерн скончался в 1955 году во Франкфурте-на Майне. (Keilig, p. 204, 326).
25. Taylor, pp. 274–275, 296; Goutard, pp. 61–62.
 26. Goutard, p. 68; Taylor, p. 334.
 27. Taylor, p. 334.
 28. Goutard, pp. 70–71.
 29. Telford Taylor, *“The March of Conquest”* (New York: Simon and Schuster, 1958), p. 51 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Taylor 1958”).
 30. Brett-Smith, p. 54; Deutsch, p. 81.
 31. Taylor 1958, p. 49.
 32. Deutsch 1978, p. 211, 254–255.
 33. Irving 1977, p. 116; Ellis 1940, p. 45.
 34. Benoist-Mechin, p. 414.
 35. Brett-Smith, p. 54.
 36. T. N. Dupuy and Paul Martell, *“Great Battles on the Eastern Front”* (Indianapolis/New York: Bobbs-Merrill Company, 1982) p. 9 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Dupuy”).
 37. Carell, p. 6; Seaton, pp. 101–103; Dupuy, p. 21.
 38. Carell, pp. 21–22; Seaton, pp. 101–103.
 39. Seaton, pp. 102–104; Carell, pp. 22–24.
 40. Carell, pp. 26–29.
 41. Carell, pp. 106–107.
 42. Carell, pp. 234–236; Carell, p. 237.
 43. Seaton, p. 107; Carell, p. 237.
 44. Carell, p. 238–241; Seaton, pp. 108–112.
 45. Seaton, pp. 108–109, 114.
 46. Fridrich von Stauffenberg, “Erich Brandenberger”, неопубликованная рукопись, которой воспользовался автор в 1985 году. Бранденбергер командовал 8-й танковой дивизией в 1941 году.
 47. Carell, pp. 248–249.
 48. Ibid.
 49. Brett-Smith, p. 57; Seaton, p. 150.
 50. Carell, p. 263; см. также W. Chales de Beaulieu, *“Der Vorstoss der Panzer Gruppe 4 auf Leningrad”* (Neckargemuend: Kurt Vominckel, 1961).

51. Seaton, p. 100; Brett-Smith, p. 57.
52. Carell, pp. 264–265.
53. Irving 1977, p. 313.
54. Carell, p. 233.
55. Seaton, p. 151.
56. Carell, pp. 266–276; Irving 1977, p. 312.
57. Seaton, p. 151; Carell, p. 278.
58. Brett-Smith, p. 55.
59. Carell, p. 284.
60. *“Kriegstagebuch des OKW”*, Volume III, p. 7.
61. Carell, p. 273.
62. Carell, pp. 284–285; Seaton, p. 198.
63. Seaton, pp. 199, 285.
64. Carell, pp. 284–286; Seaton, p. 242.
65. Brett-Smith, p. 55.
66. Irving 1977, p. 290.
67. Ibid, p. 357.
68. Hermann Plocher, “The German Air Force Versus Russia, 1942”, United States Air Force Historical Studies Number 154 (Maxwell Air Force Base, Alabama: United States Air Force Historical Division, Air University, 1965) (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как “Plocher MS 1942”).
69. Plocher MS 1942; Seaton, pp. 243–245; также см. Carell and Charles W. Sydnor, *“Soldiers of Destruction: The SS Death’s Head Division, 1933–1945”* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977) подробности сражения под Демянском.
70. Irving 1977, p. 729.
71. Brett-Smith, p. 58.
72. Snyder, p. 207.

ГЛАВА 6: ФЕДОР ФОН БОК

1. Brett-Smith, pp. 64–65; Wistrich, p. 21; Snyder, p. 34.
2. Brett-Smith, p. 66.
3. Wistrich, p. 21.
4. Wheeler-Bennett, p. 92–94; Brett-Smith, pp. 66–67.
5. O’Neill, pp. 208, 212; Brett-Smith, p. 67.
6. Taylor, p. 240.

7. Ibid, pp. 240–241.
8. Albert Seaton, *“The Battle for Moscow”* (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1971; reprint ed., New York: Playboy Press Paperbacks, 1980), p. 41 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Seaton 1980”).
9. Kennedy, pp. 54–56, ff. 74; Taylor, p. 313.
10. Irving 1978, pp. 224–225.
11. Mitcham 1985, pp. 407–408. Эберхардт командовал дивизией “Фельдхернхалле” во Франции (1940 г.), во время Балканской кампании (1941 г.) и в России (июнь 1941 г. — июнь 1942 г.). Позднее он командовал 38-й пехотной дивизией в оккупированной Франции (1942–1943 гг.), 174-й резервной дивизией в Польше и на Восточном фронте (1943–1944 гг.) и 286-й дивизией СА в России (Keiling, p. 76).
12. Kennedy, pp. 79–82.
13. Guderian, pp. 56–57; Kennedy, pp. 92–94. Леонард Каупиш был отставным генералом ВВС, возвращенным на службу в 1939 году. Позднее он командовал 31-м корпусом (1939–1942 гг.) и руководил немецким вторжением в Данию (1940 г.). В 1942 году он вновь вышел в отставку и в том же году умер в Веймаре. Хаазе получил в 1940 году звание генерал-полковника и руководил 15-й армией в оккупированной Франции и Бельгии (с февраля 1941 г. по ноябрь 1942 г.). Он умер в Берлине в 1943 году. Адольф Штраус в 1940 году получил звание генерал-полковника и возглавлял 9-ю армию во Франции и на Восточном фронте до 15 января 1942 года, когда он был освобожден от командования. Он уехал в Любек и больше никогда уже не возвращался на военную службу. (Keilig 1940, pp. 120, 164 и 337).
14. Ellis 1940, p. 246.
15. *“Kriegstagebuch des OKW”*, Volume I, p. 1122.
16. Brett-Smith, pp. 69–70.
17. Ibid.
18. Irving 1977, pp. 162, 177.
19. Seaton 1980, p. 183.
20. Wheeler-Bennett, p. 514.
21. Ibid, pp. 515–516.

22. "DA Pam 20-261a", pp. 38-39.
23. Kesselring, p. 96.
24. Seaton, p. 124; Seaton 1980, pp. 42-43.
25. James Lucas, *"War on the Eastern Front, 1941-1945"* (Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1979), p. 176 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Lucas 1979").
26. Carell, pp. 84-85; Seaton 1980, pp. 43-45; Lucas 1979, p. 176.
27. Lucas 1979, p. 176; Seaton, p. 130.
28. Ibid.
29. Seaton, p. 131; Carell, p. 89.
30. По сведениям на 2 августа, потери группы армий "Центр" составили только 74000 человек (включая выбывших из строя по болезни). (Seaton 1980, p. 64).
31. Carell, p. 92; Seaton 1980, pp. 66-67.
32. Seaton 1980, pp. 77-79.
33. Carell, p. 134.
34. Clark, p. 156.
35. Carell, pp. 134-142. В 1942 году барон фон Лангерман унд Эрленкамп стал генералом танковых войск и был назначен командующим 24-м танковым корпусом. Он погиб под Сталинградом 3 октября 1942 года. Фишер погиб в Тунисе 1 февраля 1943 года, когда транспорт с его боевой группой подорвался на mine (Keilig, p. 91 и 197).
36. Seaton 1980, p. 105.
37. Ibid, p. 113.
38. Irving 1977, p. 521.
39. Seaton 1980, pp. 142-143.
40. Irving 1977, p. 359.
41. Seaton 1980, p. 183.
42. Irving 1977, p. 359.
43. Plocher MS 1942.
44. Seaton 1980, p. 250; Plocher MS 1942.
45. Ziemke, p. 17.
46. Irving 1977, pp. 387-388.
47. John Shaw and the Editors of Time-Life Books, *"Red Army Resurgent"* vol. 20, World War II, Time Life Books (Alexandria, Virginia: Time Life Books, 1979), pp. 34-35 (в дальнейшем ссылки на этот источник даются

- как "Shaw"); Seaton, pp. 260–261. Плочер (1942 г.) оценивает советские потери в 240000 человек, 2026 орудий, 1249 танков, в то время как Ирвинг (1978, p. 388) оценивает потери русских в 239000. Зимке (p. 33) придерживается цифры 240000.
48. Plocher MS 1942.
 49. Ibid.
 50. Seaton, pp. 274–276; Brett-Smith, p. 82.
 51. Irving 1977, p. 401.
 52. Snyder, p. 34.
 53. Brett-Smith, p. 82.
 54. Irving 1977, pp. 576–577.
 55. Fabian von Schlabrendorff, *"Revolt Against Hitler"*, Gero v. S. Gaevernitz, ed. (London: Eyre and Spottiswoode, 1948; reprint ed., New York: AMS Press, 1948), p. 58.
 56. Бретт-Смит (pp. 84–85) указывает 2 мая как дату смерти фон Бока. Генерал-лейтенант Плочер (1942 г.) сообщает, что Бок был убит 5 мая вместе со всей своей семьей. Точная дата, вероятно, не известна, но большинство источников сходятся на том, что это произошло 4 мая.
 57. Moll, p. 57.

ГЛАВА 7: ВИЛЬГЕЛЬМ КЕЙТЕЛЬ

1. Eugene Davidson, *"The Trial of the Germans"* (New York: The Macmillan Company, 1966), pp. 329–330 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Davidson").
2. Keitel, pp. 12–13.
3. O'Neill, p. 192; Keitel, p. 13.
4. Davidson, p. 331; Keitel, p. 14; O'Neill, p. 193.
5. O'Neill, pp. 192–193.
6. Wistrich, p. 168; Keitel, p. 16.
7. O'Neill, pp. 192–193; Keitel, p. 14.
8. Keitel, pp. 16–17; Davidson, pp. 330–331.
9. Keitel, pp. 17–18.
10. Ibid, p. 19.
11. O'Neill, pp. 192–193.
12. Keitel, p. 23.

13. Ibid.
14. O'Neill, p. 193.
15. Davidson, p. 331, также см. Keitel, pp. 24–26.
16. Taylor, p. 149.
17. O'Neill, p. 142.
18. Keitel, p. 48.
19. O'Neill, p. 193. Бодевин Кейтель получил звание генерал-майора 1 марта 1938 года. 1 марта 1941 года он становится генерал-лейтенантом, а 1 октября 1941 года генералом от инфантерии.
20. Suchenwirth MS.
21. Keitel, p. 29.
22. Davidson, p. 334; Wheeler-Bennett, p. 462.
23. Wistrich, p. 169.
24. Irving 1977, pp. 43–44; Keitel, pp. 100–101.
25. Keitel, p. 119.
26. Irving 1977, p. 155.
27. Davidson, p. 335.
28. Wistrich, p. 169.
29. Ibid.
30. Keitel, pp. 180–181; Irving 1977, pp. 423–423; Shirer, p. 918.
31. Генерал Бодевин Кейтель был назначен командующим двадцатым военным округом (ранее часть Западной Польши) 1 марта 1943 года и оставался в этой должности до тех пор, пока в конце 1944 года этот район не захватили русские. После этого он получил незначительный пост при штабе. Умер Бодевин Кейтель в 1952 году. (Keitel, p. 166).
32. Irving 1977, p. 432.
33. Irving 1977, p. 524, он цитирует Hassell "*Diaries*".
34. Davidson, p. 338.
35. Ibid, pp. 338–339.
36. Ibid, p. 338.
37. Ibid, p. 334.
38. Roger Manvill and Heinrich Fraenkel "*The Man Who Tried to Kill Hitler*" (New York: Coward-McCann, Inc., 1964; reprint ed., New York: Pocket Books, Inc., 1966), pp. 83–86.
39. Irving 1977, p. 666.
40. Davidson, p. 333.

41. Ziemke, pp. 485–486.
42. Snyder, pp. 192–193.
43. G. M. Gilbert, *“Nuremberg Diary”* (New York: Farrar, Straus and Cudahy, Inc., 1947; reprint ed., New York: Signet Books, 1961), p. 401.
44. Keitel, pp. 52–53.
45. Wheeler-Bennett, pp. 429–430.

ГЛАВА 8: ЭРВИН РОММЕЛЬ

1. Desmond Young, *“Rommel: The Desert Fox”* (New York: Harper and Row, Publishers, 1965), pp. 28–30 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Young”); Charles Douglas-Home, *“Rommel”* (New York: Saturday Review Press, 1973; reprint ed., London: Excalibur, n. d.), p. 20.
2. Young, p. 32.
3. Ibid, p. 41.
4. David Irving, *“The Trail of the Fox”* (New York: Thomas Congdon Books, E. P. Dutton, 1977), pp. 14–15 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Irving 1977a”).
5. Young, p. 37.
6. Ibid, p. 50.
7. Ibid, pp. 56–57.
8. См. Erwin Rommel *“Attacks”* (Vienna, Virginia: Athena Press, Inc., 1979). Это самое последнее издание книги.
9. Young, p. 64.
10. Heinz Werner Schmidt, *“With Rommel in the Desert”* (London: G. Harrap and Company, 1951; reprint ed., New York: Ballantine Books, 1968), p. 89.
11. Irving 1977a, p. 41.
12. Erwin Rommel, *“The Rommel Papers”*, B. H. Liddell Hart ed. (New York: Harcourt, Brace and Company, 1953), pp. 82–84 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Rommel”); Young, pp. 76–77.
13. Rommel, pp. 94–95.
14. См. Samuel W. Mitcham, Jr. *“Triumphant Fox: Erwin Rommel and the Rise the Afrika Korps”* (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1983), pp. 95–114. Здесь описаны подробности этого сражения.

15. Paul Carell, *"The Foxes of the Desert"* (New York: E. P. Dutton, 1960); reprint ed., New York: Bantam Books, 1972), p. 114 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Carell 1972"); John Strawson, *"The Battle for North Afrika"* (New York: Bonanza Books, 1969), p. 72; Rommel, p. 155; Walter Warlimont, "The Decision in the Mediterranean 1942", в книге H. A. Jacobsen and J. Rohwer eds., *"Decisive Battles of World War II: The German View"* (New York: G. P. Putman's Sons, 1965), p. 186 (в дальнейшем ссылки на эту статью даются как "Warlimont 1965").
16. Frederick Wilhelm von Mellenthin, *"Panzer Battles"* (Norman, Oklahoma Press, 1956; reprint ed., New York: Ballantine Books, 1976), p. 63 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Mellenthin"); Rommel, p. 158; I. S. O. Playfair *"The Mediterranean and the Middle East"*, vol. III, *"British Fortunes Reach Their Lowest Ebb"*, (London: Her Majesty's Stationery Office, 1960), pp. 27–31.
17. Young, p. 90.
18. Rommel, p. 180.
19. Samuel W. Mitcham, Jr. *"Rommel's Desert War"* (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1982), pp. 22–31 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Mitcham 1982").
20. Mellenthin, p. 93.
21. Rommel, p. 197; Mellenthin, p. 190; Warlimont 1965, p. 190.
22. Mitcham 1982, pp. 37–64.
23. Young, p. 100.
24. Michael Carver, *"El Alamein"* (New York: The Macmillan Company, 1962), p. 25 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Carver"); Rommel, p. 236.
25. Carell 1972, p. 249.
26. W. G. F. Jackson, *"The Battle for North Africa"* (New York: Mason/Charter, 1975), p. 274; Rommel, p. 283.
27. Rommel, p. 271, 296.
28. Andrew Kershaw and Jan Close, eds., *"The Desert War"* (New York: Marshall Cavendish Promotions, Ltd., 1975), p. 42; I. S. O. Playfair and C. J. C. Molony *"The Mediterranean and Middle East"*, vol. IV, *"The Destruction of the Axis in Africa"*, (London: Her Majesty's Stationery

- Office, 1966), pp. 2–30 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как “Playfair and Molony”).
29. Carver, p. 177; Playfair and Molony, pp. 475–476.
 30. Goralski, p. 260.
 31. Brett-Smith, p. 267.
 32. Rommel, pp. 446–447.
 33. Gordon A. Harrison, “*Cross-Channel Attack*”, Office of the Chief of Military History, U. S. Army in World War II, European Theater of Operations (Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 1951), p. 138.
 34. Friedrich Ruge, “The Invasion of Normandy”, в книге H. A. Jacobsen and J. Rohwer eds., “*Decisive Battles of World War II: The German View*” (New York: G. P. Putnam’s Sons, 1965), p. 330.
 35. Rommel, pp. 458–459; Irving 1977a, p. 323.
 36. Cornelius Ryan, “*The Longest Day*” (New York: Simon and Schuster, Inc.; 1959, reprint ed.; New York: Popular Library, 1975), p. 29.
 37. Ibid, p. 279.
 38. Hans Speidel, “*Invasion: 1944*” (New York: Henry Regnery, 1950; reprint ed., New York: Paperback Library, Inc., 1968), pp. 85–86 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Speidel”); Irving 1977a, p. 381. Даюанс до этого был начальником штаба 13-го корпуса, 3-го танкового корпуса и 4-й армии в России (1941–1943 гг.).
 39. Martin Blumenson, “*Breakout and Pursuit*”, Office of the Chief of Military History, U. S. Army in World War II, The European Theater of Operations (Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 1961), p. 133 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Blumenson”).
 40. Speidel, p. 111. Текст ультиматума можно найти в книге Samuel W. Mitcham Jr., “*Rommel’s Last Battle: The Desert Fox and the Normandy Campaign*”, (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1984), p. 163–164.

ГЛАВА 9: ЗИГМУНД ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИСТ

1. Wistrich, p. 195, Moll, p. 114; Keilig, p. 207.
2. Moll, p. 114.

3. Taylor, pp. 377–378; Wistrich, p. 195.
4. Davidson, p. 544.
5. Carell, p. 544.
6. Guderian, p. 101.
7. O'Neill, p. 216; Taylor, p. 380.
8. Snyder, p. 212; Taylor, p. 171.
9. O'Neill, p. 216.
10. Taylor, pp. 226–227; 239–241.
11. Kennedy, ff.74, pp. 127–128.
12. Ellis 1940, p. 345.
13. Brett-Smith, p. 59.
14. Guderian, pp. 86–88.
15. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. I, p. 1122.
16. Guderian, p. 100.
17. DA “Pam 20–260”, pp. 70–80.
18. Ibid, pp. 81–82.
19. Ibid, pp. 86–89.
20. Ibid, pp. 91–94.
21. Ibid, pp. 94–96.
22. Irving 1977, pp. 226–227.
23. Ibid, p. 227.
24. Goralski, pp. 155–156; DA “Pam. 20–260”, pp. 102–112.
25. B. H. Liddell Hart, *“History of the Second World War”* (New York: G. P. Putnam’s Sons, 1972), vol. I, p. 137 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Hart 1972”).
26. DA “Pam 20–260”, p. 112.
27. Brett-Smith, p. 61. Вальтер Кунце, бывший командующий 6-й пехотной дивизии (1935–1938 гг.) и 24-го корпуса (1939–1941), был командующим 12-й армии и начальником штаба группы армий «Юго-Восток» с 29 октября 1941 года по 8 августа 1942 года. Позднее он занимал штабную должность в Берлине (1942–1945 гг.). В 1958 году он был еще жив и проживал в Детмольде. (Keilig, p. 193).
28. Earl F. Ziemke, “The German Northern Theater of Operations, 1940–1945”, United States Department of the Army “Pamphlet 20–271”, Office of the Chief of Military History (Washington, D. C.: United States Department of

- the Army, 1959), pp. 215–216 (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как “Ziemke 1959”).
29. DA “Pam 20–261a”, p. 180; Seaton, p. 275.
 30. Goralski, p. 226.
 31. Brett-Smith, p. 63.
 32. Seaton, pp. 280–282.
 33. Plocher MS 1942; Seaton, p. 282.
 34. Plocher MS 1942, цитирует Kurt von Tippelskirch, “Geschichte des Zweiten Weltkrieges”, p. 285.
 35. Walter Warlimont, “Inside Hitler’s Headquarters” (New York: Frederick A. Praeger, 1964), pp. 256–257; Seaton, pp. 285–286; “Kriegstagebuch des OKW”, vol. II, pp. 662–683; Davidson, pp. 342–343; DA “Pam 20–261a”, pp. 164–165.
 36. Keitel, pp. 181–182; Davidson, pp. 343–344; DA “Pam 20–261a”, p. 180; Plocher MS 1942. Ганс фон Грайффенберг был начальником штаба Лйста в 12-й армии с 1 января 1941 года по май 1941 года. 10 октября 1943 года он был назначен военным атташе в Будапеште. 1 апреля 1944 года ему присвоено звание генерала от инфантерии, и он являлся командующим немецкими войсками в Венгрии с апреля 1944 года до конца войны. Он умер в Кенигштайне в 1951 года. (Keilig, p. 114).
 37. Brett-Smith, p. 65; Snyder, p. 212; Wistrich, p. 195.

ГЛАВА 10: БАРОН МАКСИМИЛИАН ФОН ВЕЙХС

1. O’Neill, pp. 196–197; Brett-Smith, p. 170.
2. O’Neill, p. 197.
3. Ibid.
4. Guderian, p. 25; O’Neill, p. 197; Brett-Smith, p. 170.
5. Kennedy, ff. 74, pp. 100–103, 112.
6. Taylor, p. 324.
7. Plocher MS 1942; Taylor 1958, p. 156.
8. Ellis 1940, p. 345.
9. “Kriegstagebuch des OKW”, vol. I, p. 1122.
10. O’Neill, p. 47.

11. DA "Pam 20–260", pp. 39–41.
12. Ibid, pp. 37–39, 41. Тренировочную миссию 2-й армии взяла на себя 11-я армия.
13. Ibid, pp. 54–60.
14. Ibid, pp. 63–64.
15. "*Kriegstagebuch des OKW*", vol. I, pp. 1135–1136.
16. На 27 июня 1941 года они включали 12-й, 43-й, 9-й, 7-й, 13-й и 53-й корпуса (семнадцать пехотных дивизий и одну дивизию разведки) при трех пехотных дивизиях и одной разведдивизии в резерве. (Ibid).
17. Seaton, p. 125.
18. Lucas 1979, p. 176; Seaton, p. 130.
19. "*Kriegstagebuch des OKW*", vol. I, p. 1140.
20. Carell, pp. 140–141.
21. Brett-Smith, p. 171.
22. Irving 1977, p. 401.
23. Walter Goerlitz; "The Battle of Stalingrad 1942–1943", в кн. H. A. Jacobsen and J. Rohwer, eds., "*Decisive Battles of World War II: The German View*" (New York: G. P. Putnam's Sons, 1965), pp. 222–223 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "Goerlitz 1965").
24. Ziemke, pp. 38–39.
25. Goerlitz 1965, pp. 228–229.
26. Ziemke, pp. 34–35.
27. Clark, p. 241.
28. Ziemke, pp. 48–49.
29. Ibid, p. 49.
30. Ibid, p. 50.
31. Clark, p. 242.
32. Ziemke, p. 50.
33. Ibid.
34. Clark, p. 247.
35. Ziemke, pp. 52–53.
36. Ibid, p. 53.
37. Ibid, pp. 53–54.
38. Ibid, pp. 54–55.
39. Ibid, p. 68.
40. Irving 1977, p. 476; Ziemke, p. 81.
41. Ziemke, pp. 68–85.
42. Seaton, p. 344.

43. Ziemke, p. 86.
44. O'Neill, p. 197; Seaton, p. 347; Ziemke, p. 90.
45. "United States Department of the Army *"Pamphlet 20-243"*, "German Antiguerilla Operations in the Balkans (1941-1944)" Office of the Chief of Military History (Washington, D. C.: United States Department of the Army, 1954), p. 42 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "DA Pam. 20-243").
46. Ibid, p. 51.
47. Ibid, p. 46.
48. Christopher Chant, ed., *"The Marsha II Cavendish Illustrated Encyclopedia of World War II"* (New York: Marshall Cavendish Corporation, 1972), vol. 5, p. 1170 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Chant"); DA "Pam. 20-243", pp. 47-49.
49. DA "Pam. 20-243", pp. 47-49.
50. Ibid, pp. 50-59, 65-66.
51. Chant, vol. 7, pp. 1891-1892.
52. DA "Pam. 20-243", p. 68; Chant, vol. 7, p. 1893.
53. Chant, vol. 7, p. 1893.
54. Seaton, p. 497.
55. Guderian, pp. 331-332.
56. Snyder, p. 376; Moll, p. 252.
57. Guderian, p. 331.

ГЛАВА II: ФРИДРИХ ПАУЛУС

1. Friedrich Paulus Personnel Record, Air University Archives, Maxwell Air Force Base, Alabama (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как "Paulus Personnel Record").
2. Goerlitz 1974, p. 8.
3. Paulus Personnel Record.
4. Wistrich, p. 232; Goerlitz 1974, pp. 8-10.
5. Goerlitz 1974, pp. 10-12.
6. Ibid, pp. 14-17.
7. Goerlitz 1974, pp. 14-21; Kennedy, pp. 29-30. Эрих Хепнер был командующим 16-го моторизованного корпуса в 1939 году.
8. Ibid, pp. 21-25.

9. DA "Pam 20-261a", p. 182; Goerlitz 1974, p. 29; также см. Mitcham 1982.
10. DA "Pam 20-261a", pp. 14-19.
11. Shaw et al., p. 136.
12. DA "Pam 20-261a", p. 182; Goerlitz 1974, p. 29.
13. Shaw et al., p. 136.
14. Plocher MS 1942; "Kriegstagebuch des OKW", vol. II, p. 1367.
15. Plocher MS 1942.
16. Vasili I. Chuikov, "The Battle for Stalingrad" (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964), pp. 261-263 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "Chuikov").
17. Shaw et al., p. 124.
18. Ziemke, pp. 39-40; Shaw et al., p. 121; Seaton, p. 291.
19. Ziemke, pp. 40-41.
20. Seaton, pp. 293-294; Ziemke, p. 41.
21. Ziemke, p. 41; Shaw et al., p. 137.
22. Seaton, pp. 295-296.
23. Ziemke, pp. 41-43; Seaton, p. 296.
24. Seaton, p. 296.
25. Shaw et al., p. 138.
26. Goerlitz 1974, p. 65.
27. F. W. von Mellenthin, "German Generals of World War II" (University of Oklahoma Press, Norman: 1977), p. 112 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Mellenthin 1977"); Keilig, p. 370. Витерсхайм, командовавший 14-м корпусом с 1938 года, закончил войну рядовым в "Фольксштурме".
28. Ziemke, pp. 43-46.
29. Seaton, p. 297. На 15 ноября 1942 года 8-й корпус состоял из 113-й и 76-й пехотных дивизий; в 11-й корпус входили 384-я, 44-я и 376-я пехотные дивизии. В шестой армии не было резервных дивизий. ("Kriegstagebuch OKW", vol. II, p. 1386).
30. Irving 1977, pp. 436-437.
31. Это были 50-й, 162-й, 294-й, 366-й и 672-й инженерные батальоны (Chuikov, p. 246).
32. Ziemke, p. 46.
33. Ibid.

34. Shaw *et al.*, pp. 153–155; Ziemke, p. 46; Plocher MS 1942.
35. Ziemke, pp. 54–57; Plocher MS 1942; Seaton, p. 318.
36. Plocher MS 1942.
37. Ibid, p. 279.
38. James D. Carnes, “A Study in Courage: General Walther von Seydlitz “Opposition to Hitler”, (Ph. D. Dissertation, Tallahassee, Florida: Florida State University, 1976), pp. 2–3 (в дальнейшем ссылки на эту работу даются как “Carnes”).
39. Plocher MS 1942, цитирует Schroeter, “*Stalingrad*”, pp. 92–94. Также см. Manstein, p. 392.
40. Ziemke, p. 62.
41. Plocher MS 1942.
42. Chuikov, p. 254.
43. Manstein, pp. 332–334.
44. Ziemke, pp. 69–72.
45. Plocher MS 1942; Irving 1977, p. 477.
46. Irving 1973, p. 191.
47. Irving 1977, p. 478.
48. Plocher MS 1942.
49. Ibid.
50. Irving 1973, p. 195; Irving 1977, p. 478.
51. Ziemke, pp. 78–79; Plocher MS 1942. Шлемер до того командовал 3-й моторизованной пехотной дивизией, которая тоже была разгромлена под Сталинградом (Keilig, p. 302).
52. Ziemke, p. 79.
53. Seaton, p. 337, Ziemke, p. 79.
54. Чуйков, командующий 62-й армией во время Сталинградской битвы, писал, что это сражение стоило немецкому верховному главнокомандованию 1500000 потерь по “самым скромным подсчетам” (Chuikov, p. 263). Более реалистические цифры приводятся в книгах: Seaton, pp. 334–336; Ziemke, p. 69; Dupuy, p. 69; Irving 1977, p. 477; а также Fritz Morzik, “German Air Force Airlift Operations”, United States Air Force Historical Studies “*Number 167*” (Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University, 1961), p. 193.

55. Ziemke, p. 79.
56. Irving 1977, p. 654.
57. C. S. D. I. C. (U. K.) G. G. Report, interrogation of Lieutenant General Heinrich Kirchheim, 2 May 45. On file at the Air University Archives, Maxwell Air Force Base, Alabama.
58. Wistrich, p. 233; Plocher MS 1942; Goerlitz 1974, p. xii.

ГЛАВА 12: ЭРИХ ФОН МАНШТЕЙН

1. Irving 1977, p. 81.
2. B. H. Liddell Hart in "Foreword", Manstein, p. 13.
3. Guderian, p. 241.
4. David Downing, *"The Devil's Virtuosos"* (New York: St. Martin's Press, 1977; reprint ed., New York: Playboy Press Paperbacks, 1977), p. 15 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "Downing").
5. O'Neill, p. 193; Downing, pp. 15–16.
6. Manstein, p. 564; O'Neill, pp. 194–194.
7. O'Neill, pp. 193–194; Manstein, p. 564.
8. Cooper, p. 29; O'Neill, p. 39.
9. Manstein, pp. 564–565; O'Neill, pp. 193–194; Taylor, p. 210.
10. Kennedy, pp. 58–59.
11. Manstein, pp. 127–147, 175.
12. O'Neill, pp. 193–194.
13. Manstein, p. 175.
14. *"Kriegstagebuch des OKW"*, vol. I, p. 1137.
15. Carell, p. 288.
16. *"Kriegstagebuch des OKW"*, vol. I, p. 1139. Цифры взяты из Gen. St. H. Op. Abt. III, Pruef-Nr. 16–284, dated 3 Sep. 41.
17. Carell, p. 297.
18. Manstein, pp. 212–216; Seaton, pp. 297–302.
19. Manstein, pp. 216–221.
20. Brett-Smith, p. 224.
21. Manstein, p. 259; Carell, pp. 504–511; Plocher MS 1943; O'Neill, p. 194; Shaw *et al.*, pp. 36–39.
22. Manstein, pp. 268–269; Irving 1977, p. 418.
23. Manstein, pp. 270–272.

24. Dupuy, p. 69.
25. Carell 1971, p. 131.
26. Ziemke, pp. 74–75; Carell 1971, pp. 124–134.
27. Irving 1977, p. 483.
28. Carell 1971, pp. 204–205.
29. Irving 1977, p. 497.
30. Chant, vol. 5, p. 1187.
31. Ibid, pp. 1200–1201.
32. Carell 1971, pp. 320–321.
33. Wistrich, pp. 204–205.
34. Brett-Smith, p. 235.
35. Ziemke, pp. 162–163; Chant, vol. 5, pp. 1325–1327.
36. Chant, vol. 5, pp. 1205–1208; Ziemke, pp. 184–189.
37. Irving 1977, p. 595; Chant, vol. 5, pp. 1328–1330; также см. Manstein, pp. 504–505, здесь имеется интересное описание глаз Гитлера.
38. Irving 1977, pp. 597–598.
39. С. С. Д. И. С. (U. K.) S. R. G. G. 1135 (С.), протокол допроса, датированный 9 марта 1945 года. Командующий 53-м корпусом на Западном фронте, генерал фон Роткирх унд Трах, был схвачен в Битбурге 6 марта 1945 года.
40. Ziemke, pp. 231–238; Chant, vol. 5, p. 1335.
41. Chant, vol. 5, pp. 1342–1344; Ziemke, pp. 279–282.
42. Irving 1977, p. 616.
43. Brett-Smith, pp. 234–235; Hart 1972, vol. I, p. vi.
44. Wistrich, pp. 204–205.

ГЛАВА 13: ГЕОРГ ФОН КУХЛЕР

1. Brett-Smith, p. 94.
2. Keilig, p. 191.
3. “Georg von Kuechler”, *“Current Biography, 1943”* (New York: H. W. Wilson Company, 1944), pp. 412–413 (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как “Kuechler”); Brett-Smith, pp. 94–95; Taylor, p. 382; Moll, pp. 96–97.
4. Moll, pp. 97–97.
5. Kuechler, p. 413.
6. Keilig, p. 191; Brett-Smith, p. 94; Kuechler, pp. 412–413.

7. Kuechler, pp. 412–413.
8. Kennedy, ff. 74, Map 7.
9. Ibid, pp. 82–83, Map 8.
10. Ibid, pp. 93–100, 113, Map 10.
11. Winston S. Churchill, *“The Second World War”*, vol. 2, *“Their Finest Hour”* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1949), p. 39; Deighton, pp. 191–192; Ellis 1940, p. 345 приписывает 18-й армии 227-ю, 207-ю, 254-ю и 256-ю пехотные дивизии и 208-ю пехотную дивизию в резерве.
12. Ellis 1940, p. 40.
13. Kuechler, pp. 413–444.
14. Benoist-Mechin, p. 329; *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. I, p. 1122.
15. Brett-Smith, pp. 94–95.
16. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. I, p. 1129.
17. Ibid, p. 1137.
18. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. II, p. 1356; Seaton, pp. 242–243.
19. Plocher MS 1942.
20. Carell, pp. 431–441; Seaton, p. 246.
21. Plocher MS 1942; Carell, pp. 435–437.
22. Carell, pp. 431–444; Plocher MS 1942.
23. OB 1943, p. 294.
24. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. II, p. 1388.
25. Ziemke, pp. 111–112; Chant, vol. 5, pp. 1181–1182.
26. Ziemke, pp. 157, 197.
27. Seaton, pp. 390–391; *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. III, p. 1243.
28. Ziemke, pp. 197–198.
29. Ibid, p. 199.
30. Ibid, p. 200.
31. Ibid, pp. 202–204.
32. Carell, p. 246; Ziemke, p. 207.
33. Ziemke, p. 207.
34. Chant, vol. 5, p. 1356; Ziemke, p. 248.
35. Ziemke, pp. 249–250; Chant, vol. 5, pp. 1356–1358.
36. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. III, p. 1159; Seaton, p. 409.
37. Ziemke, pp. 250–251.

38. Ibid, pp. 251–253.
39. Ibid, pp. 253–254.
40. Seaton, p. 411; Ziemke, pp. 256–257.
41. Ziemke, pp. 257–258.
42. Ibid.
43. Brett-Smith, p. 98.
44. Kuechler, p. 414.
45. Goerlitz 1953, p. 359.
46. Ziemke, p. 249.
47. Brett-Smith, p. 98.
48. Plocher MS 1942.
49. Moll, p. 99.
50. Bertrum Delli, ed., *“Biography Index”* (September, 1976 – August, 1979) (New York: H. W. Wilson Company, 1980), p. 444.

ГЛАВА I4: ЭРНСТ БУШ

1. Carell 1971, p. 596.
2. Snyder, p. 47; Wistrich, p. 35; Moll, pp. 34–35.
3. Wistrich, p. 35; Moll, pp. 34–35; Snyder, p. 47.
4. Wistrich, p. 35.
5. Taylor, pp. 386–387.
6. Brett-Smith, p. 196; Taylor, pp. 386–387; Snyder, p. 47.
7. Kennedy, ff. 74, Maps 7, 9 и 10.
8. Guderian, p. 71.
9. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. I, p. 1123.
10. OB 1942, p. 159.
11. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. I, p. 1123.
12. Manstein, p. 248.
13. Carell 1971, pp. 249–251.
14. На 2 января 1942 года. (см. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. II, p. 1356).
15. Seaton, pp. 244–245; Carell 1971, pp. 371–418.
16. Ziemke, p. 113.
17. OB 1943, p. 294.
18. *“Kriegstagebuch des OKW”*, vol. III, p. 1157, сообщение датировано 4 октября 1943 года.
19. Seaton, p. 432.

20. Ziemke, p. 206.
21. Ibid, p. 193.
22. Seaton, p. 432.
23. Irving 1977, p. 647; Ziemke, pp. 311–312.
24. Ziemke, p. 313.
25. Hermann Gackenholtz, "The Collapse of Army Group Center" в книге H. A. Jacobsen and J. Rohwer, eds., *"Decisive Battles of World War II: The German View"* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1965), p. 360 (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как "Gackenholtz"); Ziemke, p. 313–314.
26. Ziemke, pp. 314–315.
27. Ibid, pp. 205, 315–316.
28. Gackenholtz, p. 360.
29. Chant, vol. 6, p. 1640.
30. Gackenholtz, p. 361.
31. Ibid, p. 365.
32. Chant, vol. 6, p. 1639.
33. Brett-Smith, pp. 196–197.
34. Gackenholtz, p. 369.
35. Carell 1971, pp. 575–577, 596–597.
36. Gackenholtz, pp. 368–369.
37. Carell 1971, p. 581.
38. Seaton, p. 436; Carell 1971, pp. 583–586, 596.
39. Gackenholtz, pp. 370–371.
40. Carell 1971, pp. 580, 597.
41. Brett-Smith, p. 197.
42. Carell 1971, pp. 595–597.
43. Chant, vol. 6, p. 1646.
44. Seaton, p. 442.
45. Chant, vol. 6, p. 1653.
46. Carell 1971, p. 596.
47. Snyder, p. 47.
48. Ziemke, p. 345.
49. Snyder, p. 47.
50. *"Kriegstagebuch des OKW"*, vol. I, p. 1147, сообщение датировано 30 апреля 1945 года.
51. Brett-Smith, p. 197; Wistrich, p. 35; Goralski, p. 403.
52. Irving 1973, p. 302; Brett-Smith, p. 197.

ГЛАВА 15: ГЕРД ФОН РУНДШТЕДТ

1. Guenther Blumentritt, *"Von Rundstedt: The Soldier and the Man"* (London: Odhams Press, Ltd.), pp. 14–16 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Blumentritt"). Блюментритт был начальником штаба у Рундштедта с 1942 года по июль 1944 года. Позднее он командовал 86-м корпусом (октябрь 1944 г.), 12-м корпусом СС (октябрь 1944 г. — январь 1945 г.) и был действующим командующим 25-й армии (январь-март 1945 г.). Он командовал 1-й воздушно-десантной армией в конце войны (Keilig, p. 38).
2. Wistrich, p. 261; Brett-Smith, p. 15; O'Neil, pp. 195–196. Рундштедт получил звание капитана в 1909 году.
3. Blumentritt, p. 19. Д-р фон Рундштедт скончался в 1948 или в 1949 году. Его отец, осужденный как военный преступник в 1948 году, был освобожден из заключения для встречи с умирающим сыном.
4. Wistrich, p. 261; Brett-Smith, p. 15; O'Neill, pp. 195–196.
5. Blumentritt, p. 21.
6. Ibid, pp. 21–22.
7. Wistrich, p. 261; Brett-Smith, p. 15; O'Neill, pp. 195–196.
8. Blumentritt, p. 22.
9. O'Neill, pp. 195–196.
10. Brett-Smith, p. 16; O'Neill, p. 195.
11. Brett-Smith, p. 17.
12. Irving 1978, p. 99.
13. Brett-Smith, p. 17.
14. Manstein, pp. 22–23; Kennedy, pp. 60–62; Irving 1978, p. 210.
15. Manstein, p. 23.
16. Ibid, p. 25 цитирует *"Seeckt, Aus Meinem Leben"* by General von Rabenau.
17. Manstein, pp. 69–70.
18. Milton Schulman, *"Defeat in the West"* (London: Martin Secker and Warburg, Ltd., 1947; reprint ed., New York: Ballantine Books, Inc., 1968), p. 72.
19. Brett-Smith, p. 18.

20. Harrison, p. 130.
21. DA "Pam 20-261a", pp. 38-39; Carell, p. 8.
22. Plocher MS 1941.
23. Lucas 1980, p. 86.
24. Lucas 1979, p. 176.
25. Seaton, p. 140.
26. Lucas 1980, p. 176.
27. Ibid.
28. Seaton, p. 149.
29. Seaton, p. 31.
30. Brett-Smith, p. 31; Seaton 1980, p. 172.
31. Irving 1977, p. 349.
32. Harrison, pp. 131-132.
33. Brett-Smith, p. 32.
34. Ibid, p. 40.
35. L. E. Ellis, "Victory in the West", vol. I, "The Battle of Normandy" (London: Her Majesty's Stationery Office, 1962), p. 59 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Ellis I").
36. Harrison, p. 141.
37. Irving 1977a, p. 29.
38. Cooper, p. 504.
39. Chester Wilmot, "The Struggle for Europe" (New York: Harper and Row, Publishers, 1952), p. 347 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Wilmot").
40. Ellis I, 321-322; Irving 1970, pp. 650-651.
41. Charles Whiting, "Bloody Aachen" (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1976; reprint ed., New York: Playboy Press Paperbacks, 1980), p. 180.
42. L. E. Ellis, "Victory in the West", vol. II, "The Defeat of Germany" (London: Her Majesty's Stationery Office, 1968), p. 123 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Ellis II").
43. См. Anthony Kemp, "The Unknown Battle: Metz, 1944" (Briarcliff Manor, N. Y.: Stein and Day, Publishers, 1981).
44. John S. D. Eisenhower, "The Bitter Woods" (New York: G. P. Putnam's Sons, 1969), pp. 179, 350 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Eisenhower").
45. Mitcham 1984, ff. 74.
46. Snyder, p. 303; Wistrich, p. 262

47. Kesselring, pp. 305–306.

48. Seaton 1980, p. 172.

ГЛАВА 16: ГЕНТЕР ФОН КЛУГЕ

1. Guenther von Kluge Personnel Record, Air University Archives, Maxwell Air Force Base, Alabama (в дальнейшей ссылке на этот источник даются как “Kluge Personnel Record”); Keilig, p. 174.
2. Chant *et al.*, p. 86; Wistrich, p. 173; Snyder, p. 197; O’Neill, p. 203, 211; Taylor, p. 382.
3. Taylor, p. 288; O’Neill, p. 217; Kluge Personnel Record.
4. Taylor, p. 288; Kluge Personnel Record.
5. Wistrich, p. 173.
6. Irving 1977, p. 5.
7. Kennedy, pp. 82–83; Irving 1977, p. 5.
8. Irving 1977, p. 121.
9. “*Kriegstagebuch des OKW*”, vol. I, p. 1136; Irving 1977, p. 305; Seaton 1980, pp. 43–45.
10. Seaton 1980, pp. 169–170.
11. Irving 1977, pp. 360–361.
12. Seaton 1980, p. 211.
13. Ibid, p. 245.
14. Plocher MS 1942.
15. Ibid.
16. Plocher MS 1942; Irving 1977, pp. 415–416.
17. Wistrich, p. 173.
18. Irving 1977, p. 538; Ziemke, p. 129.
19. Brett-Smith, p. 89; Irving 1977, p. 538.
20. Chant, vol. 5, pp. 1202–1203; Ziemke, pp. 139–144, 158–163.
21. Ziemke, p. 191.
22. Rommel, p. 481; Irving 1977a, p. 403.
23. B. H. Liddell Hart, “*The German Generals Talk*” (New York: Quill, 1979), pp. 246–248 (в дальнейшей ссылке на эту книгу даются как “Hart 1979”).
24. Ellis I, p. 361.
25. Herbert M. Mason, Jr. “*To Kill the Devil*” (New York: Pinnacle Books, 1974), pp. 170–171 (в дальнейшей ссылке на эту книгу даются как “Mason”).

26. Speidel, p. 116.
27. Mason, p. 171.
28. Ellis I, p. 372.
29. Wilmot, p. 389; Ellis I, p. 384.
30. Wilmot, p. 390.
31. Blumenson, p. 234.
32. Paul Carell, *"Invasion: They're Coming!"* (New York: E. P. Dutton, 1963; reprint ed., New York: Bantam Books, 1964), p. 235 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Carell 1964").
33. Blumenson, p. 234.
34. Wilmot, pp. 393–394.
35. Ibid, pp. 398–399.
36. Blumenson, p. 281; Chant, vol. 7, p. 1685.
37. Wilmot, p. 401.
38. Ellis I, pp. 412–413.
39. Irving 1977, p. 684.
40. Ellis I, p. 413.
41. Ellis I, pp. 413–415; Chant, vol. 7, pp. 1691–1693.
42. Irving 1977, p. 685.
43. Wilmont, pp. 417–18; Irving 1977, pp. 686–687.
44. Ellis I, p. 428.
45. Wilmont, p. 421; Ellis I, p. 432; Irving 1977, pp. 687–688.
46. Chant, vol. 7, p. 1700.
47. Alexander McKee, *"Last Round Against Rommel"* (New York: Signet Books, 1966), p. 328; Ellis I, pp. 447–448.
48. Irving 1977, p. 696.

ГЛАВА 17: ВАЛЬТЕР МОДЕЛЬ

1. Eisenhower, ff. 16.
2. Keilig, p. 228.
3. Mellenthin 1977, p. 147.
4. Eisenhower, ff. 16; Wistrich, p. 210; Moll, p. 137.
5. Wistrich, p. 210; Keilig, p. 174.
6. Keilig, p. 228.
7. Mellenthin 1977, p. 148.
8. Brett-Smith, p. 198; Wistrich, p. 210; Taylor, pp. 199–200; Carell, p. 17; Moll, p. 138.

9. Carell, p. 393.
10. Ibid.
11. Ibid, p. 398.
12. Mellenthin 1977, pp. 149–151.
13. Ibid, pp. 392–406.
14. Wistrich, p. 210; OB 1943, p. 210; Carell, p. 406.
15. Carell 1971, pp. 304–315; Plocher MS 1942 и 1943.
16. Ziemke, p. 128.
17. Irving 1977, pp. 513, 527; Ziemke, pp. 128–132; также см. Martin Caidin, *"The Tigers are Burning"* (New York: Hawthorn Books, 1974; reprint ed., New York: Pinnacle Books, 1975).
18. Ziemke, p. 135.
19. Carell 1971, pp. 6–28.
20. Chant, vol. 5, pp. 1192–1194; Plocher MS 1943.
21. Ziemke, pp. 139–141; Plocher MS 1943.
22. Ziemke, pp. 196, 212.
23. Ibid, pp. 257–261.
24. Ibid, pp. 257–265.
25. Ibid, pp. 265–266.
26. Ibid, pp. 288–289.
27. Chant, vol. 6, p. 1659.
28. Irving 1977, p. 679; Chant, vol. 6, pp. 1661–1666.
29. Wilmot, p. 435.
30. Ellis I, pp. 451–452.
31. Wilmot, p. 434.
32. Ibid, pp. 434, 460.
33. Goralski, pp. 340–342.
34. Ellis II, pp. 29–30.
35. Wilmot, pp. 501–503; Ellis II, p. 45.
36. Ellis II, pp. 46–47.
37. Irving 1977, p. 707.
38. Ellis II, pp. 34–35.
39. Ibid, pp. 31–50.
40. Ibid, pp. 48–50.
41. Ibid, p. 56.
42. Ibid, pp. 51–52.
43. Eisenhower, ff. 16.
44. Goralski, pp. 366–71; Wilmot, p. 608. Также см. John Toland, *"Battle: The Story of the Bulge"* (New York:

- Random House, 1959; reprint ed., New York: Signet, 1959) и Robert E. Merriam, *"The Battle of the Bulge"* (New York: Ballantine Books, 1957).
45. Brett-Smith, p. 200; Eisenhower, ff. 18.
 46. Wilmot, p. 673.
 47. Charles Whiting, *"Battle of the Ruhr Pocket"* (New York: Ballantine Books, 1970), pp. 10–11, 40–44 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "Whiting 1970").
 48. Ibid, p. 40.
 49. Charles B. MacDonald, *"The Last Offensive, U. S. Army in World War II, European Theater of Operations"* Office of the Chief of Military History, (Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 1973), p. 369 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как "Mac Donald 1973").
 50. Ibid, p. 372.
 51. Mellenthin 1977, p. 157.
 52. Whiting 1970, pp. 145–146.
 53. Goerlitz 1953, p. 494.
 54. Whiting 1970, pp. 145–146.
 55. Mac Donald 1973, p. 372.

ГЛАВА 18: ЭРВИН ФОН ВИЦЛЕБЕН

1. Brett-Smith, p. 208; Snyder, p. 382.
2. Keilig, p. 374.
3. O'Neill, pp. 197–198.
4. Ibid, p. 198.
5. Ibid, pp. 197–198.
6. Ibid.
7. Goerlitz 1953, p. 288; Hoffmann, pp. 25–27.
8. O'Neill, pp. 197–198.
9. Deutsch 1974, p. 36. Хазе командовал 46-й пехотной дивизией в Польше и Франции и недолгое время руководил 56-й пехотной дивизией (сентябрь–ноябрь 1940 г.) С ноября 1940 года по 20 июля 1944 года он был комендантом Берлина.
В августе 1944 года он был повешен за участие в заговоре против Гитлера. Брокдорф-Алефельдт руко-

- водил 23-й пехотной дивизией (март 1938 г. — 1 июня 1940 г.), а с июня 1940 года командовал 28-м корпусом. Он принял на себя командование 2-м корпусом 21 июня 1940 года и руководил им до начала 1943 года. Самым знаменитым сражением, в котором он участвовал, было сражение в “Демянском котле”. Освобожденный от командования по болезни, граф фон Брокдорф-Алефельдт скончался в Берлине в 1943 году. (Keilig, p. 52 и 128).
10. Hoffmann, pp. 43–44.
 11. См. Heinz Hoehne, “*Canaris*” (Garden City, N. Y.: Doubleday and Company, Inc., 1979). В этой книге читатель найдет биографию адмирала Канариса и историю немецкого Сопротивления.
 12. Wheeler-Bennett, p. 407.
 13. Pierce Galante, “*Operation Valkyrie: The German Generals Plot Against Hitler*” (New York: Harper and Row, 1981), p. 66 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Galante”).
 14. Wheeler-Bennett, pp. 407–409, 420.
 15. Hoffmann, p. 255.
 16. Wheeler-Bennett, pp. 420–421.
 17. Deutsch 1978, p. 41.
 18. Goerlitz 1953, p. 391.
 19. Deutsch 1978, p. 44.
 20. Wheeler-Bennett, p. 485; Deutsch 1978, pp. 239–240.
 21. Harrison, p. 130.
 22. Ibid, p. 131.
 23. Hoffmann, p. 627.
 24. Ibid, p. 479.
 25. Ibid, pp. 451–462, 666.
 26. Galante, p. 24.
 27. Ibid.
 28. Hoffmann, pp. 497–498.
 29. Wheeler-Bennett, p. 681.
 30. Wistrich, p. 343.
 31. Hoffmann, p. 682.
 32. Ibid, p. 683.
 33. Galante, p. 233.
 34. Hoffmann, p. 684.

ГЛАВА 19: ФЕРДИНАНД ШЕРНЕР

1. Wistrich, p. 277.
2. Mellenthin 1977, p. 175.
3. Lucas 1980, p. 247.
4. Goerlitz 1953, p. 443.
5. Mellenthin 1977, p. 173.
6. Ibid.
7. Brett-Smith, pp. 201–202; Mellenthin 1977, p. 175; Moll, p. 170.
8. Mellenthin 1977, pp. 175–176.
9. Snyder, p. 313.
10. Goerlitz 1953, p. 443; Moll, p. 170.
11. Moll, p. 170; Lucas 1980, p. 247.
12. Kennedy, pp. 106–107.
13. Ziemke 1959, p. 329.
14. Mitcham 1985, p. 339.
15. DA “Pam 20–260”, pp. 88–89.
16. Mitcham 1985, p. 339.
17. Ziemke 1959, p. 147; Carell, pp. 459–462.
18. Carell, pp. 463–466; Ziemke 1959, p. 326, 329. Дитль, баварец по происхождению, получил звание генерал-полковника 1 июня 1942 года и командовал 20-й горно-гренадерской армией до своей гибели в авиакатастрофе 23 июня 1944 года. (Keilig, p. 70).
19. Ziemke 1959, pp. 245–246.
20. Ziemke, p. 240.
21. Chant, vol. 5, p. 1338; Ziemke, pp. 240–241.
22. Carell 1971, pp. 448–449; Ziemke, p. 242.
23. Ziemke, pp. 242–243.
24. Carell 1971, pp. 448–449; Ziemke, p. 242.
25. Mellenthin 1977, p. 180.
26. Brett-Smith, p. 203; Irving 1977, p. 616.
27. Irving 1977, p. 612.
28. Ziemke, p. 348.
29. Ibid, p. 291.
30. Chant, vol. 5, pp. 1354–1355; Ziemke, pp. 291–292.
31. Chant, vol. 5, p. 1355.
32. Irving 1977, pp. 626–627; Ziemke, p. 293.
33. Ziemke, p. 295; Chant, vol. 5, p. 1356.

34. Plocher MS 1943.
35. Ziemke, p. 346.
36. Ziemke, p. 335; Chant, vol. 6, pp. 1656–1657.
37. Seaton, pp. 477–483.
38. Chant, vol. 6, p. 1656.
39. Ziemke, p. 342.
40. Seaton, p. 457.
41. Ibid, p. 523.
42. Seaton, p. 523.
43. Irving 1977, p. 706.
44. Ziemke, pp. 404–405.
45. Ibid, pp. 405–406.
46. Chant, vol. 7, pp. 1850–1853; Ziemke, pp. 407–409; Seaton, pp. 525–526.
47. Irving 1977, pp. 730–731.
48. В конце войны Фитингоф командовал группой армий “С” в Италии, а Рендулич руководил группой армий “Остмарк” (ранее “Юг”) в Австрии. Хильперт умер в советском лагере для военнопленных в 1946 году. (Keilig, p. 142).
49. Brett-Smith, pp. 203–204; Seaton, p. 539; Ziemke, p. 415.
50. Ziemke, p. 417.
51. Ibid, p. 423. В последние недели войны Смило фон Лютвиц командовал 85-м корпусом на южном участке Западного фронта (Keilig, p. 212).
52. Juergen Thorwald *“Defeat in the East”* (New York: Pantheon Books, 1951; reprint ed., New York: Bantam Books, 1980), p. 177 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Thorwald”).
53. Ibid, p. 50.
54. Ziemke, p. 442; Thorwald, pp. 52–60.
55. Seaton, p. 560.
56. Ziemke, p. 473.
57. Irving 1977, pp. 719, 819; Ziemke, pp. 474–486.
58. Irving 1977, 819.
59. Thorwald, pp. 276–280; Ziemke, p. 498.
60. Фридрих фон Штауффенберг сообщил автору этой книги в личной беседе 5 августа 1985 года.
61. Ibid.

62. Thorwald, pp. 276–280; Ziemke, p. 498.
63. Clark, pp. 276–280; Wistrich, p. 278; Snyder, p. 313; Brett-Smith, p. 204.

ГЛАВА 20: МАРШАЛЫ ЛЮФТВАФФЕ

1. Генерал Хельмут фон Фолькман также командовал легионом “Кондор” (с ноября 1937 г. по ноябрь 1938 г.). Вскоре после этого он ушел из люфтваффе, но в 1939 году возвратился на военную службу в качестве генерала от инфантерии. В 1940 году он погиб в автомобильной катастрофе.
2. Irving 1973, p. 334.
3. “General Officers of the German Air Force”, Maxwell Air Force Base, Air University Archives, рассекреченный документ, датированный 22 сентября 1972 года. (в дальнейшем ссылки на этот источник даются как “GAF Gen. Officers”); Moll, p. 245.
4. Ibid.
5. Великолепное описание итальянской кампании дается в кн. W. G. F. Jackson *“The Battle of Italy”* (London: Batsford, Ltd., 1967); Brian Harpur *“The Impossible Victory: A Personal Account of the Battle of the Po River”* (New York: Hippocrene Books, 1981) и Fred Majdalany *“The Battle of Cassino”* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1957). Американские и британские официальные источники также довольно интересны. Это, прежде всего, книги таких авторов, как Блюменсон, Фишер, Гарланд, Смит и Линклейтер. Список этих работ приводится в библиографии.
5. Kesselring, p. 265.
6. Kenneth Macksey, *“Kesselring: The Making of the Luftwaffe”* (New York: David McKay, Co., 1978), p. 231 (в дальнейшем ссылки на это издание даются как “Macksey”).
7. Подробности этого зверства (или репрессий) можно найти в кн. Robert Katz *“Death in Rome”* (New York: Macmillan Company, 1967) (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Katz”).
8. Macksey, p. 243; Kesselring, pp. 365, 374.

9. Brett-Smith, p. 243; Kesselring, pp. 365, 374.
10. Katz, p. 199.
11. GAF Gen. Officers.
12. Brett-Smith, p. 132–133; Wistrich, p. 105; GAF Gen. Officers.
13. Matthew Cooper, *“The German Air Force: 1933–1945”* (London: Jane’s Publishing Company, 1981), p. 4 (в дальнейшем ссылки на эту книгу даются как “Коопер 1981”).
14. Adolf Galland, K. Ries и R. Ahnert *“The Luftwaffe at War, 1939–1945”*, David Monday, ed. (Chicago: Henry Regency Company, 1972), p. 243.
15. Snyder, p. 127.
16. Karl Doenitz, *“Memoirs: Ten Years and Twenty Days”* (Cleveland and New York: World Publishing Company, 1959), pp. 430–474.
17. Ibid, p. 454.

BIBLIOGRAPHY

- Anders, Wladyslaw. *Hitler's Defeat in Russia*. Chicago: Henry Regnery Company, 1953.
- Benoist-Mechin, Jacques. *Sixty Days That Shook the West: The Tall of Trance*. New York: G. P. Putnam's, 1963.
- Bethell, Nicholas, and the Editors of Time-Life Books. *Russia Besieged*. Volume 6, World War 11, Time-Life Books. Alexandria, Virginia: Time-Life Books, 1980.
- Blumenson, Martin. *Breakout and Pursuit*. United States Army in World War 11, The European Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, United States Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1961.
- _____. *Salerno to Cassino*. United States Army in World War 11, Mediterranean Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1969.
- Blumentritt, Gunther. *Von Rundstedt: The Soldier and the Man*. London: Odham's Press, 1952.
- Brett-Smith, Richard. *Hitler's Generals*. San Rafad, California: Presi- dio Press, 1977.
- Beaulieu, W. Chales de. *Def Vorstoss derPanzer Grupyei auf Leningrad*. Neckargemuend: Kurt Vowinckel, 1961.
- Caidan, Martin. *The Tigers Are Burning*. New York: Hawthorn Books, Inc., 1974. Reprint ed., New York: Pinnacle Books, 1975.
- Carell, Paul. *The Foxes of the Desert*. New York: Bantam Books, 1972 (originally published by E. P. Dutton, New York, 1960).
- _____. *Hitler Moves East, 1941-1943*. New York: Bantam Books, 1966 (originally published by Little, Brown and Company, Boston, 1965).
- _____. *Invasion: They're Coming!* New York: Bantam Books, 1964 (originally published by E. P. Dutton, New York, 1963).
- _____. *Scorched Earth: The Russian-German War, 1943-1944*. New York: Ballantine Books, 1971 (originally published by Little, Brown and Company, Boston, 1966).

- Carnes, James D. "A Study in Courage: General Walther von Seydlitz' Opposition to Hitler." Tallahassee, Florida: Ph.D. Dissertation, Florida State University, 1976.
- Carver, Michael. *ElAlamein*. New York: The Madnillan Company, 1962.
- Chandler, David G. *Dictionary of the Napoleonic Wars*. New York: Madnillan Publishing Company, 1979.
- Chant, Christopher, Richard Humble, William Fowler, and Jenny Shaw. *Hitler's Generals and Their Battles*. New York: Chartwell Books, Inc., 1976.
- Chant, Christopher, ed. *The Marshall Cavendish Ulustrated Encyclope- dia of World War II*. New York: Marshall Cavendish Corpora- tion, 1972.
- Chapman, Guy. *Why France Fell: The Defeat ofthe Trench Army in 1940*. New York: Rinehart and Winston, 1968.
- Churchill, Winston S. *The Second World War*. Volume 2: *Their Tinst Hour*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1949.
- dark, Alan. *Barbarossa: The Russian-German Conflict, 1941–1945*. New York: William Morrow and Company, 1965.
- Cole, Hugh M. *TheArdennes: Battle of the Bulge*. United States Army in World War II, The European Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1965.
- _____. *The Lorraine Campaign*. United States Army in World War II, The European Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1950.
- Cooper, Matthew. *The German Air Force, 1933–1945*. London: Jane's Publishing Company, Ltd., 1981.
- _____. *The German Army, 1933–1945*. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1978.
- Davidson, Eugene. *The Trial of The Germans*. New York: The Maemillan Company, 1966.
- Davis, C. R. *Von Kleist: From Hussar to Panzer Marshal*. Houston, Texas: Lancer Militaria, 1979.
- Deighton, Len. *Blitzkrieg: From the Rise of Hitler to the Fall of Dunkirk*. New York: Alfred A. Knopf, 1979.
- _____. *Fighter*. New York: BaHantine Books, 1979 (originally published by Alfred A. Knopf, New York, 1977).
- Delli, Bertrum, ed. *Biographical Index*. Volume 11 (September, 1976 August 1979). New York: H. W. Wilson Company, 1980.

- Deutsch, Harold C. *The Conspiracy Against Hitler in the Twilight War*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1978.
- _____. *Hitler and His Generals: The Hidden Crisis, January-June 1938*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1974.
- Doenitz, Karl. *Memoirs: Ten Years and Twenty Days*. Cleveland and New York: World Publishing Company, 1959.
- Douglas-Home, Charles. *Rommel*. London: Excalibur (originally published by Saturday Review Press, New York, 1973).
- Downing, David. *The Devil's Virtuosos*. New York: Playboy Press Paperbacks, 1980 (originally published by St. Martin's Press, Inc., New York, 1977).
- Drum, Karl. "The German Air Force in the Spanish Civil War." United States Air Force Historical Studies. Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama: United States Air Force Historical Division, Aerospace Studies Institute, Air University, 1965.
- Dupuy, T. N. and Paul Marten. *Great Battles on the Eastern Front*. Indianapolis/New York: Bobbs-Merrill Company, Inc., 1982.
- Eisenhower, John S. D. *The Bitter Woods*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1969.
- Ellis, L. E. *Victory in the West*, Volume 1: *The Battle of Normandy*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1962.
- _____. *Victory in the West*, Volume 11: *The Defeat of Germany*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1968.
- _____. *The War in France and Flanders, 1939-1940*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1953.
- Esposito, Vincent J., ed. *A Concise History of World War II*. New York: Frederick A. Praeger, Publishers, 1964.
- Fisher, Ernest F., Jr. *Cassino to the Alps*. United States Army in World War II, Mediterranean Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1977.
- Fromm, Bella. *Blood and Banquets*. New York: Harper and Row, 1942.
- Gackenholtz, Hermann. "The Collapse of Army Group Center in 1944." *Decisive Battles of World War II: The German View*. H. A. Jacobsen and J. Rowher, eds. New York: G. P. Putnam's Sons, 1965: pp. 355-383.
- Galante, Pierre. *Operation Valkyrie: The German Generals' Plot Against Hitler*. New York: Harper and Row, 1981.
- Galland, Adolf, K. Ries, and R. Ahnert. *The Luftwaffe at War, 1939-1945*. David Mondey, ed. Chicago: Henry Regnery Company, 1972.

- Garland, Albert N. and Howard McG. Smyth. *Sicily and the Surrender of Italy*. United States Army in World War II, The Mediterranean Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1965.
- "General Officers of the German Air Force." Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama: Air University Archives. Declassified document dated 22 Sep 72. "General Ritter von Greim." Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama: Air University Archives. Declassified Document EO 11652.
- Gilbert, G. M. *Nuremberg Diary*. New York: Signet Books, 1961 (originally published by Farrar, Straus and Cudahy, Inc., New York, 1947).
- Goebbels, Joseph. *The Goebbels Diaries*. Louis P. Lochner, ed. New York: Universal-Award House, Inc., 1971 (originally published by Doubleday and Company, Inc., Garden City, N.Y., 1948). Goerlitz, Walter. "The Battle of Stalingrad" Hans-Adolf and J. Rohwer, eds. *Decisive Battles of World War II: The German View*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1965: pp. 355-383.
- _____. *History of the German General Staff, 1657-1945*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1975 (originally published by Praeger Publishers, New York: 1953).
- _____. *Paulus and Stalingrad*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1974.
- Goralski, Robert. *World War II Almanac, 1931-1945*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1981.
- Goutard, A. *The Battle of France, 1940*. New York: Ives Washburn, Inc., 1959. Gudlerian, Heinz. *Panzer Leader*. New York: Ballantine Books, 1967 (originally published by E. P. Dutton, New York, 1957).
- Gundelack, Karl. "The Battle for Crete 1941." *Decisive Battles of World War II: The German View*. H. A. Jacobsen and J. Rowher, eds. New York: G. P. Putnam's Sons, 1965: pp. 99-133.
- Harpur, Brian. *The Impossible Victory: A Personal Account of the Battle of the Po River*. New York: Hippocrene Books, Inc., 1981.
- Harrison, Gordon A. *Cross-Channel Attack*. United States Army in World War II, European Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1951.
- Hart, B. H. Liddell. *The German Generals Talk*. New York: Quill, 1979.

- _____. *History of the Second World War*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1972.
- Hassell, Ulrich von. *The Von Hassell Diaries, 1938–1944*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1979.
- Hoehne, Heinz. *Canons*. Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc., 1979.
- Hoffmann, Peter. *The History of the German Resistance, 1–1933–1945*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1977.
- Huebsch, Norbert A., Jr. "Field Marshal Werner von Blomberg and the Politicization of the Wehrmacht." Cincinnati, Ohio: Ph.D. Dissertation, University of Cincinnati, 1981.
- Irving, David. *Hitler's War*. New York: The Viking Press, 1977.
- _____. *The Rise and Fall of the Luftwaffe: The Life of Field Marshal Erhard Milch*. Boston: Little, Brown and Company, 1973.
- _____. *The Trail of the Fox*. New York: Thomas Congdon Books, E. P. Dutton, 1977.
- _____. *The War Path: Hitler's Germany, 1933–1939*. New York: Viking Press, 1979.
- Jacobsen, Hans-Adolf and J. Rohwer, eds. *Decisive Battles of World War II: The German View*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1965.
- Jacobsen, Hans-Adolf, ed. *July W, 1944*. Bonn: Federal German Government Press and Information Office, 1969.
- Jackson, W. G. F. *The Battle for North Africa*. New York: Mason/Charter, 1975.
- _____. *The Battle for Rome*. New York: Charter, 1969.
- Katz, Robert. *Death in Rome*. New York: Pyramid Books, 1968 (originally published by The Macmillan Company, New York, 1967).
- Keegan, John. *Waffen SS: The Asphalt Soldiers*. New York: BaHantine Books, Inc., 1970.
- Keilig, Wolf. *Die Generale des Heeres*. Friedberg: Podzun-Pallas Verlag, 1983.
- Keitel, Wilhelm. *In the Service of the Reich*. Walter Goerlitz, ed. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1966.
- Kemp, Anthony. *The Unknown Battle: May 1944*. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1981.
- Kennedy, Robert M. *The German Campaign in Poland (1939)*. United States Department of the Army Pamphlet 20–255. Washington, D.C.: Department of the Army, 1956.
- Kershaw, Andrew, and Ian Close, eds. *The Desert War*. New York: Marshall Cavendish Promotions, Ltd., 1975.

- Kesselring, Albert. *Kesselring: A Soldier's Record*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1970.
- Kriegstagebuch des Oberkommando des Wehrmacht (Wehrmachtfuehrungsstab)*. Frankfurt-am-Main: Bernard and Graefe Verlag fur Wehrwesen, 1961.
- "Georg von Kuechler." *Current Biography*. New York: H. W. Wilson Company, 1980.
- Leeb, Ritter Wilhelm von. *Defense*. Dr. Stefan T. Possony and Daniel Vilfroy, trans. Harrisonburg, PA: Military Service Publishing Company, 1943.
- Linklater, Eric. *The Campaign in Italy*. London: His Majesty's Stationery Office, 1951. Lucas, James. *Alpine Elite: German Mountain Troops of World War II*. London: Jane's, 1980.
- _____. *War on the Eastern Front*. New York: Bonanza Books (originally published by Stein and Day, Publishers, Briarcliff Manor, N.Y., 1979).
- MacDonald, Charles B. *The Last Offensive*. United States Army in World War II, European Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, United States Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1973.
- _____. *The Siegfried Line Campaign*. United States Army in World War II, European Theater of Operations. Office of the Chief of Military History, United States Department of the Army. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1963.
- McKee, Alexander. *Last Round Against Rommel*. New York: Signet Books, 1966.
- Macksey, Kenneth. *Kesselring: The Making of the Luftwaffe*. New York: David McKay Company, Inc., 1978.
- Majdalny, Fred. *The Battle of Cassino*. New York: Ballantine Books, 1958 (originally published by Houghton Mifflin Company, Boston, 1957).
- Manstein, Erich von. *Lost Victories*. Novato, California: Presidio Press, 1982 (originally published as *Verlorene Siege*, Athenaum-Verlag, Bonn, 1955).
- Manvell, Robert, and Heinrich Fraenkel. *The Men Who Tried to Kill Hitler*. New York: Coward-McCann, 1964. Reprint ed., New York: Pocket Books, 1966.
- Mason, Herbert M., Jr. *To Kill the Devil*. New York: W. W. Norton and Company, Inc., 1978.
- Mellenthin, Frederick Wilhelm von. *German Generals of World War Two*. Norman: University of Oklahoma Press, 1977.

- _____. *Panzer Battles*. New York: BaHantine Books, 1976 (originally published by the University of Oklahoma Press, 1956).
- Merriam, Robert E. *The Battle of the Bulge*. New York: BaHantine Books, 1957 (originally published as *Dark December* by Ziff-Davis Publishing Company, 1947).
- Mitcham, Samuel W., Jr. *Hitler's legions: The German Army Order of Battle, World War II*. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1985.
- _____. *Rommel's Desert War*. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1982.
- _____. *Rommel's Last Battle*. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1983.
- _____. *Triumphant Fox: Erwin Rommel and the Rise of the Afrika Korps*. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1984.
- Moll, Otto E. *Die deutschen Generalfeldmarschälle, 1.939–1945*. Rastatt/ Baden: Erich Pabel Verlag, 1961.
- Molony, C. J. C. *History of the Second World War*. Volume V: *The Mediterranean and Middle East*. London: His Majesty's Stationery Office, 1966.
- Morzik, Fritz. "German Air Force Airlift Operations." United States Air Force Historical Studies Number 1.67. Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University, 1961.
- Mosley, Leonard. *The Reich Marshal: A Biography of Hermann Goering*. New York: Doubleday and Company, Inc., 1974.
- O'Neil, Robert J. *The German Army and the Nazi Party, 1933–1939*. New York: James H. Heineman, Inc., 1966.
- Personnel Records of Ewald von Kleist, Ritter Wilhelm von Leeb, and Friedrich Paulus. Maxwell Air Force Base: Air University Archives, n.d.
- Playfair, I. S. O. *The Mediterranean and Middle East*. Volume III: *British Fortunes Reach Their Lowest Ebb*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1960.
- Playfair, I. S. O., and C. J. C. Molony. *The Mediterranean and Middle East*. Volume IV: *The Destruction of the Axis in Africa*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966.
- Plocher, Hermann. "The German Air Force Versus Russia, 1941." United States Air Force Historical Studies Number 153. United States Air Force Historical Division, Aerospace Studies Institute. Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama: Air University, 1965.
- _____. "The German Air Force Versus Russia, 1942." United States Air Force Historical Studies Number 154. United

- States Air Force Historical Division, Aerospace Studies Institute. Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama: Air University, 1965.
- _____. "The German Air Force Versus Russia, 1943." United States Air Force Historical Studies Number 155. United States Air Force Historical Division, Aerospace Studies Institute. Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama: Air University, 1965. Rommel, Erwin. *Attacks*. Vienna, Virginia: Athena Press, Inc., 1979 (originally published in Germany as *Infantry in the Attack*, 1936).
- _____. *The Rommel Papers*. B. H. Liddell Hart, ed. New York: Harcourt, Brace and Company, 1953.
- Ruge, Friedrich. "The Invasion of Normandy," in H. A. Jacobsen and J. Rohwer, *Decisive Battles of World War II: The German View*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1965: pp. 317-349.
- Ryan, Cornelius. *The Last Battle*. New York: Popular Library, 1975 (originally published by Simon and Schuster, Inc., New York, 1966).
- _____. *The Longest Day*. New York: Popular Library, 1975 (originally published by Simon and Schuster, Inc., New York, 1959).
- Salisbury, Harrison E. *The 900 Days: The Siege of Leningrad*. New York: Harper and Row, Publishers, 1969.
- Schlabrendorff, Fabian von. *Revolt Against Hitler*. Gero V. S. Gaevernitz, ed. London: Eyre and Spottiswoode, 1948. Reprint ed., New York: AMS Press, 1948.
- Schmidt, Heinz W. *With Rommel in the Desert*. New York: Ballantine Books, 1968 (originally published by George G. Harrap and Company, Ltd., New York, 1951).
- Schneider, Franz, and Charles Gullans. *Last Letters From Stalingrad*. New York: New American Library, 1961.
- Stauffenberg, Friedrich von. "Panzer Commanders of the Western Front." Unpublished manuscript, n.d.
- _____. Personal communication, 1985.
- Seaton, Albert. *The Battle for Moscow*. New York: Playboy Press Paperbacks, 1981 (originally published by Stein and Day, Publishers, Briarcliff Manor, New York, 1980).
- _____. *The Russo-German War, 1941*. New York: Praeger Publishers, 1970.
- _____. *The German Army, 1933-1945*. New York: St. Martin's Press, 1982. Reprint ed., New York: New American Library, 1985.
- Shaw, John, and the Editors of Time-Life Books. *Red Army Resurgent*. Volume 20, World War II, Time-Life Books. Alexandria, Virginia: Time-Life Books, 1979.

- Shirer, William L. *Berlin Diary*. New York: Alfred A. Knopf, 1941.
- _____. *The Rise and Fall of the Third Reich*. New York: Simon and Schuster, 1960.
- Shulman, Milton. *Defeat in the West*. London: Martin Seeker and Warburg, 1947; reprint ed., New York: BaHantine Books, 1963.
- Snyder, Louis L. *Encyclopedia of the Third Reich*. New York: McGrawHill Book Company, 1976.
- Spiedel, Hans. *Invasion: 1.944*. New York: Paperback Library, Inc., 1968 (originally published in the United States by Henry Regnery Company, New York, 1950).
- Strawson, John. *The Battle for North Africa*. New York: Bonanza Books, 1969.
- Suchenwirth, Richard. "Command and Leadership in the German Air Force." United States Air Force Historical Studies Number 174. United States Air Force Historical Division, Aerospace Studies Institute. Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama: Air University, 1969.
- Sydnor, Charles W., Jr. *Soldiers of Destruction: The SS Death's Head Division, 1933–1945*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1977.
- Taylor, Telford. *Sword and Swastika: Generals and Nazis in the Third Reich*. Chicago: Quadrangle Paperbacks, 1969 (originally published by Simon and Schuster, New York, 1952).
- _____. *The March of Conquest*. New York: Simon and Schuster, 1958.
- Thorwald, Juergen. *Defeat in the East*. New York: Bantam Books, 1980 (originally published in English by Pantheon Books, 1951).
- Toland, John. *Adolf Hitler*. New York: BaHantine Books, 1977 (originally published by Random House, New York, 1976).
- _____. *Battle: The Story of the Bulge*. New York: Signet, 1959 (originally published by Random House, New York, 1959).
- United Kingdom C.S.D.I.C. G.G. (Interrogation) Reports. On file at the Historical Research Center, Air University Archives, Maxwell Air Force Base, Montgomery, Alabama.
- United States Department of the Army *Pamphlet 20–243*. "German Antiguerrilla Operations in the Balkans (1941–1944)." Office of the Chief of Military History. Washington, D.C.: United States Department of the Army: 1954.

- United States Department of the Army *Pamphlet* 20-260. "The German Campaigns in the Balkans (Spring, 1941)." United States Army Military History Division. Washington, D.C.: United States Department of the Army, 1953.
- United States Department of the Army *Pamphlet* 20-261fl. "The German Campaign in Russia - Planning and Operations." United States Army Military History Division. Washington, D.C.: United States Department of the Army, 1955.
- United States Military Intelligence Service. "Order of Battle of the German Army." Washington, D.C.: United States War Department General Staff, October 1942.
- _____. "Order of Battle of the German Army." Washington, D.C.: United States War Department General Staff, April 1943.
- _____. "Order of Battle of the German Army." Washington, D.C.: United States War Department General Staff, February 1944.
- _____. "Order of Battle of the German Army." Washington, D.C.: United States War Department General Staff, February 1945.
- Warlimont, Walter. "The Decision in the Mediterranean 1942." *Decisive Battles of World War II: The German View*. H. A. Jacobsen and J. Rohwer, eds. New York: G. P. Putnam's Sons, 1965: pp. 185-215.
- _____. *Inside Hitler's Headquarters*. New York: Frederick A. Praeger, 1964.
- Wheeler-Bennett, John W. *The Nemesis of Power: The German Army in Politics, 1-918-1945*. London: Maemillan and Company, 1964.
- Whiting, Charles. *Battle of the Ruhr Pocket*. New York: BaHantine Books, 1970.
- _____. *Bloody Aachen*. Briarcliff Manor, New York: Stein and Day, Publishers, 1976.
- Wilmot, Chester. *The Struggle for Europe*. New York: Harper and Row, Publishers, 1981.
- Wistrich, Robert. *Who's Who in Nazi Germany*. New York: Maemillan Publishing Company, 1982.
- Young, Desmond. *Rommel: The Desert Fox*. New York: Harper and Row, Publishers, 1965.
- Ziemke, Earl F. *Battle for Berlin*. New York: Ballantine Books, 1968.
- _____. "The German Northern Theater of Operations, 1940-1945." United States Department of the Army *Pamphlet* 20-

271. Office of the Chief of Military History. Washington, D.C.: United States Department of the Army, 1959.

_____. *Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East*. United States Department of the Army, Office of the Chief of Military History. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1966.

С о д е р ж а н и е

Введение	7
Глава 1	
Вернер фон БЛОМБЕРГ	21
Глава 2	
Вальтер фон БРАУХИЧ	59
Глава 3	
Эвальд фон КЛЕЙСТ	103
Глава 4	
Вальтер фон РЕЙХЕНАУ	145
Глава 5	
Риттер Вильгельм фон ЛЕЕБ	171
Глава 6	
Федор фон БОК	200
Глава 7	
Вильгельм КЕЙТЕЛЬ	223
Глава 8	
Эрвин РОММЕЛЬ	242
Глава 9	
Зигмунд Вильгельм ЛИСТ	265
Глава 10	
Барон Максимилиан фон ВЕЙХС	283
Глава 11	
Фридрих ПАУЛЮС	306

Глава 12	
Эрих фон МАНШТЕЙН	332
Глава 13	
Георг фон КЮХЛЕР	352
Глава 14	
Эрнст БУШ	371
Глава 15	
Герд фон РУНДШТЕДТ	389
Глава 16	
Гюнтер фон КЛЮГЕ	408
Глава 17	
Вальтер МОДЕЛЬ	434
Глава 18	
Эрвин фон ВИЦЛЕБЕН	460
Глава 19	
Фердинанд ШЕРНЕР	472
Глава 20	
Маршалы люфтваффе	495
Приложение I	
Соответствие офицерских званий	505
Приложение II	
Германские части, их численность и командный состав	506
Приложение III	
Характеристики некоторых танков противоборствующих армий	507
Приложение IV	
Наименование штабных должностей и их сокращение	508
Примечания	509
Библиография	554

Сэмюель Митчем

**ФЕЛЬДМАРШАЛЫ
ГИТЛЕРА И ИХ БИТВЫ**

Ответственный редактор А. А. Жеребилов
Технический редактор Е. В. Михалкина

Подписано в печать 11.03.98. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать
офсетная. Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 31,5. Уч.-изд. л. 24,87.
Тираж 15 000 экз. Заказ 490.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
Лицензия ЛВ 34 от 29.08.97.
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

**В 1998 ГОДУ ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ»
НАЧИНАЕТ ВЫПУСК НОВОЙ КНИЖНОЙ СЕРИИ**

«МИР В ВОЙНАХ»

*Биографии знаменитых полководцев
и воспоминания простых солдат,
военные авантюры
и деятельность спецслужб,
заговоры и перевороты –
это и многое другое
нашло свое отражение
на страницах книг
НОВОЙ СЕРИИ*

«МИР В ВОЙНАХ»

- ЭТО новые, ранее неизвестные факты,
основанные на подлинных документах
- ЭТО уникальная информация для тех,
кто увлекается военной историей,
политикой, мемуаристикой
- ЭТО судьбы людей, стран и всего
человечества в наиболее драматичные
периоды истории

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВУЮ КНИЖНУЮ СЕРИЮ

«ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА»

Твердый целлофанированный переплет, формат (84X108, 1/32),
в среднем объем одной книги 400–600 страницы

*О всемирно известных знаменитостях, ставших мифами,
легендами и феноменами своих эпох читайте
на страницах книг из этой серии.*

Д. ТОМАС «МАРКИЗ ДЕ САД»

Книга Дональда Томаса рассказывает о жизни и творчестве маркиза де Сада – противоречивой и одиозной личности, чье имя стало нарицательным и дало название одному из направлений психопатологии. Его произведения считали литературным курьезом и явлением сексуальной патологии в девятнадцатом веке, его объявили апостолом анархического своеволия и предтечей сюрреализма – в двадцатом.

Автор рассматривает де Сада в контексте эпохи Великой французской революции и его книг, являвшихся зеркальным отражением причудливого и извращенного воображения легендарного маркиза.

О. СТЮАРТ «РУДОЛЬФ НУРИЕВ»

Книга Отиса Стюарта – подробное и увлекательное жизнеописание Рудольфа Нуриева, целых три десятилетия безраздельно царствовавшего в мире классического танца. Этого блистательного балетного танцовщика неизменно отличали жажда жизни, вечное стремление к свободе творчества и артистического самовыражения, экстравагантность и любовь к роскоши. Перед читателем предстают наиболее значимые и драматические события жизни Нуриева – нищее детство, первые годы работы в Кировском театре, бегство на Запад, стремительный взлет к вершине всемирной славы.

Д. СПОТО «ГОЛУБОЙ АНГЕЛ»

Марлен Дитрих по праву считается самой шикарной женщиной XX столетия. За свою шестидесятилетнюю артистическую карьеру она создала на экране неповторимый образ женской загадочной чувственности и неземной красоты. Книга Дональда Спото рисует правдивый портрет этой очаровательной кинозвезды и рассказывает о малоизвестных эпизодах ее биографии. Читатель перенесется из космополитического Берлина двадцатых годов на съемочные площадки Голливуда, с фронтов II мировой войны на эстрадные подмостки Европы и Америки послевоенных десятилетий.

Твердый целлофанированный переплет, формат (84X108, 1/32),
в среднем объем одной книги 400–600 страницы

Это уникальные исследования отечественных и зарубежных историков, основанные на документальных фактах и ранее не публиковавшихся секретных материалах, о личностях, оказавших влияние на ход мировой истории.

Н. А. Зенькович «Маршалы и генсеки»

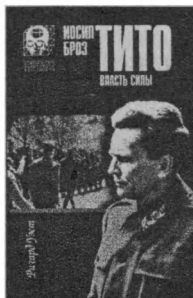
Почему повесился маршал Ахромеев? Стремился ли в военные диктаторы Жуков? В чем вина Берии? За что расстреляли маршала Кулика? Готовил ли Тухачевский заговор против Сталина? Вел ли самостоятельную линию Фрунзе? Ответы на эти и многие другие вопросы можно найти в этой книге, написанной на основе новых, закрытых прежде для исследователей архивных источников. Они переворачивают привычные представления о судьбах видных советских военачальников, их взаимоотношениях с генсеками.

А. Шпеер «Воспоминания»

Альберт Шпеер (1906–1981) – известный деятель Третьего рейха, руководитель военной промышленности в 1942–45 гг., осужденный Нюрнбергским трибуналом как один из главных военных преступников.

В своих мемуарах, принадлежащих к числу самых поучительных политических документов XX в., Шпеер рассчитывается со своим прошлым, с собственной совестью. История Шпеера – одаренной личности в услужении зла – жестокий урок для многих поколений.

Р. Уэст «Иосип Броз Тито: власть силы»

Книга британского писателя и журналиста Р. Уэста знакомит читателя с малоизвестными страницами жизни Иосипа Броз Тито, чья судьба оказалась неразрывно связана с исторической судьбой Югославии и населяющих ее народов. На основе нового фактического материала рассказывается о драматических событиях 1941–1945 годов, конфликте югославского лидера со Сталиным, развитии страны в послевоенные годы и назревании кризиса, вылившегося в кровавую междоусобицу 90-х годов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКУЮ СЕРИЮ

«OMNIBUS REBUS» («ОБО ВСЕМ»)

Твердый целлофанированный переплет, формат (84X108, 1/32),
в среднем объем одной книги 450–640 страницы

Эти книги адресованы тем, кто желает открыть для себя новый мир знаний и кому интересны загадки и малоизвестные события истории, феномены и явления, лежащие за гранью привычных представлений об окружающей действительности.

Читателям предлагаются уникальные сведения, в основе которых обширный и разносторонний материал, почерпнутый из мифологии, этнографии, криминалистики, парапсихологии, социологии.

Д. Р. Нэш «Убийцы XX века»

В этой необычной энциклопедии собраны описания многочисленных сенсационных случаев, в которых представлены практически все виды тяжких преступлений. На ее страницах читатель найдет портреты самых разных типов убийц: мужчин и женщин, взрослых и детей, богатых и бедных.

По словам автора, цель настоящего издания – помочь людям лучше осознать серьезность проблемы массовой преступности.

Ли Дэвис «Природные катастрофы»

Энциклопедия Ли Дэвиса состоит из 12 разделов, повествующих о природных катастрофах и стихийных бедствиях, обрушивавшихся на человечество на протяжении многих столетий. Автор рассматривает наиболее известные случаи извержения вулканов, наводнений, ураганов и эпидемий, которые сопровождалась самыми драматическими последствиями. Рекомендуются широкому кругу читателей.

А. Аксельрод, Ч. Филлипс «Диктаторы и тираны»

Эта книга даст вам возможность взглянуть на историю сквозь призму жизнеописаний диктаторов, тиранов, деспотов самых различных эпох и народов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИЖНУЮ СЕРИЮ

«ЖЕНЩИНА-МИФ»

Твердый целлофанированный переплет, формат (84X108, 1/32),
в среднем объем одной книги 450–640 страницы

Биографии этих женщин часто напоминают увлекательный авантурный роман. Их боготворили. Им подражали. За каждым их шагом, за каждым дыханием, следил весь мир. Природный талант, неотразимое обаяние, неземная красота помноженные на силу характера и трудолюбие делали их незабываемыми и неповторимыми личностями.

В. Федорова «Дочь адмирала»

Книга Виктории Федоровой, написанная в соавторстве с Гэскелом Фрэнклом, напоминает голливудский сценарий фильма со счастливым концом: молодая русская актриса встречается с отцом-американцем, которого никогда в жизни не видела. Однако полная история жизни двух русских женщин – Зои и Вики Федоровых – куда сложнее.

История любви американского военного и русской актрисы, дорого заплатившей за мгновения счастья, в свое время облетела весь мир и вот наконец вернулась к российскому читателю.

К. Келли «Жаклин»

Биография Жаклин Бувьё Кеннеди Онассис – некогда первой леди Америки, жены президента США Дж. Ф. Кеннеди, затем вдовы мультимиллионера Аристотеля Онассиса – была полна драматических событий. Эта красивая и обаятельная женщина постоянно находилась в центре внимания мировой общественности и средств массовой информации. Автор живо и увлекательно повествует о своей героине, подробности жизни которой неизменно вызывают всеобщий интерес.

Н. Мордюкова «Не плачь, казачка»

Книга воспоминаний замечательной русской актрисы, всенародно любимой и почитаемой, Нонны Викторовны Мордюковой.

Воплотившая в своих ролях лучшие черты целых поколений русских женщин, Мордюкова и сама прожила нелегкую трудовую жизнь, пройдя путь от колхозной девчонки из казачей станицы до актрисы, чье имя значится в списке десяти лучших в мире. Теперь она предстает перед своими почитателями в новом качестве – писателя. Воспоминания Мордюковой искренни, открыты, талантливы. Особый интерес представляют фотографии из архива актрисы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИЖНУЮ СЕРИЮ

«ЖЕНЩИНА-МИФ»

Твердый целлофанированный переплет, формат (84X108, 1/32),
в среднем объем одной книги 450–640 страницы

Д. Щеглов «Любовь и маска»

Одна из первых «звезд» советского киноэкрана – Любовь Орлова много лет была символом успеха, счастья и удачи «великой эпохи», ее олицетворением и мифом. Но что таилось за ослепительной улыбкой вечно молодой женщины, чем пришлось ей заплатить за свою «звездную» жизнь, чем пожертвовать?

О легендарной жизни первой «синтетической звезды» и яркой судьбе самой любимой актрисы Сталина рассказывает эта книга.

А. Уолкер «Вивьен Ли»

Недолгая, но яркая жизнь Вивьен Ли вместила очень многое: любовь близких, обожание поклонников, богатство и мировую славу. В книге известного британского кинокритика А. Уолкера рассказывается о судьбе этой блистательной актрисы, создавшей на экране удивительные, забываемые женские образы. Ее героини из фильмов, ставших классикой мирового кинематографа, – «Унесенные ветром», «Леди Гамильтон», «Мост Ватерлоо», – до сих пор волнуют зрителей неповторимым своеобразием артистической индивидуальности актрисы.

П. Дюкло, Ж. Мартен «Эдит Пиаф»

Потрясающий природный дар, успех, достигнутый безо всяких усилий, тиранический характер, бесчисленные любовные связи, скандалы, алкоголь, наркотики – все это неразрывно связано с именем Эдит Пиаф в расхожих представлениях обывателей. Где граница между правдой и вымыслом? Это и пытаются определить авторы первой полной и объективной биографии певицы, основанной на достоверных фактах и документальных материалах.

По вопросам приобретения книг, сотрудничества, а также
с пожеланиями и предложениями обращаться:

Офис издательства в Смоленске: 214016, ул. Соболева, д. 7, "Книга – почтой", фирма «Русич»
тел.: (0812) 51-41-00, 51-46-98, 51-40-87, 51-41-27 (редакция), факс: (08122) 3-75-55.

Магазин-бибколлектор – тел.: (08122) 9-15-96.

Санкт-Петербург: фирма «Русич-Сан» тел.: (812) 589-12-23.

Москва: 129626, 3-я Мытищинская улица, д. 16, корп. 47, 9 этаж,

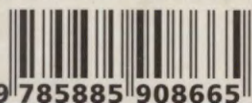
тел.: (095) 284-10-54,

тел./факс: (095) 284-10-56.

Кто такой Федор фон Бок? Какую роль в становлении гитлеровской военной машины играли Вильгельм фон Лееб, Вильгельм Кейтель и другие высшие командующие фашистской армии? На эти и многие другие вопросы дает ответ эта книга, в которой собраны жизнеописания 25 фельдмаршалов «третьего рейха». На суд читателей представляется уникальное исследование человеческой природы тех, кто развязал самую кровавую войну в истории человечества.

ISBN 5-88590-866-4

9 785885 908665